

Известия Смоленского государственного университета

Ежеквартальный журнал
№4

Смоленск
2008

Редакционный совет

Е.В. Козин (*Смоленск, председатель*), А.Г. Егоров (*Смоленск, зам. председателя*),
Н.А. Богомолов (*Москва*), В.Д. Будаев (*Санкт-Петербург*),
Х. Духхардт (*Майнц, ФРГ*), А.Л. Журавлёв (*Москва*),
Э.Г. Кирьяцкий (*Вильнюс, Литва*), В.И. Кузицин (*Москва*),
В.Я. Лыкова (*Смоленск*), К.В. Макаров (*Москва*),
М.А. Можейко (*Минск, Республика Беларусь*), Р. Маннинг (*Бостон, США*),
М.А. Розов (*Москва*), А.П. Сманцер (*Минск, Республика Беларусь*),
З.А. Харитончик (*Минск, Республика Беларусь*),
В.А. Холоднов (*Санкт-Петербург*), Е.А. Шмидт (*Смоленск*)

Редакционная коллегия

А.Г. Егоров (*гл. редактор*), И.В. Романова (*зам. гл. редактора*),
Р.В. Белютин (*отв. секретарь*), В.С. Баевский, М.Ю. Гильденков, Ю.А. Грибер,
В.П. Дьяконов, С.П. Евдокимов, Ю.Е. Ивонин, О.В. Козлов, Н.Д. Круглов,
Г.С. Меркин, К.М. Расулов, Н.П. Сенченков, Г.Г. Сильницкий, А.В. Славин,
В.А. Сонин

Редакционно-издательский отдел

214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4,
Смоленский государственный университет
телефон: (4812)383157
E-mail: rectorat@sci.smolensk.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕРМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

- Глушак Т.С.* Конструкция перечисления в создании структуры художественного текста. 5
- Нюбина Л.М.* Память, воспоминания и текст. 12
- Сильницкий Г.Г.* Исторические драмы Шекспира 28
- Краморенко Г.И.* Современная лингвистика и молодежный язык: проблемы и перспективы (на материале исследований молодежного языка Германии) 47
- Белютин Р.В.* Пространственные метафоры ментального мира 58
- Сильницкий А.Г.* Квантитативные показатели таксономических функций семантических признаков в иерархической классификации английских «ретроспективных» глаголов 67

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

- Радионова А.В.* От лирики к роману: образные и мотивные парадигмы в творчестве Б. Пастернака 80
- Тараненко Е.В.* Космогонические мифологемы в современном кинематографе 103
- Горбачевский Ч.А.* Документальная художественность рассказов «Посылка» В.Т. Шаламова и «Саночки» Г.С. Жженова 111
- Васильев Е.М.* М.А. Пейсахович – исследователь русской строфики 116

РУССКИЙ ЯЗЫК

- Картавенко В.С.* Системная организация топонимической лексики 125

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Гвоздева И.А., Никишин В.О.* Римские граждане и чужеземцы в «имперском мышлении» и классическом праве Древнего Рима. 132
- Ходин А.А.* Встреча в Ульвсбеке 1629 года шведского короля Густава II Адольфа и датского монарха Кристиана IV 149
- Носов Б.В.* Проблема «упадка Речи Посполитой» и разделов Польши в историографии 1918–1939 годов 158
- Алентьева Т.В.* Усиление антирабовладельческой республиканской риторики накануне Гражданской войны (1856–1861). 164

<i>Щелчкова Т.А.</i> «Радзивилловская» или «Смоленская» летопись?	174
<i>Беспалёнок Е.Д.</i> Участие вяземских купцов во внешней торговле России в XVII–XVIII веках.	179
<i>Никитина Н.В.</i> Новые данные о работе «класса коммерческих наук» при Смоленской губернской гимназии в начале XIX века	189
<i>Красильников И.Б.</i> Система образования и культуры в Смоленской области в предвоенный период	193

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Воронцов А.В.</i> Социология в системе социогуманитарных наук	202
<i>Сухова Е.Е.</i> Особенности перехода на многоуровневую систему высшего образования в Федеративной Республике Германии	206

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

<i>Дидук И.А.</i> А.С. Макаренко о проблеме воспитания ответственности	214
<i>Лещук Н.С.</i> Роль рекламы в инкультурации российских школьников на современном этапе.	219
<i>Гужва И.В.</i> К проблеме системного взаимодействия студент – преподаватель в рамках современного образовательного пространства	227
<i>Давыдкина М.А., Волкова И.В.</i> Развитие ценностных отношений у студентов вуза	232
<i>Рамазанова И.В.</i> Диагностика исследования представлений о материнстве у молодых женщин (на примере женщин русского этноса и женщин народов Дагестана).	239
Сведения об авторах	249
Содержание журнала «Известия Смоленского государственного университета» за 2008 год	251
Информационное письмо	258

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕРМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Т.С. Глушак

*Минский государственный
лингвистический университет*

УДК 811.11

КОНСТРУКЦИЯ ПЕРЕЧИСЛЕНИЯ В СОЗДАНИИ СТРУКТУРЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Ключевые слова: *перечисление; перечислительный ряд; линейная структура; лексико-семантическая вариативность; блок смысла; количественная эквивалентность; количественный перевес; малая и большая дозировка.*

Перечисление как явление функционального плана языка относится к области экспрессивного синтаксиса. Оно регулярно взаимодействует с повтором, синтаксическим параллелизмом и другими средствами стилистики. Формируется по принципам количественной эквивалентности, количественного равновесия, малой и большой дозировки информации. Образует смысловой блок, синтаксически занимая одну позицию в предложении.

Перечисление как явление функционального плана языка относится к области экспрессивного синтаксиса. Оно регулярно взаимодействует с повтором, синтаксическим параллелизмом и другими средствами стилистики. Формируется по принципам количественной эквивалентности, количественного равновесия, малой и большой дозировки информации. Образует смысловой блок, синтаксически занимая одну позицию в предложении.

Освещаемое в статье явление перечисления нельзя считать незамеченным лингвистами, но и частым объектом их внимания оно не являлось. Кроме упоминаний в изданиях по стилистике, ему специально посвящались лишь немногочисленные исследования на уровне кандидатских диссертаций [10; 7; 12]. Но не только этим мотивирован выбор темы для данной статьи, а главным образом непосредственной актуальностью явления в ракурсе лингвистики текста.

Представляя собой функционально-коммуникативно обусловленное единство отражения определенного содержания, текст обладает своими глобальными признаками, называемыми категориями текста, в перечне которых, при всем различии подходов лингвистов, находятся информативность, связность, интенциональность, линейность, членимость, интертекстуальность и др. [16]. Текст всегда соотнесен с какой-то разновидностью дискурсивной деятельности – типом или жанром дискурса, хотя представляет межтекстовые связи не только в континууме конкретного дискурса, но и в широком пространстве культуры, отражаемом всеми текстами по их вертикальному и горизонтальному измерениям. Языковые средства, которые служат формированию структурно-семантического единства текста, относятся ко всем уровням языковой системы – грамматическому, лексическому, стилистическому и др. Благодаря их совместному действию компоненты текста оказываются «взаимными, взаимообусловленными» [9, 53]. Но при этом в каждом отдельном тексте или типе текстов преобладает значимость тех или иных средств создания его структуры, что соотносится с типовыми чертами функциональных стилей, представляющих соответствующие сферы коммуникации и отражаемых типами текстов. В художественном тексте функциональный стиль взаимодействует к тому же с индивидуально-авторскими стилями.

Предметом данного рассмотрения является выстраивание внутритекстовой связности с участием перечисления как синтактико-стилистического явления, которое выполняет свою текстообразующую роль. В силу упорядоченной линейной структуры перечислительный ряд способен обеспечивать поступательное движение информации, семантическая же емкость ряда обуславливает наращивание смысла. Это сигнализируется не столько перечислением как таковым, сколько лексико-семантической вариативностью в нем компонентов, призванной формировать через многогранность единый блок смысла, который бы задерживал на себе внимание адресата текстовой информации.

Информационный блок перечислительной конструкции является структурно-синтаксической точкой зрения группой в одной позиции предложения, включающей вместе со своим смысловым заданием в поддержание внутритекстового ритма, что отчетливо выражается интонационным контуром перечисления. Интонация имплицитно взаимодействует как с синтаксическим, так и с лексико-семантическим планами предложения. Эффект этого взаимодействия компенсирует недостаточную эксплицитность определенных типов семантической связи, когда их явное отсутствие как бы возмещается соответствующей интонационной схемой перечислительного ряда. На письме это же выполняет пунктуация: пунктуационные знаки способны обеспечивать требуемое качество информации в перечислительной конструкции, так как они могут задаваться коммуникативной интенцией автора. Если запятые или точки помещают компоненты конструкции в равноправные отношения, проявляя интегративную функцию, то двоеточие при эксплицитно выраженном объединительном компоненте указывает на родовидовые отношения внутри перечислительной конструкции, реализуя в ней детализирующе-разъединительную функцию, и т.д.

В общей связи невозможно обойти явление повтора. Известно, что повтором маркируется формирование определенного смыслового стержня в контексте, а перечисление, выстраиваясь по принципу своеобразного повтора, как бы размещает узлы в его каркасе. При конвергенции обоих этих явлений, тем более при взаимодействии еще и с другими синтаксико-стилистическими средствами внутри текста, например, с синтаксическим параллелизмом, образуемый узел уже совмещает в себе структурно-композиционный, логико-смысловый и стилистический аспекты. Приводимый ниже фрагмент текста раскрывает образование подобного узла:

Zum ersten Mal war es die Frau, die sich entzog, er sollte ständig auf eine Begegnung mit ihr gefaßt sein, in dieser Stadt, die sich aus lauter Zonen zusammensetzte, Zonen ohne Ränder und dennoch für sich. *Es gab den bewachsenen Platz und die Curry-Wurstbude an der Ecke*, wo die Ausfallstraße zur Avus und nach Staaken vorbeizog und wo die Käufer abends Schlange standen, *es gab die Vorortstraße mit Birken* auf den verwilderten Mittelstreifen und Kopfsteinpflaster in der Sonne, *es gab das rote Licht auf dem Kirchturm*, über den die letzte Maschine hinwegdröhnte, eine Flucht von Einkaufsläden, von deren Auslagen einzige Sonntagsbummler in die Kälte gegen das Glas hauchten, die schleppernde Klingel über der Tür eines Trödel Ladens, den leer geräumten Supermarkt mit einem Podest Punkbands, einem Cola- und einem Bierautomaten, U Bahn eingänge, Taubenscheße auf dem Trottoir unter der Stadtbahnbrücke, *es gab Bushaltestände*, die muffigen Foyers von Studiokinos, Kneipen mit Böllerofen oder weißgekachelt im Neonlicht: Überall konnte er Uta begegnen [19, 250-251].

В рамках фрагмента эксплицитно выступает параллелизм синтаксического построения ряда предложений (повторяющаяся конструкция с «es gab»), четко выстраивающий повествовательную линию. В ней перечисления и становятся узлами или семантико-синтаксическими опорами. При этом они несут дополнительную семантическую нагрузку, так как вводят в стержень информации актуальные смысловые компоненты. На примере приведенного фрагмента достаточно очевидно то, что взаимодействие синтаксического параллелизма с лексическими перечислениями, семантически расширяя объем информации, вызывает в то же время эффект нарастания эмоционального напряжения в содержании. Фактически дополнительная информация необходима здесь, чтобы отразить глубину чувств изображаемого лица, тот факт, насколько его умом и сердцем завладело другое лицо (девушка).

Особого внимания заслуживает вопрос о соотношении между элементами содержания и количественным объемом выражающих их именовании, что лингвисты определяют термином «принцип количественной эквивалентности» [6, 301-314]. При этом имеется в виду, что если элементы перечисления отличаются несложным синтаксическим оформлением и топикально обусловленными наименованиями при сходных количественных характеристиках, то отчетливо выстраивается и воспринимается содержательно и ритмически упорядоченное целое. Например:

Strohhalme *tänzelten, wirbelten, drehten* sich kokett und *schwammen* ahnungslos dem Verderben der Kanalgitter zu. Ich lief nicht, sie aufzuhalten. Immer dachte ich, daß ich es doch tun mußte. *Der Regen, die Harmlosigkeit des Strohhalms, das Kanalgitter und ich* gehörten zusammen. Vielleicht war *auch noch der Notariatschreiber* dabei. *Der Regentag war grau schaffiert der Strohalm ertrank, das Kanalgitter verschluckte ihn, der Notariatschreiber stocherte schirmüberdacht durch die Gasse.* Und ich hätte eigentlich laufen müssen, den Strohalm retten. Jedes in der Welt hat seine Aufgabe [17, 261].

Нетрудно видеть, что структура всего фрагмента формируется на основе конвергенции повторов и перечислений, включаемых в однотипные цепочки сравнительно просто выстроенных в топикально соотнесенных высказываниях по закону синтаксического параллелизма. Автор как бы постепенно, ритмично, шаг за шагом раскрывает свое видение ситуации и места в ней каждого.

Оппозицию принципу равномерного выстраивания образует принцип количественного перевеса, который выражается в нарастании объема компонентов с «нечеткой делимитацией значений, их частичным перекрыванием и наслаиванием» [6, 303]. В перечислительных конструкциях этот принцип находит свое выражение в случаях, когда каждый последующий компонент несет новую, часто коннотативно окрашенную информацию при общей топикальной соотнесенности, что особенно явно проступает в реализации дистанцированного расположения компонентов перечислительного ряда:

Aus den fahlen Lumpen ragte reglos, geräuschlos ein Gesicht: breit, von braunen Zotteln umfranst, bleich, unförmig, verquollen, *dicke Lippen*, die offen standen, wie zum Schrei geformt, *Augen*, die nichts Menschliches hatten und keinen Schimmer von Begreifen, aber auch nicht wie Tieraugen, nicht wie Glasaugen, nicht wie Totenaugen – *solche Augen*, wie alle drei sie kannten, *die Augen* des besinnungslos wütenden Schmerzes. Gleich darauf wölbte sich der ganze Bettberg langsam, aber krampfhaft hoch, *eine Decke* fiel herunter, *ein Stück Leib, ein Stück nackte Schulter* stieß hervor, *das Gesicht* fiel in Schatten, *Haarflechten* flackerten wild – und ausbrechend, austobend wie der schreckliche, brüllende, schnaubende Schrei. Dann Stille. Beklemmend [20, 86].

В этом текстовом фрагменте принцип количественного перевеса проявляется за счет нерегулярности оформления перечислительных компонентов, т.е. вариантов их морфологического и синтаксического выражения, их семантической разницы, хотя, тем не менее, реализуется общее наращивание конструкций. При этом очевидно, что активно взаимодействуют, дополняя друг друга, перечисления и повторы в доминантной конструкции синтаксического параллелизма.

Художественные тексты также используют принцип малой дозировки информации. В перечислительных конструкциях он проявляется в форме цепочечного соединения, например, однословных компонентов, простых односоставных или двусоставных предложений, не осложненных дополняющими или распространяющими членами. В результате экононого синтаксического построения содержание обретает лаконичность, четкость и конкретность. Таков следующий фрагмент текста:

«*Ich will überhaupt kein Geld*», sagte die Amme. «*Ich will den Bastard aus dem Haus haben*». «Aber warum denn, liebe Frau?» sagte Terrier und fingerte weiter in dem Henkelkorb herum. «*Er ist doch ein allerliebstes Kind. Er sieht rosa aus, er schreit nicht, er schläft gut, und er ist getauft*». «Er ist vom Teufel besessen»» [18, 278].

В основе фрагмента лежит диалог. Он представлен малыми информационными дозами с двух сторон. Диалог создается последовательностью кратких предложений, с максимальным динамизмом, а стержнем выстраивания всей структуры оказывается антитеза – положительная аргументация одного и отрицательная аргументация другого участника общения. Характерным в построении является взаимодействие перечислений, охватываемое синтаксическим параллелизмом с участием анафоры.

В противоположность вышеназванному принципу в текстах действует и принцип большой дозировки информации, отличающейся обилием развернутых синтаксических построений, вставок парентетического характера, присоединений. Сами перечислительные ряды могут отличаться дистантным расположением компонентов. Его суть состоит в том, что цепочки перечисляемых компонентов прерываются актуальными (с точки зрения формирующегося смысла) включениями и добавлениями, нарушающими линейность конструкции, но ведущими к расширению ее смысла. Например:

Er sah das weinrote, tiefblaudurchbänderte Geleucht eines Makropoden im Hochzeitsstaat, den Perlmutterglanz still schwärmender, zebrastreifiger Skalaras, die bebende, durchsichtig lichtgrüne Schweifspitze des kämpferischen Schwerträgers, das breitrunde, kauenede Maul des opalisierenden Mondfischs. Dahinter *die Vögel* in großen und kleinen Bauern. *Schmeterlingsfinken*, dutzendweise auf einer Stange zusammengeschiebt, mit himmelblauen und zartrosa Halsflecken, *Dompfaffen*, das schwarze Köpfchen selbstbewußt und mit liebenswürdigem Ernst über dem vorgewölbten schönroten Bauch und dem herrlichen Hellgrau des Rückens drehend, *eine chinesische Nachtigall*, aus glucksender Goldkehle schlagend, *klugäugige Schamadrosseln*, die sich schnalzend verbeugten, *ruhlose Stieglitze* mit bunt flitzendem Gefieder, *kobaltblaue Sittiche*, paarweise aneinandergerept und rastlos auf ihre Nachbarn und Mitbewohner schimpfend, und *einen großen, weißen gelbköpfigen Kakadu* der in das pausenlose Geschrille, das bis auf die Straßen zu hören war, ein immer gleiches, unverständliches Wort schrie [20, 121].

В приведенном фрагменте текста воссоздается атмосфера зоологического магазина при помощи нанизанных друг на друга развернутых перечислительных конструкций. Перечисления не столько описывают обитателей клеток, сколько передают многоцветие и многоголосие, царящие в магазине. Образуется живая картина одушевленных и неодушевленных предметов, звуков, красок, манер поведения, в воплощении которой важную роль играют вставки, разъединяющие перечислительный ряд и сплошь состоящие из оценочно характеризующих слов. Но общее движение перечислительного ряда выпукло отражает фактор линейной связности содержания. Позиционно важны при этом стыки предложений как своеобразные скрепы между отдельными составными частями информационно-

го потока. Именно совокупно с другими языково-стилистическими средствами перечислительные конструкции участвуют в смысловом сцеплении текста и продвижении его повествовательной линии.

Логично затронуть и вопрос об *актуальном членении*, через которое осуществляется включение отдельной предикации «в предметно-тематический контекст того или иного фрагмента» [2, 238]. Лингвисты сформулировали тезис о том, что функции элементов структурирования должны быть «так или иначе связаны с функциональной перспективой высказывания» [15, 114]. За счет совместной реализации перечислений с повтором достигается эффект акцентирования конкретного участка текста. Но и совместно, и по отдельности перечисление и повтор способны формировать коммуникативно-смысловой блок либо с выделением ранее сообщенной информации (области темы), либо с передачей новой информации (области ремы). Однако при разном семантическом наполнении перечислительных рядов они по-разному выполняют эту свою задачу. Перечисления с преобладанием логико-предметного содержания (субстантивные ряды) естественно продвигают повествование, широко представляя в нем связи «тема-рема». При перечислениях с преимущественно эмоциональным содержанием (синонимические ряды, градация) продвижение содержания с выпуклостью темы или ремы может проявляться в любом звене, означая подчеркнутую реализацию темы или, наоборот, ремы. Перечисления с сигнификативным содержанием (глагольные, адъективные перечислительные ряды) по большей части способствуют оформлению тематического узла информации, внося в него стилистико-смысловые нюансы. Можно говорить о специфике текстов с точки зрения разновидностей перечисления: текст (фрагмент текста) с развитой сетью тема-тематических связей несет в себе сниженный эмоциональный заряд; текст с подчеркнутостью темы способен создавать эффект выделения предмета речи вплоть до эмфазы; текст же с выделенностью ремы всегда насыщен экспрессивностью, и этот его фон то ослабляется, то усиливается при введении уточняющих, распространяющих или вставных элементов в структуру перечисления.

Установленная в основных реализационных свойствах специфика видов, а через них и всего перечисления позволяет считать текст явлением с потенциалом экспрессивного синтаксиса. Утверждению статуса этой области языкового функционирования посвящены, кроме немногочисленных статей и разделов в книгах по стилистике, недавно опубликованные специальные работы О.А. Костровой (на материале немецкого языка) [8] и Э.М. Береговской (на материале французского языка) [3], а также более ранние работы некоторых других лингвистов [1]. Хотелось бы особо констатировать, что направление экспрессивного синтаксиса успешно возглавляет по программе научных исследований Смоленского государственного университета профессор Эда Моисеевна Береговская, о чем свидетельствуют коллективные издания под ее руководством [14]. Проблематика экспрессивного синтаксиса разрабатывается и в Минском государственном лингвистическом университете [4; 5; 11; 13], представителем и научным руководителем разработок которой является автор данной статьи.

Enumeration as a phenomenon of functional sphere of language relates to the area of expressive syntax. It regularly interacts with repetition and syntactical parallelism and other stylistic means. It is formed according to the principles of quantitative equivalence, quantitative balance, small and high measuring (dosage/dose) of information. It creates a semantic unit (unit of meaning), syntactically occupying one position in the sentence.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. – М.: Наука, 1984.
2. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. – Л.: Просвещение, 1973.
3. Береговская Э.М. Очерки по экспрессивному синтаксису. – М.: Рохос, 2004.
4. Голикова Н.Н. Функциональные свойства присоединения в немецком языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Минск, 1986.
5. Иванова Т.Ф. Структурные свойства и функциональный статус пролепсиса в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Минск, 1990.
6. Кожевникова К.В. Формирование содержания и синтаксис художественного текста // Синтаксис и стилистика: сб. науч. трудов. – М., 1978.
7. Комаров А.А. Перечисление и его стилистические функции (на материале немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Алма-Ата, 1992.
8. Кострова О.А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка. – М.: Флинта, 2004.
9. Кухаренко В.А. Стилистическая организация художественного прозаического текста // Лингвистика текста: сб. науч. трудов. – Вып. 103. – М., 1976.
10. Левитова В.А. Лингвистическая природа и функционально-стилистические приемы перечисления (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 1977.
11. Нестерук И.Ф. Структурно-семантическая организация и стилистический потенциал номинативных предложений в художественном текстообразовании (на материале немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Минск, 2003.
12. Примак В.В. Структурные формы и функции перечисления в текстовой организации современного немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Минск, 2003.
13. Самолетова Р.С. Структурно-семантические свойства и функционально-стилистический статус парентезы в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Минск, 1980.
14. Синтаксические фигуры: коллективная монография. – Смоленск: Изд-во СГУ, 2007.
15. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского языка. – Томск: Изд-во ТГУ, 1981.
16. Glušač T.S., Mirskij A.A. Deutsche Textlinguistik von heute. – Minsk: MSLU, 2006.
17. Roth J. Berlin erzählt. 19 Erzählungen. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verl., 1991.
18. Süßkind P. Das Parfüm. Die Geschichte eines Mörders. – Zürich: Diogenes Verl., 1985.
19. Theobaldy J. Berlin erzählt. 19 Erzählungen. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1991.
20. Zuckmayer C. Berlin erzählt. 19 Erzählungen. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verl., 1991.

ПАМЯТЬ, ВОСПОМИНАНИЯ И ТЕКСТ

Ключевые слова: *память как система; воспоминание как процесс; ретроспектива как онтологическая основа мемуаристики; промежуточное положение литературы воспоминаний между правдой и вымыслом; множественность вспоминающего «Я».*

Данная статья посвящена онтологическим и психологическим проблемам литературы воспоминаний, которые находят свое отражение в построении мемуарного дискурса. «Я» в данном виде литературы постоянно находится на грани фактологической достоверности и определенного вымысла, так как создание текста воспоминаний – это уже творческая деятельность автора. Главной особенностью мемуаристики является ее концентрация вокруг «Я», которое является субъектом, объектом и автором воспоминаний, что в результате создает абсолютный эгоцентризм этой литературы. В мемуаристике представлены самые разнообразные виды памяти, которые раскрывают исторический, культурный, личностный, эмоционально-оценочный фон произведения.

Литература воспоминаний, существующая во множестве модификаций в любой из национальных литератур, отражает интерес современного общества к внутреннему миру личности. «Индивидуальная тайна пребывает – как утверждает В. Набоков – и не перестает дразнить мемуариста». Многие жанровые разновидности мемуарной литературы: письма, дневники, автобиографии, исторические и иные мемуары, путевые заметки и многое другое – можно объединить термином «мнемонический дискурс», так как онтологической основой мемуаристики является память. Разница между ними состоит не только в большей или меньшей представленности субъекта воспоминаний в мемуарах, но также в разном временном отстоянии от событий прошлого в дневниках, письмах, путевых заметках, автобиографии и др.

Написание автобиографии или мемуаров есть напряженная духовная и креативная деятельность. Для нее в психологии используются термины: «интроспекция, рефлексия, интериоризация и экстериоризация, идентификация, Я-концепция и т.п., которые не столько раскрывают, сколько скрывают ее сущность». «В этом котле cogito, – говорит далее В.П. Зинченко, – плавится не внешний мир, пусть трижды превращенный, а мое собственное Я, построенный мною микрокосм. И я произвожу из себя не чужой, а свой собственный мир» [15, 424, 425]. В автобиографическом дискурсе, например, также тематизируется обостренная творческая мысль автора.

Как передать эту свежесть, это благоухание воспоминаний? Можно выдумать то или другое, можно создать, но нельзя воспроизвести ... Как бы живо ни чувствовал при описании, в результате получаются самые обыкновенные слова: лес, гора, небо, луна... [4, 41].

Как все-таки мал космос (кенгуровской сумки хватает, чтобы вместить его), как ничтожен и щеделушен он в сравнении с сознанием человека, с единственным личным воспоминанием, с его выражением в словах! [23, 329].

И все это не горизонтально или вертикально возникает в памяти, не разматывается катушкой, не рассыпается колодой карт. А одновременно слоями стоит в ней, не как музыкальный текст для отдельного голоса, а, скорее, как оркестровая партитура дирижерского экземпляра симфонической пьесы [5, 524].

Память и воспоминание, из которых «Я» в поисках тождественности черпает свои познания, соотносятся друг с другом как дихотомическое противопоставление «структура-процесс» [20, 134]. К структуре следует отнести память и ее виды, представленные в данном дискурсе, например: долговременную, семантическую, эмоциональную, эйдетическую и др. Память имеет функцию кумулирования информации, приравнивается часто к сознанию человека. В когнитивной лингвистике память соответствует метафорическим обозначениям (шкаф, полка, библиотека) и терминам когнитивной лингвистики (информационная система, фрейм, сценарий, скрипт). В поэтическом мышлении память предстает как: туманы памяти (Волошин); подвал памяти (Ахматова); демон-властелин (Лермонтов); храм памяти (Бестужев-Марлинский); зеркало памяти (Дмитриев), дворцы, палаты памяти (Св. Августин) и др. Информация, получаемая извне, хранится не в виде разорванных слов, а систематизируется памятью в виде иерархизированных, но гетерогенных структур и моделей как общего, универсального, так и более частного порядка. У каждого из нас в автобиографической памяти имеются индивидуальные фреймы, кластеры знания, связанные с городом, в котором мы живем, с отцом, матерью, другими родственниками, друзьями, с разнообразными частными событиями из жизни. Вместе с тем в сознании каждого человека имеются более широкие кластеры опыта: страна, исторические процессы, политические события мирового значения, культурные реалии и факты, поскольку универсальный ментальный опыт основывается на общности структур мышления. Человеческая память не представляет собой нечто единое и незыблемое, «систему в себе и для себя». Многообразие видов общественной деятельности человека требует от него актуализации различных видов памяти, соответствующих различным интенциям мнемонического повествователя: будь то конкретный или придуманный образ, последовательность или соотнесенность событий в пространстве и времени, память слова или память чувства.

Проследить на протяжении своей жизни такие тематические узоры и есть, думается мне, главное назначение автобиографии [23, 332].

Воспоминание является динамическим, процессуальным компонентом автобиографического познания. Оно представляет «наборы операций или функ-

ций, анализирующих и преобразующих мысленный опыт человека» [20, 134]. Воспоминание выбирает из памяти наиболее значимые события и факты; оно определяет комбинацию и соотнесение глобальных и локальных фактов, универсальных и индивидуальных знаний; соединяет прошлое и настоящее «Я» в акте воспоминания; сочетает субъективно-объективное видение событий, объединяя в пространстве текста документальное и воображаемое, факты и вымысел, интеллект и эмоции [25, 57]. В результате селективной работы воспоминания создается фрагментарный мозаичный сюжет собственной судьбы. Интересно, что в автобиографической литературе метарефлексивные вкрапления авторов именно так и изображают феномены памяти и воспоминания.

Мы заключены в темницу мгновения. Из нее один выход – в прошлое. ... Для человечества воспоминание – это единственная дверь в бесконечность. Наш дух всегда должен идти обратным ходом по отношению к жизни [10, 73].

Gedächtnis und Erinnerung sind geheimnisvolle Kräfte. Und die Erinnerung ist die geheimnisvollere und rätselhaftere von beiden. Denn das Gedächtnis hat nur mit unserem Kopfe zu schaffen. ... Ob wir dergleichen falsch oder richtig wissen oder ob wir es vergessen haben und von neuem ausrechnen müssen, – das gute Gedächtnis und das schlechte wohnen im Kopf. Hier sind die Fächer für alles, was wir gelernt haben. Sie ähneln, glaub ich, Schrank- oder Kommodenfächern ... [31, 47-48]. Память и воспоминание – таинственные силы. А воспоминание наиболее таинственное и загадочное из них. Ведь память имеет дело только с нашей головой. ... Правильно или неправильно мы запомнили или позабыли, или должны сосчитать заново – и хорошая, и плохая память обитают в голове. Здесь есть ящички для всего, что мы учили. Они похожи, я думаю, на ящички шкафа или комода ... (здесь и далее перевод наш. – Л.Н.).

Erinnerungen sind aus wundersamem Stoff gemacht – trügerisch und dennoch zwingend, mächtig und schattenhaft. Es ist kein Verlaß auf die Erinnerung, und dennoch gibt es keine Wirklichkeit außer der, die wir im Gedächtnis tragen. Jeder Augenblick, den wir durchleben, verdankt dem Vorangegangenen seinen Sinn. Gegenwart und Zukunft würden wesenslos, wenn die Spur des Vergangenen aus unserem Bewußtsein gelöscht wäre. Zwischen uns und dem Nichts steht unser Erinnerungsvermögen, ein allerdings etwas problematisches und fragiles Bollwerk [33, 23]. Воспоминания сделаны из удивительного материала – они обманчивы и все же принудительны, сильны и расплывчаты. На воспоминание нельзя положиться, но, тем не менее, нет другой действительности, кроме той, которую мы носим в голове. Каждое мгновение, которое мы проживаем, получает свой смысл благодаря прошедшему. Настоящее и прошедшее были бы бесплотны, если бы след прошедшего был стерт в нашем сознании. Между нами и Ничем расположена наша несколько проблематичная и хрупкая способность вспоминать.

Память предстает в мнемоническом дискурсе как метафора сопротивления власти времени, «только человек способен одновременно жить во времени и вне времени, преодолевая его, осуществляя непрерывные «путешествия во времени» и самоопределяясь в нем» [24, 69]. Как утверждает Г. Грасс в своей автобио-

графии «Луковица памяти»: *Danach ist mehr davor. Was wir Gegenwart nennen, dieses flüchtige JetztJetzt Jetzt, wird stets von einem vergangenen Jetzt beschattet, so daß auch der Fluchtweg nach vorn, Zukunft genannt, nur auf Bleisohlen zu erlauben ist* [30, 165]. Будущее больше, чем прошедшее. То, что мы называем настоящим, это мимолетное СейчасСейчасСейчас, оно расположено постоянно под тенью прошедшего, так что бегство вперед, называемое будущим, возможно только на отягощенных свинцовым прошлым ногах. А В. Набоков говорит в своей автобиографии о трудности проникновения за «стены времени», «шестьдесят лет жизни рассыпаются морозной пылью» при воспоминании о них.

Время, так же, как память и воспоминание, имеет для автобиографики онтологическое значение, «через него раскрывается Смысл» [6, 108]. «Мгновение, как часть уходящего времени, несет в себе всю разорванность, всю мучительность времени, вечное разделение на прошлое и будущее. Есть ли прошлое? Мое прошлое существует в моем настоящем и в моей судьбе. Прошлое существует в памяти настоящего, оно – составной компонент моего настоящего. Все в нем реально и входит в настоящее» [6, 110]. Ретроспективное сознание работает на временной метафоре, которая осуществляет категориальный сдвиг – настоящее заменяется прошедшим:

Wenn etwas vorbei ist, ist man nicht mehr der, dem es passierte. Als das war, von dem wir jetzt sagen, daß es gewesen sei, haben wir nicht gewußt, das es ist. Jetzt sagen wir, daß es so und so gewesen sei, obwohl wir damals, als es war, nichts von dem wußten, was wir jetzt sagen [34, 9]. Если что-то прошло, ты уже не тот, с которым это происходило. Когда было то, о чем мы сейчас рассказываем, мы не знали, что это есть. Сейчас мы говорим, что это было так-то и так-то, хотя тогда, когда это происходило, мы ничего не знали о том, что мы теперь скажем.

Ср.: Sich der Dinge erinnern bedeutet, sich nach der Vergangenheit sehen [33, 25]. Вспоминать о вещах – значит тосковать по прошлому.

Другая особенность данного вида литературы связана с проблемой «Я», релевантной для когнитивной, коммуникативной и интерпретационной парадигм, представленных сегодня в разных областях современной науки: философии, лингвистике, психолингвистике, психологии, культурологии, социологии, антропологии и др. Жанровое своеобразие мнемонического дискурса состоит в его особой субъектно-объектной структуре. Создавая мнемонический текст, имеющий, как и другие тексты, референциальную, знаковую и коммуникативную природу, вспоминающее «Я» выступает в трех функциях одновременно – текстомодулирующей, субъектной и объектной, что отражает слияние функций автора, субъекта и объекта воспоминаний в одном лице. Автор произведения закреплен в инициальном имени на обложке произведения. Это могло бы быть достаточным, чтобы сделать его дальнейшее упоминание излишним. Однако в мнемоническом тексте повествующее «Я» неустранимо и как предмет рассказа, и как его способ. Это принципиальное отличие данного вида литературы от других определяет ее абсолютный эгоцентризм и ее субъективную сложность. Являясь ядерным языковым элементом, единственным антропоцентром с абсолютной когнитивной

самостоятельностью, местоимение «Я» отражает все разнообразие ментальных процессов памяти и сознания, стягивает на себя все внутри- и внетекстовые связи, создавая особую поэтику и прагматику мнемонического дискурса. Фигура повествовательного «Я» в литературе воспоминаний сложна и многозначна, так как паспортная личность, литературное «Я», общественная значимость автора книги, особенности его мышления, его индивидуальный стиль – факторы весьма разноплановые. «Я» постоянно дробится и множится, оно меняет свои лики, демонстрируя противоречия между индивидуальным и социальным, между интеллектотом и эмоцией, между реальностью и вымыслом. Как говорит Г. Гессе: «Человек состоит из множества душ, великого множества “Я”» [11, 299]. С Г. Гессе перекликается и мнение Н.А. Бердяева: «Истоки человека лишь частично могут быть поняты и рационализированы. Личность человека более таинственна, чем мир. Она и есть целый мир. Человек – микрокосмос и заключает в себе всё» [7, 14]. Как полагает Н.Д. Арутюнова: «Тому, кто изведал распад своего “Я”, мы показываем, что куски его он всегда может в любом порядке составить заново и добиться тем самым бесконечного разнообразия в игре жизни. Как писатель создает драму из горстки фигур, так и мы строим из фигур нашего расщепленного “Я” все новые группы с новыми играми и напряжениями, с вечно новыми ситуациями» [1, 299-300]. Повествование от первого лица дает возможность изображать себя другим, мысленно смотреть на себя глазами другого. Знать, узнавать себя и рассказывать о себе – это непрерывный процесс расщепления вспоминающей личности, балансирующей между текстом и нетекстом [32, 24]. «Я» субъекта, персонажное «ты», «он/она» дают возможность читателю отождествить себя и с автобиографическим персонажем, и с героем-рассказчиком одновременно, показывая, что процесс восприятия мнемонического текста равно сложен, как и процесс его порождения. Покажем на примере, как номинирует себя Г. Грасс в новой автобиографии «Луковица памяти»: *der Junge/юноша, der Zwölfjährige/двенадцатилетний, der Junge meines Namens/юноша с моим именем, der Gymnasiast/гимназист, der mittelgroße Bengel/пацан среднего роста, sein jugendliches Gegenüber/его юношеское визави, jener vierzehnjährige Junge/тот четырнадцатилетний юноша, sein verjüngtes Ich/его помолодевшее Я, der Herr im Cordanzug/господин в костюме из корда, der erwachsene Sammler/выросший коллекционер, der Künstler/художник, деятель культуры и мн. др.* Экспликация разных ликов «Я», его разнообразные представления становятся индикатором выражения прежнего, юношеского, детского, того «Я» и теперешнего «Я», «Я» настоящего времени рассказа о себе. Рефлексивное расщепление «Я» позволяет также выразить полисемантическую воспоминаний и переживаемых чувств. В разнообразных интерпретациях своего «Я» можно выразить объективное содержание и субъективное представление о них, например:

Dem gereiften Zeitreisenden aus Paris, der zwar Künstler, aber noch nicht berühmt ist, kommt sein jugendliches Gegenüber wie abgetaucht vor. Selbst wenn er ihn anriefe, immer wieder, fände er kein Gehör [30, 53]. Путешественнику из Парижа, который уже деятель искусства, но еще не знаменит, его юношеское

визави представляется расплывчато. Даже если бы он ему позвонил, он бы его не услышал.

Как утверждают когнитивные психологи, поведение человека определяется не столько «объективной реальностью», сколько «реальностью-для-субъекта», т.е. системой субъективных представлений человека о реальности. В ходе онтогенеза и приобретения социального опыта, детерминации человеческого опыта нормами и стереотипами, предрассудками, культурными традициями происходит «расхождение между “сырой” реальностью и реальностью-для-субъекта, которая только и имеет смысл для каждого из нас, поскольку именно в ней проходит жизнь человека во всех ее проявлениях» [20, 152, 156].

Особенности мнемонического дискурсивного мышления приводят к использованию в тексте самых разнообразных видов интеллектуального освоения информации – семантического, фонематического, зрительного и других доступных признаков материала [9, 352]. А эгоцентризм как концептуальный признак мнемонического дискурса способствует взаимодействию двух ментальных процессов – мысли и чувства. Беспристрастность и объективность, к которым стремится рассказывающий субъект, переносится в модальный план оценки. Ш. Балли, как известно, различает в высказывании диктум и модус. Диктум относится к объективной, фактической части информации, заложенной в высказывании, в модусе же заключен эмоциональный план содержания. В мнемоническом высказывании, таким образом, содержится все, что относится к психическим операциям, производимым субъектом высказывания. Модус мышления, в свою очередь, отражает формирование и динамику мысли с опорой на истинность суждения. Истина является универсалией культуры субъектно-объектного ряда, она общечеловечна и носит всеобъемлющий характер. Содержанием истины становится оценка знания в его соотношении с предметной сферой, с одной стороны, и со сферой процессуальности мышления – с другой. Понятие истины помещается М.А. Дмитриевской в один смысловой ряд с понятиями «сознание» и «мысль» [14, 10]. Триада «человек – сознание – истина» выходит за рамки только индивидуального мировосприятия и является обязательным для любого высказывания. Истинность суждения тем более релевантна для мнемонического дискурса, поскольку автор реализуется здесь в триединстве автора, субъекта и объекта. Изображение и формирование событий по памяти не всегда верны, поэтому проблема истинности приобретает для этого дискурса особое значение. Маркерами самообъективации здесь становятся многочисленные модусы пропозициональных установок – глаголы, мысли, чувства, узнавания, припоминания, знания/незнания, умолчания, эпистемические средства сомнительности/предположительности, согласия/несогласия с самим собой, наречия и союзы дизъюнкции, наречия логического вывода и др.: я думаю, я вспоминаю, я не уверен в точности, мне кажется, я отчетливо помню, я не знаю, я знаю наверняка и т.д. Например:

Я так живо помню этот сон! [4, 28].

Может быть, это и есть основной образ всей моей жизни, тот «фундаментальный личный символ», который критик ищет в творчестве поэта? [5, 594].

Впоследствии, вспоминая молодого Брюсова, я почувствовал, что главная острота его тогдашних стихов заключается именно в сочетании декадентской экзотики с простодушным мещанством [28, 20].

Вероятно, он взял именно второе издание, прочел, увидел мою приписку – и захотел написать мне [28, 99].

Метафоричность, без которой трудно представить себе литературу воспоминаний, проявляется также в том, что она оперирует не самим прошлым, а образами прошлого, существующими в памяти автора воспоминаний, что имеет большое значение для структурирования мнемонической коммуникации. Память восстанавливает прошлое в новом рефлексивном освоении, так как жизненный опыт расставляет новые акценты и выводы, по-другому ранжирует важность и актуальность событий и фактов, представляет их в новом аксиологическом видении. Фреймы и схемы событий предстают по-иному, нередко в новом временном представлении, схема события может модифицироваться – в ней могут возникать пространственные уточнители, новые предметы и компоненты, образные характеристики и т.п. Последовательность автобиографического времени при этом разрушается, временная длительность уплотняется или расширяется, время, подобно художественному, может повторяться, переставляться, возвращаться назад или забегать вперед. Взаимодействие глагольных форм настоящего и прошлого в мнемонических текстах представляет пестроту и нестабильность в их употреблении, хаотичность, неконвенциональность и нетрадиционность их смены. Текущность воспоминания, его произвольность и ассоциативность способствуют внезапности переключения глагольного временного ряда, прошедшее структурируется не как временной поток, а как некая дискурсивная темпоральность.

Повторное прошлое, претворенное памятью, совсем другое. Это прошлое, «преображенное и просветленное», память относительно него осуществляет творческий акт, и лишь как результат этого творческого акта оно входит в настоящее. Воспоминание о прошлом не является сохранением или восстановлением прошлого, оно всегда есть преображенное прошлое:

Пережитое – описанное – всегда слабый пересказ, но не сама действительность [10, 73].

Воспоминание не есть сохранение или восстановление нашего прошлого, но всегда преображенное прошлое [6, 109]. Парадокс времени состоит в том, что прошлое существует лишь в настоящем. Власть времени состоит в придании прошлому вечности. Смысл времени претворяется в истории каждой отдельной личности. Вспоминающая личность связана со временем, она реализуется во времени, именно время обнажает ее личную историю и судьбу. Н. Берберова выражает в своей автобиографии «Курсив мой» эту мысль следующим образом:

Я сейчас смотрю на годы моего детства без малейшей «дымки грусти», без меланхолической слезы о «навечно утраченном». Все мое прошлое со мной, в любой час моей жизни. Вся прелесть его для меня в том, что оно дало жизнь моему настоящему. Прошлое и настоящее переплетаются, расплавляются друг в друге, переливаются одно в другое [5, 105-106; 186].

В этой связи стирается вопрос о правдивости автобиографических произведений. Поскольку ретроспективная память воспроизводит не само прошлое, а образ прошлого, то любой мнемонический текст не может быть полностью достоверным. Образ прошлого и само прошлое не являются полностью идентичными. Можно говорить об определенной соотнесенности этих феноменов, однако длительность отстояния от прошлого может нарушать достоверность событий. К этому добавляется к тому же и амбивалентность жанра литературы воспоминаний, включающей в себя и реальность, и фикциональность. Не случайно автобиография Й.В. Гёте называется «Поэзия и правда» («*Dichtung und Wahrheit*»). Модус вербального формулирования позволяет претворить референциальность в художественное повествование, наполненное образами, стилистическими фигурами, тропами, лексико-грамматическими фигурами и т.п. Нарративность в философском понимании этого термина занимается проблемой структурирования любого дискурса, в том числе и мнемонического. Вербализация прошедшего есть выбор определенных языковых средств, описывающих наше прошлое, это «система символов, за которыми стоит духовная жизнь людей», а слова в языке и есть совокупность значений, сосредоточивших в себе духовный опыт людей (нации, человечества) – практический, нравственный, эстетический и мифологический [2, 657, 589]. «Семантические пространства являются мощным многомерным инструментом анализа картины мира человека», при этом каждый субъект выступает носителем некоего уникального семантического пространства, как некий микрокосм индивидуальных значений и смыслов, а в картину мира включена пристрастная позиция наблюдателя, его язык, его культура, его коллективная и индивидуальная система ценностей [20, 454, 453, 459].

Многие исследователи памяти считают, что память оперирует понятием места (*loci*) и образа (*imagines*) [16, 14], так как образы, возникающие на основе пространственных картин, легче поддаются репродуктивной памяти. Пространство при этом не является гомогенным и строго метрическим, оно расчленено на дискретные области, связанные с перемещением «Я» в жизненном локусе. Пространство в тексте представлено топографическими реалиями и пространственной лексикой разнообразных лексико-семантических полей, в то время как взаимодействующее с пространством время, как отмечалось, актуализируется временными глагольными формами и лексикой, имеющей временное значение. Процесс мнемонического письма разворачивается в пространстве и времени, а автобиографическое «Я» стремится с необычайной основательностью представить условия пространства и времени, в которых оно разворачивается. При этом репрезентирование или представление знаний, построение пространственных и временных «когнитивных карт», по Э. Толмену, подчеркивает факт, что «реальность внешнего мира и ее восприятие человеком, каким бы точным, полным и “правильным” оно ни было, никогда не совпадают» [20, 147]. Базовые пространственные и временные метафоры памяти вспоминающего человека фиксируют наиболее значимые, «сильные» фреймы и сценарии личной жизни.

Память имеет активный процессуальный характер: накопленные знания непрерывно изменяются, проверяются и переформулируются нашим мозгом. Согласно Т. Циген, «духовное «Я», осознающее и себя самого, и окружающий мир, составляет общее представление всех образов воспоминания, запечатленных в мозговой коре [29, 466]. В структуре памяти, с другой стороны, запечатлены «великая душа и великая память мира», что говорит о том, что ментальная структура «Я» состоит из суммы всех склонностей, преобладающих в данную минуту, и из общих представлений как совокупности впечатлений, оставленных в нас главными событиями прошлого [16, 557]. Из этих положений вытекают такие свойства мнемонического дискурса, как фрагментарность и гетерогенность. Временная длительность в нем всегда гетерогенна, так как она наполнена множественными смыслами и их взаимопроникновением. Память ненадежна, как «неверная нить Ариадны, она рвется в дрожащих руках» (по М. Волошину). Фрагментарность, в свою очередь, связана и с широким спектром когнитивных действий: поисковых, опознавательных, селективно-мнемических, интеллектуальных, эмоциональных, оценочных, семантически-вербальных, а, как известно, смысл событий и фактов «далеко не всегда поддается нашему конструированию и выражению в слове» [15, 388]. «Смысл жизни автора, его возможная полнота достигаются лишь во взаимодействии прагматических (действенных), образных, вербальных и эмоциональных смыслов» [15, 390].

Написать пережитое, пережитое – невозможно. Можно создать лишь то, что живет в нас в виде намека. Тогда это будет действительность. Пережитое – описанное – всегда слабый пересказ, но не сама действительность. В литературе всегда нужно различать созданную действительность и пережитую действительность [10, 73].

Автор литературы воспоминаний оперирует определенными концептуальными пространствами, в которых представлены базисные экзистенциальные представления человека. К ним относятся: пространство и время, живые существа, физические объекты, события и процессы, артефакты, формирующиеся в тексте в гетерогенную и фрагментарную субстанцию мыслей, переживаний, оценок, действий, результатов, качеств, количеств и их межкатегориального взаимодействия. Занятия человеческого духа, такие, как знание, разум, мышление, представление, творчество, разработка планов и стратегий, размышление, символизация, логический вывод, решение проблем, классифицирование, соотнесение, фантазирование и мечты, процессы более земные, такие как организация моторики, восприятие, мысленные образы, воспоминание, внимание, узнавание [13, 23], широко представлены в мнемоническом дискурсе. Приведем примеры таких гетерогенных фрагментов текста:

Боже мой! Я исповедалась и получила отпущение и уже клянусь и сержусь от бешенства!

Известное количество грехов так же необходимо человеку, как известное количество воздуха, чтобы жить.

Зачем люди точно привязаны к земле? Тяжесть, лежащая у них на соевести, притягивает их к земле! Если бы совесть их была чиста, они были бы слишком легки и понеслись бы в небеса – как красные воздушные шары.

Вот странная теория. Ну что же за беда! А Пьетро все не приходит [4, 66-67].

Теперь, когда я об этом пишу, я хорошо знаю возвращающиеся темы моей жизни, ее символику: колодец и родник, бедный Лазарь, Товий, ведущий ангела, и Ангел, ведущий Товия, рвущаяся вперед фигура на бушприте и еще другие [5, 265].

В настоящее время не существует сколько-нибудь общих схем памяти, но имеются описания разнообразных видов памяти – кратковременной, долговременной, ассоциативной, образной, эмоциональной и др. Каждый из видов памяти осуществляет свои функции, однако долговременная память является основной, именно она помогает человеку воспринять и осознать себя. Именно долговременная память лежит в основе когнитивно-вербальной деятельности индивида, она является «умственным тезаурусом, который организует знания человека о словах и других вербальных символах, их значениях и референциях, о связях между ними и о правилах, формулах и алгоритмах манипулирования этими символами, понятиями и отношениями [29, 467]. Можно предположить, что макроструктура мнемонических текстов состоит из множества ситуационных моделей, исходящих из пропозициональных фреймов, закрепленных в долговременной памяти. На вершинах таких фреймов стоят разные виды информации – микрофреймы, которые составляют экзистенциальную сущность человека и отражают сословно-родовые, классово-имущественные, этнические, профессиональные, социальные и иные отношения. Родовые и видовые понятия, например «мои родители», записываются не только в виде структуры «субъект-предикат», но и сопровождаются атрибутами (место, время, объект и др.), которые показывают направленность мыслительного процесса от объекта к его признакам, состояниям, свойствам, выражаемым собственно предикацией. Память при этом опирается часто на ассоциации, которые нарушают событийный ряд, соотносит индивидуальные и универсальные знания, искусство запоминания и живую историческую реальность. Эволюция памяти превращает события и факты в момент их воскрешения в память сегодняшнего дня.

Какой бы верной ни была память, она неминуемо пересоздает прошлое после продолжительного времени, по-новому переосмысливая возникшие в ту пору мысли и чувства. Вспоминающее «Я» становится идеальной метафорой взаимодействия разных видов знаний, центром узнаваний и превращений. При этом «Я» не только вспоминает, но и вербализует воспоминания. Процессы вербализации могут быть разделены на три типа: во-первых, это процессы, связанные с организацией содержания, структурирующие памятный тезаурус «Я»; во-вторых, это процессы, связанные с оценкой «Я» состояния своего интеллекта в текущий момент; в третьих, вербальная упаковка решает такие задачи, как: теморематическое членение текста, организация когезии и когерентности повество-

вательных структур, распределение места и времени рассказа и их соотношения с действительными автобиографическими фактами и действиями, определение взаимодействия рассуждающих, описательных и повествовательных фрагментов в композиции текста и многое др., например:

Я думаю теперь, что грубость в словах, в поведении, грубость его (Булнина – пометы мои. – Л.Н.) была отчасти прикрытием, камуфляжем и что он боялся мира и людей не менее остальных людей его поколения, и все его чванство, – а оно было в очень сильной степени, уже до революции в Москве, – было его самозащитой [5, 298].

Восприятие и понимание окружающего мира происходит не в вакууме, а в рамках более сложных ситуаций и социально-культурных концептов. Процессы познания и порождения речи являются не только когнитивным, но и социальным событием. По мнению Т.А. Ван Дейка и В. Кинча, этот факт является основанием социальной функциональности – информация, получаемая извне, хранится не в виде разорванных слов, а систематизируется памятью в виде иерархизированных семантических структур и моделей, как общего, универсального, так и частного, индивидуального порядка [8, 158-159]. Автобиографическая память является достаточно сложным феноменом, который включает в себя все сознание человека в совокупности и отражает, по Н. Берберовой, бесконечность в трех планах – «времени, пространстве и энергии».

Память непосредственно связана с восприятием и мышлением, их расчленение в когнитивном цикле не всегда возможно. Метафора времени в мнемоническом дискурсе переплавляет воспоминания в образ прошлого. Образ связан с воспроизведением по формуле «форма – смысл». Образ относится к духовным сущностям, конкретные предметы, как правило, хорошо представляются и ими говорящий не оперирует. Образ синкретичен и соединяет в себе свойства предмета, факта, явления, события, он предполагает наличие идентифицирующего содержания, которое приносится в объект. «Образ – это категория сознания» [3, 314, 318], мнемоника же получает повторные образы прошедших событий, сознание разворачивает для них новый контекст, в котором особую роль приобретают ассоциативные отношения, реорганизуя картину мира. Создается своего рода картина-репродукция прошедшей жизни. Образ связан, главным образом, с эмоционально-оценочным значением. Оценки, полученные в момент осуществления автобиографических действий, преобразуются памятью в новые аксиологические акценты, поскольку жизненный опыт, новый исторический фон, временная отдаленность меняют точку зрения. Более совершенный и развитый интеллект реален, в то время как более ранний, детский или юношеский, смоделирован памятью. Интерпретирующее сознание вспоминающего человека включает в моделируемый образ аксиологические компоненты, свойственные индивидуальному сознанию по линии хорошо/плохо, полезно/вредно, интересно/неинтересно, красиво/безобразно и др., что отражает как фактор оценки, так и силу эмоционального переживания. «В картину мира имплицитно включена пристрастная

позиция наблюдателя, его язык, его культура, его коллективная и индивидуальная система ценностей» [26, 459].

Итогом мнемонической деятельности вспоминающего «Я», результатом осмысленного им опыта представляется фактическое содержание оценки событий. Оценочные смыслы проявляются в употреблении эмоциональной лексики, сравнений, метафор, эпитетов и др. тропов, экспрессивно окрашенного синтаксиса, то есть всех тех средств, которые рождают поэтическое сознание в художественной литературе. Разница состоит только в том, что мнемонический нарратив сохраняет при этом свою фактологическую основу. На фактуальную информацию накладывается творческая деятельность субъекта воспоминаний, преобразующего факты в мнемонический дискурс. Приведем примеры эмоционально-оценочных фрагментов из автобиографической прозы:

Нищая, вонючая, ничтожная, несчастная, подлая, все растерявшая, измученная, голодная русская эмиграция (к которой принадлежу и я)! В прошлом году, на продавленном матрасе, на рваных простынях, худой, обросший, без денег на доктора и лекарство умирал Ходасевич. В этом году – прихожу к Набокову; он лежит точно такой же [5, 446].

В данном фрагменте очевидна отрицательная оценка субъекта, она отражает те впечатления, которые Н. Берберова получила через непосредственное наблюдение эмигрантской жизни в Париже. Эта оценка эмоциональна, что обусловлено перечислительным рядом прилагательных пейоративной семантики и употреблением индикатора уподобления «такой же», характеризующими Ходасевича и Набокова.

Для меня всегда было и есть что-то глубоко омерзительное во всяком «культе», в фанатизме в любой форме, фанатизм кажется мне самой страшной, безобразной, унижительной и опасной чертой человека [5, 406].

Этот фрагмент содержит негативную оценку культа личности и навеян размышлением о советской действительности.

Впоследствии, вспоминая молодого Брюсова, я почувствовал, что главная острота тогдашних его стихов заключается именно в сочетании декадентской экзотики с простодушнейшим московским мещанством [28, 20].

В этом контексте дана отсроченная оценка прежних впечатлений (лексема впоследствии), которая пришла значительно позже в результате анализа прожитых лет.

Помимо оценочной памяти в автобиографическом нарративе представлены и другие виды памяти, например:

Родственная память /память детства /воспоминания о друзьях

Фрейм родства занимает существенное место в автобиографической памяти. Он затрагивает основные жизненные категории: мой отец, моя мать, мои друзья, мои враги и недруги, я сам и др., т. е. то, что относится в психосемантике к личностным конструктам [26, 444]. Без него нет человека и нет его жизни, она происходит от предков, и каждый автобиографический субъект не хочет быть «Иваном, не помнящим родства». Естественно, однако, что сценарное проявление

ние его в каждом произведении различно, в одном он представлен широко и подробно, в другом скупо и мимоходом. Важна при этом роль имени собственного, номинаций принадлежащих семье предметов, которые выступают индикатором идентичности личности.

Мой дед со стороны матери принадлежал к вольнолюбивому тверскому земству, а лицом был совершенный татарин. Его звали Иван Дмитриевич. С Дмитрия Львовича, отца его, Гончаров писал своего Обломова и однажды, будучи в гостях у своего героя, забыл бисерный футляр для очков, которым я в детстве играла [5, 35].

Есть что-то преувеличенно-трогательное и искусственно-слащавое в воспоминаниях о школьном классе взрослых людей, но когда я думаю о своих тогдашних подругах, я вижу перед собой не наивных маменькиных дочек, в изящных платьицах и с бантами на голове, но совершенно зрелые существа, с определившимися вкусами, с политическими убеждениями, умеющие судить, спорить, рассуждать, выбирать книги для чтения и себе подобных для общения [5, 77].

Пространственная память

Да. Это были бедные, печальные и дикие места: в лесах дремучих и воистину девственных водились волки и медведи – их редко трогали; река Саванка, приток Мологи, была неприступна из-за количества комаров, тучами круживших над ней, в болотистых берегах легко было завязнуть; поля тянулись на сотни верст, горизонт был прям и тверд; дороги, часто гати, уходили в бескрайние дали, где только жаворонки пели свою песнь [5, 37].

В процессе самопознания автор вступает в диалогические отношения не только с читателем и другими представителями окружающего мира, но и с культурой и дискурсивной практикой предшествующих поколений. Тезаурус вспоминающего человека во многом состоит из предшествующих текстов и строится на интертекстуальности, из нее он черпает большую часть своего интеллектуального опыта. Текстовые реминисценции в форме вкраплений из предшествующих текстов представляют собой корпус из размытого множества цитат, осознанных и неосознанных, точных и преобразованных, ... он социален и индивидуален одновременно и соответствует данной фазе культурной эволюции [27, 20]. Текстовые реминисценции – это индивидуальные проявления памяти говорящего, осознанные или спорадические, поэтому это явление относится более к явлениям памяти, чем собственно к языковой системе. Интертекстуальные вкрапления относят к дейктическим элементам языка, обнаруживающим этнокультурную среду языковой личности, требующим для адекватного понимания общности когнитивного пространства и мыслительных структур, которые могут быть лингвистическими и феноменологическими [19, 62-63].

Специфическим проявлением интертекстуальности в автобиографическом нарративе являются имя собственное и реалии, отражающие культурные, общественные и исторические явления описываемого периода времени. Всякое знание реально только тогда, когда оно есть историческое знание; и всякое бытие реаль-

но только тогда, когда оно есть социальное бытие [21, 360]. Социальная сфера человека генерируется культурой, задача которой состоит в структурной организации окружающего человека мира. Понятие культуры охватывает и общечеловеческую культуру, и культуру того или иного ареала, или того или иного времени, того или иного социума, который может меняться в размерах [22, 328-329]. Носителем национального начала в структуре личности выступает относительно устойчивая во времени, то есть инвариантная в масштабе самой личности часть в ее структуре, которая является продуктом длительного исторического развития и объектом межпоколенной передачи опыта [17, 42]. Вербализация культурного опыта происходит через номинацию, отражающую общую и национальную культуру этноса. К таким дескрипторам интертекстуальности в мнемоническом дискурсе относятся имена географические, имена собственные исторических лиц, деятелей культуры, имен персонажей разнообразных произведений мировой и национальной литератур, номинации самих произведений литературы, названий фильмов, опер, оперетт, балетов, драм и комедий и т.д. и т.п.

Культурная память

Париж не город, Париж – образ, знак, символ Франции, ее сегодня и ее вчера, образ ее истории, ее географии и ее скрытой сути. Этот город насыщен смыслом больше, чем Лондон, Мадрид, Стокгольм и Москва, почти так же, как Петербург, Нью-Йорк и Рим. Он сквозит этими значениями, он многосмыслен, он многозначен, он говорит о будущем, о прошлом, он перегружен обертонами настоящего, тяжелой, богатой, густой аурой сегодняшнего дня. В нем нельзя жить как будто его нет, законопатиться от него, запереться – он всё равно войдет в дом, в комнату, в нас самих, станет менять нас, заставит нас вырасти, состарит нас, искалечит или вознесет, может быть – убьет [5, 262].

Национальная память

Теперь, когда я смотрю назад, я вижу, что Пушкин был русским возрождением, Блок – русским романтизмом, Белый – русским кубизмом [5, 98].

В Чехове был гений неподвижности. Не мертвого окостенения: нет, он был живой человек, и даже редко одаренный. Только все дары ему были отпущены сразу. И один (если и это дар) был дар – не двигаться во времени. ... Всякая личность (в философском понятии) – ограниченность. Но у личности в движении – границы волнующиеся, зыбкие, упругие и растяжимые. У Чехова они тверды, раз навсегда определены [12, 397].

Историческая память

Мы были странной кучкой людей, которые – хотя по возрасту и не могли быть ни банкирами, ни губернаторами, ни генералами царской армии – почему-то не принимали того, что делалось у них на родине. Судьба Троцкого отчасти смутила Запад. Московские процессы поразили европейскую интеллигенцию, пакт Молотова с Риббентропом расширил ее. Но это случилось позже. В 1925 – 1935 годах, несмотря на самоубийство Есенина и Маяковского, на трудности Эренбурга, на исчезновение Пильняка, на слухи о беспокойстве Горького, вера в то, что СССР несет молодому послевоенному миру, и в особенности

левому искусству, обновление, поддержку, необозримые перспективы, была на Западе сильнее всех колебаний и сомнений [5, 326].

За час до приезда я отложила в сторону книгу, чтобы видеть Москву, нашу настоящую столицу, истинно русский город. Петербург – копия с немцев, но лучше немцев, так как сделана русскими. А здесь все русское – архитектура, вагоны, мужик, наблюдающий на краю дороги за поездом, деревянный мостик, переброшенный через что-то, вроде реки, грязь на дороге – все это русское, сердечное, прямое, простодушное [4, 11].

Как женщина и как русская, где, в каком еще времени я могла быть счастливее? В XIX веке, среди пушкинских Нанетт и Зизи? Среди герценовских Наталий (или их воспитанниц)? Среди дочек и маменек нарождающейся буржуазии? Или ученых поборниц женского движения? Или, может быть, в XVIII столетии? Или еще раньше, когда на всей Руси спали, ели и молились, молились, ели и спали, молодые и старые [5, 32].

Профессиональная память

Запрет «Аси» переживался мною очень болезненно. Но вместе с тем он и прибавил мужества. «Первый Учитель» тоже проходил со скрипом, но тут ситуация была уже практически безнадежной: картина, с уже выполненными поправками, твердо залегла на полку. Запретили одновременно «Рублева», к которому и я как сценарист приложил руку, и «Асю» [18, 49].

«Страшный» Суворин (он даже у цензора Полонского не бывал!) мне понравился. Какой живой старик! Точно ртутью налит. ... А у Суворина было тоже русское, но русское мужицкое лицо. Не то что грубое, и сказать, что в Суворине оставалось мужиковатость, – никак нельзя. Но неуловимая хитринка сидела в нем. И черты, и весь облик его – именно облик умного и упрямого русского мужика [12, 398-399].

Зрительная память

Мы, дети, выехали навстречу, в село, и вспоминая тот день, я с предельной ясностью вижу искрящуюся на солнце реку, мост, ослепительный блеск жестианки, оставленной удильщиками на его деревянных перилах; холм с липами, розовой церковью и мраморным склепом, в котором покоились предки матери; пыльную дорогу через село, с бобриком светлой травы в песчаных проплешинах между ней и кустами сирени, за которыми шатким рядом стояли замшелые избы... [23, 334-335].

Подведем некоторые итоги. Ретроспективная рефлексия помогает ориентации «Я» в интересубъективном пространстве, а также в выстраивании индивидуального автобиографического дискурса. Человек вспоминающий в мнемоническом дискурсе представляет свой субъективный мир, запечатлевший всю сумму фактов, событий и впечатлений, воспринятых в течение жизни. В интенцию литературы воспоминаний входит когнитивное осознание событий и их вербальное конструирование для выявления совокупного значения своей судьбы. Понимание смысла жизни происходит благодаря интерпретации ценностного аспекта автобиографического фона – имеющихся представлений, понятий,

суждений, теорий и практики осуществленных в процессе жизнедеятельности. Человек вспоминающий в своей интерпретационной деятельности движется в гетерогенном и фрагментарном пространстве мировоззренческих установок, национально-исторических символов и верований, культурных традиций, социальной активности, логики взаимодействия общественных и индивидуальных событий. В процессе понимания автобиографический монолог превращается в коммуникационную деятельность с окружающим миром, с другими представителями социума, с историей и эпохой.

The article is devoted to ontological and psychological problems of reminiscences literature which are reflected in memoirs discourse composition. In the given discourse type «I» is always on the verge of factual reality and fiction, as a reminiscences text is directly connected with its author's creative activity. Memoirs literature is mainly concentrated on the «I» that is the subject, the object and the author of the reminiscences; as a result it causes absolute egocentrism in this genre. Various memory types are involved to depict historical, personal, emotional and evaluative background in the text.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976.
2. Арутюнова Н.Д. Язык // Русский язык: энциклопедия. – М., 1997.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999.
4. Башкирцева М.К. Дневник Марии Башкирцевой: избранные страницы / сост., подгот. текста, примеч. и вступ. ст. А.Е. Басманова. – М.: Молодая гвардия, 1991.
5. Берберова Н. Курсив мой: автобиография: в 2 т. – New York: Russica Publishers, INC, 1983.
6. Бердяев Н. Дух и реальность / вступ. ст. и сост. В.Н. Колужного. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: Фолио, 2003.
7. Бердяев Н.А. Самопознание: опыт философской автобиографии. – М.: Книга, 1991.
8. Ван Дейк Т.А., Кинч В. Язык, познание, коммуникация: пер. с англ. / сост. В.В. Петрова; под ред. В.И. Герасимова. – М.: Прогресс. 1988.
9. Величковский Б.М. Когнитивная наука: основы психологии познания: учеб. пособие для студентов вузов по направлению и спец. психологии: в 2 т. – М.: Academia: Смысл, 2006.
10. Волошин М.А. История моей души / сост. В.П. Купченко. – М.: Аграф, 1999.
11. Гессе Г. Игра в бисер: роман / пер. с нем. С.К. Апта; худож. оформ. Б.Ф. Бублика. – Харьков: Фолио; М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»», 1999.
12. Гиппиус З. Ничего не боюсь. – М.: Вагриус, 2004.
13. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4.
14. Дмитриевская М.А. Философия памяти // Логический анализ языка. Культурные концепты: сб. ст. / АН СССР, Ин-т языкознания; редкол. Н.Д. Арутюнова (отв. ред.) [и др.]. – М.-Л.: Наука, 1991.
15. Зинченко В.П. Гетерогенез творческого акта: слово, образ и действие в «котле Cogito» // Когнитивный подход: научная монография / отв. ред. акад. РАН В.А. Лекторский. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2008.

16. Йейтс Ф. Искусство памяти. – СПб.: Фонд поддержки науки и образования; М.: Университетская книга, 1997.
17. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.
18. Кончаловский А.С. Возвышающий обман. – М.: Коллекция «Совершенно секретно», 1999.
19. Крысин Л.П. Владение языком: лингвистический и социокультурные аспекты // Язык – Культура – Этнос: сб. ст. / под ред. С.А. Арутюнова [и др.]. – М.: Наука, 1994.
20. Кучер Е.Н. Познание познания: когнитивные науки // Когнитивный подход: научная монография / отв. ред. акад. РАН В.А. Лекторский. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2008.
21. Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение / сост. А.А. Тахо-Годи; общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова. – М.: Мысль, 1995.
22. Лотман Ю.М. О семиотическом механизме культуры // Избранные статьи. – М., 1992. – Т. 1.
23. Набоков В.В. Память, говори: Американский период. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 5. / сост. С. Ильина, А. Кононова; комментарии С. Ильина, А. Люксембурга; пер с англ. – СПб.: Симпозиум, 2004.
24. Нуркова В.В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. – М.: Изд-во УРАО, 2000.
25. Ньюбина Л.М. Поэтика и прагматика мнемонического повествования: дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2000.
26. Петренко В.Ф. Психосемантика как направление конструктивизма в когнитивной психологии // Когнитивный подход: научная монография / отв. ред. акад. РАН В.А. Лекторский. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2008.
27. Смирнов И.П. Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Пастернака. – СПб., 1995.
28. Ходасевич В.Ф. Некрополь: воспоминания. – М.: Советский писатель, Олимп, 1991.
29. Циген Т. Внимание – Произвольное мышление – Наше Я – Память // Г. Спенсер, Т. Циген. Основные направления психологии в классических трудах. Ассоциативная психология. – М.: ООО ФФСТ-ЛТД, 1998.
30. Grass G. Beim Häuten der Zwiebel. – Göttingen: Steidl Verlag, 2006.
31. Kästner E. Als ich ein kleiner Junge war. Ausgewählte Werke. – Zürich: Atrium, 1983.
32. Lejeune Ph. Der autobiographische Pakt. – Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1994.
33. Mann K. Der Wendepunkt. Ein Lebensbericht. – München: Edition Spangenberg, 1989.
34. Walser M. Ein springender Brunnen. Roman. – Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1998.

Г.Г. Сильницкий

Смоленский государственный университет

УДК 811.11

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДРАМЫ ШЕКСПИРА

Ключевые слова: *тетралогия; драматургический комплекс; хронологическая инверсия; антитип.*

Девять исторических драм Шекспира, посвященных войнам Белой и Алой Роз, анализируются в качестве составных элементов единого драматического комплекса, представляющего первую «творческую апробацию» основной темы Шекспира – взаимодействия человеческого характера и его жизненной судьбы, получившей наиболее полное выражение в великих трагедиях последующего периода его писательской биографии.

Характер – это судьба.
Гераклит

Цикл драм Шекспира по материалам английской истории представляет собой уникальное явление мировой литературы. Ни один другой народ не располагает столь обширной и цельной по замыслу и единству сквозного действия драматургической панорамой, отображающей один из наиболее критических периодов его истории, каковым для Англии явилось «смутное время» гражданских войн Белой и Алой Роз (1455 – 1485).

Свое шекспировское воплощение этот период получил через столетие. «Генрих VI», наиболее ранняя пьеса не только исторического цикла, но и всего драматургического наследия Шекспира, была написана в 1589–1591 годах, через год после победы английского флота над испанской «Непобедимой армадой», знаменовавшей собой начало превращения Англии из окраинного европейского государства в одну из ведущих стран Нового времени. Исторические пьесы начинающего драматурга могут рассматриваться как отражение пробудившегося английского национального самосознания, подобно тому как античная трагедия Эсхила и Софокла представляла аналогичное пробуждение древнегреческого самосознания после «смутного времени» греко-персидских войн.

Все исторические драмы Шекспира появились в последнее десятилетие XVI века, оно же первое в писательской биографии, и представляют поэтому значительный интерес для понимания особенностей его творческого метода на начальном этапе становления.

Девять исторических драм Шекспира, составляющих цельный драматический комплекс, посвящены царствованиям шести английских королей: Иоанна Безземельного (1199 – 1216), Ричарда II (1377 – 1399), Генриха IV (1399 – 1413, 2 части), Генриха V (1413 – 1422), Генриха VI (1422 – 1461, 1470 – 1471, 3 части) и Ричарда III (1483 – 1485). Из них первое отделено от остальных значительным временным интервалом в 161 год, тогда как последние пять почти непосредственно (с перерывом в 12 лет) следуют друг за другом, охватывая в целом период в 108 лет (1377 – 1485), включающий правления последнего короля династии Плантагенетов Ричарда II, всех трех представителей свергнувшей его династии Ланкастеров (Генрихи IV, V, VI) и последнего короля свергнувшей Ланкастеров Йоркской династии – Ричарда III, поражение и гибель которого положили начало новой династии Тюдоров, правившей в Англии во времена самого Шекспира.

Итак, только что вступивший на театральное поприще молодой Шекспир поставил перед собой грандиозную задачу – отобразить в живых исторических

лицах драматический переход от средневековой династии Плантагенетов, правившей в Англии в течение двух с половиной столетий, к первой английской династии Нового времени, переход, связанный с насильственным низвержением трех царствующих домов. Источником исторических данных для Шекспира послужили «Хроники Англии, Шотландии и Ирландии» Р. Холиншеда, появившиеся за 12 лет до написания им первой драмы, в 1577 году. Не отступая от представленных в этом источнике исторических фактов, Шекспир привнес в описываемые события свою интерпретацию. Таким образом, анализ данного художественно-исторического комплекса позволяет дать ответ на поставленный в [3] вопрос о формах и способах нового осмысления априорно заданного текста, т.е. о путях «эмерджентного» появления новой информации и ее взаимодействия с уже известной (вопрос, представляющий литературоведческое преломление лингвистической проблемы соотношения «темы» и «ремы»).

В самой общей формулировке «драматический» информационный вклад Шекспира в «тему» исходной исторической «Хроники» состоит в том, что представленные в ней разрозненные жизнеописания английских королей показаны драматургом в системных взаимосвязях и противопоставлениях друг с другом, так что каждый из основных шекспировских образов получает свое полное психологическое и драматическое осмысление через сопоставление с другими.

В результате все девять исторических драм воспринимаются в качестве единого художественного целого. В своем историческом цикле автор дал первые образцы «шекспировского» раскрытия человеческих характеров во всей противоречивой сложности их проявления в экстремальных ситуациях. За этим стоит определяющее для всего творчества Шекспира стремление постичь глубинную связь между внутренним миром человека, его способностью или неспособностью совладать с честолюбием, алчностью, малодушием и другими страстями и душевными соблазнами и внешними событиями его жизни.

Как известно, библиография по Шекспиру является одной из наиболее обширных в мировом литературоведении. (Вспоминается юмористическое замечание А.П. Чехова в его «Записных книжках»: «Не так важен Шекспир, как комментарии к нему»). Чтобы не раствориться в этих комментариях и сосредоточить внимание на текстологической задаче выявления способов творческого претворения Шекспиром заданных исторических фактов, автор позволяет себе в дальнейшем изложении предельное сокращение ссылок на литературоведческие источники.

Обсуждение своеобразия шекспировского художественного осмысления изображаемых исторических событий целесообразно начать с сопоставления реальной хронологической последовательности шести описываемых им царствований с последовательностью написания соответствующих пьес.

Как видно из приводимой ниже таблицы, первая по времени написания историческая драма Шекспира (*Генрих VI*) была посвящена не наиболее раннему из шести представленных царствований, а пятому по счету, тогда как непосредственно предшествовавшее ему, четвертое царствование Генриха V составило содержание наиболее поздней из шекспировских исторических драм.

Хронологическая последовательность описываемых царствований	Даты написания драм	Последовательность написания драм
1. Иоанн Безземельный (1199 – 1216)	1596 – 1597	4
2. Ричард II (1377 – 1399)	1595 – 1596	3
3. Генрих IV (2 части) (1399 – 1413)	1597 – 1598	5
4. Генрих V (1413 – 1422)	1598 – 1599	6
5. Генрих VI (3 части) (1422 – 1471)	1589 – 1591	1
6. Ричард III (1483 – 1485)	1592 – 1593	2

Эта хронологическая инверсия, отклонение последовательности написания драм от объективной хронологической последовательности описываемых событий позволяет разделить историческую серию Шекспира на две почти равные друг другу по объему «драматические тетралогии»:

тетралогия 1: *Генрих VI* (3 части), *Ричард III*;

тетралогия 2: *Ричард II*, *Генрих IV* (2 части), *Генрих V*.

Каждая из этих двух подсерий характеризуется своим собственным внутренним единством, определяемым представленностью одних и тех же центральных действующих лиц в различных ее частях и последовательностью развития драматического действия, «нисходящего» в первой тетралогии и «восходящего» во второй. Вместе с тем на более высоком уровне рассмотрения обе тетралогии объединяются в единый драматургический комплекс, основные образы которого системно взаимосвязаны между собой.

Хронологически изолированная драма *Король Иоанн* выполняет роль промежуточного связующего звена между двумя тетралогиями.

Драматическая тетралогия 1: *Генрих VI*, *Ричард III*

Шекспир начал свою историческую серию (как и все свое драматургическое творчество вообще) с царствования Генриха VI, самого слабого из описываемых королей, неспособность которого управлять как своим собственным внутренним миром, так и королевством служит причиной нарушения хрупкого социального равновесия и развязывания разрушительной гражданской войны.

Образ Генриха VI, первого в галерее подлинно шекспировских образов, характеризуется глубинным противоречием между личностными свойствами персонажа и требованиями, налагаемыми на него внешними обстоятельствами. От природы Генрих – добрый, совестливый, но безвольный человек, не приспособленный к роли носителя высшей государственной власти и не желающий ее:

Едва с моей расставшись колыбелью,
Я был, грудной младенец, коронован.
Так страстно подданный венца не жаждет,
Как жажду я быть подданным простым.

Его мечта – отказаться от власти, передав ее в более сильные руки.

А я в уединенье, на покое
Остаток дней молитвам посвящу.

Эмоциональная ранимость Генриха проявляется, в частности, в том, что при известии о смерти своего предательски убитого дяди Глостера он лишается чувств.

По словам жены Генриха, королевы Маргариты,

К делам правленья холоден король
И преисполнен жалости пустой.

Генрих – искренний христианин, пытающийся совместить евангельскую веру в абсолютную вездесущность божественного провидения с королевской властью. Он сохраняет верность принципам Нагорной проповеди, даже когда сам находится во власти свергнувшего его соперника:

Что хочет Бог, – пусть ваш король творит,
А что он хочет – я исполню кротко.

И наконец, в наиболее экстремальной ситуации Генрих VI молится за своего убийцу:

Меня помилуй, Боже, и его!

Генрих свято верит в непоколебимую силу правды:

Крепчайший панцирь – доблестное сердце,
И трижды тот вооружен, кто прав!

Однако сам Генрих, внук узурпатора Генриха IV, осознает шаткость своих законных прав на престол:

Что мне сказать? Слабы мои права.

Чувство справедливости побуждает его восстановить Ричарда, законного наследника Плантагенетов, в герцогском звании, тем самым усиливая противников династии Ланкастеров и сея семена предстоящей гражданской смуты. Миротворительный Генрих тяготеет к назревающему раздору и любой ценой стремится сохранить согласие между враждующими сторонами:

Как подданным, повелеваем вам
Остановить убийственные руки.

Однако вследствие слабости характера Генриха его «повеление» не только не укрощает разгорающиеся страсти, но и разжигает их. Он не способен противостоять любому внешнему давлению и является марионеткой в столкновении противоборствующих честолюбив:

Милорды, что найдете нужным,
То делайте от нашего лица.

Безволие короля служит на руку его потаенным недругам:

Все в нашей власти, – он согласие даст
И, что мы постановим, утвердит.

Своими сторонниками Генрих воспринимается как помеха в решающей битве:

Вам лучше, государь, покинуть поле.
Без вас верней удача королевы!

Генрих безропотно подчиняется:

Пусть Бог, кому захочет, даст победу.
Клиффорд и королева Маргарита
Меня прогнали с поля, поклялись,
Что без меня удачливей они.

Под давлением извне Генрих соглашается на передачу наследственных прав на престол Ричарду Плантагенету после своей смерти, лишая тем самым этих прав свое собственное потомство. Это воспринимается сторонниками Ланкастеров как предательство:

Трусливый, низкий, слабодушный Генрих!
Как оскорбил ты и себя и нас!...
Прощай, пугливый выродок-король,
В чьем хладном сердце нет ни искры чести!

Но неистовой всех проклиняет своего мужа Маргарита:

Несчастный! Лучше б умереть мне девой,
Не знать тебя и сына не рожать,
Коль ты такой отец бесчеловечный!

Генрих сознает свою ответственность перед народом:

Как станет вся страна за муки эти
Клясть государя в горе безутешном!

Безволие Генриха резко контрастирует с противоположными душевными свойствами его жены, королевы Маргариты – первой «железной леди» шекспировской галереи «сильных» женских образов, предтечей леди Макбет.

Маргарита пытается вдохновить Генриха на решительную борьбу:

Воспряньте духом, государь! Враг близок,
И вы друзей смутите малодушьем.

После отказа Генриха от борьбы Маргарита берет на себя руководство делом Ланкастеров:

Отвергшие твои знамена лорды
 Пойдут с моими, если разверну их,
 А я тебе на зло их разверну
 И на погибель злую дому Йорка.

Психологическая разработка второго центрального образа данной тетралогии – герцога Глостера, будущего Ричарда III – начинается уже со второй части трилогии *Генрих VI*; таким образом, здесь наблюдается развитие одного и того же персонажа в трех последовательных драмах. Ричард III противостоит Генриху VI по обеим вышеуказанным личностным характеристикам, представляя собой предельное воплощение циничного эгоизма, с одной стороны, и сильной воли – с другой.

Мотивировка честолюбивых замыслов Ричарда качественно иная, чем у персонажей предыдущих трех драм, чьи действия определялись династическими интересами, основанными на тогдашних понятиях права и законности. Так, сторонники Ланкастеров ссылались на «право завоевания», т.е. на статус кво, сложившийся *de facto* после свержения династии Плантагенетов и оправдываемый заслугами перед Англией, признаваемыми даже его противниками, Генриха V, который «отпраздновал во Франции победы; смирил он короля, смирил дофина». С другой стороны, притязания Йорков, законных наследников свергнутых Плантагенетов, были обоснованы *de jure*.

Положение изменилось после низвержения Генриха VI и воцарения династии Йорков. Казалось бы, справедливость восстановлена и должны наступить конец длительных раздоров и восстановление внутреннего спокойствия в стране. Но тут вмешались личные амбиции Ричарда, младшего брата короля Эдуарда. Дарованное ему герцогское звание не удовлетворяет его ненасытного честолюбия. Не имея законных оснований претендовать на королевскую власть, он затевает сложную многоходовую интригу по устранению своих же сородичей, братьев и племянников, стоящих между ним и тронном:

Итак, преобразило солнце Йорка
 В благое лето зиму наших смут...
 Но я, чей облик не подходит к играм,...
 Я, у кого ни роста, ни осанки... –
 Чем я займусь в столь сладостное время?..
 Нет!... Раз не вышел из меня любовник,
 То надлежит мне сделаться злодеем,
 Прокляв забавы наших праздных дней.

Но раз иной нет радости мне в мире,
 Как притеснять, повелевать, царить
 Над теми, кто красивее меня, –
 Пусть о венце мечты мне будут небом.

Всю жизнь мне будет мир казаться адом,
Пока над этим туловищем гадким
Не увенчает голову корона.

Таким образом, здесь на первый план выступает честолюбие, определяемое сугубо личными, эгоистичными побуждениями, сознательно идущее на нарушение всех нравственных принципов и социальных представлений о справедливости, законности и элементарной честности. Главное оружие Ричарда – лицемерие:

Я наготу злодейства прикрываю,
Лелея адский план, святого корчу.

Ричард III являет собой апофеоз злодейства как такового, злодейства принципиального, сознательного и неприкаянного. Трудно найти во всей мировой литературе другой столь законченный образ «злодея», использующего все свои природные способности развитого интеллекта и непреклонной воли для достижения преступной цели с полным пренебрежением какими-либо нравственными сдерживающими факторами.

Завершая «нисходящую» линию развития драматического действия первой тетралогии, Шекспир всевозможными художественными средствами подчеркивает, что Ричард терпит заслуженную кару, которая ставит последнюю точку на тридцатилетнем историческом периоде, изобилующем предательством, убийствами и преступлениями. Первая драматическая тетралогия завершается прославлением Ричмонда, победителя Ричарда III и будущего Генриха VII, основателя новой династии Тюдоров:

Верны обету, мы конец положим
Войне меж Белой Розою и Алой...
Нет больше распрей, кончена вражда.
Да будет мир на долгие года!

Показательно, однако, что действие двух следующих, почти одновременно написанных драм исторической серии Шекспира относится не к эпохе Тюдоров, а к предшествующей эпохе Плантагенетов в лице двух опять-таки слабых представителей этой династии, Иоанна Безземельного и Ричарда II. Это свидетельствует о намерении Шекспира глубже разобраться в социальных и человеческих истоках той национальной трагедии, которую пережила Англия в конце XV века.

Хронологически оторванная от других пьес исторической серии, драма *Король Иоанн* обнаруживает внутреннюю связь с *Ричардом III* сходством их «титულных» образов: в обоих случаях в центре драматического действия стоят узурпаторы, незаконно отстранившие от королевской власти своих старших братьев. Имя Иоанна Безземельного пользуется, вероятно, наиболее дурной славой из всех Плантагенетов, как это видно из его негативного освещения в народном эпосе о Робине Гуде. Выбор Шекспиром данного персонажа свидетельствует о его установке не на закрытие, после первой тетралогии, а на дальнейшую разра-

ботку темы отрицательного воздействия порочного правителя на благосостояние страны.

Образ Иоанна сочетает негативные характеристики обоих отрицательных персонажей первой тетралогии – слабоволие Генриха VI и нравственную беспринципность Ричарда III – при отсутствии человеколюбия первого и изощренного интеллекта и сильной воли второго.

Так, Иоанн, захватив престол у старшего брата Ричарда Львиное Сердце, преследует другого своего старшего брата Артура, герцога Бретанского. Страна, стонущая под его несправедливым правлением, восстает против него:

О, как легко вся Англия восстала!
С последним вздохом умершего принца
Жизнь, и права, и правда всей страны
Исчезли в небе. Англии осталось
Зубами и когтями раздирать
Наследье королей в борьбе за власть.

Итак, образ Иоанна относится к типу «королей-неудачников», не способных в силу негативных свойств своего характера к разумному управлению ни своей частной жизнью, ни государством, и в этом смысле вполне вписывается в «нисходящую» линию развития драматического действия, представленную в первой исторической тетралогии. Но в этой драме намечается другой существенный для Шекспира лейтмотив, проявившийся в образе Бастарда, поддерживающего Иоанна в наиболее критических ситуациях увещеваниями не терять мужества и присутствия духа и продолжать борьбу при самых неблагоприятных, как казалось бы, перепадах судьбы:

Глядите смело в страшный лик беды.

Драма завершается монологом Бастарда, который мог бы служить вступительным эпиграфом и поворотным моментом к «восходящей» линии развития драматического действия, представленного во второй исторической тетралогии Шекспира:

Нет, не лежала Англия у ног
Надменного захватчика и впредь
Лежать не будет, если ран жестоких
Сама себе не нанесет сперва.
К ней возвратились пэры. Пусть приходят
Враги теперь со всех концов земли.
Мы сможем одолеть в любой борьбе, –
Была бы Англия верна себе.

Драматическая тетралогия 2: *Ричард II, Генрих IV, Генрих V*

Ричард II, последний из «слабых» королей шекспировской исторической эпопеи, представлен в ней в иной драматургической перспективе сравнительно с «ти-

тульными» персонажами первой тетралогии: в качестве «точки оттолкновения», с которой берет начало «восходящая» драматическая линия второй тетралогии.

Основной психологический пафос пьесы связан с душевными переживаниями Ричарда, низринутого с высот мирского величия в бездну ничтожности. Ни в какой другой из исторических драм Шекспира, изобилующих образами свергнутых королей, не уделяется столько внимания душевным мучениям потерпевшей жизненное крушение человеческой личности:

Я побратался с беспощадным горем
И до могилы буду связан с ним.

Сцена прощания Ричарда с разлучаемой с ним королевой является одной из наиболее проникновенных и трогательных не только в исторической серии Шекспира, но и во всем его творчестве.

Ричард сознает неизбежность перехода своей несостоявшейся королевской власти к более энергичному Болингброку, будущему Генриху IV:

Тебе же, кто вознесся выше всех,
Пусть в всем сопутствует успех!

Завязка будущей междоусобицы коренится не в факте перехода власти к более способному правителю, а в совершенном им преступлении – не оправдываемом никакими соображениями «государственной пользы» убийстве прежнего короля, отрекшегося от королевства.

Подобно тому, как в первой тетралогии основы психологической характеристики центральных образов последующих драм закладывались в предыдущих ее частях, уже в *Ричарде II*, первой драме второй тетралогии, дана исходная мотивировка предстоящих действий Генри Болингброка, будущего Генриха IV, основателя новой династии Ланкастеров.

Генрих лишает трона и жизни законного наследника и последнего представителя династии Плантагенетов и в этом отношении напоминает «злых» узурпаторов первой тетралогии – с одним существенным отличием: он отдает себе полный отчет в противозаконности своего поступка, сознательно совершенного им в целях пресечения господствующих в стране беспорядков:

Отчизна наша больше уст своих
Не будет обагрять сыновней кровью.
Война не будет разорять полей.

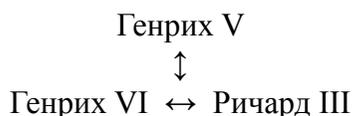
В отличие от Ричарда III Генрих IV постоянно испытывает угрызения совести по поводу совершенного им преступления и видит свое нравственное оправдание в своем сыне, принце Гарри, который в качестве уже законного наследника престола, свободного от ответственности за проступок отца, должен получить возможность действовать на пользу отечеству, не будучи обремененным чувством вины и раскаяния.

Бог ведает, какими, милый сын,
 Извилистыми, темными путями
 Достал корону я, как весь мой век
 Она мне лоб заботой тяжелила.
 К тебе она спокойно перейдет,
 Открыто и без споров, с большим правом.

Генрих V считается рядом литературоведов одной из наименее удачных драм Шекспира. Показательна в этом отношении следующая оценка видного исследователя шекспировского творчества: «*“Генрих V”* – произведение странное по сочетанию несомненного мастерства и сравнительной пустоты содержания... Мы не найдем здесь почти никаких следов всепроникающего шекспировского гуманизма... Генрих V в этой пьесе имеет мало общего с принцем Генрихом, каким он выведен в *“Генрихе IV”*... *“Генрих V”* остается памятником того, как даже такие великие мастера, как Шекспир, свободно распоряжавшиеся всем арсеналом художественных средств драмы, не могут безнаказанно нарушать законов жизненной правды в искусстве». Ставится даже вопрос об «искренности» Шекспира и о написании им *Генриха V* по «социальному заказу» [1, 636-640].

Вышеприведенная критическая оценка, по-видимому, определяется тем, что *Генрих V* рассматривается здесь как отдельная самодостаточная пьеса, вне ее внутренней связи с остальными драмами цикла. Системный же анализ образа Генриха V в контексте всей исторической серии Шекспира позволяет выявить его разносторонние «полифонические» соотношения фактически со всеми остальными центральными образами обеих тетралогий и его роль в качестве кульминационной вершины единой девятичастной драматургической эпопеи, «точки свода» основных тем и линий развития предыдущих восьми драм.

В основе композиционно-образной структуры исторической серии лежит противопоставление, по различным признакам, образа Генриха V двум центральным образам первой тетралогии, Генриха VI и Ричарда III. Таким образом, имеет место следующий двухуровневый «треугольник» образов:

Две схематические оппозиции определяют глубинное соотношение этих трех ключевых образов:

- 1) противоположные *моральные* (*m*) мотивировки действий персонажей: положительная (*m+*) ↔ отрицательная (*m-*) моральная мотивировка;
- 2) противоположные *волевые* (*v*) мотивировки персонажей: сильная воля (*v+*) ↔ слабая воля (*v-*).

Оба типа мотивировки могут иметь открытое, отвечающее своей сущности, или симулятивное, притворное проявление; во втором случае соответствующий символ приводится в квадратных скобках.

Образ Генриха VI на протяжении всей тетралогии 1 константно характеризуется положительной моральной и слабой волевитивной мотивировкой: $m+/v-$.

Подлинная сущность образа Ричарда III определяется прямо противоположными признаками – отрицательной моральной и сильной волевитивной мотивировкой ($m-/v+$). Однако до своего насильственного захвата королевской власти Ричард маскирует эту свою сущность, симулируя добродетель, чтобы скрыть от окружающих свои честолюбивые, преступные цели. Таким образом, в процессе развития данного образа имеет место переход от симулируемой положительной к открыто проявляемой отрицательной моральной мотивировке: $[m+] \rightarrow m-/v+$.

Генрих V характеризуется такой же энергией и силой воли, как Ричард III, но кардинально отличается от него своими жизненными целями и установками. Таким образом, Генрих V на окончательной, дефинитивной стадии своего развития сочетает положительные черты Генриха VI и Ричарда III – верность высоким моральным принципам, показательную для первого, и непреклонную волю, присутствие духа, способность продолжать борьбу при самых неблагоприятных обстоятельствах и неудачах, свойственные второму.

Итак, в исторической серии Шекспира выделяются два диаметрально противоположных, «контрапунктически» противопоставленных друг другу образа, олицетворяющих темное и светлое начала: Ричард III (первая тетралогия) и Генрих V (вторая тетралогия). В этих двух контрарных образах находит проявление одна из ключевых тем не только исторической серии, но и всего драматургического творчества Шекспира – двуплановость человека и мира, несоответствие видимости и сущности, формы и содержания, внешнего выражения и подлинной внутренней сути. Данное несоответствие играет существенную композиционную роль, подчеркивая противостояние Ричарда – Генриха противоположной направленностью развития этих образов. Если Ричард III скрывает свою подлинную сущность под маской притворной добродетели, то принц Гарри до своего вступления на престол, наоборот, симулирует распутство и полное отсутствие качеств, необходимых для будущего руководителя страны, с тем чтобы в полной мере проявить их, к вящему удивлению окружающих, когда для этого открываются реальные возможности: $[m-] \rightarrow m+/v+$.

Один из спорных моментов образа Генриха V как раз состоит в интерпретации художественной роли первого, «симулятивного», этапа его становления. Кутила, завсегдагай таверн и низкопробных компаний, олицетворяемых образом Фальстафа, принц Гарри следующим образом отзывается о никчемных собутыльниках своих беспутных юношеских лет:

Я всем вам знаю цену, но пока –
 Потворщик первый вашим безобразьям...
 Нас радует лишь то, что непривычно.
 Так именно, когда я прекращу
 Разгул и обнаружу исправленье,
 Какого никому не обещал,
 Людей я озадачу переменой

И лучше окажусь, чем думал свет.
 Благодаря моим былым порокам
 Еще яснее будет, чем я стал.

Такое объяснение представляется весьма противоречивым и не слишком правдоподобным. Своим поведением принц Гарри доставляет глубокие огорчения и без того отягченному многочисленными заботами отцу, которого искренне любит. Генрих V упрекает сына:

Наверное, я так Бога прогневил,
 Что он мне превращает в наказание
 Родного сына, собственную плоть?...
 Так вот вы для кого, отцы-безумцы,
 Губили сон раздумьями, мозги –
 Заботами и мышцы рук – работой!
 Вот с совестью зачем на сделки шли,
 Копя ценой ужасной состоянья!

Гарри сознает свою вину и кается:

Стыжусь все это слышать, государь,
 И правда, постараюсь измениться.

Психологически трудно примирить эти слова с тем холодным расчетом, который звучит в вышеприведенных рассуждениях принца о наиболее эффективном способе достижения у людей благоприятного впечатления о себе, противоречащих подчеркиваемым в последующих частях тетралогии прямоте и искренности Генриха в общении с окружающими и даже отдаленно напоминающих соответствующие откровения его «антитипа» – Ричарда III. Более правдоподобной представляется версия, согласно которой принц Гарри действительно отдал дань увлечениям молодости, «посеяв свои дикие овсы» и вовремя образумившись через чувство долга и осознание своего высокого назначения.

Вместе с тем ранняя стадия становления образа Генриха V играет столь значимую роль в композиционной структуре второй тетралогии, что ее художественный смысл вряд ли может быть сведен к простой констатации «бурной юности» персонажа и его последующего «исправления». Представляется возможным видеть этот смысл в том, что описание юношеских лет принца Гарри послужило Шекспиру сценическим поводом и обрамлением для введения образа *Джона Фальстафа*.

Согласно предлагаемой гипотезе, *Фальстаф* – комедийный вариант, карикатурная пародия на Ричарда III. Если отвлечься от исторического масштаба и стилистического уровня их проявления, эти два образа роднят такие черты, как абсолютно беспринципный аморализм, циничное стремление любыми способами достичь своих эгоистических целей (при всей несопоставимости пределов и высоты полета их жизненных амбиций), изощренное казуистическое красноречие – возвышенно-патетическое у Ричарда III, приземленно-плебейское у Фальстафа.

В этом своем качестве Фальстаф противостоит, прежде всего, безрассудно смелому Хотсперу («Горячая шпора»), олицетворяющему идеал рыцарской доблести и чести. Весьма показательно в этом отношении следующее рассуждение Фальстафа:

Мне скажут, это, мол, дело чести, честь подзадоривает меня. Ну, а если на этом задоре я сломаю себе шею? Может ли честь приставить новую ногу? Нет. А руку? Не может. А уврачевать рану? Тоже нет. Значит, честь не хирург? Нет. Что же она такое? Слово. Что в нем содержится? Воздух. Подумаешь, какой клад! Для кого она предназначается? В четверг ее удостаивается тот, кто умер ради нее в среду. Чувствует ли он ее? Нет. Слышит ли ее? Нет. Но, может быть, она предназначена для живых? Нет, тоже нет. Почему? Злословье сотрет ее в порошок. Ну так не хочу я ее. Честь – это род надгробной надписи. Вот мое ученье.

Художественная роль образа Фальстафа не ограничивается его противопоставленностью образу Хотспера: в конечном счете оба эти персонажа противостоят, в различных планах, центральному образу Генриха V.

Фальстаф не играет столь непосредственной роли в развитии драматического действия, как Хотспер, являясь в этом смысле эпизодическим действующим лицом, находящимся на периферии основной сюжетной линии. Однако в отличие от других эпизодических персонажей (верховного судьи, солдата Уильямса и т.д.), лишенных собственного художественного статуса и служащих лишь средством более рельефного выделения тех или иных характеристик Генриха V, Фальстаф имеет самостоятельную, глубокую и разностороннюю разработку в трех последовательных драмах, фактически превращающую его во второй стержневой образ тетралогии. Эта стержневая композиционная функция определяется тем, что Фальстаф служит олицетворением мировоззренческой установки, диаметрально противоположной той, которая находит воплощение в Генрихе V, что позволило перевести «заочное» противостояние последнего Ричарду III в непосредственное столкновение олицетворяемых ими контрарных человеческих типов на подмостках единого театрального представления: на протяжении трех последовательных драм Генрих неустанно разоблачает лживость и порочные наклонности комедийного «двойника» Ричарда III. В соответствии с известным афоризмом К. Маркса, история, имевшая трагедийное начало, получает разрешение в виде фарса.

Итак, король Генрих V воплощает идеальный, в представлении Шекспира, тип человека, наделенного высшей государственной властью и одновременно чувством своей ответственности за разумное использование этой дарованной ему власти на благо народа и стране. В основе его деятельности как вершителя судеб доверенных его попечению людей лежит принцип нравственной ответственности – способность противопоставления внешним обстоятельствам и низшим побуждениям своей собственной природы некоторых незыблемых убеждений высшего духовного порядка:

Король мы христианский, не тиран,
И наши страсти разуму подвластны
И скованы, как пленники в темнице.

Вышеприведенный жизненный принцип определяет такие личностные особенности Генриха, как человеколюбие, терпимость, милосердие. Однако там, где речь идет о высшей справедливости и государственной пользе, Генрих V, в отличие от «слабых» королей предыдущих драм, проявляет граничащую с жестокостью строгость и незыблемую твердость воли. Такое сочетание, в зависимости от обстоятельств, противоположных характеристик мягкости и жесткости, терпимости и требовательности, милосердия и непреклонного следования букве закона, определяется четким осознанием Генрихом, на основании трагических уроков предшествовавших царствований, двойной угрозы благосостоянию страны, которой чреваты как не уравновешенная милосердием жестокость правителя, так и его потакательство обстоятельствам и попустительство различным разрушительным, асоциальным проявлениям злой воли:

«Всех таких мерзавцев надо беспощадно искоренять <...> ибо там, где кротость и жестокость спорят о короне, выиграет тот из игроков, который более великодушен».

Генрих стремится подчинить свою деятельность не игре страстей и прихоти сиюминутных настроений, а доводам разума и справедливости. Главное дело своей жизни – войну с Францией – он хочет основать на праве и законе:

Ученый лорд, мы просим разъяснить нам,
Согласно праву и воззрениям церкви,
Препятствует ли нашим притязаньям
На Францию Салический закон?...
Могу я с чистой совестью, по праву
Потребовать, что мне принадлежит?

Убежденность в своей правоте служит основанием неколебимой твердости Генриха в осуществлении поставленных перед собой целей:

Корона впору.
Храни ее на мне, господь. Теперь
Хотя б весь свет простер за нею руки,
Клянусь тебе, отцу и королю,
Я никому ее не уступлю,
Полученного от тебя не кину,
И, как святыню, завещаю сыну.

В сценах, предваряющих решающую битву с французской армией при Азинкуре, находит еще одно развернутое проявление вышеотмеченная установка Шекспира на показ несоответствия внешней формы и внутренней сущности описываемых явлений, на этот раз не в плане сопоставления поведения отдельной личности и ее подлинных намерений, а на материале широкомасштабных исторических событий.

Так, по всем внешним признакам блестящее французское воинство имеет подавляющее преимущество над изможденной, потрепанной долгими походами армией Генриха V:

Взгляните лишь на этот сброд голодный
И обнищальный – и ваш гордый вид
У них тотчас все мужество отнимет
И превратит их в шелуху людей...
Едва появимся на поле, страх
Пред нами англичан повергнет в прах!

Генрих признает свою слабость, что, однако, не умаляет его решимости:

Мои войска изнурены болезнью,
В числе уменьшились; остаток их
Не крепче равного числа французов...
Мои войска – мне слабая охрана.
Но с божьей помощью пойдем вперед...
Не ищем мы сражения теперь,
Однако избегать его не станем.

В известной речи Генриха V накануне битвы, которую следует отнести к одному из самых ранних образцов знаменитых шекспировских монологов, получает выражение положительный идеал активного деятеля, осознание которым правоты своего дела придает ему уверенность и силу для преодоления самых неблагоприятных внешних обстоятельств:

Да, правда, Глостер, велика опасность:
Тем больше быть должна отвага наша.

Коль суждено погибнуть нам, – довольно
Потерь для родины; а будем живы, –
Чем меньше нас, тем больше будет славы.
Да будет воля божья! Не желай
И одного еще бойца нам в помощь.

После одержанной им победы Генрих не поддается соблазну самодовольной гордыни, но признает свою зависимость, при всей своей неограниченной по человеческим представлениям королевской власти, от высшей божественной воли:

Не нам за то, а господу хвала!...

Итак, если рассматривать Генриха V в перспективе всей тетралогии, во всем многообразии его разноплановых соотношений с остальными центральными персонажами исторической серии, он должен быть признан одним из наиболее сложных образов Шекспира, последовательно представленным в самых различных ситуациях на всем протяжении его жизненного пути. Разработка данного образа начинается с V-го акта *Ричарда II*, проходит красной нитью через обе части *Генриха IV* и составляет основное содержание *Генриха V*, т.е. осуществляется на протяжении *четырёх* последовательных драм. Такого внимания автора не удо-

стаивается ни один другой персонаж Шекспира. В перспективе его внутреннего развития образ Генриха V является одним из наиболее динамичных в шекспировской галерее – в частности, не менее, если не более динамичным, чем образ Ричарда III, играющий аналогичную, но «антикульминационную» роль в составе первой тетралогии и фактически не претерпевающий существенных внутренних изменений на протяжении трех последовательных драм.

Особый художественный статус образа Генриха V состоит в том, что он выступает в тетралогии в качестве *положительного героя*. Как известно, создание художественно убедительного положительного образа представляет значительно большие трудности для писателя, чем показ отрицательных персонажей, что определяет существенное преобладание вторых над первым в мировой литературе. Генрих V, как кульминационный образ девятичастной исторической эпопеи, композиционным и психологическим стержнем которой он является, представляет одно из высших достижений драматургического гения Шекспира – наиболее полное отображение его положительного идеала человека.

Генрих V, как и вся историко-драматургическая эпопея Шекспира, завершается сценой примирения двух враждующих сторон, Англии и Франции, через брачный союз английского короля, победителя при Азинкуре, с французской принцессой Катериной. Данный сценический прием разрешения драматического конфликта, получивший классическое проявление в почти одновременно написанной драме «Ромео и Джульетта» (1594 – 1595), имел бы характер театрального *deus ex machina*, если бы не отражал неоднократно представленного в реальной истории Англии способа разрешения социальной междоусобицы. Так, конец войнам Роз был положен женитьбой Генриха VII – который, в качестве сына Катерины, вдовы Генриха V, может условно рассматриваться как преемник этого «эталонного» короля Ланкастерской династии – на Елизавете, представительнице клана Йорков, потерпевшего военное поражение, но примиренного через союз со своими победителями в рамках новой «сводной» династии Тюдоров.

Еще через два столетия данная «формула Шекспира» сработала при разрешении второго периода английских междоусобиц – религиозных гражданских войн XVII века, завершившихся бракосочетанием Вильгельма III, ставленника протестантской партии, с Марией, дочерью побежденного им Карла II, католика.

Период написания историко-драматической эпопеи Шекспира совпал с концом елизаветинской эпохи и с первыми глухими симптомами надвигавшейся на Англию новой полосы социальных потрясений, связанных с набирающими силу религиозными противостояниями. Может быть высказано предположение, что наряду с творчески-художественными побуждениями Шекспиром двигало подспудное стремление донести до сознания и, возможно, разумения современных ему власть имущих основные уроки трагического прошлого, с тем чтобы предостеречь их от повторения ошибок их предшественников.

Если такие назидательные намерения у Шекспира имели место, то они не оправдались: английские гражданские войны XVII века не уступают по своей

разрушительной силе войнам Роз, а порой и превосходят их. Однако многие видные политические деятели последующих веков, включая У. Черчилля, неоднократно утверждали, что они учились отечественной истории не по учебникам, а по драмам Шекспира.

Представляется, что эта «дидактическая» роль исторических пьес Шекспира определяется способностью драматурга «очеловечивать» историю в лице ее ключевых делателей. Это проявляется в том, что он дает герменевтическую трактовку описываемым явлениям в специфическом интерпретационном свете, придавая им, не погрешая против фактологической истины, глубинный философско-символический смысл, отображающий симметричность двух параллельных линий развития: внешнего хода исторических событий и поступательной динамики внутреннего мира их основных участников. Эталонной моделью этой динамики, по Шекспиру, служит переход от «нисходящей» к «восходящей» траектории личностного развития: от нарушения стабильного душевного состояния к его восстановлению на более высоком духовном уровне через преодоление страстей и допущенных ошибок, искупление совершенных преступлений.

Здесь можно видеть художественное воплощение идеи о том, что человек, подобно Эдипу в Колоне, достигает высшей духовной просветленности и постигает подлинный смысл своего существования через преодоление душевных смут и падений. По образному выражению А. Жида, «классицизм имеет ценность только как преодоленный романтизм». В синергетических терминах эволюция образа Генриха V может быть представлена в виде перехода «от хаоса к порядку» через «сингулярный» момент его внутреннего преобразования, знаменующий конец его беспутной юности и начало духовной зрелости. Сам этот «сингулярный» переходный момент Шекспиром не эксплицируется, но принимается за данное. Лишь один писатель – Ф.М. Достоевский, единственный, которого можно поставить рядом с Шекспиром по глубине проникновения в духовную сущность человека, – в образах Раскольникова и Дмитрия Карамазова отобразил всю психологическую сложность и противоречивость «сингулярного» перехода от «хаоса» душевного состояния, обуреваемого страстями, к новому упорядоченному состоянию духовной просветленности.

Объективное течение описываемых Шекспиром исторических событий не соответствует этой идеальной модели: «нисходящая» линия развития драматического действия, начало которой положено царствованием Генриха VI, сына Генриха V, не предшествует «восходящей», а следует за ней. Художественное разрешение этого несоответствия можно видеть в вышеуказанном темпоральном сдвиге последовательности написания исторических драм по отношению к объективной хронологической последовательности описываемых событий.

В перспективе этой инверсии сценического и реального времени исторически предшествовавшее царствование Генриха V выступает в роли театрального финала драматического действия всей серии, тогда как исторически следовавшее за ним царствование Генриха VI выполняет функцию театральной экспозиции. Если представить себе единую связную постановку всей исторической

серии Шекспира наподобие вагнеровской тетралогии *Кольцо нибелунга*, то для сохранения авторского замысла и цельности зрительского восприятия составные драмы должны быть расположены в ней именно в данной последовательности их написания, а не в исторической – при всей достоверности отображаемых в них исторических фактов. В данном смысле к театральному представлению может быть применено постмодернистское понятие «нарратива», существенным аспектом которого «является его воздействие на время... Именно рассказывание в настоящем разворачивает каждый раз призрачную временность, простирающуюся между “я слышал” и “вы услышите”» [2, 569], т.е., в нашем случае, между авторским усвоением исторических фактов и его подачей их зрительскому восприятию. В этом смещении временных отношений между событиями при сохранении фактологической достоверности описываемых явлений можно видеть один из аспектов проблемы соотношения традиции и инновации в художественном отображении исторических данных.

Все вышесказанное позволяет заключить, что историческая серия Шекспира, созданная им в первое десятилетие его творческой биографии, представляет собой цельный по замыслу и внутренне последовательный по развитию драматического действия драматургический комплекс, послуживший завершенным сценическим воплощением идеи о решающем влиянии как отрицательных, так и положительных личностных черт носителей высшей государственной власти на судьбы страны. О завершенности данного проекта, успешно разрешившего поставленную автором творческую задачу, свидетельствует тот факт, что до самого конца своей писательской деятельности Шекспир не возвращается к сюжетам из английской истории – вплоть до своей последней незавершенной драмы *Генрих VIII* (1612 – 1613), действие которой относится к другой эпохе и ориентировано не столько на осмысление свершившихся событий прошлого, сколько на прозрение зарождающихся конфликтов будущего.

Период создания тематически самодостаточного драматического комплекса исторических пьес может быть представлен как процесс созревания и первоначальной «лабораторной обработки», сценической апробации на ограниченном жесткими историческими рамками материале основополагающей драматургической концепции, полномасштабной реализации которой была посвящена вся последующая творческая деятельность Шекспира.

Shakespeare's nine plays on the Wars of the Roses are analysed as parts of a single unified «superdrama» constituting the author's first «probative» exploration of his main theme – the interplay of human character and fate, which received its fullest expression in the great tragedies of the succeeding period of his creative biography.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникст А.А. «Генрих V» // Уильям Шекспир. – М.: Искусство, 1959. – Т. 4.
2. Постмодернизм: энциклопедия. – Минск: Интерпрессервис – Книжный дом, 2001.
3. Сильницкий Г.Г. Постмодернизм и синергетика: два подхода к проблеме возникновения нового // Известия СмолГУ. – 2008. – № 1.

СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА И МОЛОДЕЖНЫЙ ЯЗЫК: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

(на материале исследований молодежного языка Германии) (1)

Ключевые слова: «Молодежь» – «Молодежный язык» («*Jugend-sprache*» = JS) в социолингвистике – этапы исследований. Экспрессивность лексикона; словарь – речь молодежи («*Sprache*» – «*Sprachgebrauch*»); гетерогенность молодежи, JS и процесса коммуникации. Разноаспектный подход к JS. Статус JS сегодня.

В данной статье дается краткий обзор проблем, связанных с развитием и функционированием молодежного языка Германии («*Jugendsprache*» – JS) и с историей его изучения с 80-х годов XX века до наших дней. Исследования проводились в основном в рамках социолингвистики, во взаимодействии с другими новыми дисциплинами: коммуникативной лингвистикой, этнолингвистикой и пр.

Молодежный язык Германии с 80-х годов XX века является в среде лингвистов объектом повышенного внимания и интенсивного изучения. В истории его исследования можно – с некоторой долей условности – выделить два этапа: начальный этап – это, главным образом, 80-е годы XX века; следующий этап – от начала 90-х годов до наших дней.

Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на рост числа публикаций и на достижения в изучении молодежного языка, результаты последних исследований приносят специалистам по молодежному языку больше вопросов, чем ответов. Так, сегодняшние исследователи всерьез озабочены поисками ответов на вопросы кардинального характера: что такое молодежный язык и, более того, существует ли он вообще?

Сложность таких поисков заключается, прежде всего, в том, что в поле зрения исследователей оказываются ныне не только сам *молодежный язык*, его лексикон, но и *молодежь* как носитель молодежного языка; бесчисленное количество *молодежных группировок и групп*, каждая со своим образом и стилем жизни, и *процесс коммуникации* в этих группах.

Другой сложностью является то, что исследования молодежного языка велись и ведутся с позиций разных – традиционных и новых – лингвистических дисциплин, с их интересом к разным аспектам молодежного языка – к строению словаря, его качествам и свойствам и к особенностям его функционирования в чрезвычайно гетерогенной молодежной среде.

С самого начала изучение молодежного языка («Jugendsprache» = JS) проводилось в рамках новых лингвистических дисциплин и в свете ведущих тенденций нового времени.

На первом этапе определяющая роль принадлежала – как принадлежит и сегодня – *социолингвистике*, науке, сформировавшейся в 60-е годы XX века; уже своим названием она демонстрирует свое научное кредо: неразрывность связи языка и общества.

В союзе с *вариативной лингвистикой*, появившейся в 70-е годы XX века, социолингвистика оказала поистине революционизирующее воздействие на весь последующий ход развития лингвистики и на формирование новых направлений, на становление новых лингвистических дисциплин. Главным их достоинством является *интердисциплинарный* подход к языку, объединение усилий лингвистов и нелингвистов, поскольку для них всех язык – это не только лингвистическое, но и социальное явление, тесно связанное с человеком и с обществом. Такими новыми дисциплинами стали, например, коммуникативная лингвистика, лингвистика текста, когнитивная лингвистика, психолингвистика, этнолингвистика и многие другие.

В социолингвистике (с поддержкой вариативной лингвистики) был разработан – наряду с *лингвистическими параметрами* – целый ряд *экстралингвистических параметров*, без учета которых в наше время не могут строиться научные исследования языка. К числу таких параметров относятся:

- контингент говорящих;
- тема/тематика общения;
- ситуация (обстоятельства общения – время, место и др.);
- форма общения – устная или письменная и принятый тон общения – официальный, формальный или неофициальный, неформальный;
- взаимоотношения партнеров по коммуникации;
- интенции говорящих.

Комплексом этих тем в их взаимосвязи друг с другом сегодня занимаются – так или иначе – и все другие новые лингвистические дисциплины, прежде всего, коммуникативная лингвистика (её названия в немецком языке – «Gesprächsanalyse», «Konversationsanalyse»).

С последней трети XIX века до 60-х годов XX века лингвистов старой школы в Германии интересовал язык как система («Sprache», «Sprachsystem»), с едиными и общими для всех немцев нормами и правилами его использования на таких уровнях языка, как фонетический, орфографический, морфологический, синтаксический, словообразовательный, лексический, стилистический. Такие исследования были чрезвычайно важны и необходимы в период, когда в Германии (после объединения в 1871 году) активно шел процесс становления единого общенационального языка, прежде всего, в такой его центральной форме, как теперьшний «стандартный язык» («Standardsprache»). Это общепотребительная и общепризнанная форма существования языка. Становление этой формы, или разновидности, немецкого языка завершилось к 60-м годам XX века.

Не отрицая заслуг лингвистов старой школы и признавая огромную значимость их достижений для немецкой науки, социолингвисты, а вслед за ними и вариативные лингвисты, пошли дальше своих предшественников, взяв курс на изучение – помимо стандартного языка – всех других разновидностей немецкого языка, которые представляют три типа дифференциации словарного состава немецкого языка – территориальную, профессиональную и социальную.

Так в поле зрения лингвистов попал, как особая разновидность языка, молодежный язык – *Jugendsprache* – новое тогда явление, поскольку речь шла не о групповых языках – языках известных ранее отдельных *социальных групп* молодежи (*социолектах*; их прежнее название – «жаргоны»), а о языке *всей молодежи* как новой *социальной категории*, сформировавшейся в Германии, как и в других странах, после 1945 года.

* * *

В первый период изучения молодежного языка (в 80-е годы) исследователи были заняты, главным образом, сбором языкового материала, его первичной обработкой и пробной кодификацией словаря. Изучение JS велось, таким образом, в русле традиционных дисциплин – лексикологии и лексикографии. Обобщающие итоги этой деятельности были изложены в очень известном труде – монографии профессора Хельмута Хенне «Молодежь и ее язык» (1986) [6].

Эта работа зафиксировала тогдашние методы и приемы сбора и отбора лексического материала: большей частью с помощью анкет, рассылавшихся в школы и вузы, через устные опросы информантов, аудиозаписи бесед молодых людей. Исследователей интересовала тогда только *экспрессивная* часть лексикона молодежи (2) в таких ее тематических группах и синонимических рядах, как, например, «девушка/молодая женщина», «юноша/молодой человек», «замечательно/потрясно» и т. п. Исследователей привлекали лексические единицы на эти и другие темы, но не контекст высказываний, который, тем самым, оставался как бы «за кадром».

Этот недостаток постарались исправить авторы словарей JS – Маргот Хайнеманн: «*Kleines Wörterbuch der Jugendsprache*» (1989/90) и Херманн Эманн: «*Affengeil*» (1992) (3). Словарные статьи в этих работах были снабжены примерами – языковыми иллюстрациями в виде законченных высказываний – предложений. Это были высказывания реальных, но *анонимных* молодых людей; при этом отсутствовали указания *на конкретные обстоятельства* в ситуациях, где были сделаны данные высказывания. Эти словари были, таким образом, шагом вперед в лексикографической практике, но они еще не давали представления об общей картине использования JS в живом, реальном общении молодых людей в *процессе коммуникации* внутри конкретных молодежных группировок и групп по интересам.

Следует подчеркнуть, что вышеуказанные авторы, как и их предшественники, пытались представить лексико-грамматический, словарный материал по *молодежному языку в целом*, для них это был *общемолодежный* язык с элементами территориальной и социальной дифференциации словаря. Ценным моментом в словаре «*Affengeil*» было то, что Х. Эманн дал в его конце приложение, суммировав там списки слов по тематическим группам и синонимическим рядам.

Исследования JS на втором этапе (с начала 90-х годов) в корне отличаются от предыдущего этапа, поскольку учеными был взят курс на изучение не лексикона JS («Sprache»), а на его использование в молодежной среде («Sprachgebrauch»).

В это время стремительно набирает силу другая лингвистическая наука – коммуникативная лингвистика, с таким же уклоном в исследованиях – изучение конкретных актов коммуникации в обществе.

Социолингвисты еще раньше, в 80-е годы, осознавали необходимость перехода к новому этапу в своих исследованиях. И они стали первыми, кто на практике осуществил этот знаменательный шаг – переход от изучения языка к изучению его использования в жизни общества. Это направление внутри социолингвистики получило название социостилистики («Soziostilistik») [4]. Основная заслуга в этом принадлежала социолингвистической школе г. Маннгейма во главе с профессором Вернером Кальмайером (Werner Kallmeyer) [4]. В течение многих лет под его руководством осуществлялся, в частности, проект «Kommunikation in der Stadt», в рамках которого проводились исследования и молодежного языка.

Социолингвисты нового направления считали языковые материалы, добытые их предшественниками, недостаточно достоверными, потому что экспериментаторы при сборе материала по JS допускали элементы избирательности, субъективизма и искусственности, так как уже одним своим присутствием или прямым вмешательством они нарушали непринужденный тон общения молодых людей в своем кругу.

В поисках аутентичного, совершенно достоверного материала социолингвисты второго периода решили отказаться от фронтального сбора языковых единиц – без их дифференциации и детализации, без учета *экстралингвистических* параметров коммуникации. Они хотели зафиксировать реальные, подлинные коммуникативные акты в конкретных молодежных группах, в естественном потоке речи, в общем контексте высказывания – без какого-либо вмешательства извне со стороны экспериментаторов. Поэтому ученые «пошли в народ», избрав себе для исследования какую-либо из молодежных групп с дифференциацией по территориальным, социальным, возрастным, гендерным, этническим и прочим признакам.

Теперь при поиске ответа на цепочку вопросов: «Кто – где – когда – кому – зачем – что – как сказал?» не оставалось места для анонимных партнеров по коммуникации, для неопределенных ситуаций, изолированных высказываний, вырванных из жизненного и языкового контекста.

Новую линию в социолингвистических исследованиях такого плана активно проводили вместе с В. Кальмайером его сторонники и коллеги, такие, например, как Johannes Schwitalla, Karl-Heinz Bausch и многие другие [4].

В этой связи стали иными подход к исследуемому материалу и методы исследований. Произошел отказ от прежнего размаха, бескрайнего фронта работы, стремления как можно шире забросить «невод», чтобы охватить всё и вся в JS.

Как известно, Х. Эманн для своего словаря «Affengeil» собирал данные по JS с помощью целой армии добровольных помощников – аспирантов, студентов, школьников и пр. – не только из различных частей, городов и селений Германии, но и из Австрии, Швейцарии.

Вместо этого предпочтение теперь было отдано «точечным» исследованиям, в группах с точными географическими координатами их нахождения, с четкими указаниями на социальный статус членов групп, возраст и круг интересов.

В качестве объектов исследования стали фигурировать (об этом можно судить уже по названиям работ – статей, сборников статей, книг) самые разные группы молодежи: социальные (например, школьники-гимназисты), социокультурные (например, группы, увлекающиеся HipHop'ом – особым направлением в молодежной музыке); возрастные, подростковые (Peer-Groups); гендерные (группы – отдельно юношей и девушек, девочек и мальчиков-подростков); этнические (мигрантские молодежные группы – турок, итальянцев и пр.).

Эти и другие группы ученые находили в крупных, средних и мелких городах, в пригородах или даже в отдельных городских кварталах. Это видно из (отрывков) названий некоторых статей и книг, например:

eine Jugendlichengruppe in Vogelstang (Schwitalla, 1994); Jugendliche der Kerngesellschaft in Neckarau (Bausch, 1994); Peer-Groups männlicher Jugendlicher (Deppermann / Schmidt, 2001); eine adoleszente Mädchengruppe (Spreckels, 2006); jugendliche Migrantinnen türkischer Herkunft in Mannheim (Keim, 2002) и др. [4, 118-121].

Следует отметить, что в последние годы необычайно вырос интерес к языку групп молодых мигрантов, которых проживает очень много во всех частях Германии, особенно в городах. Это новая «струя» в потоке работ о JS: если раньше ученые проявляли интерес исключительно к монолингвальным группам, членами которых были молодые немцы, то теперь взоры исследователей обратились к билингвальным группам, то есть к группам молодых мигрантов с разным уровнем освоения ими немецкого языка.

На интересе к фактору билингвизма сказалось во многом влияние новой науки – *этнолингвистики*, выступающей в тесном взаимодействии и сотрудничестве с социолингвистикой и коммуникативной лингвистикой. Такой поворот в теме JS произошел под влиянием и по примеру других стран, где такого рода исследования велись уже достаточно давно. Для немецких лингвистов это стало новой темой, и в ней ныне активно и увлеченно работают W. Kallmeyer, I. Keim J. Spreckels, J. Androutsopoulos и другие исследователи [4].

В плане билингвизма и даже полилингвизма ученых привлекают, например, такие темы, как смешение языков и разновидностей родного и немецкого языков (Hybridität, Hybriditätsdiskurs, Code-Switching, sprachlicher Mischkode), креативность, фантазия молодых мигрантов и пр. [4] (4).

И в моно-, и в билингвальных группах ученых интересует языковая сторона вопросов, которые глубоко волнуют молодых людей, – проблемы идентификации

и социализации, дистанцирования (*Absonderung*) молодежных групп от «внешнего» окружения – других молодежных групп и от взрослой части общества.

В коммуникативно-стилистическом плане вызывают интерес разные формы социального и речевого поведения («*Kommunikationsverhalten*») молодежи – агрессивность по отношению к своим и чужим, издевки (*Frotzeleien*) (5), «дискриминация» («*Dissen*»), юмор («*Scherzkommunikation*»), вежливость и пр.

Другие лингвистические проблемы, типичные при изучении JS в малых группах, подробно перечислены, например, уже в названии статьи К.-Х. Бауша (*Karl-Heinz Bausch*) – правила говорения, стили повествования, социальные типизации, вариация в языке, приемы символизации в среде молодых людей (6).

Исследования JS включают в себя сегодня приемы и методы разных дисциплин: социолингвистики, включая социостилистику; коммуникативной лингвистики (*Gesprächsanalyse*), лингвистики текста, этнолингвистики, стилистики; тем самым достигается многоаспектный подход к изучаемым явлениям и обеспечивается широкий охват разнообразных проявлений JS, его вариантных форм в живой речи молодежи.

Изучение языковой практики молодежи в самых разных ее группах, с тончайшей дифференциацией материала и с углублением в детали; тщательная разработка разных сторон JS – всё это является сегодня, несомненно, новым словом в лингвистике. Собрано множество деталей из языков отдельных групп молодежи. Однако общую картину с языком молодежи всё это не прояснило.

Более того, интерес к языкам отдельных молодежных групп разного рода – социальным, суб- или социокультурным, этническим, гендерным и пр. – имел свою оборотную сторону и вызвал непредвиденные последствия: вал собранного материала буквально захлестнул исследователей JS, они как бы утонули в море деталей, потеряли прежние ориентиры и утратили четкие представления о лингвистическом статусе исследуемых явлений.

Уклон в сторону изучения, как правило, мелких и малочисленных групп, постоянный интерес к различиям в их языке по сравнению с другими группами привел, по нашему мнению, к размыванию границ и к смешению и путанице понятий: «JS», «молодежный социолект», «*Umgangssprache*» – и к потере прежних представлений о JS как общемолодежном явлении.

Это означало отступление, уход с позиций вариативной и социолингвистики I-го этапа, когда JS считали самостоятельной разновидностью языка, то есть общемолодежным явлением – неким новым молодежным социолектом [3; 6]. Сейчас предпочитают, в лучшем случае, говорить о «*Jugendsprachen*» («молодежные языки»).

У JS и у молодежных социолектов наблюдалось большое сходство по лингвистическим параметрам (наборам категориальных свойств и функций) с *Umgangssprache* – общеупотребительной устной разговорно-обиходной речью. И это не было случайностью, так как они возникли на базе *Umgangssprache* – в качестве социостилистических, молодежно-маркированных вариантов, или ответвлений. Однако все они не были идентичны друг с другом из-за существенных

различий в их некоторых *экстралингвистических параметрах* (контингент говорящих, среда общения и пр.), поэтому они сохраняли свою самостоятельность как разновидности языка.

Теперь в чрезвычайно пестрой картине жизни и языкового общения молодежи, в атмосфере повышенной экспрессивности границы между JS, молодежными социолектами и *Umgangssprache* стали как бы блекнуть и стираться.

Это почувствовали некоторые ученые – исследователи JS. Свои сомнения в статусе собираемого ею языкового материала выразила, например, Инкен Кайм. Она занималась исследованием языка в одной из групп девушек-турчанок и в заглавии одной статьи (2002) совершенно закономерно поставила вопрос, чем же является этот язык: формой «молодежного языка» или проявлением социолекта (явлением с характеристиками социолекта) («Form von “Jugendsprache” oder soziolektales Charakteristikum?») (7).

С другой стороны, переключение внимания лингвистов с лексикона JS на процесс коммуникации в отдельных молодежных группах привел к смешению либо подмене понятий «JS» и «стиль» («Sprachstil»).

Это произошло под влиянием нового направления в социалингвистике – *социостилистики* и *коммуникативной лингвистики*. Заговорили о «коммуникативных стилях» и о «коммуникативных социальных стилях».

Традиционная стилистика видела в JS «функциональный стиль» и/или (лексико-фразеологический) «регистр».

Представители самых разных лингвистических дисциплин стали задаваться вопросом, так что же такое JS, но *общего* ответа они найти не могут.

Ситуацию с поиском ответа на этот вопрос ярко обрисовал известный специалист по JS Johannes Volmert в одной из своих статей:

«Jugendsprache – ist das ein Jargon, ein (lexikalisches und phraseologisches) Register, eine Stilschicht, eine Varietät, ein Kommunikationsmittel, ein Gemisch aus Alltags-bzw. Umgangssprache und Szenesprache, ein salopper, unkonventioneller, provokativer, spielerischer Sprachgebrauch – was eigentlich noch?» [8, 85].

[JS – это некий жаргон, (лексико-фразеологический) регистр, стилистический слой, разновидность языка, некое средство коммуникации, смесь устной разговорной речи с языком социокультурной группы (*Szenesprache*); небрежное, необычное, провокационное, игровое употребление языка – что, собственно, ещё?].

Ведущий специалист по немецкому JS Я. Андроутсопулос нашёл для себя ответ, поставив его в название ранее упомянутой статьи «Молодежные языки как коммуникативные социальные стили» [вместо «*Deutsche Jugendsprache*» (1998)], отдав тем самым дань новому направлению в социалингвистике – социостилистике («*Sprachgebrauch*») и гетерогенности молодежи, молодежных групп и процесса коммуникации в них.

Причин для растерянности многих лингвистов немало. Главная из них – *гетерогенность экстралингвистических параметров* в процессе коммуникации в молодежной среде (контингент говорящих, тема/тематика, ситуация общения, взаимоотношения партнёров по коммуникации и пр.).

Это также *гетерогенность* самого JS, объединяющего в себе наборы разнородных параметров – лингвистических и экстралингвистических.

Помимо этого, к числу причин для растерянности ученых следует добавить и *гетерогенность научных позиций*, целей и методов изучения такого многогранного и неоднозначного явления – социального и языкового, как JS.

За исследование JS сегодня берутся специалисты разного профиля: из традиционных и новых разделов лингвистики. У каждой из этих наук своё видение предмета, свои целеустановки, методы и приёмы исследования.

Поэтому неизбежны недоумение и растерянность при поиске – *единственного и единственно верного* – ответа на вопрос, что такое JS. Такого ответа не может быть в условиях множественности наук и научных подходов и проявления научных интересов по отношению к разным аспектам одного и того же явления, прежде всего, к аспектам «Sprache» – «Sprachgebrauch».

И каждая из лингвистических наук даёт свой – правильный с её точки зрения – ответ на поставленный вопрос. А то, что эти ответы не совпадают, ещё не означает, что ответы неверны: каждый из ответов дополняет другие, что позволяет им всем, в совокупности, воссоздать общую, целостную картину этого многоаспектного явления во всей его полноте и во всём разнообразии его конкретных проявлений.

Как лингвистическое и одновременно как социальное явление, JS требует *комплексного подхода* с участием лингвистических и нелингвистических наук, поскольку за JS стоят: *молодежь* как новая социальная категория в обществе; богатая и разнообразная жизнь молодежи, её *молодежных группировок и групп*; её *молодежная культура*.

Панические настроения некоторых лингвистов, вызванные «исчезновением» JS, невольно вызывают в памяти – по ассоциации – ситуацию в философии материализма в конце XIX века, когда в связи с открытием атомов материя вдруг «исчезла», поскольку она перестала быть видимой для невооружённого глаза.

История с JS, молодежными социолектами, молодежно-маркированной Umgangssprache в наше время – их «расщепление», атомизация – лишней раз обращает внимание исследователей на коренное, неотъемлемое свойство JS, заложённое у него «в генах», – его *гетерогенность*.

О том, что JS не исчез, свидетельствуют, в частности, результаты научных исследований, проводящихся в разных странах. Не сомневается в этом и Маргот Хайнеман, видная учёная из ФРГ. К тому же она не склонна противопоставлять JS и языковой стиль («Sprachstil»), так как стиль немислим без лексики, грамматики и особенно коммуникативных образцов, которые в конечном счёте и обуславливают стиль речи:

«Schließlich belegen internationale Forschungsergebnisse verschiedener methodischer, struktureller oder theoretischer Ansätze (konversationsanalytisch, sozialpsychologisch, heuristisch, ethnographisch) die Vergleichbarkeit von Lexik, Grammatik und insbesondere von kommunikativen Mustern, die letzten Endes den sog. Sprachstil bedingen.

Damit dürfte auch die Frage nach der Existenz von Jugendsprache hinreichend beantwortet sein» [5, 150].

В условиях расплывчатости и зыбкости границ экспрессивного слоя JS, его близкого сходства с другими разновидностями языка – молодежными социолектами и Umgangssprache, огромной массы его гетерогенных вариантов необходимо не упускать из виду то *общее*, что объединяет все варианты именно молодежного языка – в виде некоего невидимого каркаса, который соединяет все его вариативные формы в единую систему.

Каркас, или система, создаётся взаимодействием общих для всех языков, универсальных *принципов построения словаря и норм и правил его функционирования*; общих *тенденций* развития лексикона; традиционных *путей* развития и изменения словаря и *источников* его пополнения и обогащения [1; 2; 10].

Эта система присутствует и действует, хотя не всегда одинаково, в обоих слоях лексикона JS – *экспрессивном* (постоянном объекте научного исследования) и *неэкспрессивном*, тематически связанном с молодежной культурой. Этот слой (мы называем его первым), к сожалению, пока ещё не был объектом научного интереса лингвистов.

На наш взгляд, в JS ключевыми являются *принципы: тематического членения словаря и парадигматического структурирования*; принцип *поливариантности* словаря (лексической и семантической) – как проявление универсального принципа *гетерогенности*. Помимо этого, следует упомянуть также принципы *моделирования* и *серийности* производства новых языковых единиц [10].

К числу основных *тенденций* развития JS следует отнести известные по своему действию в каждом языке тенденции к дифференциации и унификации, к устойчивости и вариативности словаря и тенденцию к аналогии.

Возвращаясь к теме общего «каркаса» JS, следует подчеркнуть, что это та первооснова, на которой держится единство всех компонентов лексической системы JS и правил ее функционирования. Более того, такой каркас молодежного языка универсален: он присутствует везде, во всех языках, где есть молодежный язык. Поэтому все молодежные языки строятся и функционируют по единым образцам и правилам, несмотря на различия в национальной «начинке» лексикона каждого молодежного языка.

Систему принципов, тенденций можно считать своего рода *матрицей*, на основе которой строятся и развиваются молодежные языки разных стран.

Знание таких общих моментов в организации и структуре словаря, правил его использования в процессе коммуникации должно помочь исследователям JS обнаружить наличие JS даже тогда, когда речь идёт о самых причудливых вариантах его лексической «оснастки».

Такое знание очень полезно при сравнительно-сопоставительном изучении молодежных языков в разных странах, например, немецкого и русского, – иначе не избежать сумбура и разнобоя в подходах к анализируемому материалу и методах его исследования.

Бесчисленное разнообразие вариантов в JS не доказательство распада, исчезновения JS, но, наоборот, доказательство прочности его существования и его

активного функционирования, поскольку все изменения, отклонения происходят в соответствии с общеизвестными тенденциями и принципами построения, функционирования и развития JS, о чём шла речь выше. Постоянно изменяясь, JS неустанно подтверждает свою живучесть, способность приспосабливаться к быстро меняющимся обстоятельствам и быть пригодным для использования в любых новых условиях коммуникации в молодежной среде.

* * *

Подводя итоги рассмотрения ситуации, сложившейся в сфере изучения JS в Германии с 80-х годов XX века и до наших дней, хотелось бы высказать своё мнение относительно актуальных задач по изучению JS в ближайшем будущем, отграничив его от других разновидностей языка, имеющих сходство с ним.

– Необходимо восстановить лексикон JS в его полном объёме и в новых границах, признав как данность существование *двухслойности* словаря, то есть существование, помимо экспрессивного, неэкспрессивного слоя, тематически связанного с молодежной культурой – в соответствии с существующей в обществе триадой взаимосвязанных явлений: «Молодежь» – «Молодежная культура» – «Молодежный язык» [1; 2].

– Включить в программу исследований JS тему первого, неэкспрессивного слоя JS, связанного с молодежной культурой [1; 10].

– Пересмотреть в этой связи с позиций вариативной и социолингвистики *статус* JS среди других разновидностей современного немецкого языка, отказавшись от его понимания как некоего нового молодежного социолекта [3; 6].

– Из-за существенных различий в экстралингвистических и лингвистических параметрах I-го и II-го слоёв лексикона JS – по причине отсутствия либо наличия там *экспрессивности*, *эмотивной* функции – можно предложить рассматривать JS в качестве новой разновидности языка, занимающей промежуточное положение между стандартным языком и профессиональными языками, с одной стороны (I слой), и общеупотребительной устной разговорно-обиходной речью (Umgangssprache) и социолектами, с другой стороны (II слой) [1; 2].

– Параллельно с продолжением изучения процесса коммуникации молодежи в отдельных молодежных группах (социальных, социокультурных, этнических и пр.) следует обратиться к изучению «каркаса» общемолодежного языка, или «матрицы» – матричной структуры JS (общей системы принципов, тенденций, путей развития и изменений словаря), обеспечивающих существование JS в соответствии с его центральным девизом: «Единство – в многообразии».

– Было бы желательно опробовать на практике «работу» матрицы при сравнительно-сопоставительном изучении молодежных языков разных стран, в экспрессивном слое и неэкспрессивном слое лексикона (связанного с молодежной культурой).

The article gives a short review of the problems connected with the development and functions of the youth language in Germany («Jugendsprache» – JS), and with the history of its investigation from the 80s XX up to nowadays. This research covers

mainly the field of sociolinguistics in connection with the other new linguistic disciplines: communicative linguistics, ethnolinguistics, etc.

ЛИТЕРАТУРА

1. Краморенко Г.И. Молодежная культура и молодежный язык. Об особом статусе молодежного языка ФРГ в сравнении с традиционными молодежными социолектами // Актуальные проблемы германистики и романистики: сб. науч. статей. – Смоленск: СГПУ, 2003. – Вып. 7. – С. 53-64.
2. Краморенко Г.И. Молодежный язык Германии в современной лингвистике: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы германистики и романистики: сб. науч. статей по материалам межвузовской конференции (Смоленск, 9 – 10 октября 2008 г.). – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2008. – Вып. XII. – Ч. I. – С. 167-180.
3. Androutsopoulos J. K. Deutsche Jugendsprache. Untersuchungen zu ihren Strukturen und Funktionen. – Frankfurt a. M. u. a.: Lang, 1998. – 684 S. (= VarioLingua 6).
4. Androutsopoulos J. K. Jugendsprachen als kommunikative soziale Stile. Schnittstellen zwischen Mannheimer Soziostilistik und Jugendsprachenforschung // Deutsche Sprache, 34. Jg. – Berlin, 2006. – S. 106-121.
5. Heinemann Margot. Jugendliche im gesellschaftlichen Diskurs // Актуальные проблемы германистики и романистики: сб. науч. статей. – Смоленск: СмолГУ, 2006. – Вып. X. – Ч. 1. – С. 149-163.
6. Henne Helmut. Jugend und ihre Sprache: Darstellung, Materialien, Kritik. – Berlin; New York: de Gruyter, 1986. – 386 S.
7. Neuland Eva (Hrs.). Jugendsprachen – Spiegel der Zeit. Internationale Fachkonferenz 2001 an der Bergischen Universität Wuppertal. – Frankfurt a. M. u. a.: Lang, 2003. – 512 S.
8. Volmert Johannes. Jugendsprache – Jugendkultur – und ihre Erforschung // Der Deutschunterricht. – 3 / 2005. – S. 85 – 91.
9. Kramorenko Galina. Zum Problem der Heterogenität der Jugendsprache und ihrer lexikalisch-semantischen Charakteristik // Das Wort. Germanistisches Jahrbuch 1995. – Moskau: DAAD, 1995. – S. 47-57.
10. Kramorenko Galina. Lexikologische Betrachtungen zur deutschen Jugendsprache // Neuland Eva (Hrs.). Jugendsprachen – Spiegel der Zeit. – Frankfurt a. M. u. a.: Lang; 2003. – S. 253-260.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Эту статью следует рассматривать как прямое продолжение предыдущей статьи данного автора, опубликованной в 2008 году в другом издании, см.: Краморенко Г.И. Молодежный язык Германии в современной лингвистике: проблемы и перспективы [10]. В обеих статьях дается краткий обзор проблем, связанных с развитием и функционированием молодежного языка Германии и с историей его изучения с 80-х годов XX века до настоящего времени.

2. В то время ученые не проявляли интереса к *неэкспрессивной* части, *стилистически нейтральному* слою лексики JS, тематически связанному с молодежной культурой (из триады «Молодежь» – «Молодежная культура» – «Молодежный язык»). Такая лексика во многом составляла и составляет сегодня содержательную сторону общения молодых людей, особенно в рамках социокультурных групп, связанных с молодежной культурой (молодежная музыка, молодежные танцы, молодежный спорт, молодежная мода). Однако эта неэкспрессивная лексика не вписывалась в ставшую традиционной концепцию JS как некоего нового молодежного

социолекта, с исключительно экспрессивным словарным составом языка. Поэтому лексика, связанная с молодежной культурой, осталась вне поля зрения лингвистов.

3. Heinemann Margot. Kleines Wörterbuch der Jugendsprache: Wörter – Wendungen – Texte. – Leipzig: Bibliographisches Institut, 1989/90; Ehmann Hermann. Affengeil: Ein Lexikon der Jugendsprache. – München: Beck, 1992. – 156 S.

4. Данными проблемами особенно активно занимается Volker Hinnenkamp.

5. В словаре «Duden – Deutsches Universalwörterbuch» (Mannheim u. a.: Dudenverlag, 1996) дается следующее объяснение глаголу «frotzeln»: *«a) mit spöttischen od. anzüglichen Bemerkungen necken: jmdn. [wegen einer Sache] f.; b) spöttische od. anzügliche Bemerkungen machen: sie frotzelten gern über ihn, ...»* (S. 543).

6. Bausch Karl-Heinz. Regeln des Sprechens, Erzählstile, soziale Typisierungen, Sprachvariation und Symbolisierungsverfahren unter Jugendlichen der Kerngesellschaft in Neckarau // Kallmeyer W. (Hrs.). Kommunikation in der Stadt. – Teil I: Exemplarische Analysen des Sprachverhaltens in Mannheim. – Berlin, New York: de Gruyter, 1994. – S. 387-466.

7. Keim Inken, Cindark Ibrahim. Deutsch-türkischer Mischkode in einer Migrantinnengruppe: Form von «Jugendsprache» oder soziolektales Charakteristikum? // Neuland Eva (Hrs.). Jugendsprachen – Spiegel der Zeit. – Frankfurt a. M. u. a.: Lang, 2003. – S. 377-393.

Р.В. Белютин

Смоленский государственный университет

УДК 811.11

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ МЕТАФОРЫ МЕНТАЛЬНОГО МИРА

Ключевые слова: *когниция; модель мира; концепт; метафора; пространство; ментальное имя; мысль; пространственный фрейм.*

В данной статье на примере языковой объективации концепта «Gedanke» (мысль) рассматриваются некоторые особенности метафорического представления ментальной сферы человека в немецкой картине мира. В качестве источника метафорических образов выступает понятийная сфера «пространство», отличающаяся высокой семантической плотностью и полиструктурным составом. Семантическое разнообразие модели сводится к существованию многочисленных фреймовых структур, участвующих в прояснении абстрактной единицы «Gedanke» (граница, форма, размер, объем и др.); неоднородность структурного оформления достигается за счет частеречной принадлежности пространственной лексики (имена существительные, прилагательные, глаголы и др.).

Пространством Вселенная ... охватывает меня и поглощает как точку, мыслью же я охватываю ее.

Б. Паскаль

Изучение естественных категорий, определяющих то, как складывается картина мира в процессе познавательной деятельности человека, играет важную

роль в исследованиях когнитивного направления современной лингвистики. К числу таких категорий, определяющих суждение об окружающей нас действительности, относится категория *пространства*.

Пространство – одно из основных проявлений реальности, с которым сталкивается человек, как только он начинает осознавать себя и познавать окружающий мир. Пространственный опыт накладывает отпечаток на сознание человека и определяет его мышление. Не обладая таким опытом, человек не мог бы мыслить о мире и формировать определенную модель мира или создавать некий его образ. Ср.: «Самой большой по своим масштабам... а потому одной из самых существенных по своим последствиям и выступает для человека ... такая целостность, как пространство – то, что вмещает человека, то, что он осознает вокруг себя, то, что он видит простирающимся перед ним» [5, 465].

Понятие пространства возникло как обобщение понятия места, которое включает в себя представление о положении какого-либо тела относительно других, а также представление о протяженности тела, его размере, контурах и т. д.

Поскольку «пространство» является абстрактной, обобщенной категорией, его освоение, как и подобает в таких случаях, проходит с опорой на более конкретные прототипические проявления и более наглядные аналогии. Обобщенный образ пространства, которым люди руководствуются в процессе своей обыденной практической деятельности, по мнению М.В. Никитина, сводится к следующему: пространство – это пустое неограниченноеместилище, заполняемое в разных своих частях-местах вещами. Вещи помещаются в нем, движутся в нем и со временем меняются, само же пространство при этом нейтрально по отношению к вещам: оно их вмещает, но не взаимодействует с ними. Как полагает автор, этот образ пространства одинаков у всех людей независимо от языка и составляет один из центральных, системообразующих концептов в философии мироустройства – в «базисной ментальной картине» действительного мира [7].

Среди наиболее значимых характеристик пространства, отмечаемых исследователями данной категории, можно выделить: а) антропоцентричность: связь с мыслящим субъектом, воспринимающим окружающую среду и осознающим пространство, и с его точкой зрения; б) отчуждаемость пространства от человека, осмысление его какместилища, вне которого находится человек; в) круговая форма организации пространства, в центре которого находится человек; г) предметность: заполненность пространства вещами, предметами (в широком смысле слова); д) непрерывность и протяженность пространства, наличие разной степени удаленности: близкое и далекое пространство; е) ограниченность пространства: закрытое / открытое пространство; ж) направленность пространства: горизонтальная и вертикальная его ориентация; з) трехмерность пространства: верх / низ, спереди / сзади, слева / справа; и) включенность пространства во временное движение и др. [1, 125-126].

В данной статье выделенные имманентные свойства пространства будут рассматриваться как факторы коммуникативно-прагматической значимости кон-

цепта, которые обуславливают его моделирующий метафорический потенциал при освоении абстрактного, сложного и ненаглядного знания. Такая метакогнитивная и металингвистическая рефлексия над пространством является ключом к познанию и интерпретации многих других концептуальных сфер, формирующих картину мира человека. Из числа наиболее ценностных антропоцентрических парадигм для нашего анализа мы отобрали «ментальный мир» человека, репрезентированный ключевой единицей интеллектуальной деятельности субъекта – ментальным именем «*Gedanke*» (мысль). Особый статус этого феномена в ряду других экзистенциально значимых универсалий подчеркивается в работах многих специалистов, исследующих способы концептуализации мира и специфику представления тех или иных фрагментов действительности. Как отмечает В.Д. Губин, «мы обладаем мыслью, потому что не можем не мыслить, конкретная мысль рождается из того, что я могу мыслить вообще, не о чем-то конкретном, находиться в стихии мысли, мысли как форме, не наполненной еще никаким содержанием» [4, 203].

У И.М. Кобозевой лексема «мысль» выделяется среди множества других категорий ментальной сферы в силу своей многозначности и многообразия заложенных в нее смысловых признаков. Автор указывает, что в русском языке «мысль» может обозначать: процесс мышления, инструмент мышления, объект – содержание недифференцированного ментального состояния, результат ментального действия, область, где разворачиваются ментальные действия, совокупность результатов ментального действия, имя, обозначающее информацию, заключенную в сообщении (см. [6]).

В немецком языке лексема «*der Gedanke*» актуализируется аналогичным способом: это слово также характеризуется многозначностью, а смысловое содержание указывает на его принадлежность к ментальному полю, причем данная лексическая единица, как и в русском языке, отражает различные стороны интеллектуального процесса. В толковом словаре «*Duden. Deutsches Universalwörterbuch*» (1989) приведены следующие значения слова «*der Gedanke*»:

1. а) *etw., was gedacht wird, was gedacht worden ist; Überlegung: ein Gedanke ging mir durch den Kopf*; б) *das Denken an etw.: bei dem Gedanken wurde ihr unheimlich zumute*;
2. *Meinung, Ansicht: sie tauschten ihre Gedanken aus*;
3. *Einfall, Plan, Absicht: da kam ihm ein rettender Gedanke; auf dumme Gedanken kommen*;
4. *Begriff, Idee: der Gedanke eines vereinten Europas*.

Исследуя концепт «*Gedanke*» в когнитивно-лингвистическом аспекте, мы определили объем и содержание информационной ауры пространственных метафор, участвующих в объективации данной сущности.

С учетом традиционного деления свойств реального пространства на *топологические* и *метрические*, базовые фреймы концепта были объединены в две соответствующие группы. В первую, связанную с топологическими свойствами пространства, вошли: *трехмерность, связанность, наличие гра-*

ниц; во вторую, представляющую метрические свойства пространства, – *форма и размер*.

Компоненты «Наличие границ», «Объем» и «Вместенность» тесно взаимосвязаны между собой и поэтому могут быть рассмотрены с позиций одного из распространенных типов когнитивной метафоры – *контейнера*, или *вместиллица*. Обратимся к примерам.

Фрейм «Вместиллица – контейнер»

Слот *Объемность, глубина*

Er scheint *in Gedanken versunken* zu sein (DBL. WRCS, 81536).

Ich war *in meinen Gedanken sehr vertieft* ... (DBL. AVCH, 7862).

Слот *Пустота / заполненность*

Ein *Gedanken-Vakuum*, was für ein Glück, dass die Köpfe nicht zerdrückt werden (FNW, 267).

Anton wird erwachen, das glaubt ihr Herz, das *erfüllt* ihre *Gedanken*, wie die Verheißung des ewigen Lebens die gläubige Seele ... (DBL. AVAK, 1456).

Слот *Проникновение внутрь*

... dann werde ich mich schon *in ihre Gedanken hineinschleichen* (DBP. SKE, 25991).

In *die Gedanken-* oder *Handlungssphäre* anderer größerer Menschen *gesetzt*, «sagte B.», nehmen wir teil an ihrem Geist ... (DBL. JGHB, 44491).

Слот *Извлечение содержимого*

Karl begann jetzt schon sogar *aus dem Gedanken* eine Art Trost zu *schöpfen* ... (DBL. FRKA, 59817).

Слот *Изменение пространственной перспективы*

... so *springt* hier wie durch innere Notwendigkeit die Sprache *aus dem Gedanken hervor*... (DBL. FRSU, 91980).

Образ вместилища-контейнера, служащего определенной цели, вырисовывается также из других контекстных употреблений лексемы «*Gedanke*», с той лишь разницей, что на сей раз этот образ приобретает черты конкретных реалий окружающей действительности: *луг, пастбище; крепость; королевство, царство*. На это прямо или косвенно указывают соответствующие лексемы: *weiden, baden, Festung, Königreich*. Ср.:

Ich hatte mich etwa eine halbe Stunde *in den* schmach tenden, süßen *Gedanken* des Abscheidens, des Wiedersehens *geweidet*... (DBL. JWGL, 24789).

Gedanken gleichen *Festungen*, *in* denen man sich ebenso geborgen wie belagert und gefangen fühlen kann (LS, 131).

Die Gedanken eines Menschen sind sein *Königreich* (PZH. BW).

Интересно, что в немецкой языковой картине мира имеет место и обратное явление, когда *мысль* сама наделяется способностью «погружаться» в некое пространство, находиться внутри некоего объема. В данном случае речь идет, как правило, об *антропоцентрическом* модусе локализации мысли. В создании данной группы метафор участвуют главным образом сочетания пространственных

предлогов (in, aus, über) и существительных с конкретным значением, указывающим на место обитания мысли.

Фрейм «Локализация в пространстве»

Слот *Голова*

Die Köpfe gleichen einander, aber die Gedanken in ihnen sind nicht gleich (PZH).

Слот *Мозг*

Noch lange stand er, *das Hirn voll grübelnder Gedanken* ... (DBL. THSSS, 99342).

Слот *Сердце*

Im Herzen bewegen sich immer Gedanken (LMZ, 178).

Слот *Душа*

... und alle heimlichsten *Gedanken* wagten sich aus jeder *Seele*, wo sie sich vor dem geschäftigen vorwitzigen Tage versteckt hatten (DBL. CBG, 4918).

С позиций научных взглядов основной локатив мысли, конечно, – голова (Kopf) или мозг (Hirn), однако отобранный материал позволяет также говорить о том, что в наивной картине мира возможна иная локализация мысли, например, в душе (Seele) – органе эмоциональной жизни человека, т. е. всего того, что не соотносится ни с физиологией, ни с деятельностью интеллекта, или в сердце (Herz) – материальном органе и одновременно органе чувств и связанных с ними желаний человека.

Форма – это универсальная категория человеческого разума, которая «задействована семантически на всех, по сути, уровнях представления знаний в языке, отражающих все стороны человеческого бытия, теоретической и практической деятельности людей» [9, 63]. При этом в каждой области человеческого опыта существуют свои специфические способы ее ментальной репрезентации: логические формы, музыкальные формы, формы человеческих отношений, в языке – грамматические формы и т. д. Концепт «форма» содержательно связан со многими фундаментальными концептами человеческого сознания: «время», «движение», «развитие», «количество», «качество», «жизнь», «судьба» и т. п. (см., напр. [8; 10; 11; 14]).

Концепт «*Gedanke*» также весьма активно коррелирует с пространственным концептом «*форма*»:

Denn indem, bei dieser, *der Gedanke aus einer Form in die andere gegossen wird*, er aber in jeder seine Gestalt etwas verändert, löst er sich mehr und mehr von jeglicher *Form* und Hülle ab; wodurch sein selbsteigenes Wesen deutlicher ins Bewusstseyn tritt und er auch seine ursprüngliche *Modifikabilität* wieder erhält (DBP. ASWW, 1228).

В данном примере, помимо констатации наличия у абстрактной сущности «*Gedanke*» формы (Form), содержится указание на способность мысли периодически освобождаться от привычной конфигурации и на время принимать новые пространственные формы (aus einer Form in die andere gießen, seine Gestalt verändern, sich von seiner Form ablösen) с тем, чтобы в итоге снова вернуться к первоначальной оболочке (ursprüngliche Modifikabilität wieder erhalten).

Внутрифреймовые комбинации приводят к возникновению других метафорических проекций.

Слот *Геометрические номинации*

... jeder *Gedanke* wurde jetzt seinem von Tränen umgebenen weichen Herzen zur harten spitzen *Ecke*, so wie einer Hand, die sich in Wasser untertaucht, alles hart anzufühlen wird (DBL. PJH, 53575).

Er sieht nicht rechts noch links und nicht in die Weite; in seinem kleinen *Gedankenkreis* läuft er immerfort rundum oder dreht sich vielmehr (DBL. FRKL, 61267).

... in dieser Stube *kreisten* wohl alle menschlichen *Gedanken* und Wünsche (DBL. FRKPN, 61466).

Führ' ich stets *die Gedanken in die Runde* ... (DBL. JWGG, 20806).

Когнитивная значимость геометрических образов обусловлена их ролью в системе пространственно-практической ориентации человека и функцией типологической классификации вещей, то есть отнесения их к определенному классу. Наше сознание (обыденное, поэтическое, научное) зачастую руководствуется геометрической интуицией, занимающей важное место в процессах языковой концептуализации мира. Угол, круг (см. далее), таким образом, – важнейшие понятия, связанные с концептуальным представлением, стратификацией и схематизацией физического пространства.

Круг, как метафора бытия и один из главнейших символов древнего сознания, уже на протяжении многих столетий является неотъемлемой частью мироощущения человека. Примеры показывают, что символика круга довольно часто встречается и в контексте метафорического представления концепта «*Gedanke*». Актуализация образа круга при прояснении этого концепта происходит с использованием различных по своему морфологическому статусу лексем (существительные – *Kreis*, *Runde*; глагол – *kreisen*), что свидетельствует об устойчивости данного ассоциативного признака в сознании народа.

Слот *Образы формы*

Die meisten *Gedanken* sind nur *Profile* von *Gedanken* (LS, 131).

Er gab ihr für ihre Sonette spitzfindige Themata auf und verschärfte zuweilen *den Umriss* ihrer allgemeinen *Gedanken* ... (DBL. CFMV, 77090).

Актуализация этой части фрейма происходит при помощи лексем *Profil* (профиль) и *Umriss* (очертания, контур).

Фрейм «Размер»

Слот *Величина*

Ich glaub, dass *große Gedanken*, die man zum erstenmal denkt, die sind so überraschend, da scheinen einem die Worte zu nichtig ... (DBL. BVAG, 2207).

Слот *Протяженность*

Da der Brief gleich zu Ende ging, das heißt das Blatt, das so gebietend über *die Länge der Gedanken* entscheidet ... (DBL. AVAA, 336).

... aber allein und einsam liebe ich freiere Räume, wo der *Gedanke*, ... *sich freier ausdehnt*. (DBL. WHPH, 37146).

Слот *Высота*

... und zog ihn empor zu *hohen* Wesen und hohen *Gedanken* (DBL. PJT, 55634).

Eines zu sein mit Allem, was lebt, in seliger Selbstvergessenheit wiederzukehren ins All der Natur, das ist *der Gipfel der Gedanken* und Freuden, das ist die heilige Bergeshöhe ... (DBL. FHH, 46950).

Слот *Глубина*

Ich war noch immer verwirrt und *in tiefen Gedanken*, als das Stück schon geschlossen war (DBL. LTWL, 101361).

Из примеров следует, что *мысль*, «встроенная» в результате метафорических преобразований в пространство в качестве его отдельной части / физического тела, приобретает целый ряд метрических характеристик: большая (*groß*), высокая (*hoch*), глубокая (*tief*). В ее структуре, согласно языковым данным, заложены также предпосылки для «растяжимости», протяженности как по горизонтальной (*sich ausdehnen*, *Länge*), так и по вертикальной оси (*Gipfel der Gedanken*), что объясняется особенностями восприятия мира человеком.

Итак, пространственное измерение является весьма существенным для объективации концепта «*Gedanke*» в немецкой картине мира. На это указывает целый ряд пространственных фреймов, из которых на первом плане находятся концептуальные области, связанные с топологическими свойствами пространства (*место / наличие границ, вмещенность, связанность (вместилище – контейнер)*), а также примыкающие к ним метрические концептообразующие признаки рассматриваемой категории (*форма, размер*).

В результате мысль манифестируется в сознании языковой личности то как некое вместилище, контейнер, способный включать и удерживать в своих границах другие объекты и их системы, то, наоборот, как содержимое, субстанция, заполняющая определенное ограниченное пространство. Превращаясь в конкретный вид материи в виде особого тела, мысль наделяется разнообразными физическими характеристиками: контурами, размером или объемом, формой и т.п. Тем самым пространственная метафора помогает концепту «*Gedanke*» материально до-воплотиться, закрепить за этой ненаблюдаемой сущностью вполне конкретные, ощущаемые свойства.

Анализ языковых средств выражения пространственной метафоры, участвующей в объективации концепта «*Gedanke*», позволяет констатировать использование специальной *пространственной* лексики, представленной разными частями речи: *глаголы* (*erfüllen, sich hineinschleichen, setzen, sich ausdehnen* и др.); *имена существительные* (*Vakuum, Form, Modifikabilität, Länge, Gipfel, Ecke, Kreis, Profil* и др.); *имена прилагательные* (*groß, hoch, tief* и др.).

При образовании метафор рассматриваемой группы, особенно когда мысль представляется как некоторый объем, вместилище, велика роль пространственных *предлогов* (*in, aus, über* и др.). Предлоги, как и другие слова, которые призваны указывать на пространственные отношения, определенным образом ориенти-

руют опыт человека и вписывают объективную реальность в конкретные модели, векторы, линии и области пространства.

Исследование пространственной метафоры применительно к концепту «*Gedanke*» показало, что категория пространства вносит заметный вклад в процесс формирования знаний о предметах абстрактной сущности. Пространственные категории как свойства физического мира регулярным образом метафорически переосмысляются как категории внутреннего, ментального мира человека; в итоге мы имеем возможность оценить, как по образу и подобию осмысления пространства и пространственных отношений может далее распространяться знание, прежде всего, на нефизические, не-материальные, труднодостижимые сущности. Полученные данные релевантны и в том плане, что позволяют хотя бы приблизительно, частично получить ответ на вопрос, как сам концепт пространства складывается в голове человека, как эта категория вообще членится сознанием, каково ее устройство, насколько активно она взаимодействует с другими когнитивными системами человека и, наконец, какими собственными ментальными состояниями и свойствами она характеризуется и как эти «ментальные следы» отражаются на восприятии и оценке действительности.

The article reviews some peculiarities of a man's mental sphere metaphorical representation in the German world image by the example of linguistic actualization of the concept «Gedanke» (thought). As a source for metaphorical images conceptual sphere «space» is used; it is characterized by high semantic density and polystructural composition. Semantic diversity of the model comes to numerous frame structures that help to clarify abstract unit «Gedanke» (its limits, form, size, volume, etc.); heterogeneity of its structure is achieved by different parts of speech that represent space vocabulary (nouns, adjectives, verbs and others).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.
2. Белютин Р.В. Метафора движения в пространстве мысли (на материале немецкого языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 3. – С. 88-94.
3. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. – Тамбов, 2000.
4. Губин В.Д. Жизнь как метафора бытия. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2003.
5. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / РАН, ин-т языкознания. – М.: Школа «Языки славянской культуры», 2004. (Язык. Семиотика. Культура).
6. Логический анализ языка. Ментальные действия. – М.: Наука, 1993.
7. Никитин М.В. Основания когнитивной семантики. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003.
8. Ряцева Н.К. Язык и естественный интеллект / РАН. Ин-т языкознания. – М.: Academia, 2005.
9. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж: Воронежск. гос. ун-т, 2002.

10. Baldauf Ch. Metapher und Kognition: Grundlagen einer neuen Theorie der Alltagsmetapher. – Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Lang, 1997.

11. Lakoff G., Johnson M. Leben in Metaphern. – Zweite, korrigierte Auflage. – Heidelberg: Carl-Auer-Systeme Verlag, 2000.

12. Schwarz M. Einführung in die kognitive Linguistik. – 2., überarb. und aktualisierte Aufl. – Tübingen; Basel: Francke, 1996.

13. Schwarz-Friesel M. Kognitive Linguistik heute – Metaphernverstehen als Fallbeispiel // Deutsch als Fremdsprache. – 2004. – 41. – 2. – S. 83-89.

14. Schwarz-Friesel, M. Sprache und Emotion. – Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag, 2007.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

1. Arnim A. von: Armut, Reichtum, Schuld und Busse der Gräfin Dolores, S. 852. Digitale Bibliothek Band 1: Deutsche Literatur – Basisbibliothek. – DBL. AVAA.

2. Arnim A. von: Die Kronenwächter. Zweiter Band, S. 103. Digitale Bibliothek Band 1: Deutsche Literatur – Basisbibliothek. – DBL. AVAK.

3. Arnim B. von: Die Günderode, S. 353. Digitale Bibliothek Band 1: Deutsche Literatur – Basisbibliothek – DBL. BVAG.

4. Brentano C.: Godwi, S. 504. Digitale Bibliothek Band 1: Deutsche Literatur – Basisbibliothek. – DBL. CBG.

5. Chamisso A. von: Peter Schlemihls wundersame Geschichte, S. 91. Digitale Bibliothek Band 1: Deutsche Literatur – Basisbibliothek. – DBL. AVCH.

6. Duden Deutsches Universalwörterbuch / Hrsg. u. bearb. vom Wiss. Rat u. d. Mitarb. d. Dudenred. Unter Leitung von G. Drosdowski. – Mannheim, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1989. – DUW.

7. Goethe J. W.: Die Leiden des jungen Werther, S. 85. Digitale Bibliothek Band 1: Deutsche Literatur – Basisbibliothek. – DBL. JWGL.

8. Goethe J. W.: Gedichte (Ausgabe letzter Hand. 1827), S. 1171. Digitale Bibliothek Band 1: Deutsche Literatur – Basisbibliothek. – DBL. JWGG.

9. Hauff W.: Phantasien im Bremer Ratskeller, S. 8. Digitale Bibliothek Band 1: Deutsche Literatur – Basisbibliothek. – DBL. WHPH.

10. Herder J. G. Briefe zur Beförderung der Humanität, S. 889. Digitale Bibliothek Band 1: Deutsche Literatur – Basisbibliothek. – DBL. JGHB.

11. Hölderlin F: Hyperion oder der Eremit in Griechenland, S. 55. Digitale Bibliothek Band 1: Deutsche Literatur – Basisbibliothek. – DBL. FHH.

12. Jean Paul: Hesperus, S. 143. Digitale Bibliothek Band 1: Deutsche Literatur – Basisbibliothek. – DBL. PJH.

13. Jean Paul: Titan, S. 1128. Digitale Bibliothek Band 1: Deutsche Literatur – Basisbibliothek. – DBL. PJT.

14. Kafka Fr.: Amerika, S. 26. Digitale Bibliothek Band 1: Deutsche Literatur – Basisbibliothek. – DBL. FRKA.

15. Kafka Fr.: Prosa aus dem Nachlass, S. 49. Digitale Bibliothek Band 1: Deutsche Literatur – Basisbibliothek. – DBL. FRKPN.

16. Kierkegaard S.: Entweder-Oder, S. 294. Philosophie Schülerbibliothek. – Digitale Bibliothek: Philosophie Schülerbibliothek (hrsg. von M. Bertram) – DBP. SKE.

17. Meyer C. F.: Die Versuchung des Pescara, S. 55. Digitale Bibliothek Band 1: Deutsche Literatur – Basisbibliothek. – DBL. CFMV.

18. Nietzsche F.: Wie man wird, was man ist. Ermutigungen zum kritischen Denken / Hrsg. von Ursula Michels-Wenz. – Insel-Verlag, 1988. – FNW.

19. Puntsch Zitatenhandbuch: Bantuweisheit – PZH. BW.
20. Raabe W.: Die Chronik der Sperlingsgasse, S. 3. Digitale Bibliothek Band 1: Deutsche Literatur – Basisbibliothek. – DBL. WRCS.
21. Schiller Fr.: Über naive und sentimentalische Dichtung, S. 19. Digitale Bibliothek Band 1: Deutsche Literatur – Basisbibliothek. – DBL. FRSSU.
22. Schmidt L.: Aphorismen von A – Z: Das grosse Handbuch geflügelter Definitionen. – Wiesbaden: Drei Lilien Verlag GmbH, 1980. – LS.
23. Schopenhauer A.: Die Welt als Wille und Vorstellung, S. 1341. Philosophie Schülerbibliothek. – DBP. ASWW.
24. Storm Th.: Die Söhne des Senators, S. 51. Digitale Bibliothek Band 1: Deutsche Literatur - Basisbibliothek. – DBL. THSSS.
25. Tieck L.: William Lovell, S. 548. Digitale Bibliothek Band 1: Deutsche Literatur – Basisbibliothek. – DBL. LTWL.

А.Г. Сильницкий

Смоленский государственный университет

УДК 811.111

КВАНТИТАТИВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ТАКСОНОМИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ В ИЕРАРХИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ АНГЛИЙСКИХ «РЕТРОСПЕКТИВНЫХ» ГЛАГОЛОВ

Ключевые слова: *кластерное расстояние; способ группировки; корреляционный анализ; интегральная и дифференциальная таксономические функции; «ретроспективные экономические» глаголы.*

Данная статья посвящена рассмотрению интегральной и дифференциальной функций семантических признаков «ретроспективных экономических» глаголов в рамках иерархической кластерной классификации.

Задачей настоящей статьи является определение квантитативными методами двух основных таксономических функций семантических признаков на различных иерархических уровнях кластерной организации ретроспективных экономических глаголов. Понятия экономического глагола, семантического признака, ретроспективной глагольной ситуации, кластерной иерархической организации, а также таксономической функции были рассмотрены в статье «Принципы кластерной иерархической классификации многомерных объектов» (см. №3 «Известий СмолГУ»).

Выделяются две таксономических функции: интегральная и дифференциальная. Они определяются двумя количественными параметрами: 1) корреляционными соотношениями по критерию Пирсона и 2) кластерными расстояниями по критерию «1-Pearson r ». Данные количественные параметры

непосредственно соотносятся друг с другом, но, с другой стороны, решают различные задачи.

Интегральная роль семантических признаков «экономических ретроспективных» глагольных типов

Для выявления *интегральной* функции признака необходимо выбрать систему исчисления, показатели которой были бы прямо пропорциональны степени близости глагольных типов с данным семантическим признаком. Такой системой исчисления являются корреляции Пирсона (см. табл. 1).

Таблица 1

Корреляционные соотношения «ретроспективных экономических» глагольных типов по критерию Пирсона

	T1	T2	T3	T4	T5	T6	T7	T8	T9	T10	T11	T12	T13	T14	T15
T1	1.00	.79	.79	.60	.79	.55	.10	.32	.10	-.16	-.16	-.35	.55	.32	.10
T2	.79	1.00	.50	.76	.50	.32	-.16	.00	.32	.00	.00	-.16	.79	.50	.32
T3	.79	.50	1.00	.76	.50	.32	.32	.50	.32	.00	.00	-.16	.32	.00	-.16
T4	.60	.76	.76	1.00	.19	.06	.06	.19	.60	.19	.19	.06	.60	.19	.06
T5	.79	.50	.50	.19	1.00	.79	.32	.50	-.16	.00	.00	-.16	.32	.50	.32
T6	.55	.32	.32	.06	.79	1.00	.55	.79	-.35	-.16	.32	.10	.10	.32	.55
T7	.10	-.16	.32	.06	.32	.55	1.00	.79	.10	.32	.32	.55	-.35	-.16	.10
T8	.32	.00	.50	.19	.50	.79	.79	1.00	-.16	.00	.50	.32	-.16	.00	.32
T9	.10	.32	.32	.60	-.16	-.35	.10	-.16	1.00	.79	.32	.55	.55	.32	.10
T10	-.16	-.00	.00	.19	.00	-.16	.32	.00	.79	1.00	.50	.79	.32	.50	.32
T11	-.16	.00	.00	.19	.00	.32	.32	.50	.32	.50	1.00	.79	.32	.50	.79
T12	-.35	-.16	-.16	.06	-.16	.10	.55	.32	.55	.79	.79	1.00	.10	.32	.55
T13	.55	.79	.32	.60	.32	.10	-.35	-.16	.55	.32	.32	.10	1.00	.79	.55
T14	.32	.50	.00	.19	.50	.32	-.16	.00	.32	.50	.50	.32	.79	1.00	.79
T15	.10	.32	-.16	.06	.32	.55	.10	.32	.10	.32	.79	.55	.55	.79	1.00

Положительные соотношения (от 0 до 1.00) устанавливают степень взаимосвязанности двух глагольных типов, отрицательные (от 0 до -1.00) – степень противопоставленности двух глагольных типов. Интегральная функция признака на каком-либо иерархическом уровне осуществляется за счет наличия в двух объединяемых комплексах более низкого уровня как минимум двух элементов (по одному с каждой стороны) с данным семантическим признаком.

Используется следующий алгоритм вычисления интегральной функции семантического признака и семантического плана в данной классификационной системе (см. примеры в табл. 2):

1) В бинарном *комплексе* определенного иерархического уровня устанавливаются две непосредственно составляющих (два субкластера) более низкого уровня.

2) В каждой НС выявляются все глагольные типы, содержащие рассматриваемый семантический признак.

3) Определяется сумма всех бинарных *положительных* корреляционных коэффициентов, соотносящих глагольные типы с данным признаком в объединяемых комплексах.

4) Поскольку данная положительная корреляция является симметричной, т.е. характеризует оба соотносящиеся элемента, полученная сумма *умножается на два*.

5) Устанавливается сумма модулей всех *отрицательных* корреляционных коэффициентов, соотносящих глагольные типы с рассматриваемым признаком в объединяемых субкластерах.

6) Выявленный суммарный показатель также умножается на два.

7) Поскольку положительные и отрицательные корреляции характеризуются противоположными векторами, отрицательный суммарный показатель вычитается из положительного. Таким образом, определяется итоговый *интегральный* коэффициент данного семантического признака в рассматриваемом комплексе. Интегральный коэффициент признака CN в комплексе 3EFG равен 1.10.

8) Сумма интегральных коэффициентов контрарных одноплановых признаков дает интегральный коэффициент соответствующего семантического *плана* в рамках данного комплекса. Так, показатель интерактивного плана по данному параметру равен 3.78.

9) Сумма всех интегральных коэффициентов различных семантических планов в рамках определенного комплекса дает суммарный интегральный коэффициент данного *комплекса*. Например, комплекс 3ABCD по рассматриваемому критерию характеризуется коэффициентом 11.12.

10) Сумма интегральных коэффициентов некоторого признака во всех субкластерах определенного уровня дает его *внутриуровневый интегральный коэффициент*. Признак, характеризуемый наивысшим внутриуровневым интегральным коэффициентом, является *диагностическим* для данного уровня. Так, диагностическим для второго иерархического уровня является признак DM.

11) Для выявления интегральной функции семантического *плана* на определенном классификационном *уровне* нужно суммировать интегральные коэффициенты данного плана во всех субкластерах рассматриваемого уровня. Например, интегральный показатель иерархического плана на втором классификационном уровне равен 12.90.

12) Сумма всех суммарных интегральных коэффициентов различных комплексов определенного уровня дает суммарный интегральный коэффициент данного уровня. Так, первый иерархический уровень характеризуется коэффициентом 20.48 по данному параметру.

13) Сумма суммарных интегральных коэффициентов определенного семантического признака на всех уровнях кластерной организации устанавливает итоговый интегральный коэффициент данного признака. Например, итоговый интегральный показатель признака OP равен 6.20.

14) Сумма суммарных интегральных коэффициентов некоторого признакового плана на всех уровнях иерархической классификации дает итоговый интегральный коэффициент данного плана. Так, иерархический план по данному критерию имеет коэффициент 27.32.

Таким образом, для определения интегральной силы того или иного семантического признака основную роль играют следующие факторы:

1) *Количество элементов* с данным признаком в объединяемых комплексах.

2) Количество *положительных* бинарных коэффициентов корреляции между элементами с данным признаком в объединяемых субкластерах.

3) Степень *равномерности* распределения элементов с данным признаком в двух объединяемых комплексах: чем равномернее это распределение, тем большее получается произведение при перемножении интегральных показателей глагольных типов, характеризующих данным признаком, друг с другом. Например, на завершающем классификационном уровне имеет место 6 глагольных типов, содержащих признак интерактивного плана CN и столько же глагольных типов с контрарным признаком этого же плана DV. Глагольные типы с признаком DV распределились относительно субкластеров третьего уровня (ЗАBCD и ЗЕFG) более равномерно сравнительно с глагольными типами, содержащими признак CN: присутствуют три признака DV в ЗЕFG и три признака DV в ЗАBCD, тогда как имеется четыре признака CN в ЗАBCD и два в ЗЕFG. Произведение после перемножения интегральных соотношений признака DV равно девяти (3 x 3), признака CN – шести (2 x 3). Таким образом, несмотря на то, что оба признака интерактивного плана характеризуются одинаковой частотностью на данном уровне, интегральная функция признака DV в полтора раза сильнее.

В данной системе выявляются следующие интегральные показатели семантических признаков в комплексах и на иерархических уровнях.

Таблица 2

Интегральные показатели семантических признаков в системе «ретроспективных экономических» глагольных типов

	1A	1B	1C	1D	1E	1F	1G	См	2AB	2CD	2EF	2G	См	3ABCD	3EFG	См	RSP	СМ
CS	1.58		1.58				1.58	4.74				2.68	2.68	4.32		4.32	9.38	21.12
OP					1.58			1.58			2.68		2.68			0.0	1.94	6.20
XPH	1.58		1.58		1.58		1.58	6.32			2.68	2.68	5.36	4.32		4.32	11.32	27.32
CN	1.58	1.52						3.10	5.30				5.30		1.10	1.10	7.20	16.70
DV				1.58		1.58		3.16		2.68			2.68		2.68	2.68	6.16	14.68
ИHT	1.58	1.52		1.58		1.58		6.26	5.30	2.68			7.98		3.78	3.78	13.36	31.38
DM					1.58	1.58	1.58	4.74			4.32	2.68	7.00		9.38	9.38	0.0	21.12
SB			1.58	1.58				3.16	1.58	4.32			5.90	6.80		6.80	0.0	15.86
ИEP			1.58	1.58	1.58	1.58	1.58	7.90	1.58	4.32	4.32	2.68	12.90	6.80	9.38	16.18	0.0	36.98
См	3.16	1.52	3.16	3.16	3.16	3.16	3.16	20.48	6.88	7.00	7.00	5.36	26.24	11.12	13.16	24.28	24.68	95.68

Сделаем следующие обобщения:

1) На первом классификационном уровне самым высоким интегральным показателем характеризуются признаки CS и DM, которые являются диагностическими для рассматриваемого уровня. Данные признаки представлены в качестве интегральных в наибольшем количестве (в трех) комплексов первого уровня.

Самым низким интегральным показателем обладает признак ОР, представленный как интегральный только в одном субкластере первого уровня. Остальные интегральные семантические признаки присутствуют в равном количестве (в двух) комплексов первого уровня, что обуславливает близость их коэффициентов.

Среди семантических планов самой высокой интегральной силой характеризуется *иерархический* план, самой низкой – *интерактивный*.

Субкластер 1В характеризуется минимальным количеством (одним) интегральных признаков (CN) и самым низким суммарным интегральным коэффициентом (1.52). Все остальные комплексы первого уровня имеют по два интегральных признака и обладают одинаковыми суммарными интегральными коэффициентами (3.16). Ни в одном из субкластеров рассматриваемого уровня не присутствуют одноплановые семантические признаки.

2) На втором иерархическом уровне самым высоким интегральным показателем обладают признаки DM (7.00) и SB (5.90). Эти признаки представлены в качестве интегральных в наибольшем количестве (двух) субкластеров второго уровня. Самым низким интегральным показателем характеризуются признаки CS, ОР, DV. Следовательно, наиболее маркированными по данному критерию являются признаки *иерархического* плана, наименее маркированными – признаки *хроноструктурного* плана.

Все комплексы второго уровня имеют по два интегральных признака. Самыми высокими суммарными интегральными показателями характеризуются комплексы 2CD и 2EF, самым низким – 2G (5.36). Ни в одном из субкластеров данного уровня не представлены контрарные одноплановые семантические признаки.

3) На третьем кластерном уровне самым высоким интегральным показателем вновь обладают признаки *иерархического* плана (SB, DM). *Хроноструктурный* признак ОР не является интегральным ни в одном из комплексов третьего уровня и, следовательно, имеет «нулевой» интегральный коэффициент. Все интегральные признаки представлены только в одном из субкластеров третьего уровня.

Среди семантических планов самым высоким интегральным показателем характеризуется *интерактивный* план, самым низким коэффициентом – *иерархический*.

Субкластер 3ABCD характеризуется двумя интегральными признаками, комплекс 3EFG – тремя признаками, два из которых (CN, DV) являются одноплановыми (интерактивными). Суммарный интегральный коэффициент комплекса 3EFG является наиболее высоким на данном уровне (13.16).

4) На завершающем, четвертом, классификационном уровне наивысшим интегральным показателем обладает *хроноструктурный* признак CS. Признаки *иерархического* плана DM, SB характеризуются «нулевым» интегральным коэффициентом, интерактивный план имеет самый высокий интегральный коэффициент. Следовательно, в данном комплексе присутствует четыре интегральных признака. Суммарный интегральный коэффициент данного комплекса равен 24.68.

Таким образом, на первых трех иерархических уровнях рассматриваемой классификации наиболее интегрально маркированными являются признаки *иерархического* плана (SB, DM). *Хроноструктурный* признак CS по данному параметру образует своего рода «рамочную конструкцию», т.е. характеризуется повышенным интегральным коэффициентом на первом и последнем классификационных уровнях. Признаки *интерактивного* плана (CN, DV) по отдельности ни на одном из уровней не имеют наивысшего интегрального коэффициента, хотя интерактивный план в целом на завершающем классификационном уровне характеризуется самой высокой интегральностью. Хроноструктурный план в целом не имеет наивысшего интегрального показателя ни на одном из классификационных уровней.

На первом и втором уровнях самые высокие интегральные коэффициенты признаков прямо пропорциональны количеству комплексов, в которых они представлены.

Только в комплексах третьего и четвертого уровней встречаются одноплановые интегральные признаки.

Самым высоким интегральным показателем по сумме всех уровней (*итоговый интегральный коэффициент*) обладают признаки CS (21.12) и SB (21.12). Самым низким итоговым интегральным коэффициентом характеризуется признак ОР. Итоговый интегральный показатель признака прямо пропорционален количеству глагольных типов, содержащих данный признак: CS и DM присутствуют в наибольшем количестве глагольных типов (в семи), ОР – в наименьшем (в четырех).

Среди признаков планов самый высокий итоговый интегральный коэффициент имеет *иерархический* план (36.98), самый низкий – *хроноструктурный* (27.32).

Дифференциальная функция семантических планов «экономических ретроспективных» глагольных типов

Для установления *дифференциальной* функции целесообразно выбрать систему исчисления, показатели которой были бы прямо пропорциональны степени удаленности типов с данным семантическим признаком. Такой системой исчисления являются кластерные расстояния по критерию «1-Pearson r» (см. табл. 3).

Таблица 3

Кластерные расстояния «ретроспективных экономических» глагольных типов

	T1	T2	T3	T4	T5	T6	T7	T8	T9	T10	T11	T12	T13	T14	T15
T1	.00	.21	.21	.40	.21	.45	.90	.68	.90	1.16	1.16	1.35	.45	.68	.90
T2	.21	.00	.50	.24	.50	.68	1.16	1.00	.68	1.00	1.00	1.16	.21	.50	.68
T3	.21	.50	.00	.24	.50	.68	.68	.50	.68	1.00	1.00	1.16	.68	1.00	1.16
T4	.40	.24	.24	.00	.81	.94	.94	.81	.40	.81	.81	.94	.40	.81	.94
T5	.21	.50	.50	.81	.00	.21	.68	.50	1.16	1.00	1.00	1.16	.68	.50	.68
T6	.45	.68	.68	.94	.21	.00	.45	.21	1.35	1.16	1.16	.68	.90	.68	.45

T7	.90	1.16	.68	.94	.68	.45	.00	.21	.90	.68	.68	.45	1.35	1.16	.90
T8	.68	1.00	.50	.81	.50	.21	.21	.00	1.16	1.00	.50	.68	1.16	1.00	.68
T9	.90	.68	.68	.40	1.16	1.35	.90	1.16	.00	.21	.68	.45	.45	.68	.90
T10	1.16	1.00	1.00	.81	1.00	1.16	.68	1.00	.21	.00	.50	.21	.68	.50	.68
T11	1.16	1.00	1.00	.81	1.00	.68	.68	.50	.68	.50	.00	.21	.68	.50	.21
T12	1.35	1.16	1.16	.94	1.16	.90	.45	.68	.45	.21	.21	.00	.90	.68	.45
T13	.45	.21	.68	.40	.68	.90	1.35	1.16	.45	.68	.68	.90	.00	.21	.45
T14	.68	.50	1.00	.81	.50	.68	1.16	1.00	.68	.50	.50	.68	.21	.00	.21
T15	.90	.68	1.16	.94	.68	.45	.90	.68	.90	.68	.21	.45	.45	.21	.00

Дифференциальная функция, как было отмечено выше, осуществляется за счет наличия в двух НС-комплексах более низкого уровня как минимум двух элементов (по одному с каждой стороны), образующих по меньшей мере одну семантическую оппозицию (привативную или эквиолентную) в том или ином семантическом *плане*: иерархическом, хроноструктурном, интерактивном. В связи с этим комплексы различных иерархических уровней могут быть трех типов – *привативными, эквиолентными и смешанными*.

Привативный комплекс имеет место, когда все семантические оппозиции всех дифференциальных планов, разделяющие данный комплекс на непосредственные составляющие, являются привативными. Так, в субкластере второго уровня 2АВ присутствуют только привативные оппозиции, противопоставляющие в составе данного субкластера НС-комплексы 1А и 1В. *Эквиолентный* комплекс (например, 2G) присутствует в том случае, когда все дифференциальные планы в его составе имеют как минимум одну эквиолентную оппозицию.

Если же комплекс характеризуется как привативными, так и эквиолентными дифференциальными планами, то данный субкластер будет рассматриваться как *смешанный*. Примером может служить комплекс 2СD.

В «идеальном» случае каждый из контрарных признаков, составляющих эквиолентную оппозицию, представлен в одном из противопоставляемых комплексов, но не в другом. Например, на завершающем классификационном уровне все глагольные типы, содержащие признаки иерархического плана CS, DM, сосредоточились в противоположных НС-комплексах третьего уровня (SB – в субкластере 3АВСD, DM – в комплексе 3EFG). Однако нередко наблюдаются случаи, где в одном и том же НС-комплексе наблюдаются, в различной пропорции, оба контрарных признака. Так, на завершающем, четвертом, кластерном уровне оба признака интерактивного плана CN, DV присутствуют в обоих НС-комплексах нижележащего третьего уровня.

Аналогичным образом семантический признак того или иного плана, представляющий маркированный элемент привативной оппозиции, может характеризовать либо один, либо оба противопоставленных НС-комплекса в составе субкластера следующего иерархического уровня. Например, в комплексе 2АВ маркированный хроноструктурный признак CS представлен только в одном НС-субкластере первого уровня (1А), но не в другом. С другой стороны, маркированный иерархический признак SB характеризует оба НС-комплекса (1А, 1В) первого уровня.

С учетом такого рода классификаций алгоритм вычисления дифференциальной функции того или иного семантического плана и дискретного признака в данной системе может быть представлен в следующем виде (см. примеры в табл. 4):

1) В бинарном комплексе определенного уровня устанавливаются две непосредственно составляющие более низкого иерархического уровня.

2) В каждой НС выявляются все глагольные типы, содержащие контрарные семантические признаки рассматриваемого плана.

3) В каждом комплексе показатель дифференциальной функции того или иного семантического плана вычисляется как сумма всех расстояний, эквиолентных и привативных, между носителями соответствующих признаков в составе противоположных НС-комплексов более низкого иерархического уровня.

4) Степень *эквиолентной* противопоставленности двух НС-комплексов в том или ином семантическом плане определяется *эквиолентным дифференциалом* – суммой всех эквиолентных расстояний между носителями соответствующих контрарных признаков в составе противопоставляемых НС-комплексов.

5) При наличии носителей одних и тех же контрарных признаков в составе обоих НС-комплексов, т.е. при наличии противоположно направленных эквиолентных оппозиций между ними и, соответственно, двух «частных» разнонаправленных дифференциальных показателей, степень их противопоставленности друг другу понижается. Итоговый эквиолентный дифференциал данного плана вычисляется в виде *разности* между двумя «частными» дифференциальными показателями.

6) Степень *привативной* противопоставленности двух НС-комплексов в составе комплекса следующего иерархического уровня в том или ином семантическом плане определяется *привативным дифференциалом* – суммой всех привативных расстояний между глагольными типами, характеризуемыми наличием определенных признаков в одном НС-комплексе и их отсутствием в другом.

7) При наличии того же привативно маркированного признака во втором НС-комплексе, т.е. при двух противоположно направленных привативных оппозициях и двух разнонаправленных «частных» дифференциальных показателях, итоговый привативный дифференциал соответствующего плана в данном комплексе определяется как *разность* между последними.

8) Полученный коэффициент делится на два, поскольку в данном случае в каждой паре глагольных типов только один из соотносящихся элементов маркирован по данному признаку.

9) Привативный и эквиолентный показатели суммируются, образуя *дифференциальный коэффициент* рассматриваемого признака в данном комплексе. Например, показатель признака DV в комплексе 2G по данному параметру равен .45 (см. табл. 4).

10) Сумма дифференциальных коэффициентов противостоящих друг другу признаков дает дифференциальный коэффициент соответствующего семантического плана в рамках данного комплекса. Так, дифференциальный коэффициент интерактивного плана в комплексе 2EF равен 2.62.

11) Сумма всех дифференциальных коэффициентов различных семантических планов в рамках определенного комплекса дает суммарный дифференциальный коэффициент данного комплекса. Например, показатель комплекса 2AB по данному критерию равен .73.

12) Сумма дифференциальных коэффициентов определенного признака во всех субкластерах данного уровня дает его *внутриуровневый дифференциальный коэффициент*. Так, дифференциальная функция признака CS на втором кластерном уровне равна 2.17. Признак, характеризующий наивысшим внутриуровневым дифференциальным коэффициентом, является *диагностическим* для данного уровня.

13) Для выявления дифференциальной функции семантического плана на определенном классификационном уровне нужно суммировать дифференциальные коэффициенты данного плана во всех субкластерах рассматриваемого уровня. Например, дифференциальная функция хроноструктурного плана на втором иерархическом уровне равна 3.89.

14) Сумма всех суммарных дифференциальных коэффициентов различных комплексов определенного уровня дает суммарный дифференциальный коэффициент данного уровня. Так, показатель второго кластерного уровня по данному параметру равен 8.16.

15) Сумма суммарных дифференциальных коэффициентов определенного семантического признака на всех уровнях кластерной организации устанавливает итоговый дифференциальный коэффициент данного признака. Например, рассматриваемый коэффициент признака DM равен 43.05.

16) Сумма суммарных дифференциальных коэффициентов некоторого признакового плана на всех уровнях иерархической классификации дает итоговый дифференциальный коэффициент данного плана. Так, вышеуказанный коэффициент иерархического плана равен 84.63.

В нижеприведенной таблице представлены дифференциальные показатели признаков и семантических планов (строки) в комплексах различных уровней (столбцы).

Таблица 4

Дифференциальные показатели признаков и семантических планов системы «ретроспективных экономических» глагольных типов

	1 УР								2 УР					3 УР			4 УР	
	1A	1B	1C	1D	1E	1F	1G	См	2AB	2CD	2EF	2G	См	3ABCD	3EFG	См	RSP	СМ
CS								0.0	.68	1.49			2.17	1.44	6.62	8.06	7.58	17.81
OP				.11		.11		.22		1.13	.59		1.72	2.87	5.92	8.79	13.15	23.88
XPH				.11		.11		.22	.68	2.62	.59		3.89	4.31	12.54	16.85	20.73	41.69
CN					.11			.11			1.13	.56	1.69	10.43	.68	11.11	8.00	20.91
DV			.11				.11	.22		.59	1.49	.45	2.53	9.42	.93	10.35	4.02	17.12
ИНТ			.11		.11		.11	.32		.59	2.62	1.01	4.22	19.85	1.61	21.46	12.02	38.03
DM								0.0					0.0			0.0	43.05	43.05
SB	.11	.12						.23	.05				.05	3.42		3.42	37.88	41.58
ИЕР	.11	.12						.23	.05				.05	3.42		3.42	80.93	84.63
СМ	.11	.12	.11	.11	.11	.11	.11	.77	.73	3.21	3.21	1.01	8.16	27.58	14.15	41.73	113.68	164.35

На основании приведенной таблицы могут быть сделаны следующие выводы:

1) На первом классификационном уровне самым высоким дифференциальным показателем характеризуется *интерактивный* план, который представлен в качестве дифференциального в наибольшем количестве (в трех) комплексов первого уровня. *Хроноструктурный* и *иерархический* планы дифференцируют равное количество (по два) комплексов первого уровня, что обуславливает близость их коэффициентов. Каждый субкластер первого уровня характеризуется только одним дифференциальным планом.

Все дифференциальные планы разделяют комплексы рассматриваемого уровня по принципу привативной оппозиции, т.е. все субкластеры первого уровня являются *привативными*. Наибольшим суммарным дифференциальным коэффициентом характеризуется субкластер 1В (.12). Все остальные комплексы первого уровня имеют одинаковый (.11) суммарный дифференциальный показатель.

Признаки CS и DM не являются дифференциально маркированными ни в одном из субкластеров, т.е. их дифференциальный коэффициент равен нулю. Признаки SB, DV, OP являются маркированными в наибольшем количестве (в двух) комплексов и характеризуются близкими дифференциальными коэффициентами.

2) На втором иерархическом уровне самым высоким дифференциальным показателем обладают *интерактивный* (4.22) и *хроноструктурный* (3.89) планы, каждый из которых дифференцирует по три комплекса второго уровня. *Иерархический* план в качестве дифференциального представлен только в одном субкластере (2АВ). Единственным комплексом второго уровня, имеющего только один дифференциальный план, является 2G. Остальные три комплекса (2АВ, 2CD, 2EF) характеризуются двумя дифференциальными планами. В комплексах 2CD и 2EF присутствуют одни и те же дифференциальные планы: хроноструктурный и интерактивный. Наибольшее количество дифференциально маркированных признаков (по три) имеют субкластеры 2CD, 2EF. Эти же комплексы характеризуются самыми высокими суммарными дифференциальными коэффициентами (3.21). В двух других комплексах (2АВ, 2G) присутствуют по два дифференциально маркированных признака.

Комплекс второго уровня 2АВ является *привативным*, т.е. оба дифференциальных плана данного комплекса (хроноструктурный и иерархический) разделяют его на непосредственные составляющие (1А и 1В) по принципу привативной оппозиции с маркированными элементами CS (хроноструктурный план) и SB (иерархический план). Комплексы 2CD и 2EF являются *смешанными*, так как один из их дифференциальных планов функционирует по принципу привативной оппозиции (интерактивный в 2CD и хроноструктурный в 2EF), тогда как другой – по принципу эквиолентной оппозиции (интерактивный в 2EF и хроноструктурный в 2CD). Субкластер 2G является *эквиолентным*, поскольку его единственный дифференциальный план (интерактивный) разделяет его на составляющие по принципу эквиолентной оппозиции.

Иерархический признак DM не является дифференциально маркированным ни в одном из комплексов, и его дифференциальный коэффициент равен нулю. Интерактивный признак DV присутствует в качестве дифференциально маркированного в наибольшем (в трех) комплексе второго уровня и характеризуется самым высоким дифференциальным коэффициентом.

3) На третьем кластерном уровне самым высоким дифференциальным показателем характеризуется *интерактивный* (21.46) план, представленный в обоих комплексах третьего уровня. *Иерархический* план дифференцирует только один субкластер (3ABCD). Комплекс 3ABCD характеризуется всеми тремя дифференциальными планами и пятью дифференциально маркированными признаками. Суммарный дифференциальный коэффициент данного субкластера (27.58) в два раза выше, чем в комплексе 3EFG (14.15), характеризующемся двумя дифференциальными планами (интерактивным и хроноструктурным) и четырьмя дифференциально маркированными признаками.

Комплекс 3ABCD является *смешанным*: два дифференциальных плана (хроноструктурный и интерактивный) функционируют по принципу эквиполентной оппозиции, один план (иерархический) – по принципу привативной оппозиции с маркированным признаком SB. Субкластер 3EFG является *эквиполентным*, поскольку оба его дифференциальных плана образуют эквиполентную оппозицию.

Иерархический признак DM не является дифференциально маркированным ни в одном из комплексов третьего уровня, и его дифференциальный коэффициент равен нулю. Интерактивный признак CN характеризуется самым высоким дифференциальным коэффициентом (11.11).

4) На четвертом, завершающем, классификационном уровне самый высокий дифференциальный показатель имеет *иерархический* план. Кластер РСII характеризуется всеми тремя дифференциальными планами. Его суммарный дифференциальный коэффициент равен 113.68.

Данный комплекс является *эквиполентным*, так как все дифференциальные планы образуют эквиполентные оппозиции.

Иерархический признак DM характеризуется самым высоким дифференциальным коэффициентом, интерактивный признак DV – самым низким.

Таким образом, на первых трех иерархических уровнях классификации наиболее дифференциально маркированным является *интерактивный* план, наименьшей дифференциальной силой на этих уровнях характеризуется *иерархический* план. На завершающем кластерном уровне интерактивный и иерархический планы по данному критерию меняются местами, т.е. наибольшей дифференциальной силой обладают *иерархические* признаки DM, SB, наименьшей – *интерактивные* признаки CN, DV. Хроноструктурный план ни на одном из уровней не имеет наивысшего дифференциального коэффициента.

На первом уровне самый высокий дифференциальный коэффициент плана прямо пропорционален количеству комплексов, в которых он представлен.

На первом классификационном уровне представлены только привативные субкластеры, на втором уровне присутствуют все три вида комплексов (приватив-

ный, эквиполентный, смешанный), на третьем и четвертом уровне привативные комплексы отсутствуют, на завершающем уровне кластер РСП является эквиполентным. Таким образом, роль эквиполентной оппозиции прямо пропорциональна, тогда как роль привативной оппозиции обратно пропорциональна иерархическому уровню.

В комплексах суммарный дифференциальный коэффициент прямо пропорционален количеству дифференциально маркированных признаков на втором и третьем кластерных уровнях.

Самым высоким дифференциальным показателем по сумме всех уровней (*итоговый дифференциальный коэффициент*) обладает *иерархический* план (84.63). Самым низким итоговым дифференциальным коэффициентом характеризуется *интерактивный* план (38.03). Следовательно, итоговый дифференциальный показатель признакового плана прямо пропорционален дифференциальному коэффициенту данного плана на завершающем классификационном уровне.

Среди семантических признаков самый высокий итоговый дифференциальный коэффициент имеет признак DM (43.05), самый низкий – признак DV (17.12). Данные показатели также прямо пропорциональны дифференциальным коэффициентам соответствующих признаков на конечном кластерном уровне.

Выделим в каждом комплексе различных иерархических уровней диагностическую семантическую оппозицию, характеризующуюся самым высоким дифференциальным коэффициентом (см. табл. 5).

Таблица 5

**Доминирующие семантические оппозиции
в комплексах различных уровней кластерной организации**

1 УР							2 УР				3 УР		4 УР
1A	1B	1C	1D	1E	1F	1G	2AB	2CD	2EF	2G	3ABC	3EFG	4ABCDEFG
SB/-	SB/-	DV/-	OP/-	CN/-	OP/-	DV/-	CS/-	CS/ OP	CN/ DV	CN/ DV	DV/ CN	CS/ OP	SB/DM

Сделаем следующие выводы:

1) На первом уровне кластерной организации в привативных субкластерах оппозиция по признаку SB имеет место в двух случаях (1A, 1B), по признаку OP – в двух случаях (1D, 1F), по признаку DV – в двух случаях (1C, 1G), по признаку CN – в одном случае (1E). Следовательно, на первом кластерном уровне в противопоставлениях не участвует один признак иерархического плана (DV) и один признак хроноструктурного плана (CS).

2) Рассмотрим семантические оппозиции субкластеров 2-го уровня. В привативном субкластере 2AB имеет место межкомплексная оппозиция по признаку CS. В смешанном комплексе 2CD участвуют признаки хроноструктурного плана (CS, OP), в другом смешанном комплексе (2EF) и эквиполентном субкластере (2G) – признаки интерактивного плана (CN, DV).

Следовательно, на втором кластерном уровне в выделенных противопоставлениях не участвуют признаки иерархического плана (DM, SB).

3) Выделим диагностические оппозиции субкластеров 3-го уровня. В экви-полентном комплексе 3EFG участвуют признаки хроноструктурного плана (CS, OP). В смешанном комплексе 3ABCD в экви-полентной оппозиции участвуют признаки интерактивного плана (CN, DV). Таким образом, на рассматриваемом кластерном уровне в противопоставлениях не участвуют признаки иерархического плана (DM, SB).

4) На четвертом уровне кластерной организации выделяется одна экви-полентная оппозиция, в которой противопоставляются признаки иерархического плана (DM, SB).

Напомним, что сила той или иной признаковой оппозиции прямо пропорциональна уровню кластерной организации, что отражает количественный дифференциальный коэффициент. Таким образом, в данной системе основную роль в межкомплексных противопоставлениях играют признаки *иерархического* плана (DM, SB); признаки интерактивного (CN, DV) и хроноструктурного (CS, OP) планов обладают более низкой дифференциальной способностью: они хоть и чаще участвуют в межкомплексных оппозициях, но противопоставляют субкластеры более низких иерархических уровней (первого, второго и третьего).

Таким образом, предлагаемый исследовательский алгоритм позволяет максимально дифференцированно и дискретно отобразить в количественных терминах интегральную и дифференциальную функцию релевантных признаков и семантических планов на различных уровнях и в различных комплексах иерархической классификации.

The article is dedicated to a discussion of the «integral» and «differential» functions of the semantic features of «retrospective economic» verbs within the framework of a hierarchical «cluster» classification. The taxonomical functions are defined on the basis of two quantitative characteristics: «cluster distances» and «correlations».

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

А.В. Радионова

Филиал ФГОУВПО «Российский государственный университет туризма и сервиса» в г. Смоленске

УДК 821.111.1.09

ОТ ЛИРИКИ К РОМАНУ: ОБРАЗНЫЕ И МОТИВНЫЕ ПАРАДИГМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Б. ПАСТЕРНАКА

Ключевые слова: *проза; поэзия; стихотворение; образ; мотив; субъект; предикат; парадигма; автоинтертекстуальность; структура.*

В данной работе рассматривается ряд образов и мотивов, перенесенных автором из лирики в роман «Доктор Живаго», выявляются различные способы переноса образов и мотивов, особенности одних и тех же текстовых элементов в стихотворении и в прозе, а также изменение их структуры при переносе из поэтического произведения в прозаическое.

Б.Л. Пастернак неоднократно говорил о том, что главным в своем творчестве он считает прозу, а именно роман «Доктор Живаго». Роман стал произведением, в котором он мечтал и сумел выразить весь опыт своей жизни, к написанию которого он готовился всю свою жизнь. Многие литературоведы говорят о нитях, берущих начало в раннем творчестве и ведущих к роману (1). И сам автор не раз перекидывал мостики от своих стихов к роману даже тогда, когда он был еще в очень отдаленном предположении (2).

Наиболее полно проблему пути Пастернака к «Доктору Живаго» рассмотрел профессор В.С. Баевский. Одна из глав его книги «Пастернак» так и называется «“Доктор Живаго”: Путь к роману». Баевский называет пять дорог, по которым Пастернак двигался к своему роману: прозаические этюды, стихотворный эпос, лирика, драматургия, переводы [3, 56-58]. В данной работе мы рассматриваем ряд образов и мотивов, перенесенных автором из лирики в роман «Доктор Живаго». Ограничимся материалом прозаической части романа, так как стихотворения из романа в контексте всего творчества Пастернака рассмотрены в работе И.В. Романовой [26]. Не отвергая самоценности стихотворного творчества, акцентируем внимание на том, что стихотворные произведения и задумывались, и писались этюдами к большому прозаическому произведению. Перечисленные предпосылки дают право на попытку в определенных аспектах

исследовать творчество Пастернака как структурное и художественное единство (3).

Материалом для нашего исследования стал текст романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго», опубликованный в издании: Пастернак Б.Л. Собрание сочинений. В 5 т. Т.3. Доктор Живаго: роман / редкол.: А. Вознесенский, Д. Лихачев, Д. Мамлеев и др.; подгот. текста и коммент. В. Борисова и Е. Пастернака. – М.: Худож. лит., 1990. При ссылках на текст романа в этом издании в дальнейшем мы будем указывать в квадратных скобках только номер страницы.

Стихотворные тексты цитируются по изданию: Пастернак Б. Стихотворения и поэмы: в 2 т. / вступ. статья В.Н. Альфонсова; сост., подг. текста и примеч. В.С. Баевского и Е.Б. Пастернака. – Л.: Сов. писатель, 1990. При ссылках на стихотворные тексты или их цитировании в дальнейшем мы будем указывать в квадратных скобках римской цифрой номер тома и арабской цифрой – страницу. В 1945 году Пастернак начал работу непосредственно над текстом романа. Поскольку в работе речь идет о переносе текстовых элементов из лирики в прозаическую часть романа, для исследования мы отбираем стихотворения, написанные до 1945 года.

При подходах к намеченному исследованию возникает проблема соотношения стихов и прозы. На каких уровнях возможно их сравнение? Проза Пастернака – это не проза в обычном смысле, это проза поэтическая (4). Многие эпизоды романа «Доктор Живаго» можно назвать лирикой в прозе. Элементы этих эпизодов близки по значению и функциям к стихотворным. В основе некоторых стихотворений и прозы Пастернака лежит один и тот же затекст. Таким образом, сравнение становится возможным. Стиховое творчество Пастернака сюжетно [17, 79]. Наличие в некоторых стихотворениях эпического начала также является благоприятным условием для сравнения с романом.

В работе проводится автоинтертекстуальное исследование поэтических и прозаических текстов. Сопоставимы те структуры, которые являются более или менее общими и для стихов, и для прозы. Образная и мотивная структуры таковыми являются. Термины «мотив» и «образ» употребляются в значениях, традиционных для филологической школы профессора В.С. Баевского (5).

Не все примеры переносов образов и мотивов можно считать сознательно примененными приемами. Но даже если парадигма связана с архетипом, стереотипом лексическим или сюжетным, ее выбор для переноса из лирики в роман, хотя и несознательный, говорит о приоритетах автора, об особенностях его стиля и показателен с точки зрения определения основных и самых глубоких значений творчества Пастернака. Если текстовый элемент переносится в единстве с окружающими темами, образными и мотивными парадигмами, в этих особо ценных для исследователя случаях мы считаем уместным говорить об автоинтертекстуальности.

Образы, переносимые автором из поэзии в прозу, наиболее значимы для его творчества. Они поэтизируют прозаический текст. Сам факт такого переноса подтверждает установку Пастернака выразить в прозе весь свой предыдущий

жизненный и творческий опыт. Различные способы реализации этого намерения объясняются особенностями различных форм художественной речи. В контексте окружающих образов поэтический образ становится составной частью сложной образной структуры, усложняя и обогащая поэтику большого прозаического единства. В лирике образ часто отличается загадочностью. Прозаическая речь Пастернака дает больше возможностей объяснить образ, обнажить ассоциации, его вызвавшие. Пример тому – автоинтертекстуальные связи между текстами стихотворения «Как бронзовой золой жаровень...» [I, 75] и романа. Это одно из ранних стихотворений Пастернака, написанное в 1912 году. И одно из сложных по системе образов.

Как бронзовой золой жаровень,
 Жуками сыплет сонный сад.
 Со мной, с моей свечою вровень
 Миры расцветшие висят.

В стихотворении представлен яблоневый сад сразу после дождя (6). Образ *Жуками сыплет сонный сад* двойственен. К первому очевидному значению (с веток падают жуки) присоединяется второе значение: с цветущих яблоневых веток стекают крупные капли и, ударяясь о землю, издают звуки, похожие на те, что возникают при падении жука, ударе его хитиновой спинки обо что-то твердое. *Как бронзовой золой жаровень, / Жуками сыплет сонный сад.* – это образная картина вечернего шелестящего, колышущегося под ветром сада (что и подтверждается аллитерацией), когда с листьев, стучаясь о мостовую, скатываются капли, сверкающие в лучах заходящего солнца. Такие выводы мы делаем на основании следующих отрывков романа: «С них [с яблонь], недружно перестукиваясь, падали капли на деревянные тротуары. Барабанный разнобой их раздавался по всему городу» [305] (7). Образ в стихотворении и в прозе реализован по-разному: в одном случае с помощью метафоры ‘капли → жуки’, в другом случае с помощью метафоры ‘капли → барабаны’. Произошел перенос образа с общим левым элементом парадигмы – «капли»; с реконструкцией левого элемента, т. е. основания сопоставления: в стихотворении основание сопоставления «капли» отсутствует, в тексте романа оно прямо названо; с заменой правого элемента на близкий по значению в данном контексте: в стихотворении образ сопоставления – «жуки», в романе – «барабаны» (сходство реконструируется на основе звукового подобия); с заменой именной парадигмы ‘капли → жуки’ на парадигму действия – ‘капли → барабанный бой’; без замены одного вида тропа на другой – и в стихотворении, и в романе образ реализуется с помощью метафор.

В стихотворении сад сыплет каплями-жуками, как жаровень золой. Слово «жаровень» – это окказионализм Пастернака, поскольку в русском языке имеется только форма женского рода – «жаровня». Жуки-капли сравниваются с искрами бронзовой золы. В романе также появляются горящие, сверкающие капли: «<...> оно [ожерелье] переливалось, горело и то казалось стечением по каплям набежавшей влаги, то кистями мелкого винограда» [101]. В стихотворении – ‘кап-

ли → зола', в романе – 'горящее ожерелье → капли'. Перенос образа с переменной левого элемента на правый элемент и правого элемента на левый элемент, т. е. с заменой прямой парадигмы на обратную: в стихотворении капли сравниваются с золой, в романе горящее ожерелье сравнивается с каплями; с окказиональной синонимией элементов: 'ожерелье → горит' (близость с золой реконструируется на основе общей принадлежности огню); без замены одного вида тропа на другой: и в стихотворении, и в романе – сравнение.

«Вдруг из тучи косо посыпался крупный, сверкающий на солнце грибной дождь» [164]. В стихотворении – 'капли → зола', в романе – 'дождь → сверкающий'. Перенос образа с синонимичным левым элементом и синонимичным правым элементом; а также с заменой именной парадигмы на парадигму свойства и одного вида тропа на другой: метафора в стихотворении и эпитет в романе.

Образ капли-жука-искры повторяется в стихотворении «Достатком, а там и пирами...» [I; 185]:

Достатком, а там и пирами,
И мебелью стиля жакоб
Иссушат, убьют темперамент,
Гудевший, как ветвь жуком.

Глагол «иссушат» указывает на влажность темперамента-ветви. Во второй строфе темперамент-ветвь *сыплет искры с зубьев*. Темперамент, сыплющий искры, имплицитно представлен в образе расчесывающейся женщины:

Он сыплет искры с зубьев,
Когда, сгребя их в ком,
Ты бесов самолюбья
Терзаешь гребешком.

Ветвь, гудящая жуком, в последней строфе представлена в образе дерева, с которого капают дождевые капли. Темперамент, метонимически представляющий женщину, – это основание сопоставления, ветвь-дерево – образ сопоставления. Во второй строфе эксплицитно, а в четвертой строфе имплицитно расчесывающаяся женщина сравнивается с деревом в дождевых каплях:

О, свежесть, о, капля смарагда
В упившихся ливнем кистях,
О, сонный начес беспорядка,
О, дивный, божий пустяк!

Существует и еще одно подтверждение тому, что основание сопоставления в образе 'капли → жуки' реконструировано нами правильно. В варианте стихотворения «Болезни земли» присутствует образ предшествующих ливню первых капель дождя: *Катит хворост капельки жуков* [I, 388].

Вернемся к стихотворению «Как бронзовой золой жаровень...». Бронзовый цвет в романе связан с заходящим солнцем: «На минуту показалось стиснутое тучами солнце. Оно садилось. Его лучи темной бронзой брызнули во двор <...>» [327]. В стихотворении – ‘зола → бронзовая’, в романе – ‘лучи → бронза’. Перенос образа с заменой левого элемента на близкий по значению: в стихотворении – «зола», в романе – «лучи» (сходство реконструируется на основе общей принадлежности горящему); с общим правым элементом – бронзовый цвет; с заменой парадигмы свойства на именную парадигму и одного вида тропа на другой: эпитет меняется на метафору.

«Стремительно выцветали, гасли разбросанные по снегу багрово-бронзовые пятна зари» [445]. В стихотворении – ‘зола → бронзовая’, в романе – ‘пятна зари → багрово-бронзовые’. Перенос образа с близким по значению левым элементом: в стихотворении – «зола», в романе – «пятна зари» (сходство реконструируется на основе цветового подобия и общей принадлежности горящему); с общим правым элементом – бронзовый цвет; без замены одного вида тропа на другой: и в стихотворении, и в романе – эпитеты. Значит, если жуки – капли, а зола – жуки, т. е. капли, то «бронзовая зола» – капли, сверкающие в лучах заходящего солнца.

Что значит «сонный сад»? Первое напрашивающееся объяснение – вечерний сад. Но и не только. В романе «сонное» состояние природы связано с колыханием [56], с ветром [129], с весной [283]. «В эти минуты казалось понятным, что заставляло шелестеть и клониться друг к другу эти ночные тени и что они шепчут друг другу, еле ворочая сонными отяжелевшими листьями...» [160, 161]. В стихотворении – ‘сад → сонный’, в романе – ‘листья → сонные’. Перенос образа с синонимичным левым элементом: в стихотворении – «сад», в романе – «листья»; с общим правым элементом – «сонный»; без замены одного вида тропа на другой: и в стихотворении, и в романе – эпитеты.

Носитель «я» в стихотворении отождествлен со свечой. И в романе герой назван свечечкой: «– А ты все горишь и теплишься, свечечка моя ярая!» – обращается Лара к возлюбленному [432]. В стихотворении – ‘я → свеча’, в романе – ‘ты → свечечка’. Перенос образа с близким по значению левым элементом: в стихотворении – носитель «я», в романе – главный герой (сходство реконструируется на основе функционального подобия); с общим правым элементом – «свеча»; без замены одного вида тропа на другой: и в стихотворении, и в романе – метафоры.

Вторая строфа стихотворения:

И, как в неслыханную веру,
Я в эту ночь перехожу,
Где тополь обветшало-серый
Завесил лунную межу.

Образ ‘ночь → ирреальное’ переходит в роман: «Ночью Юру разбудил стук в окно. Темная келья была сверхъестественно озарена белым порхающим светом» [8]. В стихотворении – ‘ночь → вера’, в романе – ‘ночная выюга в окне →

сверхъестественный свет'. Перенос образа с близким по значению основанием сопоставления: в стихотворении – 'ночь', в романе – 'ночная вьюга' (сходство реконструируется на основе временного подобия); с синонимичным образом сопоставления: в стихотворении – 'вера', в романе – 'сверхъестественный свет'; без замены одного вида тропа на другой: и в романе, и в стихотворении – метафоры.

«Ника вспомнил волшебную приподнятость ночи, рассвет и свое утреннее всемогущество, когда он по своему произволу повелевал природой» [23]. В стихотворении – 'ночь → вера', в романе – 'ночная приподнятость → волшебная'. Перенос образа с синонимичным основанием сопоставления: в стихотворении – «ночь», в романе – «ночная приподнятость»; с близким по значению образом сопоставления: в стихотворении – 'вера', в романе – 'волшебная' (сходство на основе общей принадлежности трансцендентному); с заменой именной парадигмы – 'ночь → вера' на парадигму свойства – 'ночная приподнятость → волшебная'; с заменой одного вида тропа на другой – сравнения на эпитет.

«Противоречия ночного помешательства были необъяснимы, как чернокнижие» [73]. В стихотворении – 'ночь → вера', в романе – 'противоречия ночного помешательства → чернокнижие'. Перенос образа с синонимичным основанием сопоставления: в стихотворении – 'ночь', в романе – 'противоречия ночного помешательства'; с синонимичным образом сопоставления: в стихотворении – 'вера', в романе – 'чернокнижие'; без замены одного вида тропа на другой: и в романе, и в стихотворении – сравнение.

«Озаренная месяцем ночь была поразительна, как милосердие или дар ясновиденья, и вдруг в тишину этой светлой, мерцающей сказки стали падать мерные, рубленные звуки...» [141]. В стихотворении – 'ночь → вера', в романе – 'ночь → милосердие, дар ясновидения, сказка'. Перенос образа с общим основанием сопоставления – «ночь», с синонимичным образом сопоставления; без замены одного вида тропа на другой: и в стихотворении – сравнение, и в романе – сравнение: 'ночь → милосердие, дар ясновидения', в романе также появляется метафора – 'ночь → сказка'. Как в лирике, так и в прозе ночь связана со светом естественным или сверхъестественным, который часто и придает ночи некую ирреальность. В стихотворении свеча становится источником такого света.

Переходит в роман образ 'дерево → занавес': «Окна комнаты выходили в сад. Теперь, ночью, нагромождения теней перед окном внутри и за окном снаружи почти повторяли друг друга. Обвисавшие мешки оконных драпировок были почти как обвисающие мешки деревьев на дворе, голых и черных, с неясными очертаниями» [310, 311]. В стихотворении 'тополь → завесил', в романе – 'оконные драпировки → деревья'. Перенос образа с заменой прямой парадигмы на обратную с синонимией элементов: в стихотворении тополь сравнивается с занавесом, в романе – оконные драпировки с деревьями; с заменой парадигмы действия на именную парадигму и одного вида тропа на другой: в стихотворении – метафора, в романе – сравнение. В стихотворении строится семантический ряд, отрезку которого (цветущий сад – вера – ночь – дерево – ветхость – занавес) есть параллель в романе (весенний сад – ночь – занавес – деревья – пыльность – пасха). В обоих

текстах наблюдается раздвоение мира на внутренний и внешний. В стихотворении внутренний мир – мир носителя «я», связанный со свечой, которая его символизирует и в то же время ему принадлежит, видимо, находясь на подоконнике или на столе. Свеча и занавес косвенно вводят в стихотворение локус комнаты (8). В романе внутренний мир – комната. Как в стихотворении, так и в романе внешний мир – весенний ночной сад. В обоих текстах происходит взаимопроникновение между внутренним и внешним мирами. Носитель «я», его свеча прямо и занавес метафорически уравниваются с расцветшими мирами-деревьями. В романе занавес и деревья сближены с помощью сравнения. Образ сада у Пастернака связан с творческим началом (см. также стихотворение «Эдем») (9). Сад орошает землю, как бы становясь посредником между небом и землей. Переход лирического «я» в ночь, в окружающий мир, уподобление его саду ведет к проблеме мимикрии, обозначенной в романе: «Я помешан на вопросе о мимикрии, внешнем приспособлении организмов к окраске окружающей среды. Тут, в этом цветовом подлаживании, скрыт удивительный переход внутреннего во внешнее» [402].

Третья строфа стихотворения:

Где пруд как явленная тайна,
Где шепчет яблони прибой,
Где сад висит постройкой свайной
И держит небо пред собой.

В роман переходит образ ‘пруд → тайна’. Одна из глав романа посвящена переживаниям подростка, впервые столкнувшегося с притягательной тайной женственности, обескураженного и потрясенного ею [20-24]. Происходит это во время ночной бессонницы, прогулки к пруду и катания на лодке. Основание сопоставления в тексте присутствует, но образ сопоставления можно обнаружить, лишь учитывая определенные символы, знаки, другие образы. Волшебная приподнятость ночи; тень деревьев, с просветами, похожими на пальцы девочки (10); образы, вызывающие ассоциации, связанные с эдемским искушением: сакрализованное дерево, змея, мотив срывания, сближающий мальчика и девочку, ощущения Ники, будто у него продавлены ребра. Пруд сравнивается с арбузом, т. е., в контексте перечисленных ассоциаций, с плодом, открывающим тайны жизни и смерти, добра и зла. Мальчик и девочка свалились в пруд – этот эпизод стал кульминацией главы, а его желаемое повторение – предметом юношеских мечтаний Ники. В стихотворении ‘пруд → тайна’, в романе ‘пруд → арбуз’. Контекстуальный анализ романа дает право утверждать, что перенос образа произошел с общим основанием сопоставления – «пруд» и с контекстуально близким по значению образом сопоставления: «тайна» в стихотворении и «арбуз» в романе, без замены одного вида тропа на другой: и в стихотворении, и в романе – сравнение.

В романе неоднократно говорится о тайне жизни, смерти, женщины, а также об их явлении [29, 211-214]. В стихотворении ‘пруд → тайна’, в романе ‘жизнь → тайна, тайны превращения’ [67, 486], ‘смерть → тайна’ [67], ‘Лара → тайничок, хранилище тайны, потаенный ангел, героиня недетской тайны’ [362, 420, 455].

Перенос образа с заменой левого элемента: в стихотворении – ‘пруд’, в романе – ‘жизнь’, ‘смерть’, ‘женщина’; с общим правым элементом – ‘тайна’. В стихотворении ‘тайна → явленная’, в романе ‘смерть → явление’ [67], ‘жизнь → явление’ [295], ‘Лара → явление’ [447]. Перенос образа с контекстуально синонимичным основанием сопоставления: в стихотворении – ‘тайна’, в романе – ‘жизнь’, ‘смерть’, ‘женщина’; с общим образом сопоставления – ‘явление’.

В стихотворении ‘яблони прибой → шепчет’, в романе ‘листья → шепчут’ [160]. Перенос образа с синонимичным основанием сопоставления: ‘яблони’ – ‘листья’; с общим образом сопоставления – ‘шепот’; без замены одного вида тропа на другой: и в стихотворении, и в романе – олицетворение.

В стихотворении ‘яблони → прибой’, в романе ‘Лара → прибой’ [446]. Перенос образа с заменой основания сопоставления: в стихотворении – ‘яблони’, в романе – ‘Лара’; с общим образом сопоставления – ‘прибой’. Данные основания сопоставления только на первый взгляд далеки друг от друга. В стихотворении «Достатком, а там и пирами...» женщина отождествляется с деревом, в романе Лара отождествляется с рябиной, а перед тем, как сравнить Лару с линией прибоа после ее отъезда, у Юрия Андреевича возникает ощущение, «точно он подавился куском яблока» [444]. И в мифологии яблоня соотносится с деревом жизни и с женским началом [20, 397].

Что значит «сад висит постройкой свайной»? Этот образ объясняется следующим фрагментом романа: «В этой заводи, казавшейся безбрежной, вместе с лугами, ямами и кустами, были утоплены столбы белых облаков, сваями уходившие на дно.

Где-то в середине этой заводи виднелась узкая полоска земли с двойными, вверх и вниз между небом и землей висевшими деревьями» [237]. Таким образом, «свайная постройка сада» – это сад, отраженный в пруду, своей верхней частью упирающийся в небо, а нижней частью, отражением, уходящий «сваями» на дно (11). В стихотворении – ‘сад → свайная постройка’, в романе – ‘деревья, облака → сваи’. Перенос образа с синонимичным основанием сопоставления: в стихотворении – ‘сад’, в романе – ‘деревья’; с общим образом сопоставления – ‘сваи’. Образ «сад висит» объясняется тем, что отраженный в пруду сад создает впечатление подвешенности между небом и противоположным ему берегом пруда (12).

Главные образы стихотворения представляют собой мифемы. В более позднем поэтическом творчестве глубинный архаический смысл образов, подобных тем, что мы встречаем в стихотворении «Как бронзовой золой жаровень...», становится очевиднее. В связи с этим Анна Маймескулов, анализируя цикл «Переделкино» вообще и стихотворение «Летний день» в частности, писала о весенних, поворотных, актуализирующих мифопоэтические представления мотивах; о мифологической идее адекватности солнца, зари и огня костра или печи; об обожествлении «влажной» и «цветущей» ночи; о связи воды в творчестве Пастернака с мифологемой поэтической речи; о земляных углублениях, «земляных ларах», скрывающих тайное и отражающих образ неба [47, 21, 29, 30,

33, 34, 36, 37, 167, 180]. Но уже в 1912 году, за двадцать восемь лет до написания «Летнего дня» и за тридцать три года до начала работы над «Доктором Живаго», еще совсем молодой поэт вводит в стихотворение все это сложное переплетение мотивов и образов. Частью они даны в стихотворении явно. Жаровень, сыплющий золу, представляет собой жертвенный алтарь. Сад, тополь – это мировая ось. Пруд – одновременно и хранитель тайны, и отражение неба, и вход в иной мир [2, 38]. Отождествление носителя «я» с ночью, садом, прудом связано с явлением гомоморфизма человека и природы [2, 34]. Некоторые моменты в стихотворении прямо не обозначены, но восстанавлимы с помощью контекстуального анализа всего творчества. Так, яблони и пруд связаны с темой женщины. Сад представлен как орошающий землю, что в сочетании с весенним временем цветения и возрождения окружено мотивами, связанными с плодородием и миротворчеством. На примере данного стихотворения видно, что уже в ранней лирике намечился ряд важных и значимых для всего творчества Пастернака универсальных оппозитивов.

Многочисленны также и случаи переноса мотивов из лирики в роман «Доктор Живаго». Реальность самой возможности сравнения стихотворных и прозаических мотивов в творчестве Пастернака подтверждается замечанием Флейшмана о наличии в поэтической системе Пастернака «“двойной” разработки сюжетов – параллельно в прозе и в стихе» (13). Сегал прямо говорит об ошибочности взгляда на лирическую поэзию Пастернака как на бессюжетную, основанную на случайном сцеплении ассоциативных ходов, и о присутствии сюжетности (и в значении сюжета как линейной последовательности событий, и в значении сюжета как трансформации фабулы) в лирических стихах поэта [48, 155-156, 164].

Лирическое стихотворение часто построено вокруг одного мотива, который мы будем называть основным. Например, в стихотворении «Марбург» это мотив ‘лирический субъект признается в своих чувствах возлюбленной’. В ранний период творчества Пастернак очень часто использует прием сокрытия основного мотива (14). Основной мотив иногда настолько неочевиден, что его однозначная реконструкция кажется совершенно невозможной. Восстановить его легче, если стихотворение включено в поэтический цикл. Для реконструкции основного мотива можно также использовать сравнительный анализ параллельных отрывков текста стихотворения и романа. Подобные отрывки должны быть параллельны темами, образами и минимальными мотивами (15).

Может возникнуть вопрос, как отделить образную парадигму действия (например, парадигму ‘сад говорит’) от омонимичной мотивной. В образной парадигме основным элементом является правый элемент – образ сопоставления [23, 48, 50], так как именно он в большинстве случаев сигнализирует о присутствии в тексте образа. И в мотивной парадигме основным элементом, на котором акцентируется внимание исследователя, является правый элемент – предикат, который в большинстве случаев сигнализирует о наличии мотива (16). Если мы осуществим группировку мелких парадигм в более крупные, образная парадигма ‘сад

говорит' войдет в парадигму 'сад → живое существо', а мотивная парадигма 'сад говорит' войдет в парадигму 'сад производит звуки'. Разница между образной парадигмой 'сад → существо' и мотивной парадигмой 'сад издает звуки' очевидна: в основной образной парадигме составляющее правого элемента – имя, в основной мотивной парадигме составляющее правого элемента – глагольная форма.

Уже было замечено сходство некоторых тем, образов и мотивов книги «Сестра моя жизнь» и романа «Доктор Живаго» (17). Обратим внимание на стихотворения «Душная ночь», «Дик прием был, дик приход...», «Попытка душу разлучить...», «Как усыпительна жизнь!..». Из основных мотивов этих стихотворений складывается сюжетный отрывок книги: 'лирический герой проводит ночь и утро в разлуке с любимой', 'лирический герой встречается с любимой', 'героиня отказывает лирическому герою в ответном чувстве', 'лирический герой расстается с лирической героиней', 'лирический герой возвращается домой'. Тот же ряд мотивов и в той же последовательности мы видим в романе, когда Юрий Живаго в Мелюзеев проводит ночь и утро в ожидании встречи с Ларой, Лара запрещает ему выражать свои чувства, Юрий Андреевич расстается с Ларой и вскоре сам уезжает домой. Такой явный последовательный перенос мотивов из целого ряда стихотворений – редкость, он стал возможен только благодаря установке автора выстроить лирическую книгу, придерживаясь определенной сюжетной линии.

Рассмотрим ряд мотивов, перенесенных в роман из стихотворения «9-е января» [I, 228-231]. В этом стихотворении содержатся элементы повествования. Оно довольно объемно, состоит из 24 катренов, относится к циклу «Эпические мотивы». Стихотворение посвящено событиям Кровавого воскресенья, когда под предводительством священника Гапона было совершено шествие рабочих с «петицией» к Зимнему дворцу. Толпа демонстрантов была обстреляна солдатами, избита и разогнана казаками. Некоторые мотивы из перенесенных в роман перешли в тот эпизод, где описана демонстрация, организованная железнодорожниками. Близость тематики позволила автору использовать один и тот же материал. Заметим еще один факт, сближающий «9-е января» и ноябрьскую демонстрацию, описанную в романе. В следующей после описания демонстрации главе Николай Николаевич наблюдает из окна за бегущими демонстрантами. При этом он вспоминает «прошлогодную петербургскую зиму, Гапона» [42]. Мы учитываем все минимальные, в том числе и внесюжетные (их большинство), мотивы стихотворения.

Мотив 'снег падает, густея' в творчестве Пастернака строится в парадигму. Дважды он появляется в лирике и трижды в романе. При этом во всех случаях он имеет устойчивое значение – предшествует важным событиям или переменам в жизни героев. В «Сестре моей жизни» он вводится в стихотворение «До всего этого была зима», где говорится о том, что предшествовало любовному роману лирических героев. В стихотворении «9-е января» этот мотив появляется перед кровавыми событиями. В роман он вводится непосредственно перед эпизодом об избии толпы демонстрантов. Во второй раз – перед отбытием семьи Живаго

на Урал, в третий – перед отъездом Юрия с Ларой в Варыкино. Мотив сгущения снега означает нарастание противоречий, требующее определенной разрядки. Мотив перенесен с общим субъектом: ‘снег’, ‘хлопья’; с общим предикатом: густеет, валит гуще.

Мотив ‘время старит’ переходит из стихотворения в роман с заменой субъекта действия на близкий по значению: в стихотворении – ‘время старит’, в романе – ‘возраст старил’. Этот мотив связан с темой будущего, с мотивной парадигмой ‘некто переносится в будущее’, перешедшими из лирики в роман. В лирике будущее связано с прошлым [I, 215; II, 247]. В романе Лара, погружившись в воспоминания, т. е. в прошлое, переносится в будущее [492]. В роман переходит связь темы будущего с темой женщины. В стихотворении «Никого не будет в доме...» встречается образ ‘ты (женщина) → будущность’. В стихотворении «Когда я устаю от пустозвонства...» носитель «я» говорит с женщинами: *Мы в будущем, твержу я им...* [I, 367]. В романе душа Лары рвется в будущее [28]. Когда Юра думает о Ларе, в то же время он думает и о будущем [64]. Беременной женщиной распоряжается будущее [278]. Лара перенеслась в будущий возраст [492]. В роман переходит из лирики связь темы будущего с темой вечности, потустороннего мира. В стихотворении «Ожившая фреска» о солдате говорится: *Он перешел земли границы, / И будущность, как ширь небесная, / Уже бушует, а не снится, / Приблизившаяся, чудесная* [II, 54]. Будущее находится за земными границами, оно связано с небом (‘будущность → ширь небесная’), со стихией (‘будущность → бушует’), с ирреальным (‘будущность → чудесная’). Связь будущего с небом, с грозой, с раем повторяется в стихотворении «Будущее! Облака встрепанный бок...» [II, 247]. Будущее как иной мир представлено в стихотворении «На смерть Полонского» [II, 248]. В «Волнах» присутствует образ Москвы, в котором объединены людская общность горожан и архитектурная реальность города: *Опять опавшей сердца мышцей / Услышу и вложу в слова, / Как ты ползешь и как дымишься, / Встаешь и строишься, Москва* [I, 342]. Носитель «я» принимает связывающее, ограничивающее действие этого города ради будущего: *И я приму тебя, как упряжь, / Тех ради будущих безумств, / Что ты, как стих, меня зазубришь, / Как быль, запомнишь наизусть*. Безумство – это тоже выход за определенные рамки, за границы сознания. Будущие безумства заключаются в том, что в будущем носитель «я» посредством своего творчества перейдет в память этого города. И в романе Юра говорит Анне Ивановне о том, что бессмертие – это переход в память и это вхождение в состав будущего [69, 70]. Еще раньше Николай Николаевич говорит о будущем преодолении смерти [14]. Высшая сила, управляющая творчеством Юрия Андреевича, – это будущее состояние мировой мысли и поэзии [431]. Будущее в романе – это освобождение души [510]. Когда доктор размышлял о будущем, он смотрел на облака, на город «и был готов принести себя в жертву» [182, 183]. Будущее как стихия представлено в романе в эпизоде, где Лара, перенесясь в будущий возраст, который ее старил, тонет в воспоминаниях [492].

Таким образом, стихи *Я сплю, и где-то в тот же час / Толпой стоят в дверях отделов, / И время старит, мимо мчась* глубже, чем может показаться на первый взгляд. Мотив сна, тема толпы, времени, мотив перехода в будущее – все это говорит об особом значении событий, которые описаны в стихотворении, ставит эти события на грань двух реальностей.

Мотив ‘вожаки размещают демонстрантов в зале’ в стихотворении нами реконструирован из строк: *И так велик наплыв рабочих, что в зал впускают в два ряда*. Субъект действия опущен. Но указано, на кого направлено действие. Мотив переносится в роман. Субъект действия представлен: ‘распорядители’, ‘вожаки’, ‘руководители’ [38, 39]. Предикат действия распылен по тексту и реконструируется из минимальных мотивов: «вожаки поднялись на полукруглую площадку подъезда и знаками остановили голову процессии»; «шествие <...> стало вливаться в вестибюль школы»; «– ...в актовый зал! – кричали сзади единичные голоса»; «все расселись на стульях». Указано, на кого направлено действие – ‘народ’: «старики, курсистки и дети, путейцы в форме, рабочие трамвайного парка и телефонной станции <...>, гимназисты и студенты»; ‘процессия’, ‘шествие’, ‘толпа’, ‘публика’, ‘собрание’. Зал – это особое место реализации некоторых мотивов, связанных с поведением толпы. Толпа, находящаяся в зале, характеризуется в романе несколько раз: во время забастовки (толпа «низшего класса»), на елке у Свентицких (толпа «высшего общества»), в юрятинской библиотеке (толпа, разделенная на людей «из народа» и людей «из местной интеллигенции»), на похоронах Живаго (толпа социально неопределенная). Видимо, закрытое пространство способствует более характерному самовыражению людского собрания.

Мотив ‘некто обращается с бочки к демонстрантам’ содержится в строке: *Их предостерегают с бочек...* Субъект действия опущен. Предикат – ‘предостерегают’. В роман этот мотив переходит в эпизод, где комиссар Гинц обращается к бунтовщикам с последними словами предостережения с привокзальной кадки. Мотив обращения власть имущих к бунтующей толпе и в стихотворении, и в романе связан с образом бочки. ‘Бочка’, ‘бочонок’, ‘бак’, ‘кадка’ – образы, в творчестве Пастернака имеющие особое значение единства и противоборства воды и огня. Образ ‘кадки’ присутствует в стихотворениях «Июльская гроза» и «Наша гроза». В первом он находится в окружении мотивов жары и жажды [I, 103]. Во втором стихотворении ‘кадка’ – источник воды на фоне грозового жертвенного пожара [I, 136]. Стихотворение «Но почему» содержит образ зимы, которую *На медленном огне предчувствия / Сплавляют* [II, 163], образы ‘носитель «я» → снег у бака водогрейни’, ‘ночь → испаренье водогреен’, ‘мозг → бочонок’. В стихотворении «Шекспир» строится оппозиция ‘возвышенное vs низкое’, которая поддержана темами огня и воды. Сонет причисляет себя к высшей касте. Посетитель трактира причислен к черни. Поэт оказывается между ними. Сонет обладает огненной природой. Посетитель трактира говорит: *«А впрочем – на бочку! Цирюльник, воды!»*. И устраивается бриться *на краю / Бочонка* [I, 165]. В стихотворении «Пианисту понятно шнырянье ветошниц...» гроза – это образ творческого импульса. При этом вода, влага противопоставляется духоте и жажде.

Сгорающая от жажды гроза *Прыжками бросается к бочкам с цементом...* [I, 195]. В стихотворении «Как кочегар на бак...» соседствуют огненный образ табака-кочегара и влажные образы *рассола флотских роб* и Млечного пути, который *Одною лейкой полит* [II, 12-13]. При этом присутствует тема бака. В поздней лирике повторяется образ творческого вдохновения-грозы, при котором происходит столкновение огня и воды, и здесь появляется тема бочки: *Раскат импровизаций нес / Ночь, пламя, гром пожарных бочек, / Бульвар под ливнем, стук колес...* («Музыка» [II, 112]). ‘Бочка’ в образах водогрейни, пожарной кадки объединяет противостоящие силы огня и воды. В романе с водовозными бочками сравниваются Ника и Надя, когда они после стычки и падения в пруд брели домой. В этой главке темы революции и любви, переплетаясь, представлены остраненно, сквозь призму наивно-романтических чувств подростка. Только некоторые детали указывают на грядущую трагическую реальность. И образ водовозных бочек в данном тексте возникает не случайно. Далее бочка появляется возле квартиры инициатора будущих мятежей, революционера Тиверзина. «Перед входною дверью на галерее стояла бочка, которую наполнял водой водовоз. Когда Киприян Савельевич поднялся в свой ярус, он обнаружил, что крышка с бочки сдвинута набок и на обломке льда, сковавшего воду, стоит примерзшая к ледяной корочке железная кружка.

«Не иначе – Пров, – подумал Тиверзин, усмехнувшись. – Пьет не напьется, прорва, огненное нутро» [36].

Пров Афанасьевич – персонаж мифологизированный. Он наделен жреческой функцией. Будучи псаломщиком в церкви, куда зашла Лара, он явился для нее проводником Слова Божьего. Он связан одновременно и со стихией огня – «огненное нутро», и со стихией воды – «Пров бездонный». Он «забежал попросить дров» и «хлобыстал воду». Определение «бездонный» сближает его с бочкой. Пров обнаруживает свое недавнее присутствие манипуляциями с бочкой и с железной кружкой, предсказывая этим две страшные смерти в романе. Он оставляет бочку со сдвинутой крышкой. Комиссар Гинц погибает, вскочив на пожарную кадку, перевернув крышку и оказавшись одной ногой в воде. Кружку Пров оставил на воде, и ее дно примерзло «к ледяной корочке». Отец Галиуллина погиб оттого, что в результате разрыва снаряда дно железного стакана «засело у него в раме челюстных костей» [119-120]. Бочка возле квартиры Тиверзина – это предупреждение о роковой кадке на вокзале Мелюзеева, так как Гинц стал жертвой ложных революционных представлений, созданных такими, как Тиверзин: «В последние месяцы ощущение подвига, крика души бессознательно связалось у него с помостами и трибунами, со стульями, вскочив на которые можно было бросить толпящимся какой-нибудь призыв, что-нибудь зажигательное» [153, 154]. Мотив предостережения демонстрантов с бочек в стихотворении и мотив обращения комиссара к бунтовщикам с кадки в романе объединяет то, что оба они не ведут к предотвращению противостояния, а, наоборот, ведут к его обострению и к неотвратимой трагедии. Бочка или бак – часть городской реалии. «Цилиндрические баки» рядом с телеграфными столбами и торговыми реклама-

ми составляют вид окрестностей горящего уральского города [258]. С бездонной бочкой Лара сравнивает Москву, говоря, что запасы, завозимые в нее, – «капля в море» [390]. Тема бочки рядом с мотивами города, огня, воды сигнализирует о чрезвычайной остроте конфликта и о его трагическом разрешении в самом скором будущем.

Мотив ‘мороз крепнет’ реализован в строке: *Крепчает ветер, крепнет стужа...* Он предшествует кульминации. В романе мотив ‘мороз крепнет’ встречается дважды. В первый раз – при появлении Юрия Живаго в Юртыне после бегства из плена: «Мороз заметно крепчал» [370]. Второй раз – во время пребывания Юрия и Лары в Варыкино перед тем, как Живаго пишет «Сказку»: «Морозило, мороз заметно крепчал» [433]. Мотив переносится с синонимичным субъектом: в стихотворении – «стужа», в романе – «мороз»; с общим предикатом: в стихотворении – «крепчает», «крепнет», в романе – «крепчал». Как и в стихотворении, в романе этот мотив предшествует кульминационным событиям.

Мотив ‘пар валит изо рта’ содержится в строке: *Пар так и валит изо рта.* В романе этот мотив появляется при описании зимнего партизанского лагеря: «Клубы плотного, вязкого пара облаками вырывались из их [партизан] ртов и по громадности были несоизмеримы со скупыми, как бы от мороженными, словами их немногосложной речи» [366]. Текст романа объясняет значение этого мотива. Пар как нечто идеальное противопоставлен словам. Эта оппозиция говорит о том, что происходящее в природе и в истории по высшей воле, по естественным законам, гораздо значительнее и грандиозней всех речей, слов, которые могут быть сказаны. В стихотворении проводится параллель между паром и духом, вырывающимся в вечность. Условно обозначим парадигму этого мотива: ‘идеальное составляющее человека выходит наружу’. В стихотворении она реализована в строках: *Дух вырывается наружу / В столетье, в ночь, за ворота.* В романе эта парадигма повторяется: «Точно дар живого духа <...> парой крыльев выходил из-под лопаток наружу» [339]; «Сознание – свет, бьющий наружу...» [69]; содержимое души Лары выходит наружу [362]. Этот мотив знаменует собой выход в идеальное трансцендентное состояние, переход на новый уровень бытия и включает первую часть стихотворения.

Следующий подвергшийся переносу мотив – ‘заря кидает на все красные блики’. Мы реконструируем его из строк: *Невыспавшееся событие, / Как провод, в воздухе висит, / Обледенной красной нитью / Опутывало всех и вся. // Оно рвалось от ружей в козлах, / От войск и воинских затей / В объятья любящих и взрослых / И пестовало их детей.* Субъект действия выражен образно ‘заря → событие → провод → нить’. Предикат также представлен образно: ‘кидало на все блики → опутывало всех и вся, рвалось, пестовало’. В романе субъект действия прямо назван – «солнце»: «Вдруг садящееся где-то за домами солнце стало из-за угла словно пальцем тыкать во все красное на улице: в красноверхие шапки драгун, в полотнище упавшего красного флага, в следы крови, протянувшиеся красненькими ниточками и точками» [39, 40]. Предикат, как и в стихотворении, представлен образно: ‘кидало на все красные блики → стало пальцем тыкать во

все красное'. Мотив переносится в эпизод, где описаны похожие события – демонстрация. Тексты, которые мы сравниваем, многим близки. В обоих текстах в описании происходящего актуализирован красный цвет. Заря объединяет ряд реалий: в стихотворении – ‘опутывая всех и вся’, в романе – ‘тыкая во все красное’. В обоих текстах среди отмеченного красным присутствуют воинские подразделения: в стихотворении – ‘войска’, в романе – ‘драгуны’. Тексты объединены через образ нити. В образе нити реализована мифема мировой оси. Нить связывает судьбы, события, времена (18). В стихотворении ‘происходящее событие → провод → нить’. В романе ‘следы крови → протянувшиеся красненькие ниточки и точки’. ‘Провода’ в стихотворении скорее всего – телеграфные. В романе ‘протянувшиеся красненькие ниточки и точки’ напоминают телеграфный шифр. Этим подтверждается связующая надвременная семантика нити. Отличие сравниваемых текстов состоит в том, что в стихотворении речь идет о рассвете, который предвосхищает кровавую бойню, а в романе – о закате, который следует после избиения.

В стихотворении предстоящую экзекуцию предсказывает первая строка следующей строфы: *Еще пороли дичь проспекты*. В этой строке мотив ‘с улицы раздавался невнятный шум’ скрыт за образом ‘проспекты → пороли дичь’, в котором мерцают несколько значений – бреда, вспарывания дичи, порки. В данной строке стихотворения актуализировано первое из перечисленных значений, значение бреда, полубессознательного сектантского говорения: *Еще пороли дичь проспекты, / И только-только рассвело, / Как уж оно в живую секту / Толпу с окраиной слило*. ‘Порка’ как основание сопоставления образа в стихотворении повторяется при описании экзекуции: *Толпу порол ружейный ужас, / Как свежесыбеленный холст*. В данном случае мотив расстрела толпы скрыт за образом ‘ружейный ужас → порол толпу’. Опять происходит мерцание значений распарывания ткани и избиения. В стихотворении актуализировано образное значение. Второе значение актуализируется в романе, в конкретном мотиве избиения демонстрации: «Началось избиение» [39].

Мотивная парадигма ‘городские или природные реалии сошлись’ реализована в строках: *...Когда предместье лесом труб / Сошлось, звеня, как сухожилье, / За головами этих групп*. В образе ‘предместье → лес труб’ природное (лес) и городское (трубы) объединены. Мотив собрания деревьев в творчестве Пастернака носит устойчивый характер. Например, он появляется в стихотворении «Нас мало. Нас, может быть, трое...»: *След ветра живет в разговорах / Идущего бурно собранья / Деревьев над кровельной дранью*. [I, 184]. В романе эта парадигма появляется и в прозаической, и в стихотворной частях: «Сошлись и беседуют звезды и деревья, философствуют ночные цветы и митингуют каменные здания» [145]; «Ты вот смотришь и думаешь, лес. А это нечистая сила с ангельским воинством сошлась, рубятся...» [361]; *А в городе, на небольшом / Пространстве, как на сходке, / Деревья смотрят нагишом / В церковные решетки* [512]. В первом примере, как и в стихотворении, природное (звезды, деревья, цветы) и городское (каменные здания) объединены. Перенос данной парадигмы

обусловлен особой ролью параллелизма в творчестве Пастернака, соотнесения происходящего в истории, в мире людей и в природе.

Мотив 'снег горит' содержится в строке: *И снег кругом горел и мерз...* В романе этот мотив распространен. Контексты, в окружении которых находится рассматриваемый мотив в романе, имеют нечто общее. Юра видит, как «воздух дымился снегом» в момент тяжелого душевного переживания после похорон мамы. 'Метель дымилась' в момент рокового перелома российской истории, отмеченный в романе эпизодом, где Юрий Андреевич на улице получает листовку с первыми декретами советской власти [191]. В дороге семье Живаго приходится расчищать снег недалеко от брошенного дома, навевавшего грустные размышления о его бывших обитателях, с которыми в условиях кровавого революционного времени могла случиться любая трагедия. После печальных размышлений на этот счет и намек на сложность и жестокость времени следует фраза: «А солнце зажигало снежную гладь...» [229]. В Варыкине, услышав вой волков, Юрий Андреевич вышел на улицу: «Белый огонь, которым был объят и полыхал незатененный снег на свету месяца, ослепил его» [432]. Волки, которых доктор сквозь ослепляющее полыхание снега увидел на краю поляны, стали «представлением вражьей силы, поставившей себе целью погубить доктора и Лару или выжить их из Варыкина» [434]. Во всех примерах мотив горения снега связан с образом главного героя, с состоянием внезапно наступившей дисгармонии в его душе, в его жизни, в жизни его страны, в жизни его соотечественников.

Мотив шествия демонстрации в стихотворении связан с темой перекрестка: *Когда же тронулись с заставы, / Достигши тысяч десяти, / Скрещенья улиц, как суставы, / Зашевелились по пути.* В романе митинг также проходит на скрещении улиц: «Он [особняк] стоял на скрещении главной улицы с центральной площадью города, так называемым плацем, на котором раньше производили учение солдат, а теперь вечерами происходили митинги» [133]. Перекресток – это место выбора дальнейшего пути, определения судьбы [47, 198], место присутствия ирреальных сил. Прохождение демонстрации и митингов по перекрестку или на перекрестке означает не только то, что народ находится на распутье, но и то, что народ находится под действием каких-то трансцендентных сил.

Следующий общий для стихотворения и для романа мотив: 'демонстранты поют': *Их пенье оставляло пену / В ложбине каждого двора...*; «Некоторое время пели "Варшавянку", "Вы жертвою пали" и "Марсельезу"...» [38]. Мотив пения играет существенную роль в романе. Пение сопровождает похоронный и свадебный обряды [7, 88, 98, 486, 492]. Поют люди, лошади, ветер, птицы [210], пули [126]. Поют в дороге [156], в болезни [199]. Целая глава посвящена русской песне [357-358]. Религиозный текст назван песнопением [407]. Стихотворные наброски сравниваются с колыбельной песней [435]. В стихотворении Юрия Живаго «Ветер» раскачивание леса-моря сравнивается с колыбельной песней [518]. Соединение мотивов колыбельного пения и морского раскачивания говорит о связи пения с мифом о сотворении мира [47, 50, 51]. Присутствуют образы 'лес → песня' [521], 'жизнь → песня' [520]. Пение вызывает особое, экзальтированное, возвышенное

состояние души. Русскую песню с религиозным песнопением объединяет стремление к вечности. Пение пуль вблизи перекрестка приводит к смерти. И пение на демонстрации заканчивается трагедией. Оно призвано вдохновить демонстрантов, но, будучи плохо организованным, расстраивается и обрывается. В «9-м января» поют «скрещенья улиц». И это пение заканчивается бойней.

В той же строке стихотворения находится мотив, условно обозначаемый нами парадигмой ‘снег заполняет выемки дорог’. Этот мотив существует в тексте имплицитно, он скрыт за образом ‘пение → оставляло пену’ и реконструирован нами. Субъект действия представлен как объект и образ с отсутствующим основанием сопоставления ‘снег → пена’: *Их пенье оставляло пену / В ложбине каждого двора...* Данный мотив обнаружен благодаря тексту романа. В эпизоде демонстрации есть описание погоды: «Был сухой морозный день <...>, с <...> реденькими, почти считанными снежинками, которые долго и уклончиво вились, перед тем, как упасть на землю и потом серою пушистой пылью забиться в дорожные колдобины» [38]. В романе стихотворный образ ‘снег → пена’ заменен образом ‘снег → пушистая пыль’. Понятие «ложбина» заменено понятием «колдобина». Мотив выражен более явно: субъект действия – ‘снежинки-пыль’; предикаты – ‘упасть’ и ‘забиться’.

Мотив ‘звук слышится’ присутствует в строке: *И звук упал в пустую полость...* Субъект действия представлен. Предикат скрыт за образом ‘звук → упал’. В романе, в эпизоде ночного митинга в Мелюзееве, этот мотив повторяется. Субъект действия представлен, и он тот же, что и в стихотворении, предикат также скрыт за образом ‘звуки → падали’: «...и вдруг в тишину этой светлой, мерцающей сказки стали падать мерные, рубленые звуки чьего-то <...> голоса» [141]. В стихотворении звуки падают «в пустую полость». В романе тема пустоты, опустошения связана с переломным временем, с катаклизмами в природе, в истории, в обществе [164, 176, 182, 226, 357, 370, 462, 466], со смертью, с небытием [91, 164, 423, 485, 538], с мифологизированным пространством [181, 348, 423, 439].

Мотив ‘пространство деформируется’, находящийся в строке *И выси выгнулись дугой*, свойственен мифологическому мышлению. Подобное искривление пространства находим в романе: «Он [тракт], как хлеб, разрезал города пополам ножом главной улицы, а села пролетал не оборачиваясь, раскидав далеко позади шпалерами выстроившиеся избы, или выгнув их дугой, или крюком внезапного поворота» [303, 304]. Тракт в романе олицетворен, его пространство мифологизировано. Деформация реального пространства в «9-м января» также говорит о его мифологизации.

Мотив ‘снаряды разрываются’, находящийся в строке *Рвало, и множилось, и молкло...*, присутствует в романе в описании военных действий: «...зонтами пламени раскидывались разрывы шрапнели» [126]. Но в стихотворении реализованы два значения понятия «рвало»: ситуативное – разрывы снарядов и образное – физиологический акт. В первом значении понятие выступает как предикат мотива, во втором значении – как образ ‘камни → рвало кровью → свеклой’. В романе содержится синонимичное понятие в сходной ситуации, но представленное не

образно, а как предикат мотива, создающего конкретную ситуацию: «Изуверства белых и красных соперничали по жестокости <...>. От крови тошнило, она подступала к горлу и бросалась в голову...» [367].

Анализ переносимых мотивов в комплексе с некоторыми темами и образами дал возможность понять глубинный смысл стихотворения. Хотя большинство рассмотренных мотивов внесюжетные, но все они, так или иначе, связаны с сюжетом: либо предсказывая то, что должно случиться, либо обнаруживая истинный смысл происходящего, либо усиливая драматизм события. Текст романа, повторяя эти мотивы, дешифрует их значение. Обнаруживается мифологическое значение некоторых мотивов. То, что в стихотворении присутствует мифологический подтекст, подтверждено и на других структурных его уровнях. Например, зло в образе змеи присутствует в строках *И выводок кровавых лужиц / У ног, не обнаружась, полз*. В романе этот образ появляется неоднократно. Например, в речи Гинца: «...родина, истекая кровью, последним усилием старается сбросить с себя гидрою обвившегося вокруг нее врага...» [138]. Троекратное повторение атак в стихотворении – также признак мифологизации. С другой стороны, подобный анализ показывает, что естественная для лирики значительность мелких деталей, минимальных внесюжетных мотивов становится в крупной прозе особенностью индивидуального стиля, особенностью «прозы поэта».

Наблюдаемые нами переносы текстовых элементов из поэзии в прозу можно разделить на следующие виды (19). Некоторая их часть относится к собственно интертекстуальности, образующей конструкции «текст в тексте» типа неатрибутивной аллюзии. При таких переносах какой-то элемент прозаического текста дает аллюзию на текст стихотворный. Другая часть переносов относится к метатекстуальности типа интертекста-пересказа (20) и вариации на тему предтекста. В первом случае в прозу переходит целый ряд элементов из стихотворного текста, во втором случае элементы могут быть заменены, но в основе параллельных текстов лежит общая тема, один затекст, сходная ситуация. В некоторых случаях наблюдается заимствование приема: из лирики в роман переносятся не только определенные текстовые элементы, но и некоторые приемы, например, оксюморонность образов, противонаправленность мотивов. Очень распространен перенос поэтических парадигм.

Элементы текста переносятся из лирики в роман с изменением структуры, с заменой составляющих его понятий на синонимичные, но при переносе сохраняются семантическая наполненность, связи с другими уровнями и элементами текста. Крайняя редкость точных переносов без участия синонимии говорит о том, что автор, не раз обращаясь к одним и тем же образам и мотивам, не превращает их в клише. Напротив, он шифрует их с помощью других понятий и в то же время дешифрует с помощью переноса из исходного текста окружающих элементов. Как правило, перенос совершается в единстве с окружающими элементами, составляющими сюжеты, темы и образы, проходящие сквозь все творчество автора. Элементы сложного многочленного образа или мотива лирики, перейдя в роман, распределяются по его тексту, входя в состав других образов и мотивов

близких по значению парадигм. Неоднократные сочетания, с одной стороны, образуют новый текст, с другой стороны, сигнализируют о том, что для данной творческой системы наиболее важно.

Текст романа иногда помогал реконструировать отсутствующие в лирических стихотворениях элементы парадигм (выяснить основания сопоставления в образах, субъектов действия в мотивах). Но были случаи, когда лирические парадигмы помогали реконструировать опущенный в романе элемент. Ожидалось, что стихотворные образы и мотивы, переходя в роман, структурно упростятся, поскольку двойное членение, теснота стихового ряда, наличие рифменной системы, парадигматическое расположение информации усложняют структуру стихотворной речи. Но при анализе материала были получены результаты, не подтвердившие это предположение. Большинство структурно сложных образов и мотивов при переносе, хотя и меняют тип структуры, не утрачивают структурной сложности. Некоторые образы и мотивы в романе усложняются. Возможно, это одна из особенностей «прозы поэта». Исследуя явления интертекстуальности, Смирнов писал о том, что усложнение последующего текста – это попытка поставить усложненный текст выше его источника, предпосылка для большего общественного признания последующего текста по сравнению с предшествующим [27, 17]. У Пастернака действительно была такая установка. Перечисленные выше особенности стихотворной речи способствуют другому явлению: при переносе в роман некоторые образы буквализируются, переходят в буквальную ситуацию, «реализуются». В этом могло отразиться отношение между стихами и жизнью, выраженное в романе самим автором: «Возьми ты это блоковское "Мы, дети страшных лет России", и сразу увидишь различие эпох. Когда Блок говорил это, это надо было понимать в переносном смысле, фигурально. И дети были не дети, а сыны, детища, интеллигенция, и страхи были не страшны, а провиденциальны, апокалиптичны, а это разные вещи. А теперь все переносное стало буквальным, и дети – дети, и страхи страшны, вот в чем разница» [510].

Ожидалось также, что при сравнительном анализе прозаический текст романа объяснит неожиданные стихотворные образы, признаки отождествления в них, значения некоторых мотивов и тем. Более детальное исследование показало, что не только роман объясняет предшествующую ему лирику, но многим образам и другим элементам романа можно найти объяснение в лирике. «Спроецированные друг на друга эти произведения демонстрируют процесс креолизации по оси «поэзия – проза», каждая из языковых форм оказывает глубокое воздействие на другую» [22, 230]. Эти слова, относящиеся к книге стихотворений «Сестра моя жизнь» и к прозаической повести «Детство Люверс», можно отнести также ко всей предшествующей роману лирике и к роману «Доктор Живаго». Это еще один довод в пользу того, что и стихотворное и прозаическое творчество Пастернака можно исследовать в определенном смысле как структурное и художественное единство.

In this work we examine a number of images and motives, which were transferred by the author from his lyrics into the novel «Doctor Zhivago». This work considers

different ways of images and motives transferring, peculiarities of the same textual elements in a poem and prose, as well as modification of their structure in the transfer from poetical into prosaic work.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Вторжение воли в судьбу...» Письма Б.Л. Пастернака в связи с «Доктором Живаго» / Публикация Е.Б. Пастернака // Русская речь. – 1990. – № 1.
2. Баевский В.С. Б. Пастернак – лирик. Основы поэтической системы. – Смоленск, 1993.
3. Баевский В.С. Пастернак. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. – М.: Изд-во МГУ, 1997.
4. Баевский В.С. Рецензия на книгу: Кристина Фишер. Музыка и поэзия: Музыкальная сторона лирики Пастернака // Известия РАН. Серия: Лит. и яз. – 1999. – Т. 58, № 6.
5. Баевский В.С. Рецензия на книгу: Павлович Н.В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке // Вопросы языкознания. – 1996. – № 5.
6. Бройтман С.Н. Поэтика книги Бориса Пастернака «Сестра моя – жизнь». – М.: Прогресс-Традиция, 2007.
7. Бушман И.Н. О ранней лирике Пастернака // Сборник статей, посвященных творчеству Б.Л. Пастернака. – Мюнхен, 1962.
8. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М., 1989.
9. Вознесенский А.А. Мне 14 лет // Воспоминания о Борисе Пастернаке. – М.: Слово, 1993.
10. Гаев А.Г. Б.Л. Пастернак и его роман «Доктор Живаго» // Сборник статей, посвященных творчеству Б.Л. Пастернака. – Мюнхен, 1962.
11. Газизова А.А. Обыкновенный человек в меняющемся мире: Опыт типологического анализа советской философской прозы 60-80-х годов. – М.: Изд-во «Прометей» МПГУ, 1990.
12. Гаспаров Б.М. Временной контрапункт как формообразующий принцип романа Пастернака «Доктор Живаго» // Boris Pasternak and His Times. Selected Papers from the Second International Symposium on Pasternak. – Berkeley, 1989.
13. Дмитриева С. Архетипическая модель сада как элемент культурного кода петербургского текста К. Вагинова // Русская литература XX века: итоги столетия. Международная научная конференция молодых ученых: тезисы докладов. – Санкт-Петербург, 2001.
14. Жолковский А.К. О заглавном тропе книги «Сестра моя жизнь» // Poetry and Revolution. Boris Pasternak's «My Sister Life» / Edited by Lazar Fleischman. – Stanford Slavic Studies. – 1999. – Vol. 21.
15. Зайцев Б.К. Пастернак в революции // Писатель и время: сборник документальной прозы. – М.: Советский писатель, 1991.
16. Ковтунова И.И. О поэтических образах Бориса Пастернака // Очерки истории языка русской поэзии XX века: опыты описания идиостилей. – М.: Наследие, 1995.
17. Лотман М.Ю. Мандельштам и Пастернак (попытка контрастивной поэтики). – Tallinn, 1996, 1997.
18. Магомедова Д.М. Соотношение лирического и повествовательного сюжета в творчестве Пастернака. – Изв. АН СССР. Серия: Лит. и яз. – 1990. – Т. 49, № 5.
19. Мелетинский Е.М. «Историческая поэтика» А.Н. Веселовского и проблема происхождения повествовательной литературы // Историческая поэтика: итоги и перспективы изучения. – М., 1986.
20. Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. Т. 1. / гл. ред. С.А. Токарев – М.: НИ «Большая Российская энциклопедия», 1997.
21. Озеров Л.А. От метафоры к эпитету // Необходимость прекрасного. Книга статей. – М.: Сов. писатель, 1983.

22. Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация / Н.А. Кожевникова [и др.]. – М.: Наука, 1995.
23. Павлович Н.В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. – М., 1995.
24. Пастернак Е.Б. Борис Пастернак // Мир Пастернака. – М., 1989.
25. Пастернак Е.Б., Пастернак Е.В. Комментарии // Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений. В 11 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы 1912 – 1931. – М.: СЛОВО/SLOVO, 2003.
26. Романова И.В. «Стихотворения Юрия Живаго» в контексте романа и лирики Б. Пастернака: дис. ... канд. филол. наук. – Смоленск: СГПИ, 1997.
27. Смирнов И. Aemulatio в лирике Пушкина // Пушкин и Пастернак: материалы Второго Пушкинского коллоквиума. Будапешт, 1989. – Budapest, 1991.
28. Тарасенков А.К. Пастернак. Черновые записи. 1930 – 1939 // Воспоминания о Борисе Пастернаке. – М.: Слово, 1993.
29. Тиме Г.А. Диалектика вечно-женственного в творчестве Б.Л. Пастернака // Русская литература. – 2002. – № 4.
30. Тюленева Е.М. Ранний Пастернак: Поэтический миф о сотворении мира // Филологические штудии: сборник научных трудов. – Иваново, 1995.
31. Фатеева Н.А. Картина мира и эволюция поэтического идиостиля Бориса Пастернака (поэзия и проза) // Очерки истории языка русской поэзии XX века: Опыт описания идиостилей. – М.: Наследие, 1995.
32. Фатеева Н.А. О неявной грамматике поэтического текста Пастернака (на материале поэзии Б. Пастернака) // Die Welt der Slaven XLV. – 2000.
33. Фатеева Н.А. Пастернак и Пушкин: путь к прозе // Русский язык за рубежом. – 1994. – № 4.
34. Фатеева Н.А. Поэт и проза: Книга о Пастернаке (поэзия и проза) // Очерки истории языка русской поэзии XX века: Опыт описания идиостилей. – М.: Наследие, 1995.
35. Фатеева Н.А. Поэт и проза: Книга о Пастернаке / предисл. И.П. Смирнова. – М.: Новое литературное обозрение, 2003.
36. Фатеева Н.А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи // Изв. АН. Серия: Лит. и яз. – 1998. – Т. 57, № 5.
37. Фейер А. Человек, истина, универсальность (Анализ романа Б. Пастернака «Доктор Живаго») // Материалы и сообщения по славяноведению. Dissertationes Slavicae, XIX. – Szeged, 1988.
38. Цивьян Т.В. Проза поэтов о «прозе поэта» // Russian Literature. – 1997. – XLI-IV.
39. Чуковская Л.К. Отрывки из дневника // Воспоминания о Борисе Пастернаке. – М.: Слово, 1993.
40. Шаламов В.Т. Пастернак // Воспоминания о Борисе Пастернаке. – М.: Слово, 1993.
41. Юнггрен А. О поэтическом генезисе «Доктора Живаго» // Studies in 20th Century Russian Prose. – Stockholm, 1982.
42. Aroutunova V. Земля и небо. Наблюдения над категориями пространства и времени в ранней лирике Пастернака // Boris Pasternak 1890 – 1960. Colloque de Cerisy-la-Salle (11 – 14 septembre). – Paris, 1979.
43. Barnes C. Борис Пастернак и революция 1917 года // Boris Pasternak 1890 – 1960. Colloque de Cerisy-la-Salle (11 – 14 septembre). – Paris, 1979.
44. Etkind E. Пастернак, новатор поэтической речи // Boris Pasternak 1890 – 1960. Colloque de Cerisy-la-Salle (11 – 14 septembre). – Paris, 1979.
45. Faryno J. Поэтика Пастернака («Путевые записки» – «Охранная грамота»). – Wien, 1989.

46. Fleishman L. История Центрифуги // Boris Pasternak 1890 – 1960. Colloque de Cerisy-la-Salle (11-14 septembre). – Paris, 1979.
47. Majmieskulow A. «Переделкино» Бориса Пастернака (разбор цикла). – Bydgoszcz, 1994.
48. Segal D. Заметки о сюжетности в лирической поэзии Пастернака // Boris Pasternak 1890 – 1960. Colloque de Cerisy-la-Salle (11 – 14 septembre). – Paris, 1979.
49. Segal D. Из выступления на дискуссии // Boris Pasternak 1890 – 1960. Colloque de Cerisy-la-Salle (11 – 14 septembre). – Paris, 1979.
50. Weststeijn W.G. Доктор Живаго – поэтический текст // Russian Literature. – 1997. – XLII-III/IV.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О романе как о дальнейшем развитии лирического начала; о переходе Пастернака от лирики к философии романа; о том, что все раннее творчество Пастернака – это подходы к позднему «Доктору Живаго» в разное время писали [10, 24, 28; 7, 207, 226; 43, 326; 41, 228-249; 24, 1; 45, 194, 307; 11, 12-18; 15, 509-510; 33, 94-104; 16, 141; 50, 485; 14, 50; 35, 10].
2. *Я скажу до свиданья стихам, моя мания
Я назначил вам встречу со мною в романе.*
(Борис Пастернак. Стихотворения и поэмы. В 2 т. Т. 1. – Л.: Сов. писатель, 1990. – С. 200.)
3. В частной беседе Пастернак называет поэзию этюдами к картине [39, 410]. Из письма Б. Пастернака Б.С. Кузину от 7 марта 1948 г.: «...стихов как самоцели я не любил и не признавал никогда» [1, 10]. Сегал, говоря о лирике Пастернака, считал, что «все стихотворения надо связывать в один единый текст» [49, 190]. О единстве творчества Пастернака говорил А. Вознесенский: «Без стогов “Степи” мы не имели бы стогов “Рождественской звезды”» [9, 589]. Сам Пастернак считал, что проза – материал для лучшего понимания стихов [40, 618].
4. О «Докторе Живаго» как о «прозе поэта» см. [50, 477-489; 38, 424-436]. По выражению Б. Зайцева, «Доктор Живаго» – роман «написанный поэтом» [15, 512]. Пастернак говорил о романе, что может писать лишь поэтическую прозу [28, 161; 19, 416]; «...эмпирически настроенный Пастернак в соответствии с природой своего таланта переносит в прозу свои поэтические переживания» [37, 25].
5. *Образом* мы считаем слово или выражение, употребленное вместо другого слова или выражения, или слово (выражение), соотнесенное с другим словом (выражением) [5, 141]. Мы опираемся на методику изучения образа Н.В. Павлович, согласно которой каждый образ «входит в группу сходных с ним образов», т. е. реализует некий инвариант, или парадигму образа. Парадигму образа можно обозначить 'X → Y', где X – левый элемент, или основание сопоставления, Y – правый элемент парадигмы, или образ сопоставления [23, 13, 14, 48-50].
Под *мотивом* мы подразумеваем не разлагаемый далее сюжетный элемент. Принятое нами определение мотива было разработано А.Н. Веселовским и В.Я. Проппом на материале мифологии и сказок. Будучи «простейшей повествовательной единицей» сюжета, мотив состоит из следующих элементов: субъект действия (тот, кто производит действие), предикат (само действие), иногда объект (тот, на кого направлено действие) [8, 305; 4, 62].
6. Особое значение образов, связанных с водой, влагой подчеркнул С.Н. Бройтман [6, 76].
7. О роли стука как мистического сигнала и о его связи с темой смерти см. [12, 332-339].
8. «*Ветер, парус и занавес* вносят “одухотворение” в мир Пастернака, поднимаясь ввысь вместе с природой и “рукодельными” вещами» [34, 186].
9. О значении образа сада см. [30, 104]. Тюленева характеризует такое двоemiрие как традиционное романтическое [30, 106]. Сад – «архетипическая модель», «эстетизирован-

ный, выношенный общеевропейским сознанием и наделенный множеством ассоциаций символ» [13, 27].

10. О связи тем дерева, ветви и женщины см. [31, 258-259].

11. «Отражение неба и сада в зеркале пруда стало устойчивым образом поэтики Пастернака, символом отношения жизни и искусства» [25, 428].

12. О присутствии в творчестве Пастернака парадигмы образа существующих и в воде и на земле деревьев в связи со стихотворением «Вторая баллада» см. [32, 203].

13. См. [46, 19]. Даже пейзажи в лирике Пастернака отличаются «глагольностью», Эткинд называет пейзаж Пастернака «глагольным пейзажем» [44, 128]. О сюжетности лирической книги «Сестра моя жизнь» см. [17, 231].

14. «Для Пастернака важно, не называя объекта описания, наговорить вокруг него столько и такое, чтобы он проступил сам сквозь кипень этих слов и косвенных обозначений. Словно идет игра: главного слова не называть, а отгадывать, о чем идет речь» [22, 270].

15. То, что мы называем «минимальным мотивом» и «основным мотивом», Сегал называет «микросюжетом» и «фигуративным» сюжетом, «сверхсюжетом» [48, 165-166].

16. О приоритетной роли предиката в структуре мотива см. [20, 46].

17. Событийный план книги «Сестра моя жизнь» рассмотрен в работах [42, 214-215; 6].

18. О нити как мировой оси см. [2, 39]; о нитке, связывающей 'смерть' и 'вечность', и ее значении мировой оси см. также [45, 109, 132]. Пастернак говорил о романе: «Это будет дом, комнаты, улицы – и нити, тянущиеся от них повсюду» [28, 159].

19. Фатеева [36, 25-38] разделила интертекстуальные заимствования на следующие группы:

I. Собственно интертекстуальность, образующая конструкции 'текст в тексте'.

1) Цитаты (атрибутивные и неатрибутивные).

2) Аллюзии (атрибутивные и неатрибутивные).

3) Центонные тексты (комплекс аллюзий и цитат).

II. Паратекстуальность, или отношение текста к своему заглавию, эпиграфу, послесловию.

1) Цитаты-заглавия.

2) Эпиграфы.

III. Метатекстуальность как пересказ и комментирующая ссылка на предтекст.

1) Интертекст-пересказ.

2) Вариация на тему предтекста.

3) Дописывание «чужого» текста.

4) Языковая игра с предтекстами.

IV. Гипертекстуальность как осмеяние или пародирование одним текстом другого.

V. Архитекстуальность как жанровая связь текстов.

VI. Иные модели и случаи интертекстуальности.

1) Интертекст как троп или стилистическая фигура.

2) Интермедийальные тропы и стилистические фигуры.

3) Заимствование приема.

VII. Поэтическая парадигма (лежащая в основе методики изучения образов Павлович).

20. «В большинстве случаев "интертекстуального пересказа" мы имеем дело с трансформацией формы по оси "стих – проза"» [36, 33].

КОСМОГОНИЧЕСКИЕ МИФОЛОГЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

Ключевые слова: *ремифологизация; космогония; эсхатология; мифологема; арт-кино.*

Статья посвящена анализу архетипов поедания, близнецов и воды как продуктивных космогонических мифологем. Эта проблема исследуется на материале их воплощения в современном кинематографе, в основном в российском арт-кино.

С развитием идей глобализации и космополитизма, все новыми достижениями научно-технического прогресса и, в целом, прогресса цивилизации современный социум, тем не менее, все упорнее сохраняет и очерчивает традиционный модус в процессах и механизмах так называемой ремифологизации. Эти процессы очевидны и в социальной, и в политической культуре (социальный фанатизм, современные культы и т.п.), и в бытовой культуре (феномены суеверий и предрасудков), и в художественной культуре. Искусство XX века со всей очевидностью показало вечность интереса к мифу и продуктивность попыток вернуть миру целостность и единство через обращение к архетипическим схемам. Многие сюжеты и герои литературных произведений, рожденных из воспроизведения их авторами архетипических переживаний, претерпевают своеобразную вторичную мифологизацию, активно актуализируются в современном искусстве мифологемы традиционной культуры, особенно так называемые мифологемы первотворения: космогонические и эсхатологические символы.

В русской литературе и кинематографе рубежа веков мир всевозможно преобразуется, «переворачивается», по словам Е. Мелетинского, «апокрифизируется», по образному выражению А. Нямцу, т.е. снижается, десакрализуется, по сути, демифологизируется. А. Нямцу представляет этот процесс характеризующим все искусство XX века, делая вывод «о принципиальной ориентации культуры XX века на эстетически и содержательно осмысленное разрушение многовековых традиций рецепции легендарно-мифологического материала» [3, 58]. По мнению А. Мережинской, современная литературная ситуация пытается выравниваться в сторону более традиционных форм мифологизации, но в ней и на сегодня отсутствуют две основополагающие мифологемы: символ матери (родины, защитницы) и символ героя-искупителя [1, 405].

Подтверждает процесс десакрализации бытия за счет мифологизации, например, *мифологема поглощения* (поедания, проглатывания), которая чрезвычайней-

но активна в культуре рубежа веков: литературе и кинематографе. Вероятно, эта тенденция рубежной трансформации не случайна, как и все осуществляющееся в культуре. Ведь мифологема еды (пищи) «выступает как отмеченная на рубеже любых двух временных циклов, т.е. на пороге нового неизвестного состояния» [10, 427].

На наш взгляд, трансформации мифологемы поглощения в культуре конца XX – начала XXI веков происходят в основном по трем направлениям. Первое из них связано с использованием мифологемы поглощения как отражения общего кризиса культуры, идущего от ее первооснов. В произведениях этого ряда активно переосмыслиется мотив Кроноса и Реи, но без финала возрождения. Поедание, изображенное как обжорство или буквальный каннибализм, связано со смертью, гниением, разложением, абсурдностью насыщения, невозможного до конца (и пищевого, и сексуального). Фактически мифологема поглощения трансформируется в тему самосъедения. Эти значения актуальны в знаменитом эпатажном фильме Марко Феррери «Большая жратва» («La grande bouffe», 1973 год), фильме Роба Маккиттрика 2005 года «Waiting» (почему-то тоже названном в российском и украинском прокате «Большая жратва»), в комедии Алана Паркера «Дорога на Вэлвилл» (2005 год) и особенно – в знаменитой трилогии книг Томаса Харриса о докторе Ганнибале Лектере, экранизированной в культовом фильме Джонатана Демме «Молчание ягнят» (1991 год, 5 премий «Оскар») и в фильме Ридли Скотта «Ганнибал» (2001 год). Своеобразное интеллектуальное и духовное гурманство, подчеркнутая исключительность, нежелание быть как все, избегание усредненной нормы, выраженные в каннибализме, опровергают здесь любую культурную нормативность, будь то пищевая или моральная, этическая или этикетная (моральные предпочтения здесь прямо сопоставимы с пищевыми: «При наличии свободного выбора я предпочитаю есть грубиянов»), оставляя только один жизненный закон, озвученный доктором Лектером в конце второго фильма: «Нет ничего интереснее, чем попробовать новое». Популярность и востребованность подобной идеи в современной культуре подтверждаются фактами выхода четвертой книги Харриса «Восход Ганнибала» в декабре 2006 года и его экранизации Питером Веббером в феврале 2007 года («Молодой Ганнибал: под маской»).

Чаще в произведениях конца XX века представлена вторая линия трансформации мифологемы поглощения – линия поедания и жертвы как воплощения абсолюта любви, полного овладения ее предметом, любви, часто сопряженной с ревностью (в силу невозможности быть уверенным в полноте обладания, которая в пределе мыслится только в поедании), иногда уравнивающейся с ненавистью. Мифологема поглощения в постмодернистских произведениях вместо того, чтобы быть прямой мерой близости, как это было возможно в мифе, выступает мерой полного отсутствия и даже невозможности любви. Это, скорее, вырождение любви в мифологему смерти через каннибализм.

Так происходит, например, в «Парфюмере» П. Зюскинда (1984), где эссенция любви чудовища Жана-Батиста Гренуя вызывает первый в жизни «воров, убийц, бандитов, проституток, дезертиров, малолетних преступников» острый

приступ красоты и любви. Не случайно в экранизации этого романа, фильме Тома Тыквера «Парфюмер: история одного убийцы» (2006) финальная жертвенно-сжигательная сцена представлена намеренно неакцентированной, короткой и невыразительной, в то время как основной стала сцена несостоявшейся казни и оргии на городской площади. Темы страдания от одиночества, невозможности быть любимым, стыда, разочарования – более общепредставимые и привычные для традиционной культуры – в фильме преобладают над темами соперничества с Богом (в романе «Бог вонял»), удовольствия от одиночества («Счастье – он был единственным человеком в мире!», «избавленный от человеческого зловония») и, конечно, темой каннибализма как высшей формы любви-смерти.

Пожалуй, наиболее доминантной мифологема каннибализма предстает в фильме Питера Гринэуэя 1989 года «Повар, вор, его жена и ее любовник» (остроумно обозначенном автором в жанровом отношении как комедия). И отвратительные диалоги бандитов, и сцены унижения, и насилие, и секс, и извращения, и чистый голос мальчика-поваренка – все это уже представлено не просто на фоне ресторана, кухни, туалета и мусорной машины с гниющими тушами, а внутри какой-то адской кухни вечного приготовления, пожирания и испражнения. В такой ситуации уже совершенно неразличимыми становятся любовь и ненависть, насилие и гуманность, поскольку все – и палачи, и оскорбленные – приобщены к единой пищевой жертве, все равны перед едой, ведь все – еда друг для друга, и только. Вопрос лишь в том, кто кого съест первым, хотя и первые непременно станут едой для других. Мир окончательно вступает на путь самосъедения. Остается только оценить интернетовский совет по поводу этой комедии: «Ничего не ешьте перед тем, как смотреть фильм».

Каннибализм приобретает вид универсальной метафоры состояния мира и человеческой души и в романах Владимира Сорокина: в его «Сердцах четырех», «Голубом сале», «Пире» и в охлобыстинской сценарной версии «Идиота» Достоевского (2001 год, фильм «Даун Хаус»). Редкими исключениями в русле тенденции «поглощение как любовь», причем исключениями именно в изображении приготовления и поглощения пищи как любви, а не ее изнанки, являются повесть Бананы Есимото «Кухня» (1987) и роман Лауры Эскивель «Шоколад на крутом кипятке» (1989).

В современной русской литературе представлена и еще одна чрезвычайно интересная линия – интеллектуальное поглощение, проглатывание книг, «съедение письма», своеобразный духовный каннибализм. В уже названном «Пире» В. Сорокина именно в этом смысле упоминаются «Икра из книги М. Булгакова "Мастер и Маргарита" и подобные блюда русского литературного стола, в пьесе «Достоевский. Три» В. Сорокина Достоевский – это наркотическая таблетка и т.п. К числу наиболее интересных произведений подобного ряда относятся, на наш взгляд, романы Татьяны Толстой «Кысь» (2000) и Сергея Носова «Член общества, или Голодное время» (2000).

Таким образом, в преобладающем большинстве случаев ремифологизация поглощения актуализирует мифологему с целью ее снятия, ее отрицания новым

культурным значением съедения как смерти, полного уничтожения, разрыва единого живого цикла культуры или как символ ее окончания. Но в то же время, по нашим наблюдениям, современная русская литература и кинематограф (имея в виду так называемое арт-кино) устремлены и в сторону выравнивания, позитивного переосмысления традиционных стереотипов за счет трансформации наиболее древних, архетипически укорененных символов-мифологем. К активно «сакрализирующим» мы относим *близнечные мифы* и, разумеется, *символы стихий*: огня, земли, воздуха, воды. Все эти мифологемы в своей основе имеют значение преодоления, перерождения, буквального перевоплощения, т.е. смыслы, активно затребованные современной культурой постмодерна.

Близнечные мифы продуктивно используются в прозе Дмитрия Липскерова («Пальцы для Керолайн», «Ожидание Соломеи»), Людмилы Улицкой («Медя и ее дети», «Сонечка», «Казус Кукоцкого»), украинского автора Оксаны Забужко («Сестра, сестра», «Девочки», «Сказка о калиновой сопилке»); очевидны они в «Элементарных частицах» Мишеля Уэльбека. Мифологема близнецства в современной литературной ситуации активно трансформируется, охватывая собой и реальное кровное родство, и приобретенную, но истинно духовную близость, и неосуществленное родство, разрушаемое жизнью, рвущей все виды связей между людьми. Герои современной литературы, на наш взгляд, ощущают не самодостаточность собственного одиночества, но мучительное, лично переживаемое чувство несовершенства мира при ненайденности ими своего нераздельно-неслиянного второго *Я*.

Тема подобного близнецства-двойничества часто встречается и в кино. Кроме многочисленных голливудских двойников, чаще всего представляющих потусторонние силы, обращают на себя внимание двойники души главного героя российской драмы «Живой» (2006 год, режиссер Александр Велединский). Солдат-контрактник Кир возвращается из Чечни, где он воевал, чтобы заработать денег на свадьбу. Все дальнейшие поиски героем справедливости и душевного равновесия сопровождают двое его друзей, которые погибли в Чечне, спасая его. Друзья, видимые только Киром, пытаются спасти его и в новой мирной жизни, но это оказывается невозможным. Вернувшийся с войны без ноги, но живым, герой присоединяется в финале фильма к своим духовным братьям. В данном случае обращают на себя внимание все основные составляющие близнечных мифов: и дополнительная цельность героя с братьями; и спасительная роль тех, вместо кого и вместе с кем живет герой; и даже намек на уродство-избранничество, покалеченность.

Сам факт обращенности культуры к поискам духовного братства, двойничества нам представляется знаком некоторого позитивного поворота в осознании предназначения человека и его отношений с миром, в духе зороастризма, когда схватка двух противоположно-единых начал трактуется как создание бытия и небытия. Возможно, современная российская культура начинает новый виток выхода из «процедуры небытия» к новой космогонии близнечного соединения одиноких человеческих душ, растерявшихся в лабиринтах постмодерна.

Наряду с близнечными мифами в современном российском арт-кино сегодня продуктивно возрождается *мифологема воды* с доминантой на космогонической семантике (при несомненном присутствии значений эсхатологии).

Напомним, что одной из основных функций мифа является именно снятие противоречия, синкретическое воссоединение бинарности и противоположности. В. Руднев справедливо отмечает: «Миф – это такое состояние сознания, которое является нейтрализатором между всеми фундаментальными культурными бинарными оппозициями, прежде всего между жизнью и смертью, правдой и ложью, иллюзией и реальностью. <...> Сознание человека затемняется, и им полностью овладевает бессознательное, которое, как показал Юнг, как раз и состоит из мифа» [6, 121]. Именно эту функцию нейтрализации с надеждой на возможное возрождение, по-видимому, и стремятся выполнять мифологемы близнецства и воды.

Напомним, что мифологема воды в мировой архаической мифологии имеет значения и хаотической первоосновы мира (часто как женское начало, способное к бесконечным трансформациям); и универсального средства очищения и искупления, возвращения к жизни, переправы в мир иной (например, у скандинавов, славян, на ладьях по воде души отправляются в «иное живленьице»), начала новой жизни (символика крещения и т.п.). Парадоксальное единство хаоса и космоса, жизни и смерти, женского и мужского, оплодотворения и рождения, умирания и воскрешения – амбивалентность символики воды делает эту мифологему всеобъемлющей, нейтрализующе универсальной, и в то же время чреватой новым рождением, вечным продолжением.

«Вода, выступая в качестве первоосновы мира, символизирует полноту возможностей, смешение элементов, предшествующее всем формам и всему творению. Возможно, подобная фундаментальная роль воды в мироздании связывалась с приписываемой ей способностью трансформации, изменения...» [4, 52]. Мифологема воды превращается в тот самый нейтрализатор между фундаментальными культурными оппозициями, что и обеспечивает ее затребованность и продуктивность в современной культуре, в том числе и в арт-кино.

Мифологема воды главенствует в фильмах Андрея Звягинцева «Возвращение» (2003 год, 60-й Венецианский кинофестиваль – 2 награды «Золотой лев», приз «Ника – 2004» и более 30 других наград) и Ивана Вырыпаева «Эйфория» (2006 год, 63-й Венецианский кинофестиваль – «Малый золотой лев», Гран-при 22-го Варшавского международного кинофестиваля, 36-го Киевского международного кинофестиваля «Молодость», приз жюри фестиваля «Кинотавр»).

Оба фильма объединяет неконкретность времени и пространства (максимум того, что можно сказать – дело происходит, вероятно, где-то в России), в целом пренебрежение к конкретике вещного мира, деталей; особая инициационная схема сюжета (начало новой жизни, обретение нового статуса через смерть прежнего состояния мира, в обоих случаях буквально через смерть). Оба фильма заслужили почти одинаковые упреки (или такие же восторги) в чрезмерной

жестокости, даже в животности изображенных чувств. Оба фильма наполнены мифологемами дороги, поля, порога и т.п.

И, разумеется, эти фильмы объединяет изображение реки как единственной возможности пройти инициацию, прийти (приплыть) к себе, понять и услышать свои желания и возможность их осуществить (до путешествия по реке в обоих случаях это невозможно – ни обретение семьи, утверждение в статусе отца и сыновей в «Возвращении», ни утверждение в настоящей любви как в стихии, как в обрушении мира в «Эйфории»). Вода в данном случае изображена как мифологический символ максимальной амбивалентности: то, что должно стать началом, оборачивается смертью, но только в ее результате и отцовство, и воссоединение влюбленных осуществляется, становится реальным, превращается в действительное из практически невозможного. Напомним, «вода – символ женского начала, чистоты <...>. На Востоке вода может быть символом вечно меняющегося мира иллюзий» [9, 48].

Это оборотничество, перевернутое превращение мира зафиксировано в образе лодки, символе *мифологической ладьи*, которая в обоих фильмах уносит прошедших инициацию погибших отца («Возвращение») и влюбленных («Эйфория»). Мифологически ладья – производный от мифологема воды образ, символизирующий человеческую душу в момент переправы, преодоления рубежа. Смерть, погребение в образе ладьи снимаются значениями возрождения, будущего воскрешения. Образ ладьи в архаических традициях закодирован детально: «Корма лодки символизирует смерть, корпус – блуждания души в преисподней, нос – возрождение» [4, 247]. Разумеется, авторы фильмов не кодировали сознательно этих значений, но актуализация мифологического образа ладьи, несомненно, семантически наполнена. Лодка, медленно тонущая с умершими на борту, замыкает цикл, открывает возможность для зрителя амбивалентной трактовки финала, подчеркивает необходимость мифологема воды в художественной ткани фильма, поскольку позволяет буквально переселить героев в иную жизнь прямо на глазах у зрителя.

Более прямо и однозначно содержание переселения в другую жизнь образы реки и лодки передают в фильме Веры Сторожевой «Путешествие с домашними животными» (2007 год, Гран-при Московского кинофестиваля «Золотой Георгий», пять наград на международном кинофестивале в Коттбусе, кинопремия «Золотая деталь»). Освободившись от 19-летнего рабства, испробовав на вкус свободу на всех пространствах – от железнодорожного полотна до автомобильных дорог, главная героиня возвращается в детдом, в котором выросла и из которого была продана мужу, в лодке по реке. Завершение жизненного цикла и переход его на новый виток подчеркивается прямым намеком на Ноев ковчег (в лодке с героиней плывут коза и собака) и еще более – обменом козы на детдомовского мальчика, своеобразной жертвой агнца для продолжения рода и жизни. Определенная структурная и сюжетная похожесть «Путешествия...» на «Эйфорию», которая была отмечена рядом кинокритиков (по иронии судьбы еще до выхода «Путешествия с домашними животными» «Эйфорию» предлагали переименовать «В мире живот-

ных)), снижает и уровень функционирования мифологемы воды. Этот уровень в «Путешествии...», скорее, не архетипический, а знаково-эмблематический, образы и мотивы прочитываются не как символы, а как аллегории.

Очевидна искупительная и инициационная функции мифологемы воды и в «Острове» Павла Лунгина (2007), хотя, разумеется, в этом фильме гораздо сильнее христианская символика, нежели мифологическая.

Представляется показательным и чрезвычайно интересным обращение Андрея Звягинцева к мифологеме воды в своем втором фильме – «Изгнание» (2007). Если «Возвращение» буквально «наполнено» водой, то «Изгнание» все – дорога и ветер. Только в начале фильма мы видим пересохшее русло родника, которое в финале неожиданно наполняется. Разумеется, инициально-финальные образы рамочной конструкции всегда многозначны и символически нагружены. Вода, совершенно неожиданно заструившаяся из умершего источника, снова отменяет нелепость, жестокость и ненужность смертей героев, выводит жизненный цикл на уровень, превышающий смерть.

«Изгнание», в отличие от первого «звездного» фильма А. Звягинцева, критики оценили гораздо прохладнее. Фильм упрекали в надуманности, скучности, длиннотах, непонятности и, в том числе, в перегруженности христианскими символами (кресты, осел, яблоко, стада овец, могилы и т.п.). Нам представляется, что во втором фильме мифологическая символика гораздо глубиннее, чем в «Возвращении», мифологемы здесь работают именно как подсознательные нейтрализаторы жизненных противоречий. Никто из героев не слышит друг друга, да здесь почти и не говорят, редкие реплики улетают в пространство сквозняков и ветра всеобщего непонимания. Схематичный город (снова некий город некоей страны) только усугубляет нелепость бытия (машины, дымящие трубы, казино в степи и т.п.). В это время природа пытается докричаться до человека – ветром, дождем, яблоками сада, простором степных дорог, но самое главное – основой природности и естества – неотменимым разделением на мужчину и женщину, видящих разное и по-разному. В фильме неспособность услышать женщину толкает героя к катастрофе, мир невозстановимо раскалывается на две половинки, должны по первоначальному замыслу жить в гармонии.

Возрождающую функцию в финале фильма и выполняет мифологема воды. Напомним, что в мифологических традициях вода традиционно разделяется на мужскую (живую, оплодотворяющую, небесную) и женскую (мертвую, подземную, соленую, застоявшуюся). Современные исследователи отмечают, что и сегодня «даже в самом современном варианте этого медицинского мифа «живой» считается вода с положительного электрода (символизирующего мужское начало), а «мертвой» – вода с отрицательного электрода (женское начало)» [7, 94]. В этом смысле вода «Изгнания» – прямое воссоединение мужчины и женщины (так и не случившееся в жизни), дождя и подземного источника, мужской и женской воды, двух противоположных правд.

По признанию самого режиссера, его фильмы представляют собой действующую модель жизни, «жизнеустройство. Не на бытовом уровне, а на ме-

тафизическом, возможно, даже мистическом. ... Я так устроен: у меня интерес возникает, если я не столько открываю героя как характер, сколько нахожу ключ к его идее. Красота мира воплощается вовсе не через бесславные сражения в мире людей, живущем эмоциями, корыстью и страстями. Она выражается через битву в мире идей. Там эта битва нескончаема и прекрасна» [5].

Что же касается «непонятности» и туманности символов Звягинцева, позволим себе привести еще один фрагмент интервью с режиссером: «Метафора не должна быть навязчивой. Не все надо проговаривать, произносить. Иначе разрушается магия, исчезает та недосказанность, которая позволяет каждому увидеть в картине то, что он хочет, то, что ему ближе. У меня была задача, точнее – одна из задач: показать невидимое. А в этом случае лучше отойти подальше от конкретных указаний на место, время и прочее. Робер Брессон об этом хорошо, по-моему, сказал: мы не видим ветра, но знаем о нем по ряби на воде. Не надо говорить лишних слов, не надо показывать лишних движений» [2].

Таким образом, использование мифологем современной культурой является процессом сознательным со стороны художника, но рассчитанным на подсознательное, ассоциативное восприятие реципиентом. Процесс ремифологизации в произведениях современного искусства характеризуется тем, что в них открывается глубина мифа, «неведомого первобытному человеку, – экзистенциального мифа о пребывании индивидуального внутреннего «я» во внешнем ему мире» [8, 52].

Мифологизация этих экзистем более соприродна кинематографу, нежели прямая философизация. Использование космогонических и эсхатологических мифологем обеспечивает своеобразный процесс автокоммуникации, который, по справедливому замечанию Ю.М. Лотмана, превращает текст из источника информации в ее возбудитель. Культурный код киномифологем не просто считывается воспринимающим сознанием, но побуждает адресата к пересмотру, переорганизации уже имеющейся в его сознании информации, к опровержению стереотипии восприятия слова, к перекодировке личности, к конструированию собственной картины мира. В некотором смысле создается индивидуальный экзистенциальный миф каждого адресата, вовлеченного в игру самовыговаривания смысла. Игру, главным образом рассчитанную на отрешение от традиционных разграничений, в том числе на содержание и форму художественного текста, адресата и адресанта, сознательное и подсознательное. Целью мифологизированного послания является адресат (зритель, читатель), которого мифологический эксперимент авторов оставляет один на один с миром в надежде на возможность возвращения мифологической слиянности *Я* и *не Я*.

The article is devoted to the analysis of actual cosmogonic archetypes of the food, the twin and the water. This problem is being researched basing upon the material of modern Russian cinematograph.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мережинская А.Ю. Художественная парадигма переходной культурной эпохи. Русская проза 80-х – 90-х годов XX века. – Киев, 2001.

2. Независимая газета – 2007. – 21 мая.
3. Нямцу А.Ф. Поэтика традиционных сюжетов. – Черновцы, 1999.
4. Полная энциклопедия символов и знаков / авт.-сост. В.В. Адамчик. – Минск: Харвест, 2007.
5. Российская газета – Центральный выпуск – № 4227. – 2006. – 21 ноября.
6. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1997.
7. Символы, знаки, эмблемы: энциклопедия / авт.-сост. В. Андреева, В. Куклев, А. Ровнер. – М.: Астрель, АСТ, 2006.
8. Тюпа В.И., Фуксон Л.Ю., Дарвин М.Н. Литературное произведение: проблемы теории и анализа. – Кемерово, 1997. – Вып. 1.
9. Шейнина Е.Я. Энциклопедия. – М.: ООО «Изд. АСТ»; Харьков: «Торсинг», 2001.
10. Элиаде М. Мефистофель и Андрогин. – СПб., 1998.

Ч.А. Горбачевский

Южно-Уральский государственный университет

УДК 821.111.1.09

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННОСТЬ РАССКАЗОВ «ПОСЫЛКА» В.Т. ШАЛАМОВА И «САНОЧКИ» Г.С. ЖЖЕНОВА

Ключевые слова: *композиция; повествование; трагедия.*

Статья имеет отношение к теме колымских каторжных лагерей и посвящена анализу документально-художественного мира рассказов «Посылка» В.Т. Шаламова и «Саночки» Г.С. Жженова.

Экспозиция рассказа Шаламова «Посылка» непосредственно вводит в основное событие повествования – получение одним из заключенных посылки: «Посылки выдавали на вахте. Бригадиры удостоверяли личность получателя. Фанера ломалась и трещала по-своему, по-фанерному. Здешние деревья ломались не так, кричали не таким голосом» [3, 23]. Не случайно звук посылочной фанеры сравнивается со звуком ломающихся колымских деревьев, как бы символизируя два разнополярных модуса человеческой жизни – жизнь на воле и жизнь в заключении. «Разнополярность» явственно ощущается и в другом не менее важном обстоятельстве: пришедший получать посылку зэкá замечает за барьером людей «с чистыми руками в чересчур аккуратной военной форме» [3, 23]. Контраст с самого начала ставит непреодолимый барьер между бесправными заключенными и теми, кто стоит над ними, – вершителями их судеб. Отношение «хозяев» к «рабам» тоже отмечено в завязке сюжета, а издевательства над зэкá будут варьироваться до конца повествования, образуя своеобразную событийную константу, подчеркивающую абсолютное бесправие рядового обитателя сталинского исправительно-трудового лагеря.

Люди с чистыми руками в чересчур аккуратной военной форме ведут себя уверенно, вскрывают посылки «по-хозяйски», умело бросают «едва живые после многомесячного путешествия» [3, 23] ящики на пол. Ящики раскалываются, и часть продуктов («куски сахара, сушеные фрукты, загнивший лук, мятые пачки махорки» [3, 23]) достается «на законных основаниях» людям в военной форме, которые выполняют столь ответственную работу. Естественно, что в подобной ситуации ни о каком протесте со стороны заключенных не может быть и речи, поскольку в этом «подземном» мире сам факт получения заключенным посылки (или части её) есть не что иное, как величайшее чудо.

Вполне закономерно, что мечты и размышления истощенного счастливого заключенного о невероятном содержимом посылок предваряют их получение. «Я стоял у стены и ждал очереди. Вот эти голубые куски – это не лед! Это сахар! Сахар! Сахар! Пройдет еще час, и я буду держать в руках эти куски, и они не будут таять. Они будут таять только во рту. Такого большого куска мне хватит на два раза, на три раза. А махорка! Собственная махорка! Материковская махорка, ярославская «Белка» или «Кременчуг № 2». Я буду курить, буду угощать всех, всех, всех, а прежде всего тех, у кого я докуривал весь этот год. Материковская махорка!» [3, 23 – 24]. Схожий эпизод с получением в лагере посылки описан в автобиографическом рассказе Г.С. Жженова «Саночки»: «Опять стали мерещиться посылки... И чего только в них не было! <...> Любимая рыба горячего копчения, севрюга, осталась дома – в посылку упаковали воблу (над ней время не властно)... насладившись запахом полубелого хлеба с тмином и изюмом, решительно заменил его сухарями. Мясо не взял – только твердокопченую «салями» (она прочнее) и сало... Украинское сало... с розовой прожилкой, тающее во рту... Как и полагается, все углы посылок забиты чесноком и луком... Сахар брал только колотый, от «сахарной головы» – он слаще. Не забыл, конечно, и табак! Папиросам предпочел сигареты и махорку, объем тот же, а табаку больше... <...>» [1, 74 – 75].

Мысли о посылках в двух рассказах становятся причиной предельно эмоциональной внутренней речи заключенных. Сосредоточенные размышления как бы погружают думающих о вожаденной материковой еде в своеобразный мечтательный транс (1). В «Посылке» неоднократно повторяющиеся волшебные слова о давно не виденных продуктах произносятся как заклинание и молитва. Чудо получения посылки еще и в том, что выдаются они далеко не всем, но только тем, «кто выполняет норму, остальные (посылки. – Ч. Г.) подвергались конфискации» [3, 88].

Однако мечтам и размышлениям суждено было неожиданно прерваться. Персонажи обоих рассказов довольно скоро из мира мечты возвращаются к жизни, как бы оставленной ими на время:

«– Фамилия?» [3, 24].

«С ходу налетев на что-то непонятное, я ткнулся лицом в снег и ... опомнился <...> посылки исчезли» [1, 75]. В действительной лагерной повседневности обоих персонажей ждет жестокое разочарование – воображаемое оказалось

слишком далеким от реальности и от того, что произошло позже. «Посылка треснула, и из ящика высыпался чернослив, кожаные ягоды чернослива. А где же сахар? Да и чернослива – две-три горсти...»

– Тебе бурки! Летчицкие бурки! Ха-ха-ха! С каучуковой подошвой! Ха-ха-ха! Как у начальника прииска! Держи, принимай!

Я стоял растерянный...» [3, 24].

Обескураженный эка рассказа «Посылка» возвращен с неба на землю: он разочарован тем, что получает вовсе не то, о чем мечтал – по сути, не нужные для заключенного-доходяги летчицкие бурки, предмет вожделенных мечтаний любого начальника на прииске (2), о чем красноречиво свидетельствует громкий смех вскрывавшего посылку человека с чистыми руками в чересчур аккуратной военной форме.

«...Зачем мне бурки? – размышляет герой <...> Если бы оленьи пимы, торбаса или обыкновенные валенки. Бурки – это чересчур шикарно» [3, 24]. Слово «шикарно» подчеркивает абсолютную неуместность этого вида обуви для рядового эка. Точно так же думает подошедший с деловым предложением к обладателю бурок смотритель Бойко: «Слышь ты... <...> Продай мне эти бурки. Я тебе денег дам. Сто рублей (3). Ты ведь до барака не донесешь – отнимут, вырвут эти (т. е. блатари. – Ч. Г.) <...>. Да и в бараке украдут. В первую ночь. “Сам же ты и подошлешь”, – подумал я» [3, 24]. Конечно, смотритель прав, все так и будет – «схема» отбора вещей у фраеров блатарями отработана безукоризненно, и Бойко тоже одно из заинтересованных лиц в этом процессе.

В обращении Бойко с предложением продать бурки очевиден страх того, что они могут достаться кому-нибудь другому. Бойко и слова свои произносит торопливым шепотом, боясь привлечь внимание конкурентов и помня о тех незнакомых фигурах рядом с почтой,двигающихся в белом морозном тумане. В рассказе «Татарский мулла и чистый воздух» Шаламов возвращается к чрезвычайно важному для любого лагерника событию – получению посылки и свидетельствует о том, что в этих случаях обычно происходит: «В бараке давно ждали блатные, чтобы отнять на глазах у всех и поделить со своими Ванечками и Сенечками. Посылку надо было или сразу съесть, или продать. Покупателей было сколько угодно – десятники, начальники, врачи» [3, 88].

В «Саночках» разочарование героя носит иной характер, здесь ни у кого из посторонних (имеются в виду не заключенные, а сравнительно сытый вольный персонал лагеря) нет и мысли претендовать на содержимое посылки, и вовсе не из-за гуманности: «Все, что было в посылке, а именно: сахар, колбаса, сало, конфеты, лук, чеснок, печенье, сухари, шоколад, папиросы «Беломор», вместе с оберточной и газетной бумагой, в которую был завернут каждый продукт, за время трехлетнего блуждания в поисках адресата, перемешалось, как в стиральной машине, превратилось в единую твердую массу со сладковатым запахом гнили, плесени, табака и конфетной парфюмерии... Все пропиталось жиром и табаком, засахарилось...»

Такая же картина повторилась и в другой посылке, с той только разницей, что там к содержимому добавились пара шерстяных носков и варежки» [1, 83].

Посылки в рассказе «Саночки» по пути к адресату «пропутешествовали» несколько лет. И несмотря на это получивший их зэка просит отдать посылки охране и выдавать ему по частям содержимое в течение трех суток, чтобы не появилось соблазна съесть все «это» сразу: «Так мучительно долго еще никогда не тянулось время, как в эти последние трое суток. Ни лежать, ни спать я не мог – животный инстинкт гнал из барака к вахте, поближе к посылкам. Я окончательно потерял контроль над собой: не доверял охранникам, боялся, что они или выбросят посылки, или скормят собакам. Как волк из засады, следил за каждым, кто заходил на вахту...» [1, 84] (4).

После «выгодной» продажи зрителю бурок у главного действующего лица рассказа Шаламова появляется немного денег, и, как следствие этого, возобновляются с новой силой естественные мысли о еде: «Куплю масла! <...> И буду есть с хлебом, супом, кашей. И сахару!» [3, 24]. Появляется и мысль поделиться купленными килограммом масла и килограммом хлеба с Семеном Шейниным, с которым когда-то вместе работал в одной бригаде. Первоначальное разочарование превращается в нечто худшее – в настоящую трагедию. Побжежавший за кипятком Семен Шейнин оставляет напарника одного с сумкой, в которой лежат хлеб и масло. В это время оставшийся ждать напарника хозяин продуктов получает сильный удар «по голове чем-то тяжелым, и когда <...> вскочил, пришел в себя, сумки не было» [3, 25]. К этой трагедии Шаламов возвращается в рассказе «Надгробное слово»: «Я упал на землю от страшного удара по голове. Когда я вскочил, сумки с маслом и хлебом не было. Метровое листовое полено, которым меня били, валялось около койки. И все кругом смеялись. Прибежал Шейнин с кипятком. Много лет потом я не мог вспомнить об этой краже без страшного, почти шокового волнения» [3, 371]. Этот случай запечатлелся в сознании рассказчика как одно из самых чудовищных воспоминаний. Безусловно, впечатление от пропажи усилилось всеобщим весельем товарищей по бараку – не досталось нам, так пусть и тебе не достанется. «Я не плакал. Я еле остался жив. Прошло тридцать лет, и я помню отчетливо полутемный барак, злобные, радостные лица моих товарищей, сырое полено на полу, бледные щеки Шейнина» [3, 25]. Оксюморонное сочетание *злобная радость* весьма неслучайно, поскольку «<...> для человека нет лучше ощущения сознавать, что кто-то еще слабее, еще хуже» [3, 123] (5). «Развлечение было лучшего сорта. В таких случаях радовались вдвойне: во-первых, кому-то плохо, во-вторых, плохо не мне. Это не зависть, нет» [3, 25]. С подобными развлечениями «лучшего сорта» мы встречаемся и во многих других рассказах Шаламова – в «Белке», например, в «Сучьей» войне», в которой «<...> дежурный врач радовался всему плохому, что приходилось встретить и видеть» [4, 56]. В рассказе «Город на горе» описано характерное развлечение в лагере того времени: «Бывший министр Кривицкий и бывший журналист Заславский развлекались на глазах у всех бригад страшным лагерным развлечением. Подбрасывали хлеб, пайку-трехсотку оставляли на столе без присмотра, как ничью <...> и кто-нибудь из доходяг, полусумасшедший от голода, на эту пайку бросался, хватал ее со стола, уносил ее в угол и цинготными зубами, оставляющими следы крови на хлебе, пытался этот черный хлеб проглотить. Но бывший министр – был он и бывший врач – знал, что голодный не проглотит хлеб

мгновенно, зубов у него не хватит, и давал **спектаклю** (б) развернуться, чтобы не было пути назад, чтобы доказательства были убедительней.

Толпа озверелых работяг набрасывалась на вора, пойманного «на живца». Каждый считал своим долгом ударить, наказать за преступление, и хоть удары доходяг не могли сломать костей, но душу вышибали.

Это вполне человеческое бессердечие. Черта, которая показывает, как далеко ушел человек от зверя.

Избитый, окровавленный вор-неудачник забивался в угол барака, а бывший министр, заместитель бригадира, произносил перед бригадой оглушительные речи о вреде краж, о священности тюремной пайки. <...> Игра «на живца» была очень в ходу в спецзоне в мое время» [4, 183].

В «Посылке» остатки, состоявшие из нескольких ягод чернослива, не дали спокойно доесть хозяева жизни и судеб заключенных – начальник лагеря Коваленко и начальник прииска Рябов. Оба ворвались ночью в барак, где трое зэка «варили у печки каждый свое: Синцов кипятил сбереженную от обеда корку хлеба, чтобы съесть ее, вязкую, горячую, и чтобы выпить потом с жадностью горячую снеговую воду, пахнущую дождем и хлебом. А Губарев натолкал в котелок листьев мерзлой капусты – счастливец и хитрец. Капуста пахла, как лучший украинский борщ! А я варил посылочный чернослив. Все мы не могли не глядеть в чужую посуду» [3, 26]. Ворвавшиеся немедленно опрокинули все это на пол. Коваленко пробил дно каждого котелка для надежности кайлом. И здесь не обошлось без назидательной речи: «– Есть котелки – значит, есть что варить, – глубокомысленно изрек начальник прииска. – Это, знаете, признак довольства.

– Да ты бы видел, что они варят, – сказал Коваленко, растапывая котелки» [3, 26]. После ухода скорых на расправу начальников каждый собрал остатки своей еды с пола барака и уже безо всякой варки съел.

Заканчивается рассказ происшествием, вполне вписывающимся в звериный ряд всего происходящего в лагере. Десятники вносят в барак и бросают на пол «что-то, не шевелящееся, но живое, хрюкающее» [3, 26]: «– Ваш человек? – И смотритель показал на комок грязного тряпья на полу.

– Это Ефремов, – сказал дневальный.

– Будет знать, как воровать чужие дрова.

Ефремов много недель пролежал рядом со мной на нарах, пока его не увезли, и он умер в инвалидном городке. Ему отбили “нутро” (тоже развлечение. – Ч.Г.) – мастеров этого дела на прииске было немало. Он не жаловался – он лежал и тихонько стонал» [3, 26 – 27].

The article deals with the GULAG theme. The author made an attempt to analyse the documentary and fiction worlds of the two stories.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жженов Г.С. Саночки // От «Глухаря» до «Жар-птицы»: повесть и рассказы. – М.: Современник, 1989.
2. Кресс Вернон. Зекамерон XX века: роман. – М.: Худож. лит., 1992.

3. Шаламов В.Т. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1 // сост., подгот. текста и примеч. И. Сиротинской. – М.: Худож. лит., 1998.

4. Шаламов В.Т. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2 // сост., подгот. текста и примеч. И. Сиротинской. – М.: Худож. лит., 1998.

5. Шиллер Ф.П. Письма из мертвого дома / сост., пер. с нем., примеч., послесл. В.Ф. Дизендорфа. – М.: Общест. акад. наук рос. немцев, 2002.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Отметим, что сны о еде, о хлебе не дают голодному арестанту в лагере покоя: «Я спал и по-прежнему видел свой постоянный колымский сон – буханки хлеба, плывущие по воздуху, заполнившие все дома, все улицы, всю землю» [4, 125].

2. Филолог Ф.П. Шиллер писал семье в 1940 году из лагеря в бухте Находка: «Если вы еще не выслали ботинок и верхней рубашки, то не присылайте, а то я боюсь, что пришлете что-нибудь совершенно неподходящее» [5, 477].

3. Этот случай Шаламов вспоминает и в «Очерках преступного мира» [4, 26], и в рассказе «Надгробное слово»: «Бурки стоили семьсот, но это была выгодная продажа. <...> И я купил в магазине целый килограмм масла. <...> Купил я и хлеба...» [3, 370].

4. По причине постоянного голода заключенных и изнуряющей тяжелой работы диагноз «алиментарная дистрофия» в лагерях был обычным явлением. Это становилось благодатной почвой для проделывания авантюр невиданных масштабов: «на лагерь списывались все продукты, что вылежали сроки хранения» [3, 24].

5. Нечто схожее с этим ощущением испытывает герой-повествователь рассказа «Заговор юристов»: «Меня в этой бригаде еще не выталкивали. Здесь были люди и слабее меня, и это вносило какое-то успокоение, нечаянную радость какую-то» [3, 149]. О человеческой психологии в подобных условиях пишет колымчанин Вернон Кресс: «Нас толкали наши же товарищи, ибо вид дошедшего человека всегда действует раздражающе на более здорового, он угадывает в нем свое собственное будущее и к тому же тянет найти еще более незащитного, отыгаться на нем <...>» [2, 273].

6. Не только блатари любили театральность, интерес к ней испытывали и другие представители лагерного населения.

Е.М. Васильев

*Ровенский институт славяноведения
Киевского славистического университета*

УДК 821.111.1.09

М.А. ПЕЙСАХОВИЧ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РУССКОЙ СТРОФИКИ

Ключевые слова: *стихование; строфика; астрорифический стих.*

Статья посвящена научному наследию видного исследователя строфики русского стиха Михаила Абрамовича Пейсаховича (1920 – 1978). Освещены основные стиховедческие принципы ученого, проанализированы внесенные им терминологические уточнения в области строфологии, рассмотрен вклад

*М.А. Пейсаховича в исследование астрофического стиха. В статье также со-
держится обзор архива литературоведа.*

Имя кандидата филологических наук, доцента Михаила Абрамовича Пейсаховича (1920 – 1978) было хорошо известно в литературоведении 1960 – 1970-х годов. Несмотря на то, что ученому довелось работать вдали от литературоведческих центров (с сентября 1962 года и до конца жизни М.А. Пейсахович жил и преподавал в Ровно), он довольно много печатался, участвовал в научных конференциях и стиховедческих семинарах, общался с видными филологами того времени.

М.А. Пейсаховичу принадлежит около восьмидесяти научных работ (публиковавшихся с 1957 года) и почти сто литературно-критических статей, выходящих в черниговский (1947 – 1958) и уссурийский (1958 – 1962) периоды его творчества. Научные работы М.А. Пейсаховича публиковались в различных ученых записках и сборниках статей (столь, кстати сказать, «дефицитных» в то время), география которых на редкость широка (Москва и Владивосток, Киев и Ленинград, Ровно и Красноярск, Кострома и Кызыл). Печатался ученый и в престижных украинских литературно-художественных и научных журналах («Вопросы русской литературы», «Радянське літературознавство», «Жовтень», «Советская Украина»). Однако большинство статей и рецензий М.А. Пейсаховича выходило в ведущих центральных филологических изданиях («Вопросы литературы», «Вопросы языкознания», «Филологические науки», «Литературное обозрение», «Литература в школе», «Литературная Россия», «Детская литература») и «толстых» журналах («Октябрь», «Дружба народов», «Москва», «Дон»).

Тематика первых научных работ М.А. Пейсаховича была связана с его кандидатской диссертацией «Творчество Степана Щипачева». До защиты диссертации (а она состоялась в Московском государственном педагогическом институте в 1961 году) ученому удалось опубликовать по творчеству С.П. Щипачева пять статей (1). Нужно сказать, что и после защиты диссертации М.А. Пейсахович сохранил верность щипачевской теме. Творчеству поэта, с которым исследователя долгие годы связывали теплые, дружественные отношения (С.Щипачев, присутствовавший на защите диссертации М.А. Пейсаховича, отметил, что «диссертант знает мое творчество лучше, чем я сам»), он посвятил еще пять статей (2, 3).

Переход к стиховедческой проблематике не был случайным. Прежние работы М.А. Пейсаховича по истории русской советской поэзии содержали также материал по стиху. Начало же собственно стиховедческого периода в его научной деятельности знаменует крупная работа «Строфика Лермонтова», вошедшая в академический юбилейный сборник «Творчество М.Ю. Лермонтова» [1, 5]. В ней обследован строфический диапазон Лермонтова-лирика – от двустишия до четырнадцатистишия. Параллельно с этим он серьезно занимался – в качестве докторской диссертации, которую, увы, защитить не успел, и советской поэтической Ленинианой; этой теме посвящено более десятка статей (4). Именно труды

по строфике во многом способствовали признанию ученого в филологических кругах и обеспечили его прочный литературоведческий авторитет.

Он много выступает со стиховедческими докладами на конференциях: по творчеству М.Ю. Лермонтова в Ленинграде (3 – 4 февраля 1967 года), Ставрополе и Пятигорске (16 – 19 октября 1968 года), Орджоникидзе (17 – 18 октября 1969 года); Н.А. Некрасова в Костроме (4 – 7 февраля 1971 года, Ивано-Франковске (18 – 19 ноября 1971 года) и Киеве (6 – 7 декабря 1971 года); на конференциях по творчеству А.С. Пушкина (30 – 31 мая 1974 года) и А.Н. Островского (9 – 10 апреля 1973 года) в Киеве, на совещаниях Группы по истории и теории русского стиха ИМЛИ им. Горького и конференциях стиховедов в ИМЛИ (1974 и 1976 годы), завязывает научные знакомства. В домашнем архиве хранится множество писем, подаренных книг, статей и оттисков от крупнейших литературоведов: В.С. Баевского, К.Д. Вишневского, А.М. Гаркави, М.Л. Гаспарова, С.И. Гиндина, М.М. Гиршмана, В.В. Жданова, А.Л. Жовтиса, А.В. Кулинича, В.Г. Ларцева, В.А. Мануйлова, И.Д. Ралько, С.А. Рейсера, П.А. Руднева, В.А. Сапогова, И.И. Стебуна, Л.И. Тимофеева, Л.Г. Фризмана, В.Е. Холшевникова и др., большинство из которых известно, прежде всего, своими стиховедческими трудами.

Интересы М.А. Пейсаховича не ограничивались научной сферой. На протяжении всей своей жизни он писал стихи, прозу, драматические произведения, вел дневники, переводил. Большинство из этих произведений не увидели свет при жизни ученого и поныне хранятся в его домашнем архиве. Лишь в 1969 году в Москве, в издательстве ВААП, мизерным тиражом в 50 экземпляров была издана пьеса «Спартак» (под литературным псевдонимом «Михаил Абрамов»), над которой М.А. Пейсахович работал более двадцати лет. Заметим, что как научная, так и литературная деятельность, попытки публикации и постановки литературных произведений познакомили автора с целым рядом известнейших советских поэтов, драматургов, литературных критиков, режиссеров. В архиве М.А. Пейсаховича хранятся письма Ильи Эренбурга и Ильи Сельвинского, Константина Симонова и Степана Щипачева, Максима Рыльского и Зиновия Паперного, Михаила Ромма и Олега Ефремова. Смеем надеяться, что в недалеком будущем читатель откроет для себя Пейсаховича-художника, познакомится с его интимной и философской лирикой, иронической и сатирической прозой, исторической и притчеобразной драматургией.

Работы М.А. Пейсаховича, несомненно, являются весомым вкладом в русское стиховедение и, прежде всего, в такой его раздел, как строфика. Думается, безо всякого преувеличения можно поставить его имя в один ряд с такими исследователями строфики, как В.С. Баевский, К.Д. Вишневский, М.Л. Гаспаров, Б.В. Томашевский, О.И. Федотов. По строфике русского стиха М.А. Пейсахович опубликовал *семнадцать работ*.

Необходимо отметить постоянное стремление М.А. Пейсаховича к четкой, продуманной и в то же время оригинальной *терминосистеме*. Показательна в этом смысле терминология, последовательно применявшаяся стиховедом по отношению к астрофическому стиху. Отмечая отсутствие унифицированной тер-

минологии, которая обозначала бы законченную по смыслу нестрофированную группу стихов («строфическая тирада» у В.М. Жирмунского, просто «тирада» у А.Л. Жовтиса, «абзац» у С.А. Рейсера), а также входящие в такую группу элементарные стихосочетания («рифмованные ряды» у Б.И. Ярхо, «субстрофы» у Н.С. Поспелова, «строфоиды» у М.Л. Гаспарова), М.А. Пейсахович прибегает к самобытным терминам «*элементарное рифменное объединение*» и «*астрофический стиховой период*», которые, по его мнению, «более соответствуют реальному содержанию основных видов нестрофированных стихосочетаний» [13, 94].

Очевидно, что именно с исследованием *астрофического стиха* связаны наибольшие достижения Пейсаховича-стиховеда. М.А. Пейсахович первым описал его структурные типы и формы, изучил астрофический репертуар трех величайших поэтов XIX века – Пушкина, Лермонтова и Некрасова. Так, по наблюдениям ученого, в зависимости от синтаксической формы рифменных объединений образуемые ими астрофические периоды получают различные *структурные типы*, которые он обозначает (в соответствии с конструктивным принципом каждого из них) как интонационный, смысловой, синтаксический и ритмический. В статье «Астрофический стих и его формы» М.А. Пейсахович дает им четкую характеристику: «*Интонационный тип* астрофического стихового периода представляет собой сочетание рифменных объединений *замкнутой формы*, т.е. синтаксически самостоятельных и завершенных, но связанных между собой ритмико-мелодическим рисунком и сопрягаемых интонацией... <...> *Смысловый тип* астрофического периода основан на сочетании рифменных объединений *открытой структуры*, т.е. связанных между собой содержанием так, что одно из них дополняется другим и, хотя непосредственно не зависит от него, но лишь вместе с ним приобретает исчерпывающую смысловую целостность. <...> *Синтаксический тип* астрофического периода образуется при сочетании рифменных объединений *разомкнутой структуры*, т.е. взаимосвязанных синтаксически в такой степени, что отдельно друг от друга они вообще не могут существовать <...> *Ритмический тип* стихового периода характеризуется тем, что в нем сочетание рифменных объединений достигается посредством *стихового переноса*, который, рассекая фразу на стыке смежных рифменных объединений, вместе с тем способствует их особой ритмической сцепленности» [13, 95-97].

Наряду с систематизацией структурных типов астрофического стиха, М.А. Пейсахович разработал и типологию его *структурных форм*: «*Астрофические произведения*, – отмечает исследователь в «Строфике Некрасова», – *выступают в формах: 1) двустихийной, 2) четверостихийной, 3) смешанной (двустихийно-четверостихийной), 4) нерифмованной*» [10, 203]. В своих работах по астрофическому стиху Пушкина, Лермонтова и Некрасова ученый не только последовательно придерживается данной типологии, но и наполняет обследования отдельных форм обобщающими замечаниями. Так, говоря об отличии строфированных двустихий от астрофических стиховых пар, он отмечает, что последние обнаруживают «*тенденцию к неавтономности*: они чаще всего не обособляются друг от друга синтаксически и интонационно, как независимые

строфы, а, напротив, объединяются между собой, образуя стиховой поток, который может быть расчленен не на единообразные двухстрочные сочетания, а на астрофические стиховые группы разного объема» [10, 221].

Весьма ценными также являются замечания о «*драматизации стиховой композиции*» в четверостишных формах Пушкина [12, 42] («Цыганы», «Разговор книгопродавца с поэтом», «Полтава»), Лермонтова («Журналист, читатель и писатель», «Демон») [11, 73], Некрасова («Княгиня Трубецкая», «Поэт и гражданин») [10, 227]. Этот процесс осознается как распределение стихотворного текста по монологическим партиям, диалогам и репликам персонажей, «что ведет как к сочетанию, так и к расчленению рифменных объединений и даже рассечению отдельных стихов» [10, 227].

Нельзя не остановиться и на характеристике М.А. Пейсаховичем еще одной важнейшей особенности астрофического стиха. Анализ показательного для структуры наиболее распространенной, четверостишной астрофической формы стихотворения Лермонтова «К***» (1829) («Глядися чаще в зеркала...») позволил стиховеду сделать вывод о том, что в этом лермонтовском послании «проявляется в высшей степени характерная для астрофических произведений органическая *спаянность рифменных объединений* в стиховой группе и вместе с тем – *несовпадение их метрико-рифмической композиции с синтаксической*» [11, 70]. Схема сочетания рифменных объединений в стихотворении: 4+4+4, в то время как схема сочетания фразовых единиц (синтаксических объединений): 1+1+3+2+3+2. «Рифменных объединений здесь – 3, синтаксических – вдвое больше – 6, причем границы одних не совпадают с границами других и вообще оказываются несоизмеримыми» [11, 70]. Подобную несовместимость рифменных и синтаксических объединений, которая, как ни парадоксально на первый взгляд, обуславливает сплошную связанность одних с другими, М.А. Пейсахович определил как «*основной закон свободной астрофической композиции*» [11, 70].

Если же говорить об основном пафосе работ М.А. Пейсаховича по строфике, то определить его можно формулой «*стих и смысл*». Показательно, что в начале своей первой же большой стиховедческой работы «Строфика Лермонтова» ученый декларирует принципы исследования строфы, которые можно квалифицировать как программные: «Не стоит, в общем-то, большого труда и умения классифицировать строфы, разделять их на группы в зависимости от количества стихов и употребленных метров. Не столь трудно также скрупулезно подсчитать количество тех или иных разновидностей той или иной строфической формы, зарегистрировать все возможные стихотворные размеры, виды рифм, способы рифмовки, примененные поэтом. Но куда сложнее – и важнее! – объяснить конкретные метрические, ритмические и интонационные особенности данной строфы ее эмоциональным и идейным смыслом, уловить частные проявления формы в их связи с теми или иными сторонами содержания» [1, 420].

Очевидно, что строфологической и – шире – стиховедческой концепции М.А. Пейсаховича присуща характерная, отчасти знаковая отечественной теории литературы 1960-х идея «содержательности художественных форм».

Неотъемлемой частью этой же «шестидесятнической» науки несомненно была теория стиха, переживавшая тогда расцвет. «*Рассмотрение любой строфы, – говорится в «Строфике Лермонтова» М.А. Пейсаховича, – можно и нужно вести в разных аспектах, ни в коем случае не ограничиваясь описанием ее «внешних» признаков: иначе из поля зрения исследователя ускользнет содержательность строфической формы» (подчеркнуто нами. – Е.В.) [1, 420]. Можно утверждать, что этому «шестидесятническому пафосу», установке на взаимосвязь стихотворных форм и поэтического содержания, ученый был верен во всех своих стиховедческих работах.*

Отметим также, что при изучении научного наследия М.А. Пейсаховича нельзя обойти вниманием и его *стиховедческие рецензии*, поскольку они дают, как нам представляется, более широкое представление о его стиховедческих (а не только строфологических) идеях, взглядах и принципах. Показательны в этом отношении как благожелательные отзывы на книги И.Д. Ралько [20] и А.Л. Жовтиса [19], так и весьма острые, бескомпромиссные, полемические рецензии на известный «Поэтический словарь» А.П. Квятковского [18] и монографии Е. Любаревой о Э. Багрицком [16] и Л.В. Красновой об А. Блоке [21].

Предметом особого разговора мог бы стать и *архив* М.А. Пейсаховича. Кроме вышеупомянутой его литературной и эпистолярной части, он хранит литературоведческие заметки, конспекты филологических, в том числе стиховедческих работ XIX – XX столетий, и, самое важное, – рукописи научных трудов самого М.А. Пейсаховича. Несомненную научную ценность представляют разные редакции работ по строфике Лермонтова и Некрасова (например, машинопись «*Строфическая организация поэм Лермонтова*» на 145 страницах) и общим вопросам строфологии.

Нередко редакции статей, хранящихся в архивах, являются намного более полными, чем их опубликованные версии.

В домашнем архиве М.А. Пейсаховича сохраняется также несколько редакций фундаментальной работы «*Строфическая организация нерифмованных стихов*», над которой ученый работал до последних месяцев жизни (первоначально доклад на эту тему был прочитан на VIII конференции стиховедов в ИМЛИ). Посмертно напечатанная – почти одноименная – статья [15] охватывает лишь примерно четвертую часть ее самой полной редакции, которая содержит 78 машинописных страниц (вариант журнальной публикации – только 21).

В архиве хранятся статьи и рецензии М.А. Пейсаховича, не опубликованные до сих пор даже частично. Это, например, интересная работа «*Стихотворные драмы Островского*» (18 страниц машинописи), представляющая собой видоизмененный доклад, прочитанный на юбилейной конференции в Киеве (Институт литературы АН Украины, 1973 год). Она показательна тем, что содержит не только наблюдения над стихотворной формой (драматизированная стиховая композиция, архитектоника, ритмика, рифмовка), но и над жанровой спецификой стихотворных драм Островского. Выскажем надежду на то, что архивные материалы М.А. Пейсаховича еще увидят свет.

В письме М.Л. Гаспарова к М.А. Пейсаховичу от 28 декабря 1971 года есть такие строки: «Я недавно сделал варварскую операцию: вырезал Ваши статьи из всех сборников, какие у меня были, и отдал переплести вместе; получилась очень приятная и полезная книга. Надеюсь на прибавления к ней и впредь!». Думается, давно пришло время опубликовать работы М.А. Пейсаховича по строфике, которые печатались на протяжении пятнадцати лет в различных изданиях (многие из них на сегодняшний день являются малодоступными), отдельной книгой. Эта книга стала бы «очень приятной и полезной» и сослужила добрую службу исследователям стиха.

The article deals with the scientific heritage of the outstanding researcher of Russian verse strophic Mikhail Abramovich Peisakhovitch (1920 – 1978). The basic prosody principles of the scientist are enlightened, his terminological specification in strophology is analyzed, the contribution of M.A. Peisakhovitch in astrophic verse branch researching is considered. The article also contains a review of the literary critic's archives.

ЛИТЕРАТУРА

Статьи М.А. Пейсаховича по строфике

1. Строфика Лермонтова // Творчество М.Ю. Лермонтова. – М.: Наука, 1964. – С. 417-491.
2. Строфическая организация поэм Лермонтова // Вопросы русской литературы. – Львов, 1966. – Вып. 3. – С. 72-78.
3. Стиховая композиция поэмы Лермонтова «Мцыри» // Вопросы русской литературы. – Львов, 1967. – Вып. 2 (5). – С. 97-103.
4. Строфическое строение поэмы Лермонтова «Демон» // Вопросы русской литературы. – Львов, 1968. – Вып. 2 (8). – С. 91-103.
5. Онегинская строфа в поэмах Лермонтова // Филологические науки. – 1969. – № 1. – С. 25-38.
6. Двустихные формы и их место в поэзии Некрасова // Н.А. Некрасов и русская литература: тезисы докладов и сообщений межвузовской научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н.А. Некрасова. – Кострома, 1971. – С. 104-106.
7. Стих юношеских поэм Лермонтова (двустихные формы) // Вопросы русской литературы. – Львов, 1971. – Вып. 1 (16). – С. 72-77.
8. Двустихные формы в поэзии Некрасова // Филологические науки. – 1971. – № 6. – С. 13-27.
9. Стих юношеских поэм Лермонтова (произведения вольной рифмовки) // Вопросы русской литературы. – Львов, 1972. – Вып. 1 (19). – С. 80-85.
10. Строфика Некрасова // Некрасовский сборник V: Поэзия любви и гнева. – Л.: Наука, 1973. – С. 202-232.
11. Астрофические стихотворения Лермонтова // Вопросы русской литературы. – Львов, 1974. – Вып. 2 (24). – С. 67-73.
12. Стихотворное мастерство Пушкина (произведения астрофической формы) // Радянське літературознавство. – 1975. – № 6. – С. 37-43 (на украинском языке).
13. Астрофический стих и его формы // Вопросы языкознания. – 1976. – № 1. – С. 93-106.

14. Астрофический стих Некрасова // Н.А. Некрасов и его время: межвузовский сборник. — Калининград, 1977. — Вып. III. — С. 74-93.
15. Строфическая организация нерифмованного стиха // Радянське літературознавство. — 1979. — № 8. — С. 48-59 (на украинском языке).
16. Астрофические формы в поэзии Пушкина // Филологические науки. — 1979. — № 3. — С. 10-19.
17. Строфическое строение безрифменного стиха // Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития. — М.: Наука, 1985. — С. 277 — 292.

Стиховедческие рецензии М.А. Пейсаховича

18. Эволюция поэзии Багрицкого [рец. на: Любарева Е. Эдуард Багрицкий. — М.: СП, 1964] // Вопросы литературы. — 1965. — № 9. — С. 207-209.
19. «Все, что я сделал, все это ваше...» [рец. на: Калитин Н.И. Слово и время. — М.: СП, 1967] // Вопросы литературы. — 1968. — № 7. — С. 172-176.
20. Тактометрическая теория и стихотворная практика [рец. на: Квятковский А.П. Поэтический словарь. — М.: СЭ, 1966] // Вопросы русской литературы. — Львов, 1969. — Вып. 2 (11). — С. 80-83.
21. О стихах хороших и разных [рец. на: Жовтис А.Л. Стихи нужны... — Алма-Ата., 1968] // Литературная Россия. — 1969. — № 36 (5 сентября). — С. 9.
22. Проблемы изучения белорусского стиха [рец. на: Ралько І.Д. Беларускі верш. Старонкі гісторыі і тэорыі. — Минск, 1969] // Вопросы литературы. — 1970. — № 2. — С. 194-199.
23. «Могут ли рифмы подтвердить мысль...» [рец. на: Краснова Л.В. Поэтика Александра Блока. — Львов. 1973] // Дон. — 1975. — № 11. — С. 167-168.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Любовь — высоким помыслам сестра» // Советская Украина. — 1957. — № 6. — С. 172 — 174; Степан Щипачев в Туве // Улуг-Хем. — 1959. — № 16. — С. 213-216; На пути к лирике (Творчество С.Щипачева 1920 — 1937 годов) // Ученые записки Уссурийского пединститута. — Т. III. — Владивосток, 1960. — Вып. 1. — С. 3-41; Творческое самоопределение Степана Щипачева (Лирика предвоенных лет) (Там же. — С. 43-63); Мастерство Щипачева-лирика // Вопросы истории русской и зарубежной литературы: сборник статей. — Красноярск, 1960. — С. 134-166.
2. Лирика С. Щипачева периода Великой Отечественной войны // Доклады и сообщения отчетно-научной конференции кафедр за 1962 год (тезисы). — Ровно: РГПИ, 1963. — С. 100-103; Лирическая проза Степана Щипачева // Доклады и сообщения научной конференции, посвященной 60-летию М.П. Ивченко. — Ровно, 1963. — С. 46-56; Поэмы Степана Щипачева 40 — 50-х годов // Тезисы докладов и сообщений отчетно-научной конференции кафедр за 1964 год. — Ровно: РГПИ, 1964. — С. 98-102.
3. Лирика Степана Щипачева 60-х годов // Русская советская поэзия и стиховедение. — М., 1969. — С. 89-98; Поэма Степана Щипачева «Домик в Шушенском» // Ученые записки МГПИ имени В.И.Ленина. — 1970. — № 372. — С. 139-149.
4. Поэтическая Лениниана Маяковского // Литература в школе. — 1970. — № 2. — С. 11-29; «Как Правда прост. Как Истина велик». Современная поэтическая Лениниана // Литературная Россия. — 1970. — № 32 (7 августа). — С. 4-5; «... И встанет пред тобою Ленин» (Поэтическая Лениниана: 1924 — 1930 годы) // Филологические науки. — 1970. — № 4. — С. 3-15; Первые песни вождю (Поэтическая Лениниана 1917 — 1923 годов) // Вопросы русской литературы. — Вып. 1 (13). — Издательство Львовского университета, 1970. — С. 14-24; «Ленин — вечен в народе». Поэтическая Лениниана 1970 — 1971 годов // Дон. — 1972. — № 4. — С. 152-163; «Еще

не Ленин, а Ульянов, еще не вождь, уже боец». Детство и юность Ленина в современной поэзии // Детская литература. – 1975. – № 4. – С. 7-10; «Знамя Ленина нас в бой водило...» (Поэзия времен Великой Отечественной войны) // Дон. – 1975. – № 7. – С. 163-172 и др.

5. Справедливости ради отметим, что в следующем году после выхода в свет юбилейного московского сборника «Творчество М.Ю. Лермонтова», куда вошла и «Строфика Лермонтова» М.А. Пейсаховича, в Пензенском государственном педагогическом институте имени В.Г. Белинского выходит одноименный (!) и тоже юбилейный сборник, открывающийся статьей К.Д. Вишневого «Строфика Лермонтова» (!). Почти одновременный выход двух обстоятельных и во многом схожих по структуре работ, создававшихся, естественно, независимо друг от друга, можно объяснить тем, что идея подобного исследования поистине витала в воздухе. Главным стимулом к изучению строфики Лермонтова был, конечно же, не столько юбилейный год (открывший, впрочем, дорогу многим интересным и глубоким лермонтоведческим штудиям), сколько посмертное появление работы Б.В. Томашевского «Строфика Пушкина» (Пушкин. Исследования и материалы. – М.-Л., 1958. – Т. II.). Труд Б.В. Томашевского послужил своеобразным образцом для обоих исследователей строфики Лермонтова: недаром и М.А. Пейсахович, и К.Д. Вишневский в начале своих статей приводят как отправные слова из «Лермонтовского семинария»: «Для лучшего понимания стиха Лермонтова необходимо систематически изучить его строфику, т. е. проделать работу, подобную той, которую выполнил Б. В. Томашевский по строфике Пушкина» (Мануйлов В.А., Гиллельсон М.И., Вацуро В.Э. М.Ю. Лермонтов. Семинарий. – Л., 1960. – С. 151). Пензенский стиховед к тому же отмечает: «...автор позволил себе заимствовать из... работы «Строфика Пушкина» некоторые приемы расположения материала, а также воспользовался данными по истории строфы» (Вишневский К.Д. Строфика Лермонтова // Творчество Лермонтова: сборник статей, посвященный 150-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова. – Пенза, 1965. – С. 4). Однако в работах обоих исследователей строфики Лермонтова содержится и полемика с исследователем строфики Пушкина (см., например, Вишневский К.Д. Указ. соч. – С. 7, 11-12; Пейсахович М.А. Указ. соч. – С. 421). Например, оба, в отличие от Томашевского, рассматривают двустипише как «наименьшую строфическую единицу» (Вишневский К.Д. Указ. соч. – С. 18), ибо оно «способно составлять простейшее строфическое образование, имеющее все признаки законченной строфы» (Пейсахович М.А. Указ. соч. – С. 421). Вообще говоря, сопоставительный анализ двух «Строфик Лермонтова» может стать предметом отдельного исследования. Нам же, в заключение этого отступления, хочется привести красноречивое свидетельство того, что оба автора сохранили не только взаимное уважение, но и изрядную долю иронии по поводу одновременности создания двух «Строфик Лермонтова». В домашней библиотеке М.А. Пейсаховича хранится вышеупомянутое пензенское издание с инскриптом:

«– Меня тут вот свыше и вразумило. “Э!” говорю я...

– Нет, Петр Иванович, это я сказал: “Э!”

– Сначала вы сказали, а потом и я сказал. “Э!” сказали мы с Петром Ивановичем...

Глубокоуважаемому коллеге М. Пейсаховичу от “конкурирующей организации”.
К. Вишневский. 27.X.1965. Пенза».

РУССКИЙ ЯЗЫК

В.С. Картавенко

Смоленский государственный университет

УДК 811.161.1

СИСТЕМНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Ключевые слова: *вариант; диалектизм; имя нарицательное; имя собственное; лексика; микротопоним; название; номинация; ономастика; описательная конструкция; развитие; русский язык; синоним; система; становление; территория; топоним; топонимика; топонимическая система; формирование.*

Неоспоримым является факт, что географические названия (топонимы) образуют систему. Настоящая статья дополняет имеющиеся сведения новыми данными на примере региональной смоленской топонимии. Мы понимаем топонимическую систему не просто как сумму топонимических единиц, а как такую совокупность географических названий, которая складывается на определенной территории исторически.

В настоящее время является общепризнанным тот факт, что все географические названия системно организованы. Как пишет Ю.А. Карпенко, «...эта система, несомненно, существует, хотя бы потому, что каждая территория имеет много топонимических названий, и они должны быть как-то упорядочены, как-то организованы и согласованы между собой, чтобы иметь возможность выполнять свои функции» [6, 50]. Самые разнообразные связи, существующие между топонимами, – неоспоримое свидетельство их системной организации.

Круг признаков, по которым объединяют географические названия в топонимическую систему, широк. Так, например, одним из показателей системности топонимии ряд исследователей считает бинарные оппозиции [2, 7; 6, 51]. В системе топонимических названий существуют следующие различия: топонимы отличаются от нетопонимов, топонимы одного класса отличаются от топонимов другого класса, топонимы одного класса отличаются друг от друга. Сравнивая противопоставления в лексической системе языка в целом и в системе топонимической, Ю.А. Карпенко указывает: «Отличие заключается лишь в том, что семантическую дистанцию в лексике заменяет территориальное удаление в топонимике: противопоставляются обычно наиболее близкие по территории топонимы одного класса» [6, 51].

Хотя соотносительность названий друг с другом за счет тех или иных связей между лежащими в их основе апеллятивами и может рассматриваться как системное начало, вносимое в топонимию, однако оно не охватывает, да и не может охватить сколько-нибудь значительного числа топонимов, как правило, обращено в прошлое и не позволяет ни выделить топонимическую систему в целом, ни описать какое-либо ее свойство. «Очевидно, топонимы, находящиеся в бинарной оппозиции, могут свидетельствовать о каких-либо характеристиках топонимической системы лишь тогда, когда актуальность связей между ними осознается носителями языка как современная. Современной же эта связь может быть признана лишь в том случае, если оба названия относятся к одной системе» [4, 35].

Многие авторы считают важнейшим фактором, формирующим топонимическую систему, общность структурно-словообразовательных особенностей названий [1, 217; 9, 33-38; 10, 57-73]. Действительно, топонимы, принадлежащие к одному классу и имеющие один и тот же корень или аффикс, тем самым объединяются парадигматическими отношениями, следовательно, наличие гнезд однокоренных топонимов и рядов географических названий с одинаковыми аффиксами свидетельствует в пользу топонимической системности. Тем не менее в каждой топонимической системе существуют названия, отличные от других, не связанные с остальными названиями структурно-словообразовательными характеристиками. На это явление обратила внимание И.А. Воробьева при исследовании русской топонимии Сибири: «...тесная зависимость топонимии от экстралингвистических факторов, разновременность ее сложения приводят к тому, что среди системно организованных имен встречаются одиночные географические названия, являющиеся либо остатками других систем, либо появившиеся искусственно, либо представляющие собой переосмысленные и переоформленные старые имена. Поэтому топонимическую систему следует относить к дискретным, т.е. прерывистым» [1, 223-224].

Судя по топонимическим исследованиям, систему могут образовывать как географические названия в пределах одного населенного пункта, так и топонимы очень большой территории.

Вслед за А.В. Суперанской топонимическую систему мы рассматриваем как «известное единство топонимов той или иной территории, обусловленное общностью психологии населяющего её языкового коллектива, своеобразным направлением его мышления, общностью восприятия окружающей действительности, что, в частности, подтверждается наличием на каждой территории своих топонимических моделей и некоторого круга часто повторяющихся топонимов. Топонимическая система строго территориальна. Она может включать элементы многих языков, складываясь на основе названий всех расположенных на данной территории объектов, независимо от их языковой принадлежности и диалектных особенностей. Топонимическая система объединяет разноязычный топонимический материал в топонимический массив, характеризующийся определенными признаками» [13, 55].

Топонимическая же схема, как правило, бывает ограничена закономерностями одного определенного языка и является внетерриториальной. Топонимическая схема включает наиболее типичные для данного языка модели географических названий. Благодаря топонимической схеме возникает и поддерживается связь отдельных географических собственных имен с лексической и морфологической системами рассматриваемого языка.

По-иному понимает топонимическую систему И.А. Воробьева, которая, признавая локальность системы, определяет ее как сумму или совокупность топонимов, находящихся в обращении в данное время на данной территории: «Топонимия любой территории многоязычна и разновременна. Но тем не менее это не конгломерат разнородных наименований, а система, организованная и упорядоченная, элементы которой находятся во взаимной связи. Под территориальной топонимической системой мы понимаем упорядоченное множество единиц (топонимов) с социальной функцией дифференциации и идентификации географических объектов какой-либо исторически и географически ограниченной территории. Каждая система, формируясь, вбирает в себя разноязычные предшествующие топонимы» [3, 34-35]. Подобные одиночные топонимы также подвергаются воздействию системы, на них действуют существующие в тот или иной период парадигматические и синтагматические отношения. Действие топонимической системы оказывается направленным на то, чтобы стереть малозначащие различия между топонимами и сблизить их.

В видении топонимической системы мы следуем взглядам А.В. Суперанской, которая понимает топонимическую систему функционально. Для нее система – не сумма топонимических единиц, а своеобразный механизм, преобразующий топонимический материал (независимо от происхождения отдельных топонимов) в соответствии с определенными принципами и отбрасывающий как неприемлемое все то, что не удовлетворяет заданным параметрам. Сами эти параметры складываются для каждой территории исторически, на основе наиболее частотных топонимических моделей, созданных в результате взаимодействия языков, представленных в данном регионе. Любые изменения в составе населения приводят к перестройкам основных механизмов, влияющих на развитие топонимической системы, при этом сила традиции и преемственности, а также своеобразная формульность топонимии [11, 37] препятствуют резким сменам топонимообразующих средств [13, 56].

В развитии топонимической системы большое значение имеет соотношение и противопоставление семантических и структурных типов топонимов. Известно, что при создании названий привлекаются типичные для данной системы модели, т.е. заданные в семантическом и словообразовательном отношении топонимообразующие средства.

Топонимической системе свойственны три основных семантических типа: локативный (содержащий указание на место), посессивный (указывающий на принадлежность какому-либо лицу), квалитативный (выделяющий особенности, качественные признаки). Количественное соотношение этих ти-

пов в разные периоды развития топонимической системы не является одинаковым.

Топонимическая система бывает, как правило, представлена разновременными и разноязычными элементами. Разнородные элементы, из которых складывается топонимическая система, для своего объединения требуют значительного времени и известного единства языкового коллектива.

И.А. Воробьева при определении системной организации топонимов [3, 42] считает крайне важным подразделение всех географических названий на два яруса: топонимы и микротопонимы (см. также [12]). Микротопонимы объединяются в микросистемы, функционирующие в пределах одного населенного пункта, и обычно не известны за его пределами. В сферу известности у жителей каждого населенного пункта входит, помимо микротопонимов, еще и некоторое количество названий протяженных объектов с большей степенью известности, например, крупных рек, но под общим влиянием микросистемы они получают иную денотацию (только отрезок реки близ данного поселения) по сравнению с их денотацией в собственно топонимической системе, когда они входят в состав иного ономастического яруса. «Наименование даже небольшого населенного пункта уже выходит за пределы одной микросистемы и не может быть отнесено к микротопонимам» [3, 46].

И.А. Воробьева в качестве первого топонимического яруса называет микротопонимию. По ее мнению, известность в пределах одной микросистемы определяет основные типологические черты микротопонимов.

Вторым ярусом топонимической системы И.А. Воробьева считает собственно топонимы: «Топонимы – это географические названия с более широкой сферой известности, выходящей за пределы одной микросистемы... Этот ярус топонимической системы обладает своими специфическими чертами» [3, 49]. К специфическим чертам топонимов исследователь относит следующие:

- а) собственно топонимы относительно устойчивы, долговечны, стабильны;
- б) долговечность топонимов приводит к тому, что в любой территориальной топонимической системе они разновременны и разноязычны;
- в) среди топонимов функционирует значительное число названий с утраченной внутренней формой;
- г) по сравнению с микротопонимами собственно топонимы в целом литературно обработаны, имеют закрепленное написание и употребление;
- д) они имеют меньшее количество вариантов по сравнению с микротопонимами;
- е) топонимы чаще, чем микротопонимы, употребляются без номенклатурных терминов, среди них меньше словосочетаний.

Однако в силу специфики территорий и микротопонимия, и собственно топонимия могут полностью не соотноситься с характеристиками, данными им в исследовании И.А. Воробьевой. Так, например, А.В. Суперанская, анализируя топонимию и микротопонимию Крыма, пишет, что крымские топонимы имеют отклонения от этих пунктов. «Поскольку система существует не сама по себе, а

вырабатывается языковым коллективом, о каком бы то ни было единообразии крымской топонимии или о ее системности говорить пока не приходится, потому что в Крыму на протяжении всей его истории не было единого языкового коллектива. Нет его и сейчас. А многие старые названия, игравшие роль цементирующих элементов в топонимии полуострова, сейчас забыты» [13, 63].

Топонимическая система проходит различные этапы системной организации. В самом начале для нее характерно то, что собственные географические названия – это еще не топонимы в прямом смысле этого слова, а чаще всего описательные конструкции. Некоторые ученые называют их топонимическими эквивалентами [5, 61], другие – индивидуальными дескрипциями [8, 54], третьи – описательными названиями [7, 57]. «Описательные названия (не обязательно с антропонимом в центре) – неперенный признак зарождающейся топонимической системы. Но удельный вес этих названий высок лишь на протяжении короткого периода, предшествующего времени, когда новая система как таковая начинает функционировать: они первыми из неё уходят. Состарившись, топонимические системы теряют многие признаки молодости и отличаются от других систем только обычными параметрами территориального происхождения. И лишь периферийное положение в совокупности топонимических ареалов продолжает указывать, что данная топонимическая система сформировалась позже других» [7, 57].

На ранних стадиях развития топонимической системы характерны были описательные конструкции, в которые могли включаться имя и фамилия владельца, наименование водного источника, рядом с которым находился населенный пункт, а также и другие ориентиры, ср.: *Против ево Микитиной пустоши Арсеньева Прудницъ что за речкою Езвиною* (281/1, 25/3675, 3 об. 1688 г.); *Да в Холмиу Каменскомъ стану в порозжихъ ж земляхъ написано Никитинское поместье Борисова сына Золина пустошь Михеевская на речке на Черной грязи* (281/1, 42/ 1738, 119. 1686 г.); *Лука и сенные покосы прозванием Подпоповье что на реке Большом Воце* (15171, 219 об. 1670 – 1697 гг.); *д. Анищенкино на суходоле и на вражке* (15172, 615. 1656 – 1663 гг.); *д. Острог по течению ручья Малинового* (2/104, 37, 4. 1768 г.); *с. Ректы на берегу реки Ухты и при устье речки Вербушки* (114/1, 42, 1. 1777 г.); *д. Корсаковицина над озером Дъгом и над речкою Джицею* (15176, 46).

Появление многочисленных подобных описательных названий объяснялось тем, что система номинации географических объектов в то время еще окончательно не сложилась.

Земельные деловые документы дают возможность проследить, как тот или иной населенный пункт получал свое название. Так, в одном из документов 1686 года находим: *В порозжихъ земляхъ написано Матвеевское да Истоминское поместье Ивановыхъ детей Бобровыхъ пустошь что была дровна Бобровниково*. Далее в том же документе указанная пустошь называется пустошь *Боброво*, она получила свое название по фамилии владельца.

Для русской топонимии XVII – XVIII веков характерной приметой являлось наличие у деревень двойных названий – народного и официального или старого

и нового, например: *сельцо Ананьино, Острожок тож* (113/1, 212, 21. 1722 г.), *д. Бородино, Румянцево тож на речке Волчейке* (15170, 367 об. 1655 – 1680 гг.), *д. Замошица, что наперед сего была Беляева надо мхомъ* (15175, 746. 1685 – 1690 гг.), *д. Леднево, а Гончарово тож* (15171, 567. 1670 – 1697 гг.), *п. Коровино, Шоково тож* (15175, 144 об. 1685 – 1690 гг.), *д. Красенцы, а Кречеца тож на реке Вотре и на речке Кречеце* (там же, 231 об.), *п. Кириково, Кирюковицина тож, что был починок* (113/1, 154, 6. 1781 г.), *д. Секеевичево, Первыкино тож на речке Волчейке* (15170, 367. 1655 – 1680 гг.), *д. Невежино, Подшивалова Гора тож* (15174, 237. 1661 – 1674 гг.), *п. Цветухино, Аколица тож* (15177, 647 об. 1680 – 1685 гг.).

Название неофициальное, крестьянское указывали, как правило, следующие словосочетания и слова: *по крестьянскому прозванию, по-крестьянски, по мирскому прозванию, истари, наперед сего, ныне, прежде: п. Бычкова, по крестьянски Быкова* (113/1, 154, 6. 1781 г.), *п. Мититихина, что была деревня, а по крестьянскому названью Макарова* (там же, 6), *п. Староселье, что была деревня, а по крестьянскому прозванию Старица* (там же, 6), *п. Кабычки, что была деревня, а по крестьянскому названию Паганкова* (там же, 6), *селище Пищево, а по крестьянскому названью Пищуликово* (там же, 6), *п. Селютина, а по мирскому прозванию Кудиново* (113/1, 212. 16. 1722 г.), *п. Родькино истари Окулино, Маленово истари Пурило* (15171, 335 об. 1670 – 1697 гг.), *Горелково истари Сысово* (там же, 335 об.), *по устье речки Чернавки, что нне слывет Будницкая* (там же, 333), *в речку Рубежанку, что нне завут Ольховкою* (там же, 333), *сельцо Кузнецово, что нне село Ареховое* (113/1, 154, 7. 1781 г.), *д. Замошица, что наперед сего была Беляева надомхомъ* (15175, 746. 1685 – 1690 гг.).

На более поздних стадиях развития топонимической системы описательные конструкции, топонимические варианты постепенно выходят из употребления, утрачиваются, побеждает один из вариантов, который затем и фиксируется в памятниках письменности и в официальных документах.

Таким образом, топонимическая лексика представляет собой своеобразную системную организацию. Если такая система не отвечает тем или иным запросам общества, коллектива, то она должна перестроиться. Для дотопонимической стадии является естественным, когда населенный пункт имеет описательное название. Имя собственное в нем обязательно содержит при себе другие слова (например, указание на фамилию, имя, прозвище владельца, на местоположение объекта и т.д.), которые естественно входят в подобное название и поддерживают его. И лишь значительно позже топонимическая единица получает все права, становится полноправным топонимом.

It is a fact that Geographic names form a system. This article gives new information about such names using the example of the Smolensk region. The toponymic system is not only the total of toponymic units, it is also a combination of Geographic names which is formed on the definite territory historically.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьева И.А. Русская топонимия средней части бассейна Оби. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1973.
2. Воробьева И.А. Системные связи топонимов средней части бассейна реки Оби // Вопросы русского языка и его говоров. – Томск: Изд-во ТГУ, 1976. – С. 5-12.
3. Воробьева И.А. Топонимика Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1977.
4. Глинских Г.В. Топонимическая система и структурно-семантические признаки исходных апеллятивов // Формирование и развитие топонимии: сборник научных трудов. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1987. – С. 29-44.
5. Горожанкина Л.В. Словообразовательный спектр топонимии Одесщины (По письменным памятникам XVIII в.) // Питання ономастики Південної України. – Київ: Вид-во АН УРСР, 1974.
6. Карпенко Ю.А. О синхронической топонимике // Принципы топонимики. – М.: Наука, 1964. – С. 45-57.
7. Карпенко Ю.А. Признаки молодости топонимической системы // Перспективы развития славянской ономастики. – М.: Наука, 1980. – С. 48-57.
8. Лобода В.В. Назви населених пунктів Причорномор'я в процесі їх становлення // Мовознавство. – 1975. – № 6.
9. Никонов В.А. Введение в топонимику. – М.: Наука, 1965.
10. Никонов В.А. Закон ряда в географических названиях // Onomastika. – Wrocław-Kraków, 1958. – Вып. 6. – С. 57-73.
11. Серебренников Б.А. О методах изучения топонимических названий // Вопросы языкознания. – 1959. – Вып. 6. – С. 36-50.
12. Суперанская А.В. Микротопонимия, макротопонимия и их отличие от собственно топонимии // Микротопонимия. – М., 1967.
13. Суперанская А.В., Исаева З.Г., Исакова Х.Ф. Топонимия Крыма. – М.: Изд-во «Московский Лицей», 1997. – Т. I.

ПРИМЕЧАНИЕ

В статье использованы архивные материалы из фондов РГАДА (Москва), ГАСО (Смоленск).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И СОКРАЩЕНИЙ

Российский государственный архив древних актов (РГАДА) – Москва

Ф. (фонд) 281/1 – Грамоты Коллегии Экономии, опись 1 (д. № 25/3675, 42/1738).

Ф. 1209/2 – Поместный приказ, опись 2 (д. № 15170, 15171, 15172, 15174, 15175, 15177).

Государственный архив Смоленской области (ГАСО) – Смоленск

Ф. 2/104 – Смоленское губернское правление (д. № 37).

Ф. 113/1 – Личный фонд Клетновой Е.Н. (д. № 154, 212).

Ф. 114/1 – Фонд Барышниковых (д. № 42).

Сокращения

д. – деревня

п. – пустошь

с. – село

И.А. Гвоздева
В.О. Никишин

*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова*

УДК 94(37)

РИМСКИЕ ГРАЖДАНЕ И ЧУЖЕЗЕМЦЫ В «ИМПЕРСКОМ МЫШЛЕНИИ» И КЛАССИЧЕСКОМ ПРАВЕ ДРЕВНЕГО РИМА

Ключевые слова: *Древний Рим; римское право; граждане; чужеземцы; союзники; имперское мышление; провинциальная система.*

В статье рассматривается соотношение понятий «гражданин» и «чужеземец» в общественном сознании Древнего Рима и в классическом римском праве в процессе эволюции римской государственности от Ранней Республики к Римской средиземноморской державе и далее к Римской империи. Особое внимание уделяется правовому статусу римских граждан, peregrinorum, союзников и провинциалов. Анализируется деятельность наместников провинций и публиканов – откупщиков налогов. Сложившаяся система управления провинций вполне отвечала интересам обеих сторон – как имперских властей, так и провинциальных элит. Обладая солидным запасом прочности, эта система относительно благополучно функционировала вплоть до кризиса III века.

На рубеже старой и новой эр «среднестатистический» римлянин был абсолютно уверен в том, что он и его соотечественники самим провидением призваны властвовать над миром, а потому испытывал чувство собственного превосходства над всеми «чужаками», не имевшими прав римского гражданства, будь то греки или варвары [14, 27, 60] (1). Понятие «римляне» всегда было по преимуществу публично-правовым, обозначая представителей того гражданского коллектива, чью историческую миссию выразительно и ёмко сформулировал Вергилий в «Энеиде»: «Римлянин! Ты научись народами править державно – / В этом искусство твоё! – налагать условия мира, / Милость покорным являть и смирать войною надменных!» (Verg. Aen. VI. 851 – 853. Пер. С.А. Ошерова). Это «национальное» чувство превосходства во многом определяло в те времена отношения римлян с другими народами (2). Если «коренным», «природным» римлянином на чисто бытовом уровне (разумеется, с «римской» точки зрения) изначально считался уроженец Вечного города или, по крайней мере, одной из

областей Италии, то в юридическом смысле это был человек, обладавший полными правами римского гражданства вне зависимости от своего этнического происхождения. По мере территориального роста Римской средиземноморской державы происходило расширение римского гражданского коллектива, чей этнический состав становился всё более пёстрым. С правовой точки зрения «новые граждане» инкорпорировались в состав римской гражданской общины, что на бытовом уровне означало заметное повышение их социального статуса.

Вне римской гражданской общины стояли так называемые перегрины. Это были лично свободные люди, являвшиеся гражданами других общин (*civitates*). Первоначально перегрины (*peregrini*, в дословном переводе «пришедшие из-за поля») воспринимались в Риме как *hostes* («чужаки»); находясь вне рамок *ius civile*, они были лишены правовой защиты. Перегрины не имели квинитских прав, в частности, права заключения сделок (*ius commercii*), и не могли обращаться в суд с гражданским иском (*legis actio*), однако со временем они по необходимости были признаны правоспособными в рамках так называемого «права народов» (*ius gentium*). В тех случаях, когда римская *civitas* состояла в договорных отношениях с той или иной общиной, *peregrini* переставали быть «чужаками» и становились «союзниками» (*socii*), чьи имущественные права гарантировались на всей территории Римской республики [10, 82]. Возникло даже понятие перегринской собственности (существовало в римском праве до 212 года н. э., т. е. до опубликования эдикта Каракаллы). С 247 года до н. э., когда в Риме появился *praetor peregrinus*, начинается формирование *ius gentium* как системы частноправовых норм, регулировавших имущественные отношения перегринов между собой и с римскими гражданами. Так *ius civile* отреагировало на подъём товарно-денежных отношений в Италии IV – III веков до н. э., когда возник и интенсивно развивался, распространяясь вширь (до 265 года до н. э.) Римско-италийский союз. В рамках *ius gentium* был преодолен принцип персонального права, выросшего из родоплеменных отношений. В процессе развития взаимодействия сторон происходила эволюция *ius gentium* в направлении принципа *bona fidei*, основанного на доверии и доброй воле. Иски рассматривались в числе гражданских дел (*praetor peregrinus* вёл их по жребию как судебный магистрат).

На италийской почве Рим веками обрабатывал один из основных принципов своей внешней политики – *divide et impera*, этот принцип римский сенат со временем успешно перенёс из политической сферы в социально-правовую. В этой связи важно отметить, что общины перегринов (*civitates peregrinae*) получали от сената разные правовые статусы. Юридически независимые общины со своим правом и гражданством, с которыми сенат заключал союзные договоры (*foedera*), назывались *civitates foederatae*, или *liberae*. Попадая в сферу политического влияния Римской республики, эти общины сохраняли широкую автономию (*civitates liberae ac immunes* получали ещё и налоговый иммунитет). Отношения с Римом могли ограничиваться декларацией о «дружбе» (*amicitia*) и «государственном гостеприимстве» (*hospitium publicum*). В иных случаях договор (*foedus*; он скреплялся торжественной клятвой) налагал на союзников более определённый

ные обязательства. В этом плане договоры были двух типов: *foedus aequum*, или равноправный договор, подразумевавший оказание военной помощи партнёру в случае нападения внешнего врага (оборонительный союз) наряду с правом каждой из сторон проводить независимую внешнюю политику, и *foedus iniquum*, неравноправный договор, предусматривавший безусловное оказание военной помощи Риму (даже в наступательной войне) и отказ от проведения независимого внешнеполитического курса. Это были союзники Римской республики – *socii*. Иное дело общины, сдавшиеся на милость победителя после оказания вооружённого сопротивления (так называемые *peregrini dediticii*) и в наказание лишённые практически всех прав, включая собственное гражданство; они подчинялись непосредственно римскому наместнику и платили Риму ежегодный налог, *stipendium* (3).

Римские власти наглядно демонстрировали преимущества института римского гражданства (*civitas Romana*), попутно раскрывая варианты взаимодействия *ius gentium* и *ius civile*. Следует отметить, что увеличение числа римских граждан отнюдь не вело к ущемлению их прав и материального положения, поскольку все юридические и экономические привилегии, присущие гражданскому статусу, сохранялись по всей Италии в неизменном виде [24, 76-77]. Шла ли речь о выведении колонии, заключении сделки, брака или защите в судебном процессе, осуществляемое преторами *ius honorarium* более гибко, чем архаическое *ius civile*, взаимодействовало с *ius gentium*, на основе которого строились взаимоотношения римлян с их «союзниками». В Италии союзники именовались *socii Italici*, вне её пределов – *socii exterarum gentium*.

В ходе Союзнической войны (91 – 88 годы до н. э.) в Италии произошло крупнейшее за всю историю античного Средиземноморья преобразование в области права: недавние «союзники» (*socii*) в соответствии с законами *Iulia Plautia Papiria* 90 – 89 годов до н. э. стали римскими гражданами (*cives Romani*), и правовое поле Италии с тех пор было однородным. Римское гражданство осталось единственным правовым статусом свободного населения на всём Апеннинском полуострове, тогда как архаичному представлению об ограничении института гражданства узкими полисными рамками пришёл конец. В период Поздней республики в связи с превращением Рима в средиземноморскую державу римская правящая элита столкнулась с целым рядом сложнейших правовых, политических и экономических проблем: как организовать провинциальное управление? Возможно ли инкорпорировать местные элиты в римскую социально-политическую структуру? Какую роль в экономической жизни метрополии должны играть вновь присоединённые заморские территории? Административная проблема тщетно ждала своего принципиального разрешения, поскольку вместо того, чтобы выработать некий общий подход, сенат ограничивался постановлениями по каждому конкретному случаю. Накопление и осмысление опыта в этой области подвигалось крайне медленно. Юридически провинциальные земли квалифицировались как *praedia populi Romani*, т. е. «поместья римского народа»; они не могли перейти в частную собственность римских граждан, поэтому на них не распространялись

нормы *ius civile*. Такое положение дел обусловило довольно безответственное отношение римского гражданского коллектива к провинциям: считалось, что их можно беззастенчиво грабить, не слишком заботясь о завтрашнем дне.

Во времена Поздней республики принципы управления римской гражданской общиной механически переносились на провинциальную почву. Поэтому юридически полномочия наместника никак не были оговорены: на этот счёт не существовало никаких правовых актов (4). Римляне внедряли в провинциях разные формы административного контроля: так, на Сицилии, Сардинии и в двух испанских провинциях было введено прямое управление. Здесь завоеватели сохранили практически без изменений доставшееся им в наследство от карфагенян административное устройство. Остальные подвластные Риму территории пользовались широкими правами автономии. В целом же для римского провинциального управления периода Поздней республики был характерен минимум администрации и администрирования. Главной своей задачей римская администрация считала сбор налогов – прямых и косвенных. Этим занимались ассоциации откупщиков-публиканов, состоявшие главным образом из всадников: последние, в отличие от сенаторов, имели право заниматься коммерческой деятельностью. В своё время Гай Гракх (123 год до н. э.) отдал ассоциациям публиканов в Риме, вырвав из рук провинциальной элиты, право на откуп сбора десятины и косвенных налогов в Азии; вслед за этим роковым постановлением начались чудовищные финансовые злоупотребления на местах. Контроля со стороны государства за действиями публиканов не было никакого, в условиях правового вакуума откупщики беспощадно обирали податное население.

В качестве яркого образчика римской провинциальной политики в республиканскую эпоху можно привести, без преувеличения, тотальное разграбление провинции Азии, ставшей, по выражению П. Гиро, «дойной коровой республики» [2, 483]. Азия считалась богатейшей провинцией; недаром Цицерон назвал её «провинцией-развратительницей» (*corruptrix provincia*. Cic. Qu. fr. I. 1. 19), имея в виду пресловутую азиатскую роскошь (*luxuria*. Mur. 12). Провинциалы платили десятину с урожая, пошлину за выгон скота на общественных пастбищах (*scriptura*) и таможенные пошлины (*portorium*). По инициативе Гракха право взимания податей наряду с арендой крупных земельных владений сдавалось цензорами в Риме на откуп каждые четыре года по определённой цене. Откупа приобретались ассоциациями публиканов, чья «штаб-квартира» находилась в Эфесе. «В их распоряжении была целая армия сборщиков, а также и рабов, которые работали на их полях, на их заводах, их солеварнях, их каменоломнях; когда не хватало рабочих рук, они производили охоту на людей на территории соседнего царства» [2, 484]. Налогоплательщикам приходилось оплачивать расходы по сбору податей, барыши многочисленных посредников, разного рода поборы и другие злоупотребления продажных и алчных представителей римской провинциальной администрации. Откупщики, как правило, были в сговоре с наместником, с которым они делились барышами, а тот со своей стороны смотрел сквозь пальцы на их злоупотребления. Помимо крупных дельцов, в Азии на свой страх и риск действовало мно-

жество мелких спекулянтов и ростовщиков. Совместными усилиями все они в короткие сроки довели население провинции до полного разорения (в частности, вместо законных 12% годовых с должников порой взимали все 48%!). Отметим, что представителей «коренного» населения высокомерные римляне презирали, поскольку те были варварами, тогда как малоазийским грекам (5) они оказывали некоторое уважение. Так, в письме Квинту в Азию Цицерон, заверяя брата в том, что вовсе не осуждает его за суровые расправы над представителями местного населения, среди которых были и греки, пишет: «Если только ты не думаешь, что меня трогают жалобы какого-то Пакония, даже не грека, а скорее мизийца или фригийца» (Qu. fr. I. 1. 19. Пер. В.О. Горенштейна).

Исключительную по своей значимости роль в управлении провинцией играл наместник (6). Юридически он являлся промагистратом (проконсулом или пропретором), но фактически находился в провинции на положении действующего римского магистрата. Так, в «Апологии» Апулея говорится о «консульстве» проконсула Африки (Apol. 94). По словам А.Л. Смышляева, «хотя наместники не были магистратами в строгом смысле этого слова, они обладали подобного же рода властью и полномочиями» [11, 25]. Во всяком случае, местными жителями наместник рассматривался как действующий магистрат. Его поведение, поскольку оно соответствовало местным традициям, носило во многом демонстративный, церемониальный характер [11, 25 слл.] (впрочем, были и такие наместники, которые пренебрегали местными обычаями, и тогда конфликт с провинциалами был неизбежен). Наместники назначались сенатом (кому какая провинция достанется, решал жребий) и были подотчётны только ему. В их руках была сосредоточена вся полнота гражданской и военной власти (*imperium*). По выражению Т. Моммзена, «наместники властвовали, как настоящие монархи» [8, 629]. Только они и могли реально контролировать на местах финансовую деятельность публиканов. Баланс сил здесь был нарушен, когда Гай Гракх отнял у сенаторов и передал всадникам судебные комиссии по делам о вымогательствах (123 год до н. э.). С тех пор суды нередко становились местом сведения счётов; классический пример – процесс 92 года до н. э., когда по ложному обвинению был осуждён за вымогательство Публий Рутилий Руф, который в бытность свою легатом проконсула Азии Квинта Муция Сцевола тщетно пытался обуздать алчность откупщиков. «Осуждённый трибуналом, состоявшим из одних всадников, он удалился в ту самую провинцию, которую пытался защитить, и был встречен здесь жителями весьма дружелюбно» [3, 102]. Основной функцией наместника было судопроизводство. Оно осуществлялось во время выездных сессий, когда наместник в сопровождении свиты, состоявшей из римских «друзей» (*amici*) и местной знати (*primores civitatis*), объезжал центры судебных округов. Наместники, как правило, были связаны узами гостеприимства (*hospitium privatum*) с представителями провинциальных элит, причём некоторые наместники не стыдились заискивать перед могущественными провинциалами (Tac. Ann. XV. 21). В провинциях действовали две правовые системы: местная и римская. Первая включала в себя права местных общин, пользовавшихся автономией (*iura peregrinorum*), однако

гарантий их соблюдения римскими властями не было никаких, даже в том случае, если конкретные правовые нормы были санкционированы сенатом. Вступая в должность, наместник издавал эдикт (*edictum provinciale*) с изложением тех принципов, которыми он собирался руководствоваться в своей административной и судебной деятельности. Как правило, это был всего лишь формальный акт. Сохранились отрывки преторского эдикта Гая Корнелия Верреса, наместника Сицилии в 73 – 71 годах до н. э., и основные положения эдикта Цицерона, исполнявшего должность проконсула Киликии в 51 – 50 годах до н. э.

На практике в провинциях повсеместной реальностью стали, с одной стороны, безграничный произвол наместников, а с другой – полное бесправие провинциалов. Как писал Цицерон, в Азии «столько общин ждут кивка одного человека, где нет никаких возможностей защиты, никакого обжалования, никакого сената, никаких народных сходок!» (Cic. Qu. fr. I. 1. 22). Наместниками зачастую становились наглые вымогатели и любители лёгкой наживы. В качестве ярких примеров можно привести того же Верреса и Гая Антония Гибриду (7). В начале августа 51 года до н. э. Цицерон, сменивший Аппия Клавдия Пульхра в должности наместника Киликии, писал Аттику в Рим: «...Мы прибыли в погубленную и навеки совершенно разорённую провинцию, ожидавшую нас с величайшим нетерпением... Мы услышали только одно: внести указанные *подушные* они не могут, *продажное* всеми продано; стоны городов, плач, чудовищные поступки не человека, но какого-то огромного дикого зверя. Что ещё нужно? Им вообще в тягость жизнь» (Cic. Att. V. 16. 2. Пер. В.О. Горенштейна). Случались и исключения из общего правила. Так, о Катоне Старшем Плутарх пишет: «Когда он получил в управление провинцию Сардинию, где до него преторы на общественный счёт нанимали жилища, покупали ложа и тоги, содержали многочисленных слуг и друзей и обременяли население расходами на съестные припасы и приготовление изысканных блюд, – он явил пример неслышанной бережливости. Он ни разу не потребовал от сардинцев никаких затрат и обходил города пешком, не пользуясь даже повозкой, в сопровождении одного-единственного служителя, который нёс его платье и чашу для возлияния богам. Он был до такой степени скромн и невзыскателен, а с другой стороны, обнаружил столько сурового достоинства, неумолимо верша суд и зорко следя за строжайшим выполнением своих приказаний, что никогда власть римлян не была для подданных ни страшнее, ни любезнее» (Plut. Cato Maior. 6. Пер. С.П. Маркиша). Другой не менее яркий пример – Цицерон, которому, как уже упоминалось, довелось быть проконсулом Киликии. Он запретил своим спутникам всякие поборы с провинциалов и вернул последним около миллиона сестерциев, несправедливо взысканных при его предшественнике, чем вызвал недовольство друзей, считавших его «большим другом казначействам фригийцев и киликийцев, чем нашему» (Cic. Att. VII. 1. 6). Цицерон не без гордости писал Аттику: «Справедливость, воздержанность и мягкость твоего Цицерона, таким образом, превзошли всеобщее ожидание» (Cic. Att. V. 16. 3. Пер. В.О. Горенштейна). Гуманность Цицерона-наместника бросалась в глаза на фоне тех бесчинств, которые чинил предыдущий проконсул (*ibid.* 2 – 3).

Обычно наместничество в богатой провинции расценивалось римскими государственными деятелями как способ поправить свои финансовые дела. Произвол наместников и грабёж публиканов порождали у населения провинций лютую ненависть к римскому господству. Однако, несмотря на всё нараставший поток жалоб из провинций на злоупотребления римских наместников и публиканов, сенат не принимал никаких решительных мер. По словам Т. Моммзена, «римское владычество одновременно лишило народы благ свободы и благ порядка» [9, 20]. Тем не менее нельзя не заметить существенных сдвигов в области провинциальной администрации, имевших место во времена Цезаря и Цицерона. В частности, в этот период проконсулы в качестве провинциальных наместников всё чаще заменяются пропреторами. Подчеркнём, что в предклассический период развития римского права именно преторы формировали *ius honorarium*, благодаря которому *ius civile* и *ius gentium* в конечном счёте создали единое правовое пространство для всего населения Италии [19, 30-31]. Помимо военного, политического и административного опыта, преторы аккумулировали также и опыт решения весьма непростых пограничных конфликтов между гражданским населением и римскими «союзниками», обеспечивая социально-политическую стабильность в ряде италийских областей. Круг обязанностей преторов был чрезвычайно широк. Формулярный процесс в конце республиканской эпохи предполагал, что вид иска будет определяться преторской формулой. Поэтому весь груз ответственности при вынесении судебного решения ложился исключительно на плечи претора, юридическая подготовка которого обнародовалась в его эдикте при вступлении в должность. В провинциях преторам и наместникам в пропреторском ранге приходилось сталкиваться с огромным множеством непростых правовых ситуаций; требовалось время, чтобы обобщить и проанализировать накопленный опыт взаимодействия *ius civile* и *ius gentium*. Важно отметить, что провинциальные наместники в ранге пропреторов должны были обладать широким правовым кругозором и профессионализмом юристов-администраторов, что не могло не отразиться самым положительным образом на качестве управления.

Если наместник злоупотреблял своими полномочиями, провинциалы могли воспользоваться законом «*de repetundis*» (8) и при посредничестве своего патрона в Риме возбудить судебное преследование лихоимца. Одним из самых громких «коррупционных» процессов I века до н. э. стало так называемое «дело Верреса» (70 год до н. э.). Гай Корнелий Веррес, бывший пропретор Сицилии, обвинявшийся в хищениях и вымогательствах (9), был осуждён на изгнание и возмещение ущерба в размере 3 млн сестерциев. Цицерон, выступавший в роли обвинителя Верреса, написал и издал после окончания процесса шесть речей, так называемый веррин (он оценил нанесённый Верресом ущерб в 40 млн сестерциев). Оратор, побывав на Сицилии квестором в 75 году до н. э., стал патроном сицилийцев. Сам факт осуждения Верреса – это показатель того, что римское общество повернулось лицом к проблеме злоупотреблений в провинциальной администрации. Однако громкое «дело Верреса» было хотя и ярким, но всё же уникальным фактом; между тем повседневная практика управления на местах

по-прежнему очень плохо регулировалась правовыми нормами, что создавало благоприятные условия для разного рода злоупотреблений, произвола властей и беззакония.

В период гражданских войн в условиях заметного ослабления влияния сената какие-то общины, провинции и отдельные лица могли получить гражданские права. Так, Цезарь в 49 году до н. э. распространил права римского гражданства на всю территорию Цизальпинской Галлии севернее Пада (10), а спустя ещё три года даже ввёл в сенат представителей местных элит из Нарбонской Галлии. Институт римского и латинского гражданства всегда был на редкость эффективным инструментом политики романизации провинций; Цезарь активно использовал его вопреки недовольству консервативно настроенной римской общественности, справедливо видя в нём залог внутривосточной стабильности. Между тем «коренные» римляне весьма ревностно относились к сохранению своего привилегированного гражданского статуса в узких полисных рамках. В этом отношении весьма показательна позиция Цицерона – «натурализовавшегося» в Риме муниципала (его «малой» родиной, как известно, был Арпин – муниципий в 120 км к юго-востоку от Вечного города). Для своих родовитых врагов, таких, как Клодий или Катилина, Цицерон оставался «пребригом» (*Cic. Sull. 22 – 25*), выскочкой (*homo Arpinatus. Att. I. 16. 10*) и «инквилином» (*inquinus. Sall. Cat. 31. 7*), т. е. гражданином, не имевшим в Риме собственного дома (11). Цицерон всегда настороженно, а подчас даже враждебно относился к чужеземцам уже потому, что они были чужеземцами, тогда как всякий римлянин при любых обстоятельствах неизменно оказывал предпочтение соотечественнику перед чужаком (*Lael. 19*). Оратор считал «порчу и изменение нравов» (*quaedam corruptela ac demutatio morum*) следствием «соприкосновения с чужим языком и чужими порядками» (*Rep. II. 7. Cp. ibid. 8 – 9*). Таким образом, представление о пагубном влиянии чужеземных обычаев на римские нравы было одной из причин ксенофобии Цицерона. В частности, поэтому он был решительным противником более или менее широкого распространения прав римского гражданства (*Att. XIV. 12. 1; Fam. IX. 15. 2*). Так, в 46 году до н. э. Цицерон с негодованием писал о том, что после принятия Юлиева закона (90 год до н. э.) «в наш город была влита иноземщина (12), а теперь (по воле Цезаря. – В. Н.) даже носящие штаны и заальпийские народы» (*in urbem nostram est infusa peregrinitas, nunc vero etiam braccatis et Transalpinis nationibus. Fam. IX. 15. 2*. Пер. В.О. Горенштейна). У нас есть все основания считать, что аналогичным образом к любому увеличению числа римских граждан за счёт чужеземцев, а тем более за счёт галлов, относились многие, если не все, его сограждане. Так, об отношении римской публики к новым сенаторам из Нарбонской Галлии красноречиво свидетельствует Светоний: «Когда в сенат были приняты иноземцы, появились подмётные листы с надписью: “В добрый час! Не показывать новым сенаторам дорогу в сенат!”. А в народе распевали так: “Галлов Цезарь вёл в триумфе, галлов Цезарь ввёл в сенат. / Сняв штаны, они надели тогу с пурпурной каймой”» (*Suet. Iul. 80. 2*. Пер. М.Л. Гаспарова). Впрочем, следует отметить, что тот же Цицерон осуждал *lex*

Раріа (65 год до н. э.), считая, что «запрещать чужеземцам жить в Городе поистине бесчеловечно» (Off. III. 47. Пер. В.О. Горенштейна), и призывал сограждан относиться к ним по-доброму, гуманно (ibid. II. 64; III. 28).

В республиканскую эпоху, когда обычай нередко преобладал над законом, весьма эффективным инструментом римской внешней политики был институт государственного гостеприимства (*hospitium publicum*). В разное время отдельные общины и цари заключали с Римом договоры гостеприимства (Liv. V. 28. 4 – 5; XXXVII. 54. 5; XLII. 38. 8 – 9). Зависимые от Римской республики династы видели в институте гостеприимства легальный способ сохранить хотя бы номинальный суверенитет. «Государственное гостеприимство», будучи теснейшим образом связано с отношениями клиентской зависимости, означало патронат и покровительство Рима над целыми областями, царствами и отдельными общинами, которые из этого обстоятельства подчас извлекали для себя немалую выгоду. Кроме того, отношения Рима с другими общинами могли строиться и без официального договора (*foedus*), посредством предоставления так называемой «дружбы» (*amicitia*). Ко II веку до н. э. «дружба» стала обыкновенным эвфемизмом клиентелы.

Государственная идеология культивировала в римских гражданах сознание собственной исключительности и превосходства римлян над остальными народами. Так, Цицерон утверждал, что власть Рима над его многочисленными подданными обусловлена римской доблестью (*propter virtutem omnibus nationibus imperat. Cic. Verr. II. 4. 81. Ср. Mur. 22*). Наряду с доблестью превозносилось и традиционное римское благочестие. В речи «Об ответах гаруспиков» (56 год до н. э.) Цицерон, обращаясь к сенаторам, сказал: «Как бы нам ни было приятно, отцы-сенаторы, то, что мы сами о себе думаем, мы всё-таки не превзошли ни испанцев своей численностью (*numero*), ни галлов телесной силой (*robore*), ни пунов хитростью (*calliditate*), ни греков искусствами (*artibus*), ни, наконец, даже италиков и латинов внутренним и врождённым чувством любви к родине (*sensu*), свойственным этому племени (т. е. римлянам. – В. Н.) и стране; но благочестием, почитанием богов и высшей мудростью, ибо постигли, что всё руководится и направляется волей богов, мы превзошли все племена и народы» (*gentes nationesque. Nat. resp. 19*). Итак, оратор считал, что римляне богами и самой природой предназначены к господству (*Phil. VI. 19; X. 20*), которое в его интерпретации предстаёт в качестве «протектората» Рима над подвластными землями (*patrocinium orbis terrarum. Off. II. 26 – 27*) (13). Цицерон, опираясь на идеи Карнеада, формулирует ряд положений, призванных служить своего рода нравственным оправданием римской территориальной экспансии (*Rep. III. 34 – 37*). Среди этих положений видное место занимают понятия справедливости вообще и справедливой войны (*bellum iustum*) в частности (*Off. I. 34 – 36*) (14). По мнению оратора, римляне завоевали весь мир, ведя «справедливые войны», т. е. защищая либо самих себя, либо своих союзников (*Rep. III. 35*). Правда, в другом месте Цицерон признаёт не только то, что римляне наряду с войнами для защиты союзников вели также войны «за владычество» (*de imperio. Off. I. 38; II. 26*), но и то, что они сами под-

час поступали несправедливо по отношению к своим соседям-варварам (Rep. III. 16 (15); Fam. XV. 1. 5), которые, случалось, начинали против них «справедливую войну» (Prov. cons. 4).

Оратор неоднократно подвергал резкой критике злоупотребления римской провинциальной администрации (Leg. agr. II. 45–47; Prov. cons. 5–7; Leg. Man. 40–41; Dom. 23; Sest. 93–94). Классическим образчиком бескомпромиссного обличения творимого римским наместником произвола являются знаменитые веррины. Тем не менее в большинстве случаев Цицерон занимал относительно чужеземцев, попавших в орбиту римского влияния, последовательно великодержавную позицию. К примеру, ярко выраженным «шовинизмом» проникнуто его высказывание по поводу результатов побед Помпея на востоке и Цезаря в Галлии (56 год до н. э.): «Нет племени, которое не было бы подавлено настолько, что едва дышит, или укрощено настолько, что ведёт себя смиренно, или же умиротворено настолько, что радуется нашей победе и владычеству» (Prov. cons. 31. Пер. В.О. Горенштейна). Цицерон оправдывает с нравственной точки зрения «разумное господство» римлян, считая его благом для покорённых народов. По его мнению, рабство последних «справедливо потому, что таким людям рабское состояние полезно и что это делается им на пользу, когда делается разумно» (Rep. III. 36. Пер. В.О. Горенштейна. Ср. Leg. Man. 41; Phil. VI. 19; X. 20). Таким образом, посредством нравственного оправдания римского «протектората» (patrocinium) над подвластными народами, а также тезиса о приоритете политического фактора человеческого единства перед этническим, или «национальным» (Off. I. 53; III. 69), оратор упрочил идеологическое обоснование римского «империализма» (16).

Злоупотребление «правом сильного» в отношении покорённых народов порой приводило к таким кровавым эксцессам, как «Эфесская резня» 88 года до н. э. [1, 24-25], Серторианская война в Испании (80 – 72 годы до н. э.), три войны с Митридатом (89 – 84 годы до н. э., 83 – 82 годы до н. э. и 74 – 63 годы до н. э.), завоевание Цезарем Галлии (58 – 51 годы до н. э.), решающая фаза борьбы Антония с Октавианом (31 – 30 годы до н. э.) и другие войны и разного рода локальные конфликты с участием римлян, греков и варваров на этом переломном этапе римской истории выявили крайне непростой характер взаимоотношений «природных» римлян с их соседями – союзниками или провинциалами, друзьями или врагами, бывшими или потенциальными, тайными или явными. Кризис республиканской формы правления и начало формирования монархических структур на рубеже старой и новой эр потребовали не только перестройки самой системы провинциального управления, оказавшейся крайне неэффективной, но и существенных изменений в политике и идеологии имперских властей по отношению к провинциалам и к «чужакам» вообще.

Более или менее унифицированная система управления провинциями стала выстраиваться только в период принципата, в ходе «административной революции» Октавиана Августа (27 год до н. э. – 14 год н. э.), которая явилась следствием введения в римском Средиземноморье правовых, технических и административных норм земельного кадастра, подкреплённых особым аграрным законом.

Поскольку образцом для земельного кадастра послужила модель ветеранской колонии в провинции, Августу и его соратникам (Агриппе, Мecenату и др.) пришлось заняться решением всего комплекса провинциальных проблем и в их числе проблемой взаимоотношений римской и провинциальной элит; с последней римским имперским властям было жизненно необходимо наладить конструктивный диалог. Постепенное вовлечение представителей местных элит в процесс управления провинциями стало на долгие десятилетия и даже века залогом относительной внутривластной стабильности в империи. Для провинциала существовало три пути к римскому гражданству. Во-первых, должность магистрата или декуриона (члена местного сената) в муниципии. В этой связи показателен пример эдуга Дивициака – друида, галльского аристократа, друга Цезаря и агента римского влияния в Галлии [7, 146 слл.]. Во-вторых, манумиссия (если хозяин раба был римским гражданином). В-третьих, служба во вспомогательных частях (*auxilia*) в течение не менее 25 лет. В правовом отношении население провинций имело следующую иерархическую структуру: римские граждане колоний; латинские граждане муниципиев; peregrini. Весь этот «спектр переходных состояний» сошёл на нет после опубликования эдикта Каракаллы в 212 году, когда практически все, за редким исключением, свободнорождённые провинциалы удостоились прав римского гражданства.

В I – II веках наиболее привилегированным гражданским статусом оставалось римское гражданство. В частности, римский гражданин в провинции не мог быть казнён или подвергнут телесным наказаниям даже с санкции наместника (Plin. Ep. X. 96. 4). Высшей судебной инстанцией для него был император (17). Привилегированный статус римского гражданина охранялся государством. Как сообщает Светоний, во времена Клавдия (41 – 54 годы) «кто ложно выдавал себя за римского гражданина, тому отрубали голову на Эсквилинском поле» (Suet. Claud. 25. 3. Пер. М.Л. Гаспарова). Однажды Клавдий лишил римского гражданства некоего грека за незнание латыни (*ibid.* 16. 2). В то же время какой-нибудь варвар, говоривший по-гречески и по-латыни, в глазах римлян, тем не менее, оставался варваром (*ibid.* 42. 1). Однако с течением времени публично-правовой фактор стал всецело преобладать над этническим и культурно-бытовым. В Римской империи II – III веков, по выражению В.И. Кузицина, «был в значительной степени нейтрализован вирус этнической исключительности, всегда составляющий основу национального и культурного сепаратизма» [6, 9].

По словам И.А. Покровского, «если период республики закончился признанием права гражданства за всеми жителями Италии, то период принципата характеризуется распространением этого права и на провинциалов» [10, 190]. Этот процесс осуществлялся путём как прямого дарования тем или иным провинциальным общинам римского гражданства, так и посредством предоставления им латинского права. Гражданин латинского права мог также получить права римского гражданства в качестве императорской милости. Пожалование зачастую носило личный характер и на родственников не распространялось. Несмотря на подобные ограничения, римское гражданство в провинциях распространялось

всё шире. Так, галльскому племени лингонов, состоявшему в гостеприимстве с Римом, император Отон в 69 году даровал права римского гражданства (Тас. Hist. I. 78). Со времён Цезаря провинциалы стали заседать в сенате. Эту политику продолжали Клавдий и Веспасиан. Первый, преодолев сопротивление консерваторов (Тас. Ann. XI. 23), в 48 году даровал знатым и богатым выходцам из Лугдунской Галлии право заседать в сенате и занимать почётные должности в Риме (18). При Веспасиане (69 – 79 годы) около 400 испанских общин получили латинское гражданство и стали муниципиями. В свою очередь муниципии нередко становились колониями римского права.

В период от Августа до Веспасиана были отработаны важнейшие правовые нормы земельного кадастра, познакомившие провинциалов не только с преимуществами статуса римского гражданина в экономической и социальной сферах, но и с выгодой пограничных, торговых и культурных контактов. В первую очередь, была декларирована юридическая и сакральная неприкосновенность *dominium* – частной собственности на землю. Государство шло на огромные финансовые затраты, чтобы специальными дорогами-делителями (лимитами) очертить пределы земельных участков и обозначить их священными знаками – терминами; последние были снабжены надписями, подтверждавшими незыблемость частной собственности на землю. Муниципальное землевладение не обладало столь надёжной правовой защитой, как земельные участки в ветеранских колониях, поэтому муниципии, как правило, стремились получить статус колонии. Более того, провинциал, получивший права римского гражданства, мог рассчитывать на периодическое подтверждение своих привилегий в отношении земельной собственности. Аграрное законодательство Августа установило новую категорию земель – *loci excepti*. Эти участки в случае попадания на территорию *deductio coloniae* изымались из её межевания и получали особые знаки, означавшие, что их владельцы имеют право исключительной собственности на любом пространстве центурии. Никто из граждан колонии не смел посягать на эти участки.

Кроме того, при выведении колонии учитывались интересы и других местных жителей; они имели право прохода к тем святыням, которые являлись объектами их поклонения, а с некоторых пор оказались на чужой территории. Провинциалы получали доступ к алтарям и могилам предков, если те попадали в пределы римских колоний. Это уже не просто свидетельства уважения к чужим обычаям, но, по сути дела, яркие примеры взаимоотношений на правовой основе (хотя и оформленных в одностороннем порядке). Одно из важнейших понятий *ius civile*, сервитут, в период принципата стало применяться и в провинциях. В частности, такое положение *ius strictum*, как право прохода (*iter*), отныне предоставлялось всему населению районов, пограничных с новой колонией. В I веке отдельные нормы *ius civile* в провинциях толковались расширительно с точки зрения *ius gentium*. Правда, подобная интерпретация имела место опять-таки лишь в пограничных районах. Однако важно уже то, что в правовом сознании укоренилась сама возможность такой интерпретации *ius civile*.

Далее, *dominium*, как категория исключительно римской земельной собственности, к концу I века постепенно получает новое толкование. В земельном кадастре Веспасиана, развившего и усовершенствовавшего аграрное законодательство Августа, появляется новая для провинций категория безусловной собственности на землю. Это категория *ex tributario solo*, которая непосредственно не связана ни с *ius civile*, ни с гражданством. Здесь во главу угла был поставлен вопрос налогообложения, которое в процессе романизации постоянно пересматривалось, особенно в отношении местных элит. Каждая городская община имела своё гражданство (Plin. Ep. X. 114. 1 – 2). Провинциал, не имевший никакого гражданского статуса, должен был сначала получить гражданство одной из местных городских общин, а уже потом мог претендовать на получение римского гражданства. Так, по сведениям Плиния Младшего, какой-нибудь египтянин, представитель «надменного и ветреного» народа (Plin. Paneg. 31. Пер. В.С. Соколова), прежде получал александрийское гражданство, а уже потом римское (Plin. Ep. X. 6. 2). В таком случае новоявленный римский гражданин фактически обладал двойным гражданством.

В период принципата, как и во времена республики, у наместника в провинции объективно были две основных заботы: отправление правосудия и контроль за финансовыми потоками. В мирное время главной обязанностью наместника было судебное разбирательство [11, 27]. Так, служба Гнея Юлия Агриколы, наместника Аквитании, проходила главным образом «в провинциальных собраниях и в суде» (Tac. Agr. 9. Пер. А.С. Бобовича). Важно отметить, что представители местных элит присутствовали при вынесении наместником судебных решений [11, 29]. Таким образом, отправление правосудия в провинции носило гласный, публичный характер: если наместник был заинтересован в сотрудничестве с местными «лучшими людьми», он не мог игнорировать их личные и корпоративные интересы. В формулярном процессе, лежавшем в основе всего судопроизводства, типы исков, как и прежде, определялись по преторской формуле. Это обстоятельство, с одной стороны, налагало огромную ответственность на конкретного наместника, а с другой – требовало высокого уровня юридической квалификации как от него самого, так и от его экспертов. Претор по-прежнему исполнял свои обязанности в течение года; за это время он должен был обнародовать свой эдикт, раскрывавший его юридическую концепцию, а также уровень правовой квалификации. Впрочем, годичный срок был слишком мал для успешной судебной практики и особенно для внедрения новых правовых норм. Можно проследить, как преторы при составлении формулы по пограничным и земельным спорам опирались на экспертизу агрименсоров – специалистов по межеванию. Эти специалисты в свою очередь квалифицировались как знатоки пограничных споров; они специализировались на экспертизе исков по *possessio* или по использованию *pacua* гражданами колоний при участии местных жителей.

Деятельность преторов в провинциальной судебной практике демонстрирует внимание и уважение к *ius gentium*, когда нормы *ius civile* «подтягивались» к нормам местного права. Это свидетельствует об определённых сдвигах в созна-

нии римлян, которые теперь уже не могли отмахнуться от проблем окраин огромной державы или просто презирать этих «варваров». Аграрное законодательство Августа и Веспасиана вовлекло в экономическую жизнь Средиземноморья многие провинциальные регионы. *Ius honoariūm* расширило правовое поле *iūs civile*, которое распространило своё действие на провинциалов, даже не обладавших гражданскими правами. Наместники, как правило, были связаны узами гостеприимства с представителями местных элит, причём некоторые наместники не стыдились заискивать перед могущественными провинциалами (Тас. *Ann.* XV. 21). Управленческий штат при наместнике по-прежнему был относительно невелик, хотя и обнаруживал явную тенденцию к росту. Собственно говоря, в рамках имперской провинциальной администрации функционировали три ветви власти: публичная, или гражданская, военная и частная, или «домашняя». Первая, представленная проконсулами, управляла сенатскими провинциями, вторая в лице легатов (сенаторы) и префектов (всадники) – императорскими. В 138 году (год смерти Адриана) 22 провинции управлялись легатами, 10 – проконсулами. Представители третьей ветви власти, прокураторы (из числа всадников), выполняли в провинции различные фискальные функции. Прокураторы фиска, назначенные императором, контролировали сбор прямого налога – трибута (*tributum*), а иногда и поступление косвенных налогов.

Начиная с эпохи Августа (27 год до н. э. – 14 год н. э.) карьера прокуратора была мечтой любого всадника; из числа представителей всаднического сословия набирались императорские «порученцы», лично преданные императору, подчинённые непосредственно ему и проводившие в жизнь его политику на местах. Именно всадники аккумулировали бесценный опыт администрирования и сбора налогов в провинциях. Провинциалы, не имевшие римского или латинского гражданства, платили трибут (*tributum soli*, налог на землю и собственность) и подушную подать (*tributum capitis*). Только общины римского и латинского права в провинциях не платили трибут (19). Непосредственную ответственность за сбор налогов несли представители провинциальных элит. Наместники и прокураторы контролировали этот процесс со стороны и вмешивались только в случае необходимости. Косвенные налоги (налог на освобождение рабов, налог на наследство и пошлина за транзит товаров) собирались либо частными лицами (откупщиками-публиканами), либо императорскими рабами и вольноотпущенниками. Помимо этих налогов, существовали ещё различные повинности, чрезвычайные поборы, реквизиции и т. д. Имперское правительство в целом довольно гибко проводило фискальную политику, сотрудничая с местной верхушкой.

Контроль за деятельностью провинциальной администрации осуществляли назначенные принцепсом кураторы (*curatores*). Их тоже было сравнительно немного, проверки проводились выборочно и нерегулярно, от случая к случаю. В распоряжении самого наместника находились сенаторы младшего ранга, квестор, технический персонал (ликторы, курьеры, секретари, писцы и т. д.), добровольные спутники и помощники наместника (так называемые «друзья»), наконец, солдаты, которые несли охранную и полицейскую службу. Таким образом, адми-

нистративный аппарат в провинции был совсем небольшим, профессиональные управленцы в нём практически отсутствовали. По словам Н. Перселла, «поиски бюрократии в римском мире тщетны» [23, 580]. Императоры I века старались не раздувать управленческий аппарат, поэтому сравнительно немногочисленным «порученцам» принцепса приходилось постоянно совершенствовать свои административные навыки, расширяя сотрудничество с представителями местных элит. В период домината ситуация постепенно изменилась.

Важную роль в управлении на местах играли представители городских общин. Последние обладали широкой автономией в плане самоуправления и юрисдикции, но финансы находились под неусыпным контролем со стороны римских властей. Для того чтобы ввести в какой-нибудь провинции новые налоги, требовалась санкция императора. Последний действовал посредством переписки с наместником (хрестоматийный пример – Траян и Плиний Младший). Интересы фиска блюлись неукоснительно. В то время как местные власти осуществляли рутинный административный контроль над провинциальным населением, наместник контролировал их самих, по необходимости эпизодически вмешиваясь в процесс управления или судопроизводства. Активность преторов, осуществлявших в I веке судебный процесс, на рубеже I – II веков начинает неуклонно снижаться, поскольку всё шире становится круг вопросов, попавших под контроль императорских «порученцев» в провинциях. Ограниченный годичным сроком, претор физически не мог успеть полностью проанализировать все актуальные проблемы провинциальной жизни. Это обстоятельство стимулировало развитие нового вида судебного процесса – *cognitio extraordinaria*. Вполне естественно, что новая римская администрация, учитывавшая интересы династов и местных элит, обратилась к *cognitio extraordinaria*. Так, в земельном праве даже некоторые древние виды пограничных исков стали проводиться не по формулярному процессу, а по экстраординарному. Отныне не экспертиза агрименсоров, некогда консультировавших преторов по наиболее сложным аграрным контроверсиям, а документы земельного кадастра становились главными фигурантами в качестве улик при разбирательствах.

Итак, в период Ранней империи римские наместники в провинциях и местные магистраты действовали параллельно, в чём-то дублируя, в чём-то дополняя друг друга. Это была практика «регулярного взаимодействия» [16, 426], или сотрудничества [11, 32]. Сложившаяся система управления вполне отвечала интересам обеих сторон – как имперских властей, так и провинциальных элит. Обладая солидным запасом прочности, эта система относительно благополучно функционировала вплоть до кризиса III века, потрясшего самые основы греко-римской средиземноморской цивилизации (20).

The article examines the correlation of the concepts of «citizen» and «foreigner» in public perception of Ancient Rome and in the classic Roman Law during the process of evolution of Roman state system from Early Republic to Roman Mediterranean power and further to the Roman Empire. Special attention is paid to the legal status of Roman

citizens, foreigners, allies and provincials. The activity of the provincial governors as well as publicans is analyzed. The administrative system formed in the provinces was adequate to the interests of both sides – imperial administration and provincial elites. Having a solid margin of safety, this system functioned relatively well up to the crisis of the third century.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беликов А. П. К вопросу об этнической принадлежности жертв «Эфесской резни» 88 г. до н. э. // Ставропольский альманах общества интеллектуальной истории. – Ставрополь, 2001. – Вып. 1.
2. Гиро П. Частная и общественная жизнь римлян. – СПб., 1995.
3. Грималь П. Цицерон. – М., 1991.
4. Деко А. Апостол Павел. – М., 2005.
5. Кнабе Г.С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. – М., 1994.
6. Кузищин В.И. Почему и каким образом распадаются великие империи? Исторические реминисценции из опыта Римской империи // Мировой порядок XXI века и проблемы украинско-российских отношений: материалы международной научной конференции (Крым, Ялта, Ливадийский дворец-музей, 7 – 9 февраля 2006 г.). – Симферополь, 2006.
7. Куликова Ю.В. Дивитиак – агент Юлия Цезаря // Вопросы истории. – 1999. – № 3.
8. Моммзен Т. История Рима. – СПб., 1994. – Т. I.
9. Там же. – Т. II.
10. Покровский И.А. История римского права. – СПб., 1998.
11. Смышляев А.Л. *Civilis dominatio*: римский наместник в провинциальном городе // ВДИ. – 1997. – № 3.
12. Смышляев А.Л. Вступление наместника в провинциальный город: церемония *adventus* по Ульпиану // ВДИ. – 1991. – № 4.
13. Смышляев А.Л. Римский наместник в провинциальном городе: *otium post negotium* // ВДИ. – 1999. – № 4.
14. Balsdon J.P. V. D. *Romans and aliens*. – L., 1979.
15. Bengtson H. *Das Imperium Romanum in griechischer Sicht* // Bengtson H. *Kleine Schriften zur alten Geschichte*. – München, 1974.
16. Burton G. *Government and the Provinces* // *The Roman World*. – London; New York, 1987. – Vol. I.
17. Capelle W. *Griechische Ethik und römischer Imperialismus* // *Klio*. – 1932. – 25.
18. Gabba E. *Storiografia greca e imperialismo romano (III – I sec. a C.)* // *Rivista Storica Italiana*. – 1974. – 86.
19. Hinrichs F.T. *Die Geschichte der grömatischen Institutionen*. – Wiesbaden, 1974.
20. Kroll W. *Die Kultur der ciceronischen Zeit*. – Leipzig, 1933.
21. Momigliano A. *Alien Wisdom. The Limits of Hellenization*. – Cambridge, 1975.
22. Paterson J. *Transalpinæ gentes: Cicero, De re publica 3,16* // *Classical Quarterly*. – 1978. – 28.
23. Purcell N. *The Arts of Government* // *The Oxford History of the Classical World*. – Oxford; New York, 1986.
24. Salmon E.T. *Roman colonization under the Republic*. – L., 1969.
25. Sanford E.M. *Romans and provincials in the Late Republic* // *Classical Weekly*. – 1949. – 42.
26. Vogt J. *Ciceros Glaube an Rom*. – Darmstadt, 1963.

27. Walbank F. W. Nationality as a factor in Roman History // Harvard Studies in Classical Philology. – 1972. – 76.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ф.У. Уолбэнк считает, что это было чувство культурного превосходства (по крайней мере, по отношению к варварам) [27, 156].

2. По словам Г.С. Кнабе, «между Римом и варварством лежали для римлян не только пропасть, но и обширный спектр переходных состояний, и границы между этими состояниями были подвижны» [5, 268]. Категория «римский гражданин» (*civis Romanus*), изначально объединявшая жителей Рима, прежде всего, по территориальному признаку, со временем приобрела преимущественно публично-правовой характер.

3. Одним из таких «стипендиариев» был знаменитый предводитель «рабской войны» Спартак (Flor. II. 8. 8). Фракийское племя медов, к которому он принадлежал, было покорено Суллой в 86 году до н. э. Из числа стипендиариев-медов набирались вспомогательные кавалерийские части (*auxilia*). Так Спартак попал в римскую армию (впоследствии он по неизвестной причине дезертировал, стал «разбойником» (*latro*), спустя некоторое время был пойман, продан в рабство и в конечном счёте оказался в гладиаторской школе Гнея Лентула Батиата).

4. Как пишет П. Грималь, «неписанный моральный кодекс регулировал отношения между магистратом и гражданами, отказ от наместничества был его нарушением. Почётные должности рассматривались как дар и благодеяния народа избранному им магистрату, в благодарности за которые последний должен не жалеть ни времени, ни состояния на службе общине. Игры, устраиваемые для народа эдилом, например, входили в подобный обмен, а наместничество в провинции, военное командование, посольства давала другая сторона, то есть народ» [3, 181].

5. Римляне считали их своими «данниками» (*vectigales*).

6. Подробнее о роли и характере деятельности наместника в провинции см. [11, 24-35; 12, 106-117; 13, 59-70].

7. Как пишет П. Грималь, «по-видимому, Цицерон оказал Антонию помощь в получении Македонского наместничества в обмен на обещание поделиться прибылями, которые это наместничество принесёт» [3, 203].

8. *Leges de repetundis* принимались в 149, 80 и 59 годах до н. э.

9. *Verres* – кабан, боров (лат.). С тех пор в Риме вошло в поговорку двусмысленное выражение *ius verrinum* (игра слов: «верресово право» как синоним произвола или же «свина похлёбка»).

10. Так была ликвидирована пресловутая *causa Transpadanorum*. Сенат долго упорствовал, не желая даровать жителям Транспаданской Галлии права римского гражданства. Наконец, Цезарь, используя захваченную им власть, решил эту болезненную проблему.

11. В 62 году до н. э. Цицерон купил особняк на Палатине за 3,5 млн сестерциев (два из них оратор одолжил у своего подзащитного, Публия Корнелия Суллы).

12. Заметим, что под *regrinitas* Цицерон подразумевает уроженцев Италии, вчерашних «неграждан», подвергавшихся известной дискриминации со стороны надменных «властителей мира». Это не столько «иноземцы», сколько «чужаки» в политическом, правовом и социальном смысле.

13. О римском «империализме», «теории протектората» и особенностях управления провинциями во времена Цицерона см. [25, 195-201].

14. О понятии «справедливая война» (*bellum iustum*) у римлян см. [20, 9 ff.].

15. Подробнее об этом см. [22, 452-458].

16. По мнению В. Капелле, Панэций дал «принципиальное оправдание» римского империализма, Посидоний вполне усвоил себе эту идею, а Цицерон подхватил её, слушая лекции

Посидония на Родосе [17, 96-105]. Г. Бенгтсон считает, что в поиске нравственного оправдания римского империализма Цицерон обратился именно к труду Панэция как более лояльного по отношению к Риму писателя, нежели Посидоний из Апамеи [15, 559]. Мильтяно полагает, что не Панэций, а именно Посидоний внёс наиболее весомый вклад в разработку теории римского империализма [21, 31 f.]. См. о том же [26, 90 f.; 18, 639].

17. В этом отношении показательна история с судом над апостолом Павлом. См. [4, 200 слл.].

18. Первыми *ius honogum* получили эдуи, давние союзники Рима, официально именовавшиеся «братьями римского народа» (*fratres populi Romani*). В ходе прений сенаторы не преминули напомнить Клавдию о пресловутом *metus Gallicus* (Тас. *Ann.* XI. 23). Тем не менее император, которого впоследствии Сенека называл «галлом» (*Sen. Aproc.* 6. 1), настоял на своём: как бы «забыв» о мятеже Флора и Сакровира (21 г. н. э.), он заявил о «столетней верности» галлов Риму (CIL XIII 1668 [= Dessau, ILS 212] col. II 33 f.: «*centum annorum immobilem fidem obsequiumque*»).

19. Они обладали иммунитетом – так называемый *ius Italicum*.

20. Как считает В.И. Кузищин, «...в целом уровень экономического, социального и политического развития, культурного процветания, цивилизованного образа жизни был такой, что для большинства народностей, этносов, племенных объединений жить в Империи и быть приобщённым к образу жизни римского подданного было желанно, выгодно и почётно. Неудивительно, что Римская империя существовала как прочное государственное образование, как средиземноморская цивилизация в течение очень продолжительного срока» [6, 11].

А.А. Ходин

Смоленский государственный университет

УДК 94(4)«17»

ВСТРЕЧА В УЛЬВСБЕКЕ 1629 ГОДА ШВЕДСКОГО КОРОЛЯ ГУСТАВА II АДОЛЬФА И ДАТСКОГО МОНАРХА КРИСТИАНА IV

Ключевые слова: *Густав II Адольф; Кристиан IV; Швеция; Дания; дипломатия; международные отношения; Тридцатилетняя война.*

Статья рассматривает дипломатические переговоры шведского короля Густава II Адольфа и датского монарха Кристиана IV накануне вступления Швеции в Тридцатилетнюю войну. В ходе шведско-датских переговоров прослеживается стремление Швеции к установлению господства в Балтийском регионе. Автор акцентирует внимание на дипломатическом аспекте шведско-датских взаимоотношений данного периода.

Проблема шведско-датских отношений практически не имела адекватного представления в исторической науке как советского, так и постсоветского периода, за исключением лишь отдельного упоминания в общих работах по международным отношениям [2; 3; 4; 5]. Однако большей частью в 60-х годах XX столетия

в Швеции данной теме уделялось определённое внимание. Здесь следует упомянуть отдельные пассажи работ К. Самуэльссона, Й. Розена, В. Тама, Н. Анлунда [14; 12; 13; 17; 6] и других известных исследователей. Несмотря на относительное невнимание к данной тематике, популярный американский историк М. Робертс в одном из своих научных трудов точно подметил, что «...не спящий страх в лице Дании не был какой-либо политической фантазией или несуществующим ночным кошмаром» [11, 8].

В начале XVII века Дания и Швеция проявляли особый интерес к Священной Римской империи. Империя была одной из главных политических сил в регионе, диктовала свои условия, и многое зависело от политики близлежащих держав по отношению к империи. Основной задачей как Стокгольма, так и Копенгагена было укрепление политического, военно-стратегического и экономического влияния в имперских землях. Тридцатилетняя война 1618 – 1648 годов, в свою очередь, стала ярким примером столкновения интересов двух королевств. Именно в этот период Швеция постепенно занимает лидерские позиции в балтийском регионе [18, 186]. Что касается интересов Дании, то конечной задачей Дании в данной ситуации было восстановление старых планов по завоеванию господства в Балтийском регионе [16, 359; 8, 46-47]. Это, в свою очередь, было напрямую связано с борьбой за доминирование в североимперских регионах между двумя королевствами. Помимо сугубо военно-экономического противостояния, оба королевства имели ещё и определённые политические и, отчасти, династические интересы в Священной Римской империи. Датский исследователь А. Линде-Лаурсен отмечал, что сын датского монарха Кристиана IV – Фредрик стремился проводить свою политику в Бремене и Вердене [9, 17; 15, 373]. Густав II Адольф был связан династическими отношениями по материнской линии с имперскими владениями, а именно, с Гольштейн-Готторпом. Но, несмотря на это, основные намерения Швеции во время участия в Тридцатилетней войне базировались именно на защите завоёванных ранее северных провинций, в том числе и поддержании баланса в отношениях с Данией. Да и сам Кристиан IV Датский имел права на гольштинские земли [1, 330].

По свидетельству шведских источников первой половины XVII века, в Стокгольме выражали явное беспокойство по отношению к планам датского монарха. В Швеции пристально наблюдали за Датским королевством, особенно после вступления Кристиана IV в Тридцатилетнюю войну. С 1621 по 1625 годы в Дании находился Андерс Свенссон – фактический основатель разведывательной структуры Швеции, информировавший Стокгольм о соотношении сил между Данией и императором [19, 9]. Выполняя роль шведского агента, Свенссон должен был наблюдать и за перепиской соседей королевства между собой, прежде всего за Данией и Польским государством [7, 172]. Его сведения были особенно важны в 1625 году, когда Швеция ещё не вступила в Тридцатилетнюю войну, но была вовлечена в масштабную политическую игру, ставки в которой были уже тогда довольно высоки. В 1625 году Кристиан Датский вступил в Тридцатилетнюю войну против Габсбургов. Действия имперских армий под руководством Альбрехта

Валленштейна и Жана Тилли сокрушили пыл датского монарха, поставив Данию на грань поражения в военном конфликте. Шведский государственный канцлер Аксель Оксеншерн в одном из своих писем Государственному совету в Стокгольме давал понять, что после того, как Габсбурги расправятся с Данией и приморскими городами, может настать и очередь Швеции. Шведский канцлер намекал на то, что Швеция должна высадить свои войска в Померании как можно быстрее, пока Дания ещё не вышла из войны с императором. В противном же случае Габсбурги и Польша сумеют разгромить как Данию, так и Швецию поодиночке [20, 276-281]. В Швеции опасались, что либо разгром Дании, либо мир Кристиана IV с императором позволят Габсбургам сосредоточить силы по ограничению влияния Стокгольма в Балтийском регионе. Положение дел было настолько важным для Густава Адольфа, что, безусловно, требовало проведения переговоров шведского монарха с Кристианом на самом высоком уровне.

Особо заметным событием в шведско-датском сотрудничестве во время участия Дании в Тридцатилетней войне была встреча Густава II Адольфа и Кристиана IV в Ульвсбеке в феврале 1629 года. Именно встреча монархов двух держав сыграла ключевую роль в судьбе народов Дании и Швеции, а также повлияла на ход исторических событий в Балтийском регионе. Примечательным источником, повествующим об этом событии, можно назвать дневник брата канцлера Акселя Оксеншерны, члена правительства (*riksråd*), впоследствии видного государственного деятеля Швеции – Габриэля Густавссона. Именно Габриэлю Густавссону и было поручено вести протоколы заседания шведского и датского монархов. Данный документ отражает не только ход переговоров, но и подчёркивает личностные отношения участников в подходах к тем или иным вопросам шведско-датских отношений. Важным моментом является и то, что встреча происходила в период, когда датский король ещё не заключил известного впоследствии мира с императором в Любеке. Густав II Адольф хотел убедить Кристиана V поддержать Швецию и как можно активнее противостоять императору и Католической Лиге.

Шведский король Густав II Адольф прибыл в Ульвсбек 20 февраля 1629 года, тогда как Кристиан IV остановился в это время в приграничной датской деревушке Иксенхот. На следующий день Густав Адольф в сопровождении своих приближённых – Пера Баннера, Эрика Йоранссона и 50 всадников направился к Кристиану для того, чтобы пригласить его в Ульвсбек, где датчан ожидало изобилие вин и угощений [21, 3]. Шведский король в знак почтения проделал путь в полмили для встречи с Кристианом. Для придания себе величественности шведский король окружил себя двумя колоннами тяжёловооружённых всадников и несколькими мушкетёрами. К вечеру того же дня в условленном месте показались повозки датчан. Во главе эскорта находился король Кристиан IV в сопровождении датских принцев – герцогов Фредрика и Ульриха, а также ряда представителей датского дворянства. Остановившись, оба монарха горячо приветствовали друг друга. В знак уважения Кристиан предложил Густаву Адольфу занять место в его повозке, после чего процессия направилась в Ульвсбек [21, 4]. Ещё до того, как

монархи доехали до условленного места переговоров, между ними состоялась дискуссия.

Датский король Кристиан IV выразил свои опасения Густаву Адольфу по поводу строительства боевых кораблей императором Священной Римской империи Фердинандом II. Шведский король соглашался с Кристианом в том, что опасность со стороны имперцев на Балтике возрастала. Швецию интересовал, прежде всего, вопрос о перспективах заключения мира или на худой конец перемирия между императором и Данией, что было очень невыгодно для политики Стокгольма. Кристиан же лавировал и, по возможности, избегал прямого ответа [21, 5]. На что Густав Адольф пытался дать понять, что в случае, если император не захочет возвращать Кристиану немецкие территории – Шлезвиг и Гольштейн, то это сможет сделать шведская сторона. Помимо этого, Густав Адольф подчёркивал следующее: «В случае, если Вы будете благосклонны ко мне, я позабочусь, чтобы мой флот был в боевой готовности для предотвращения волнений». Здесь имелось в виду, что Швеция, в случае опасности со стороны императора, сможет защитить Данию. Шведский король пытался заверить Кристиана в том, что именно во власти Швеции как отобрать Шлезвиг и Гольштейн, так и поддержать право Дании на эти земли. С одной стороны, датский монарх желал помощи Швеции. Но одновременно у него существовали опасения, что Густав Адольф в перспективе смог бы злоупотребить доверием Копенгагена и через некоторое время ущемить интересы Дании. К тому же о реализации датской мечты о доминировании в Балтийском море можно было начисто забыть. С другой стороны, Кристиана IV беспокоило поведение императора Священной Римской империи Фердинанда II. Датский двор не желал возможного ухудшения и без того непростого положения королевства по отношению к императору в случае компромисса Кристиана со Швецией. Согласно записям Габриэля Густавссона Оксеншерны, Кристиан IV восклицал: «Император не даст нам выбора на этот раз так легко, как это было ранее...» [21, 6].

Густав Адольф говорил, что Дания – это не что иное, как определённая преграда для Швеции перед общим врагом в лице императора. По словам шведского монарха, имперцам можно было бы противопоставить 30 полков тяжеловооруженных всадников, находящихся на тот момент на территории Швеции и Финляндии, а также около 4000 немецких наёмников в Пруссии. Не стоило большого труда в кратчайший срок собрать 8000 конных воинов и поставить под ружьё около 10 000 полков в Лифляндии и Пруссии. Шведские кирасиры, по словам Густава Адольфа, не имели себе равных по сравнению с солдатами имперских генералов Тилли и Валленштейна. Так, ещё до знаменитых сражений шведов в Германии Густавом Адольфом делался намёк на использование совершенно новой военной тактики шведской армии. Но по меркам того времени названное Густавом Адольфом количество военных подразделений было не так уж велико, чтобы наверняка одержать победу над прославленными полководцами Габсбургов и Католической Лиги. Кроме того, часть подразделений была разбросана на достаточно протяженной территории в прибалтийских провинциях

Швеции. На вопрос Кристиана о том, где может планироваться предполагаемая шведами высадка в Империи, был получен ответ – Штральзунд [21, 7]. Но собрать необходимое количество солдат в Штральзунде в кратчайший срок было, по меньшей мере, очень непросто для шведского короля.

На следующий день в 10 утра Густав Адольф навестил Кристиана, чтобы снова продолжить дискуссию. Со слов шведского монарха, ему не стоило большого труда со временем занять ряд важных имперских городов. Для этого следовало собрать объединённую армию Дании и Швеции. Шведский король одновременно делал намёк на то, что в подобной армии должно доминировать шведское руководство. Этот пункт, естественно, не устраивал датскую сторону. В ответ Кристиан давал понять, что даже в этом случае победить имперских полководцев – Тилли и Валленштейна вряд ли удастся, так как в их армиях есть очень опытные солдаты, несущие службу около 14-15 лет. Густав Адольф возражал и настаивал на том, что его относительно молодое, по-новому укомплектованное воинство ничуть не хуже имперцев [21, 9].

Аргументы шведской стороны сопровождались и религиозными мотивами. Так, Густав Адольф не раз упоминал о том, что «... сам Господь сулит нам удачу, потому как мы боремся за праведное дело...». Но вряд ли наличие в словах Густава Адольфа религиозного контекста могло склонить Кристиана к принятию точки зрения шведского короля. Речь шла скорее о религиозном единстве протестантских королевств перед лицом общей католической опасности. Густав Адольф говорил, что датская сторона могла бы также использовать и немецких наёмников. Но в течение двух месяцев их содержания Стокгольм должен был поставлять определённую сумму денег Дании [21, 10]. Для Густава Адольфа это был довольно хитрый ход, поскольку никому не было известно, сколько продлится война с императором. Если к тому же учитывать опыт и длительность первого и второго периодов Тридцатилетней войны, то вряд ли можно было сказать, что шведских денег хватит на содержание датских наемников сроком на два месяца.

В вопросе о предполагаемом финансировании военных предприятий Густав II Адольф пытался склонить Кристиана IV к активизации внутренних ресурсов Дании. По мнению шведского монарха, было бы разумно привлечь финансовые ресурсы дворянского сословия Дании. «Самое надёжное и лучшее средство – это учёт внутренних интересов шведов и датчан... Ваше Величество располагает, по меньшей мере, тысячей дворянских представителей в Вашем государстве, каждый из которых способен оказать помощь в размере 1000 талеров. Помимо этого можно использовать ресурсы королевства (Дании) и богатых городов в виде контрибуции». Естественно, навязывание такой перспективы вряд ли могло понравиться Кристиану IV, не желавшему хоть каким-то образом обострять отношения королевской власти и дворянства [21, 11]. Сам Кристиан понимал, что, послушав Густава Адольфа, он мог бы легко оказаться между двух огней: с одной стороны, он обострял социальную обстановку внутри Дании, с другой – позволил бы Густаву Адольфу вовлечь себя в новый конфликт с императором. Результатом такого поведения могла стать зависимость Дании от Швеции,

преодолеть которую было бы уже намного сложнее для Кристиана, нежели во время переговоров в Ульвсбеке.

Речь Густава Адольфа была торжественна: «Несмотря на то, что Швеция вела войны на протяжении тридцати лет, что способствовало разорению государства, мы не сомневаемся, что мы сделаем всё возможное для нашего дела». Он намекал также и на то, что во время встречи в Ульвсбеке с датским королём присутствовало три представителя Государственного совета Дании, так же, как и с Густавом Адольфом – три представителя шведского риксрода. Это символично говорило о том, что на переговорах решались вопросы не только личные для королей, но и вопросы судеб двух государств. Кристиан заметил при этом, что речь шведского монарха была очень красивой, но Дания более не имела возможности противопоставить свой флот императору, так же, как и свою сухопутную армию. Но Густав Адольф говорил в ответ, что и Швеция долгое время вела войны и это не мешает ей выставить свои экономические ресурсы против императора. Замечая, что Кристиан колеблется, Густав Адольф снова напомнил ему сделанное им ранее предложение – выставить третью часть совместной шведско-датской армии против императора. Для содержания немецких наёмников Дании требовалось ещё около шести бочонков золотых монет, что по тем временам составляло неслыханную сумму. Со слов Кристиана было видно, что такая перспектива не могла его удовлетворить: «Мы, несомненно, хотели бы осуществить задуманное, но сделать это должным образом не представляется возможным» [21, 12]. Желая отойти от темы, датский король сказал, что судьба его королевства в руках Божьих. Разгорячившись, Густав Адольф в свою очередь заметил, что, рассуждая подобным образом, Кристиан рискует потерять своё государство. Бог же, по мнению Густава Адольфа, не сможет дать желаемого, если не прилагать к этому никаких усилий. Густав Адольф попытался уговорить Кристиана встать на сторону Швеции, упомянув о возможной поддержке Дании другими европейскими государствами. Возможно, Кристиану было бы спокойней осознавать, что поддержка его другой страной не позволит Швеции в будущем ограничить права Копенгагена. Перед Густавом Адольфом вставал вопрос о том, надеялся ли Кристиан на помощь со стороны Франции, Англии или Голландии. На это был получен твёрдый ответ «нет» [21, 13]. По мнению Кристиана, английский и французский короли могли бы положительным образом повлиять на судьбу Дании, но считать Париж надёжным союзником Кристиан не мог, так же, как и положиться на помощь Швеции. По ходу встречи оба монарха то и дело устраивали трапезы с изобилием вин и разных яств. Во время таких пиров Густав Адольф в совершенно непринужденной обстановке заверял Кристиана: «...я призываю Господа в свидетели, что несчастье Вашего Величества так задевает моё сердце, что это несчастье может также стать и моим...» [21, 14]. Этими словами Густав Адольф из последних сил пытался успокоить Кристиана, намекая на то, что в случае опасности Швеция не оставит своего союзника. Но, несмотря на все старания Густава Адольфа, Кристиан был непреклонен. Видя, что воздействие на собеседника безрезультатно, Густав Адольф решил попробовать обратиться к членам датского Государственного совета, присутствовавшим на встрече видным политическим со-

ветникам датского короля, таким, как Кристиан Томессен, Йост Хёек и Отто Шель. Речь Густава Адольфа была очень длинной и яркой. Основным аргументом было то, что только Швеции и Дании, если они объединятся, подвластно остановить «тиранию папистов и императора». Слушая выступление Густава Адольфа, Кристиан неожиданно спросил о том, что шведский король собирался делать с Империей и с императором в случае своей победы. В ответ Густав Адольф прокричал: «А разве это требует ответа?» [21, 15]. Густав Адольф подошёл к Кристиану и изложил причины, по которым, по его мнению, необходимо было объединить усилия Швеции и Дании против императора. Во-первых, император не считался с правами протестантских князей, что противоречило имперской конституции. Во-вторых, император посягал на Штральзунд, что представляло угрозу как для Швеции, так и для Дании. Далее, Густав Адольф говорил, что Габсбурги оказывали помощь Польше в войне со Швецией, что также заставляло Стокгольм вступить в войну с императором. В основном приведённые Густавом Адольфом аргументы касались ущемления прав именно Швеции. Кристиан так же, как и представители датского риксрода, понимал, что преследовать формальную цель защиты немецких протестантов было очень невыгодно для Дании на данном этапе, потому что за четыре предыдущих года военные силы Дании были уже на исходе по сравнению со Швецией или с Габсбургами.

На следующее утро 24 февраля 1629 года Густав Адольф навестил Кристиана в его апартаментах. Шведский король начал рассказ о постройке кораблей, а также о том, что самый большой шведский корабль «Ваза» был потоплен у Блекхольма. Затем, пообедав, Густав Адольф провёл ещё некоторые консультации с представителями датского риксрода и отправился в свои покои. В дальнейшем общение шведского и датского королей не позволяло надеяться на принятие каких-либо совместных политических решений. Покидая встречу, оба короля были слегка раздражены относительно друг друга, что проявлялось уже в их полемике. Это была последняя встреча Густава II Адольфа и Кристиана IV. После неё монархи более никогда не виделись. По своему значению встреча Густава Адольфа и Кристиана в Ульвсбеке оказалась безрезультатной. Миссия шведского монарха была провалена.

Несмотря на приведённые шведской стороной доводы, Густаву Адольфу не удалось добиться желаемого результата и убедить Копенгаген встать на сторону Швеции, прежде всего в вопросах о политическом доминировании Стокгольма, о возможном сотрудничестве между сторонами. В вопросе укрепления своего влияния по отношению к Вене датский монарх предпочёл встать на путь временного затишья в активной военной политике. Стоит заметить, что именно в 1629 году в Шведском риксроде происходили особо острые дебаты по поводу интересов и целей Дании относительно сотрудничества со Швецией. В это время там активно обсуждался вопрос об отношениях Кристиана IV с императором. В июне 1629 года шведский агент Андерс Свенссон сообщил в Стокгольм о скором заключении мира Дании с Габсбургами [22, 147]. Тогда же со стороны Кристиана IV в Швецию был послан адмирал Хинрих Виндц, в задачу которого входило сглаживание противоречий с Густавом II Адольфом [22, 148].

Протоколы Шведского Государственного совета дают ясное представление об отношении Стокгольма к Кристиану IV. Предполагалось, что датский король будет придерживаться оборонительной тактики на Балтике [22, 219]. Вместе с этим в Швеции опасались, что предполагаемая военная экспансия Густава Адольфа в земли Священной Римской империи может способствовать частичной уязвимости Швеции со стороны Дании. Для предотвращения этого в Государственном совете высказывались мнения оставить некоторую часть шведской пехоты в пределах королевства [22, 220]. Датский король воспринимался в Стокгольме как очень амбициозная фигура на Балтике, готовая всеми силами отстаивать свои интересы [22, 230]. В Риксроде высказывалось даже мнение о возможном ведении войны одновременно против императора и против Кристиана IV [22, 234].

Вскоре выяснилось, что мир между императором и Кристианом IV всё же будет заключён. Этот факт способствовал немедленной активизации шведской стороны в военных приготовлениях. Доказательством тому стала командировка Нильса Бильке, известного в истории как глава Верховного суда Швеции (*hövrätt*), в Финляндию по ускорению приготовления к войне [22, 148].

Заключение мира в Любеке в 1629 году между императором и Данией было невыгодно Швеции потому, что она потеряла возможность использовать уже сложившийся клубок противоречий Кристиана IV Датского и Габсбургов. По замечанию известного немецкого историка Йенса Е. Олесена, сам Фердинанд II также стремился к миру с Данией, чтобы предотвратить возможное сотрудничество Копенгагена и Стокгольма. Такое сотрудничество оказалось бы направлено впоследствии против Дома Габсбургов и Католической Лиги [10, 85]. Со своей стороны Кристиан IV, только что заключивший Любекский мир, с явным недоверием относился к попыткам Швеции утвердиться в северных районах Империи.

В результате становится очевидным, что поведение и положение Дании в международных отношениях практически напрямую повлияло на ход шведской политики, а именно, когда дело касалось возможного вступления Швеции в военный конфликт в пределах Империи. После заключения мира в Любеке Датское королевство постепенно переходило на путь дипломатического лавирования в отношениях Швеции и Священной Римской империи. Одним из направлений такой политики стал поиск посредника в отношениях Копенгагена и Вены, роль которого частично мог бы выполнить недавний противник Кристиана – герцог Фридландский – Альбрехт Валленштейн. К концу 1629 года в Стокгольме потеряли всякую надежду на установление каких-либо союзнических отношений с Данией под лидерством Швеции.

The article deals with the diplomatic negotiations of the Swedish king Gustavus II Adolfus and the Danish monarch Kristian IV on the eve of the Swedish part in the Thirty Years War. In the course of the Swedish-Danish negotiations we can trace the aspiration of Sweden to the domination over the Baltic region. The author pays attention to the diplomatic aspect of the Swedish-Danish relations of the given period.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ивонин Ю.Е. Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее Новое время. 1495 – 1806. – М., 2004. – Т. 1.
2. История Швеции. – М., 1974.
3. Кан А.С. История Скандинавских стран (Дания, Швеция, Норвегия). – М., 1971.
4. Поршнев Б.Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. – М., 1970.
5. Поршнев Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. – М., 1976.
6. Ahnlund Nils. Axel Oxenstierna intill Gustav Adolfs död. – Stockholm, 1940.
7. Droste Heiko. Im Dienst der Krone. Schwedische Diplomaten im 17. Jahrhundert. – Berlin, 2006.
8. Jespersen J. V. Knud. Die nord- und osteuropäische Staatenwelt und der Westfälische Friede // Westfalen. Hefte für Geschichte Kunst und Volkskunde. – 75 Band. – Münster, Westfalen, 1997.
9. Linde-Laursen Anders. Det nationale nature. Studier i dansk-svenske relatiner. Wallin & Dalholm. Nordisk Ministerråds Forslagsvirksomhed og Anders Linde-Laursen. – Lund, 1995.
10. Olesen E. Jens. Dänemark, Norwegen und Island // Dänemark, Norwegen und Schweden im Zeitalter der Reformation und Konfessionalisierung. Nordische Königreiche und Konfession 1500 bis 1660. – Hrsg. von Matthias Asche und Anton Schindling. – Münster, 2003.
11. Roberts Michael. The Swedish Imperial Experience. 1560 – 1718. – Cambridge, 1979.
12. Rosén Jerker. Westfaliska freden. Den svenska historien. Gustav Adolfs och Kristinas tid 1611 – 1654. B.4. – Utarbetad inom Bonniers fackboksredaktion under ledning av Jan Cornell. – Stockholm, 1967.
13. Rosén Jerker, Carlsson Sten. Svensk historia I. Tiden före 1718. – Svenska bokförlaget. – Stockholm, 1969.
14. Samuelson Kurt. Från stormakt till välfärdens stat. Rabén & Sjögren bokförlag. – Stockholm, 1969.
15. Schilling Heinz. Das schwedische Kriegsmanifest vom Juli 1630 und die Frage nach dem Charakter des Dreissigjährigen Krieges // Europa und die Europäer. Quellen und Essays zur modernen europäischen Geschichte. Festschrift für Hartmut Kaelble zum 65. Geburtstag. – München, 2005.
16. Steinmetz Max. Deutschland von 1476 bis 1648. – Berlin, 1978.
17. Tham Wilhelm. Den svenska utrikespolitikens historia. 1560 – 1648. I:2. – Stockholm, 1960.
18. Tornbjörn Eng. Det svenska väldet. Ett konglomerat av uttrycksformer och begrepp från Vasa till Bernadotte. – Utgivna av Historiska institutionen vid Uppsala Universitetet genom Torkel Jansson och Jan Lindegren. – Stockholm, 2001.
19. Mittheilungen aus dem Briefwechsel des Grafen Jakob De la Gardie. Nebst einem Anhang betreffend Correspondenzen des Grafen Johann Oxensjerna. Von Bendjamin Cordt. – Leipzig, 1894.
20. Rikskansleren Axel Oxenstiernas skrifter och brevvevling. Utgifna af kongl. Vittenhets-historie- och antiqvitets- akademien. Förra afdelningen. Fjerde bandet. Bref. 1629. – Stockholm, 1900.
21. Riksrådet. Gabriel Gustafsson Oxenstiernas berättelse om mötet mellan k. Gustaf Adolf och k. Kristian IV i prestgården Ulfsbäck i Markaryds socken i Småland. Februari 1629. Utgifven af kongl. samfundet för utgifvande af handskrifter rörande skandinaviens historia. – Historiska handlingar. – Stockholm, 1881. – Del. 8, № 4.
22. Svenska Riksrådets protokoll med understöd af statsmedel i tryck utgifvet av kongl. riks-arkivet genom N.A. Kullberg. B. I. Anno 1629 den 10 Junij. 1621 – 1629. Handlingar rörande Sveriges historia. P.A. Norstedt & söner. – Stockholm, 1878.

**ПРОБЛЕМА «УПАДКА РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ» И РАЗДЕЛОВ ПОЛЬШИ
В ИСТОРИОГРАФИИ 1918–1939 ГОДОВ**

Ключевые слова: *Речь Посполитая; Польша; межвоенный период; Россия; магнаты; шляхта.*

В статье характеризуются основные труды в европейской и российской (советской) историографии 1918–1939 годов, посвященные проблеме падения Речи Посполитой. Естественно, что первостепенное внимание автор уделяет польской историографии, прежде всего трудам Конопчиньского. Характеризуются также работы французских, немецких и советских авторов.

Первая мировая война и революционная эпоха 1917–1920 годов кардинально изменили международное положение в Европе, социально-политическое устройство государств. Под натиском революционного движения рухнули империи Габсбургов, Гогенцоллернов и Романовых, а на их развалинах возникли новые независимые государства, было восстановлено польское государство – Вторая Польская республика. Под воздействием свершившихся эпохальных событий историками межвоенного периода были пересмотрены многие теории и концепции, считавшиеся до этого прочно утвердившимися в историографии. На это применительно к воззрениям на «падение Польши» указывал М.Х. Серейский [24, 5-6].

Для польской историографии главная перемена заключалась в том, что раздел шляхетской Речи Посполитой в XVIII веке между соседними абсолютистскими державами – Россией, Австрией и Пруссией, зачастую (особенно в публицистике) воспринимавшийся ранее как некий финал польской истории – *finis Polonia*, что было предметом напряженной дискуссии между сторонниками исторического и антиисторического подхода к проблеме «падения Речи Посполитой», теперь в интерпретации исследователей превратился в один из исторических этапов развития Польши.

В период между двумя мировыми войнами в польской исторической науке в области рассматриваемых проблем работали Владислав Конопчиньский и его ученик и младший коллега Юзеф Фельдман. В 1936 году выходит первый том главного труда Конопчиньского «Барская конфедерация» и его же «История Польши Нового времени», два тома которой охватывали период с 1506 по 1795 год [17]. В концепции Конопчиньского центральное место принадлежало личностям и психологическим мотивам их деятельности. Личности же, согласно воззрениям выдающегося польского историка, в совокупности составляли социальные груп-

пы, слои и, наконец, общество в целом. Общественное развитие, в свою очередь, определялось социальной и общественной психологией [18]. Потребность выявить побудительные мотивы деятельности отдельных людей и социальных групп заставляла историка максимально детализировать исследование, что в его научном творчестве неразрывно связывалось с напряженной работой по расширению круга источников и совершенствованию методики их научной критики. Эти методологические принципы были положены В. Конопчинским в основу начатой им фундаментальной публикации Польского биографического словаря, каждая статья которого представляет собой небольшую, но вполне законченную монографию.

Вслед за В. Смоленским Конопчинский предпринял монографическое исследование одной из конфедераций XVIII века – Барской конфедерации. Причем, если Смоленский писал о Тарговицкой конфедерации только с политической точки зрения как о поддержанной Россией магнатской оппозиции реформаторами Четырехлетнего сейма 1788–1792 годов, то Конопчинский изучал Барскую конфедерацию всесторонне как социально-политическое явление, как институт государственной власти и шляхетского самоуправления. Важным направлением в творчестве Конопчинского стало исследование отдельных сеймов Речи Посполитой, начатое публикацией «дневников» (протокольных записей) сеймов XVIII века. Последний из увидевших свет томов содержал публикацию «дневника» сейма 1752 года [9]. Им была подготовлена также публикация «Дневника» сейма 1773–1775 годов [15].

В творчестве Конопчинского большое внимание уделялось истории международного положения Польши и связанной с этим политике европейских держав. При этом подход историка к проблеме принципиально отличался от метода работы его предшественников. Если те избирали предметом своего исследования великие державы, то Конопчинский – взаимоотношения Речи Посполитой с Турцией и Швецией, со странами, имевшими, с одной стороны, принципиальное значение для польской политики, а с другой – ставшими в XVIII веке, так же, как и шляхетская республика, объектом экспансии великих держав [20]. Говоря о причинах разделов Речи Посполитой, историк отмечал, что они коренились не в слабости польского государства. Проекты разделов, по его словам, имели место еще во времена Ягеллонов, а в «перевороте в международных отношениях, когда на место равновесия между народами пришло равновесие между союзами, усиление Пруссии и России требовало изменения карты Европы, что было возможно только в условиях абсолютизма и рационализма» [21, 4]. Это весьма важное замечание сохранилось в рукописном наследии ученого. Оно свидетельствует об особом значении проблемы истории международных коалиций и союзов применительно к истории Речи Посполитой XVIII века, особенно имевших место на протяжении века проектов польско-российского союза. При этом Конопчинский придерживался мнения, что, начиная с Петра I, в политике России в отношении Польши тенденция к установлению протектората преобладала над аннексионистскими устремлениями.

Однако период 1764–1767 годов мало освещен в работах Конопчиньского. Историк касался его в трудах по истории международных отношений, в первой главе «Барской конфедерации», где речь шла главным образом о подготовке в 1767 году восстания, а также в соответствующих кратких разделах «Политической истории Польши» [22, 531–581] и «Истории Польши Нового времени». В рукописном наследии Конопчиньского сохранилась еще одна редакция этих разделов, относящаяся к концу 1930-х годов (написанная не ранее июля 1937 года, то есть уже после выхода в свет «Истории Польши Нового времени» [19]). Наиболее подробно им был разработан только вопрос о реформах политического строя Речи Посполитой, что было сделано еще в книге «*Liberum veto*», вышедшей в 1918 году.

Истории международных отношений XVIII века и месту в них Речи Посполитой большое внимание уделил Юзеф Фельдман (1899–1946) в главном своем труде о Станиславе Лещинском [12]. Книга была завершена историком в годы Второй мировой войны, а увидела свет в 1948 году, уже после кончины Фельдмана. В отличие от Конопчиньского, считавшего, что после Семилетней войны 1756–1763 годов судьба Польши целиком оказалась в руках России и Пруссии [16, 176], Фельдман полагал, что еще в начале 1770-х годов Франция сохраняла возможность противодействовать российской гегемонии и захватническим планам Берлина в Речи Посполитой [4]. Очевидно, что на оценки и позицию Фельдмана оказало влияние международное положение Польши 1920–1930-х годов, когда Вторая Польская республика видела в союзе с Францией фундамент собственной безопасности. Исторические аналогии этой концепции нашли отражение и в воззрениях Фельдмана, уделившего много внимания истории польско-французских связей [10].

Проблема польско-французских отношений сохраняла свое значение и для французской историографии, в которой, в целом, высоким авторитетом пользовались труды историков XIX века: А. Феррана [13], А. Брольи [8] и А. Сореля [26]. Однако среди французских исследователей по-прежнему оставался дискуссионным вопрос о возможности во второй половине XVIII века сохранить французское влияние в Речи Посполитой. К тезисам А. Брольи было добавлено утверждение, что Версаль (как, впрочем, и Лондон) якобы были плохо информированы о положении дел в Польско-Литовском государстве и поэтому не могли своевременно и действенно вмешаться для воспрепятствования планам России и Пруссии. В Польше это высказывание подвергли критике Конопчиньский и Фельдман [11, 43], а во Франции – французский историк польского происхождения Давид Лерер. Владея польским языком и получив образование в Польше, он хорошо знал польские источники и польскую историографию, поэтому смог изучить деятельность в Речи Посполитой как официальных представителей Версаля, так и агентов секретной дипломатии Людовика XV. Как и большинство французских историков, Лерер придерживался мнения о несогласованности действий французского министерства и секретной дипломатии короля, однако считал, что после Семилетней войны Версаль осознанно и отнюдь не только под давлени-

ем обстоятельств отказался от активной политики в Польше. Последние усилия в этой области были предприняты во время Барской конфедерации и русско-турецкой войны, финалом чего стали поражение конфедератов и первый раздел Польши в 1772 году [23]. Уделив главное внимание кризисам 1733 – 1734 годов, первой половины и середины 1750-х годов, а также времени Барской конфедерации, Лерер достаточно поверхностно остановился на польско-французских отношениях 60-х годов XVIII века.

В 1920-е годы (до прихода к власти нацистов) в Германии главное внимание было уделено пересмотру позиций прусской и довоенной германской историографии. Это было связано не только с переменами в мировоззрении ученых, но и с введением в научный оборот новых источников, в частности с завершением издания политической корреспонденции Фридриха II и с публикацией политических завещаний (тестаментов) Гогенцоллернов (1). В это время немецкие историки, занимавшиеся исследованиями польско-германских отношений, сосредоточились преимущественно на изучении роли Польши в истории германских государств. В этом смысле показательны труды одного из издателей политических сочинений Фридриха II Густава Бернарда Вольтца [27, 140-151; 28, 193-211], детально исследовавшего деятельность прусской дипломатии, направленной на подготовку первого раздела Польши.

В межвоенный период формируется особое направление в историографии, связанное с дискуссией об исторической роли Станислава Августа, не только как о политике, давшем имя эпохе польской истории, но и как о политическом деятеле, оставившем глубокий след в истории, общественной мысли и культуре своего времени. Развитию этого направления историографии способствовало завершение в СССР в 1924 году издания мемуаров последнего польского короля. В 1927 в Берлине и в Варшаве были изданы две монографии О. Форста [14] и А. Скалковского [25], в которых содержалось детальное исследование биографии и политической деятельности Станислава Августа. Причем в обоих случаях правление последнего польского монарха было исследовано на широком историческом фоне. Монографию Форста отличала также выраженная симпатия автора по отношению к своему герою, что стало весьма знаменательным фактом для немецкой историографии.

Для советской историографии межвоенного периода обращение к истории Речи Посполитой и польско-российских отношений XVII – XVIII веков было связано, с одной стороны, с попытками выработать марксистскую концепцию истории России и Польши периода феодализма, основанную на теории общественно-экономических формаций (с этой точки зрения советские историки оценивали и польскую историографию [7]), а с другой – с постепенным переходом в первой половине 1930-х годов от упрощенных социологических схем к конкретным исследованиям по гражданской истории и истории международных отношений. Свою роль в этом сыграло направленное в Политбюро ЦК ВКП(б) в 1934 году и опубликованное в 1941 году в журнале «Большевик» письмо И.В. Сталина о статье Ф. Энгельса «Внешняя политика русского царизма» [3; 5; 6].

Наиболее полно взгляды советских историков на «падение Польши» в XVIII веке были изложены М.В. Джервисом [2, 177-197]. В статье «Внешняя политика русского самодержавия в изображении М.Н. Покровского» он, в частности, отмечал, что «исторические судьбы феодально-крепостнической Польши были теснейшим образом связаны с ходом и исходом широчайших народных движений на восточных окраинах Речи Посполитой в XVII – XVIII веках (Крестьянская война на Украине 1648–1653 годов, национально-освободительные войны Хмельницкого, гайдамаччина и др.). По мнению автора, «победа феодальной реакции на Правобережье и в Белоруссии повлекла за собой консервацию феодально-крепостнических отношений в самой Польше, резкое замедление ее исторического развития». И далее – «эта консервация выродилась в открытое загнивание при королях из саксонского дома (1704–1763)» [1, 191]. Характеризуя положение польско-литовской шляхетской республики, в дополнение к «загниванию» автор добавляет и понятие «распад», формой проявления которого «стал рост центробежных тенденций в экономической и политической жизни страны, тяготение восточных областей к России и его оформление в русофильских тенденциях украино-польских магнатов, выступивших в качестве союзников и слуг русской политики» [1, 192].

Разделы Польши М.В. Джервис связывал с «дебютом России в роли жандарма Европы» и с событиями Великой французской революции [1]. Окончание Семилетней войны он считал «началом нового этапа внешней политики самодержавия, характеризуемым сближением между Россией и Пруссией и совместно проведенным ими первым разделом Речи Посполитой». Одновременно этот этап, по словам историка, «выдвигает на первое место так называемый “восточный вопрос”, открывая собой длинную цепь военных столкновений царской империи с Турцией, первое из которых – войну 1768 – 1774 годов – следует рассматривать в тесной связи с разделом Польши. Этот последний представляет выдающийся интерес в том отношении, что он отразил столкновение двух систем диктатуры дворянства: вооруженного на новейший лад русско-пруско-австрийского абсолютизма и архаической <...> шляхетской республики. Это столкновение показало, что раздираемая внутренними противоречиями республика не выдержала фронтальной атаки союза абсолютистских держав» [1, 196]. В приведенной характеристике принципиальное значение имеет тезис о внешней политике, обусловленной диктатурой дворянства, и об экспансии абсолютистских режимов, а также о связи политики разделов Польши и установления политической гегемонии России в Европе. Вместе с тем тезис о «распаде» Речи Посполитой и о тяготении ее «восточных окраин» к России явно заимствован из русской историографии предшествующего периода второй половины XIX – начала XX веков. В то же время вопрос о характере внешней политики царизма в XVIII веке в конце 1930-х годов, накануне Великой Отечественной войны, постепенно подвергается пересмотру и сближается с оценками, данными еще С.М. Соловьевым. Показательным в этом отношении стал вышедший в 1941 году 1-й том «Истории дипломатии» [4].

In the article the main works in the European and Russian (Soviet) historiography 1918–1939 are characterized, which were devoted to the problem of the fall of Rzecz Pospolita. Naturally, at first the author investigates the Polish historiography, especially the works of Konopchinsky. Works of French, German and Soviet authors are also analysed.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джервис М.В. Внешняя политика русского самодержавия в изображении М.Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. – М.-Л., 1942. – Ч. 2.
2. Джервис М.В. К вопросу о разделах Польши // Исторический сборник. – М., 1934. – Вып. 1.
3. Достян И.С. Политика России в восточном вопросе: концепция классиков марксизма и историческая наука // Славянские народы: общность истории и культуры. – М., 2000.
4. История дипломатии / под ред. В.П. Потемкина. – М., 1941. – Т. 1.
5. Маркс К. Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 22. – С. 11-52.
6. Сталин И.В. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // Большевик. – 1941. – № 9.
7. Ясинский. Польская историография XIX и XX вв. // Борьба классов. – 1933. – № 10.
8. Broglie A. Le Secret du roi. Correspondance secrète de Louis XV avec ses agents diplomatiques 1752 – 1774. – Paris, 1878. – Vol. 1-2.
9. Diariusze sejmowe z Wieku XVIII / Wydal Wl. Konopczynski. – Warszawa, 1937. – Т. 3.
10. Feldman J. Europa w wieku oświecenia (1715 –1789). W świetle źródeł. – Kraków, 1924; Idem. Antagonizm polsko-niemiecki w dziejach. – Toruń, 1934; Idem. Problem polsko-niemiecki w dziejach. – Katowice, 1946.
11. Feldman J. Na przelome stosunków polsko-francuskich 1774 – 1787. Vergennes wobec Polski. – Kraków, 1935.
12. Feldman J. Stanisław Leszczyński. Wyd. 2. – Warszawa, 1959.
13. Ferrand A.F. Histoire de trois démembrements de la Pologne pour faire suite à l’Histoire de l’anarchie pour Rulhière. – Paris, 1820. – Vol. 1-3.
14. Forst de Battaglia O. Stanislaw August Poniatowski und der Ausgang des Polenstaates. – Berlin, 1927.
15. Konopczyński W. Diariusz Sejmu 1773 – 1775 r. – Biblioteka Jagełłowska. Dz. ręk. 92/61.
16. Konopczyński W. Dzieje Polski nowożytnej. – Т. 2. – S. 176
17. Konopczyński W. Konfederacja barska. – Warszawa, 1991. – Т. 1-2; Idem. Dzieje Polski nowożytnej. Warszawa, 1986. – Т. 1-2
18. Konopczyński W. Metodologia Historii. – Biblioteka Jagełłowska. Dz. ręk. 53/61.
19. Konopczyński W. Początki panowania Stanisława Awgusta. – Biblioteka Jagełłowska. Dz. ręk. 69/61
20. Konopczyński W. Polska a Szwecja od pokoju oliwskiego do upadku Rzeczypospolitej 1660 – 1795. – Warszawa, 1924; Idem. Polska a Turcja. 1683 – 1792. – Warszawa, 1936.
21. Konopczyński W. Polska w dobie pierwszego rozbioru. – Biblioteka Jagełłowska. Dz. ręk. 69/61.
22. Konopczyński W. Stanisław August do pierwszego rozbioru (1763 – 1775) // Historia polityczna Polski. – Warszawa etc., 1923. – Cz. 2. – S. 531-581
23. Lerer D. La politik française en Pologne sous Louis XV, 1733 – 1772. – Toulouse, 1929.

24. Serejski M.H. Europa a rozbiory Polski: Studium historiograficzne. – Warszawa: Państw. wyd. nauk., 1970.

25. Skałkowski A. Polska w okresie rządów Stanisława Augusta // Polska, jej dzieje i kultura. – Warszawa, 1927. – Т. 2.

26. Sorel A. L'Europe et la revolution française. – Paris, 1885 – 1904. – Vol. 1-8; idem La Question d'Orient au XVIIIe siècle. Le Partage de la Pologne et le Traité de.

27. Volz G. B. Plan einer Zusammenkunft Friedrichs des Großen und Josephs II. bei Torgau // Mitteilungen der Literarischen Gesellschaft Masovia, Heft 14, Sonderdruck s. l., s. a. S. 140-151.

28. Volz G. B. Prinz Heinrich und die Vorgeschichte der ersten Teilung Polens // Forschungen zur brandenburgisch-preußischen Geschichte. – 1923. – Bd. 35. – S. 193-211.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Указанный тип исторических источников представлен в публикации: Politische Testamente und andere Quellen zum Fürstenethos der Frühen Neuzeit / Hsg. v- H. Duchhardt. – Darmstadt, 1987. См. также: *O. Hintze*. Die Hohenzollern und ihr Werk. – Berlin, 1915. Новейшее издание тестаментов, в котором помещена история их публикации: Die politischen Testamente der Hohenzollern, / bearb. von Richard Dietrich. – Köln-Wien, 1986.

Т.В. Алентьева

Курский государственный университет

УДК 94(100-87)

УСИЛЕНИЕ АНТИРАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ РИТОРИКИ НАКАНУНЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1856–1861)

Ключевые слова: *пропаганда; риторика; свобода; власть рабства; неразрешимый конфликт; гражданская война Севера и Юга.*

В связи с образованием в 1854–1856 годах новой республиканской партии, стоявшей за нераспространение рабства на новые территории, потребовалось усиление ее пропагандистской деятельности в антирабовладельческом ключе. Особенно усиливается антирабовладельческая риторика республиканцев в связи с принятием Акта Канзас-Небраска 1854 года и начавшейся «малой гражданской войной» в Канзасе. Выдающиеся ораторы партии, такие, как Ч. Самнер, У. Сьюард, опираясь на существующие архетипы сознания и мифологемы, на концепты свободы, «власти рабства», «неразрешимого конфликта», формируют новые стереотипы в общественном мнении Севера. Своей пропагандой республиканцы способствуют сплочению общественного мнения Севера на антирабовладельческой основе и тем самым приближают страну к расколу и гражданской войне с Югом.

В наш век становления информационной цивилизации общественное мнение становится таким могущественным, что средства массовой информации, которые его формируют, называют четвертой властью, реально влияющей на все процессы, происходящие в обществе [2, 123; 1, 97]. Конечно, в таком утверждении есть немало истинного, но нельзя при этом забывать, что сами СМИ, при всей их кажущейся независимости, имеют своих владельцев. Политическая элита, лидеры мнений, медиаторы, интерпретаторы направляют информационную политику в обществе путем манипулирования общественным сознанием. При этом активно используются такие психологические факторы, как «мотивирование», «побуждение», «убеждение», «принуждение». Основными средствами манипулятивного воздействия являются политическая пропаганда и агитация, «массовая» культура, реклама, средства массовой информации. В то же время необходимо помнить, что в обществе всегда существует борьба мнений, и она реально влияет на положение дел в отдельных сферах жизни, находя отражение в различных формах коммуникативных связей. В свободном демократическом обществе имеется возможность реального выражения альтернативных точек зрения, что способствует дискуссиям и, вследствие этого, кристаллизации и консолидации позиций по общезначимым вопросам.

Особенно возрастает роль общественного мнения в драматические периоды истории, во время войн и революций. На наш взгляд, крайнее ожесточение американцев в период Гражданской войны 1861–1865 годов можно лучше и глубже понять, изучив состояние общественного мнения, столкновение точек зрения, пропагандистскую борьбу, которая велась как на Севере, так и на Юге в предвоенный период. Ведь именно то, что в умах людей сформировался «образ врага», возникло убеждение в собственной правоте и необходимости подчинить противника своей воле, сыграло роковую роль и привело американское общество к состоянию Гражданской войны.

Подчеркивая огромную роль общественного мнения в США, А. Линкольн отмечал: «Как в нашем, так и в подобных обществах, главное – это общественное мнение. При поддержке общественного мнения ничто не может привести к неудаче; без нее – принести успех. Следовательно, политик, формирующий общественное мнение, проявляет большую прозорливость, чем тот, кто просто вводит законы или провозглашает решения» [20, 27; 32, 73].

Главным средством влияния прессы на власть и на общество было слово, публицистическое и литературное мастерство журналистов. Вот что по этому поводу писал журнал «Whig Review»: «Слова в истинно свободном государстве являются и действительными и эффективными правителями, и те, кто умеет ими пользоваться, всегда будут способны при наличии времени и возможности осуществить свои замыслы» [37, 558]. Уже в это время появляются утверждения, что пресса является четвертой властью в обществе. «Несомненно, что прессу следует рассматривать как политическую власть, – утверждала «Whig Review». – ...Мы имеем все неоспоримые свидетельства растущего влияния этой четвертой власти, и каждый день она увеличивает свое влияние и мощь» [37, 516].

В связи с этим важной научной проблемой является изучение политической риторики противоборствующих сторон, которая с помощью различных коммуникативных средств циркулировала в обществе. В данной статье ставится задача проанализировать политический дискурс пропаганды сформировавшейся в 1854–1856 годах республиканской партии, поскольку именно ее победа на президентских выборах 1860 года окончательно расколола Союз. Эскалацией своей антирабовладельческой риторики республиканцы способствовали усилению напряженности и враждебности в отношениях Севера и Юга.

Возникшая в середине 1850-х годов республиканская партия была, по преимуществу партией Севера, в которой объединились те, кто не желал распространения рабства на новые территории. В то же время правящая демократическая партия, ранее имевшая общенациональное влияние, стала выражать главным образом интересы Юга. Идущий в стране процесс модернизации, изменившиеся исторические реалии выражались в росте влияния Севера, в то время как политическая власть продолжала сохраняться в руках плантаторской олигархии. Все оппозиционные силы объединяло недовольство существующим положением дел в обществе. Известный политик Уильям Сьюард констатировал, что у Севера нет враждебности к Югу или к южанам, но он не может мириться с господством «привилегированного класса» южан, который контролирует пост президента, конгресс, Верховный суд, судебную систему в своих собственных интересах. Свобода Севера, по его словам, оказалась под ударом. Интересы многомиллионного населения не должны приноситься в жертву олигархии, состоящей из 350 тыс. рабовладельцев. Это ясно выраженное мнение видного политика усиленно тиражировалось северной прессой, активно циркулировало в обществе в форме дискуссий, споров, обсуждений [17, 192; 19, 191]. Неудивительно, что оно со временем глубоко укореняется в общественном мнении северян, становится одним из наиболее распространенных стереотипов.

Северная социокультурная модель опиралась на развивающуюся либеральную рыночную экономику, в ее ментальности утверждались идеи индивидуализма, самоценности личности, свободы и гражданских прав, уважение к закону [16, 14-30; 5, 532-540; 6]. Идеология Севера была в достаточной мере рационалистичной, в дискурсе его политиков доминирующим был концепт «свободы», что в значительной мере влияло на политическую платформу республиканцев.

Сосредотачиваясь на том ущербе, который рабство наносило белым рабочим, республиканцы заявляли, что «существующее политическое соревнование, когда решаются самые простые вопросы, вряд ли когда-либо прекратится, так же как никогда не закончится война между свободным и рабским трудом». Согласно антирабовладельческой риторике свободный труд и свободный доступ к земле формировал основы здорового, предпринимательского общества, свободного от антагонизма классов [13, 50-60; 15, 198-209]. Культурные ценности Севера основывались на приверженности идее «свободного труда» на таком основополагающем тезисе, что труд свободных людей выше в экономическом и социальном отношении, чем труд рабов. Другой отличительной чертой общества на Севере

была убежденность в возможности для наемных работников подняться до независимого положения владельца собственности, убежденность в превосходстве северной демократии, предоставляющей демократические права и свободы широким слоям населения [1, 109; 14, 95].

Тем не менее было слишком большое различие между тем, что Север воображал о себе и каким он желал выглядеть в глазах других, с теми жизненными реалиями, которые в нем имели место. Поэтому южане могли столь резко и вполне обоснованно критиковать недостатки северной модели развития и противопоставлять ей свою собственную. Конечно, ни Север, ни Юг не были гомогенны, и антирабовладельческие активисты обычно игнорировали социальные разногласия, которые существовали в северном обществе. Тем не менее политики Севера подчеркивали выгоды рыночной модели экономики, значение свободного труда и экономического индивидуализма. Концепт «свободного труда» становится ведущим в риторике республиканских и антирабовладельческих политиков. Несмотря на этнические и социальные разногласия, жители Севера объединялись вокруг общего видения истинно республиканского демократического общества [7, 158; 18, 10-14].

Развернувшаяся после принятия в 1854 году нового компромисса, предложенного политиком-демократом Ст. Дугласом, о «суверенитете скваттеров» межсекционная борьба перешла границы словесных баталий и вылилась в открытые вооруженные столкновения на земле Канзаса. В то же время усилилась и пропагандистская война между Севером и Югом. В значительной степени этому способствовало нападение в Конгрессе США на сенатора от штата Массачусетс Чарльза Самнера в связи с его блестящей двухдневной речью «Преступление против Канзаса» [33, 552-553]. Он назвал защитников рабства, добывающихся самыми жестокими мерами принятия Канзаса в Союз как рабовладельческого штата, пиратами, выступающими под черным флагом. Он заявил, что эта война ведется ради расширения и усиления рабовладельческой системы и таким образом направлена против интересов свободных штатов. Самнер подчеркнул, что война в Канзасе носит не местный, а национальный характер. От решения, которое будет принято Конгрессом, сказал он, зависит свобода большой территории, мир в стране и наше доброе имя в истории. Против Канзаса совершено беспримерное преступление, подобного которому нет в анналах истории. При этом для большего воздействия на слушателей он опирался на примеры из римской истории. Себя он сравнивал с Цицероном, обличающим правление жестокого и коррумпированного римского наместника Сицилии Верреса. Эта историческая параллель негативный имидж Верреса переносила на действующего президента США Ф. Пирса. Для американцев, зачастую отождествляющих свою республику с древнеримскими добродетелями и доблестью, это был очень удачный и красноречивый ораторский прием, призванный дискредитировать президента-демократа, так как Веррес прославился не только своей жадностью и попранием законов, но и развратностью. Рабовладельцев Самнер идентифицировал с насильниками, которые превратили Канзас в свою жертву. Заявляя открыто об амораль-

ности рабства, сенатор из Массачусетса рисовал мрачные картины будущего, когда свободная территория Канзаса будет заселена не только рабами миссурийцев, но и смешанным цветным населением, которое появится в результате сексуальной свободы нравов плантаторов. Используя популярные тогда библейские сюжеты, Самнер обратился к Мильтоновскому «Потерянному раю», называя доктрину Дугласа греховной, порождением Сатаны. Акт Канзас-Небраска он назвал восстанием против Божественных законов. Свою речь он закончил призывом к свободным гражданам Севера голосовать на будущих президентских выборах за кандидата от республиканской партии. «"Slave Power" (власть рабства. – Т.А.) завоевывает буквально все. Чтобы суметь победить ее, мы должны объединить народ. Из стен Конгресса я обращаю свой призыв к свободному американскому народу!» [36, 31-32].

Его смелая речь вызвала у рабовладельцев нескрываемую ненависть. 22 мая член Палаты представителей Престон Брукс внезапно напал на Самнера, сидящего за письменным столом в здании Конгресса. Он подкрался к нему сзади и жестоко избил палкой по голове. Как утверждали очевидцы неожиданного нападения, было нанесено не менее 30 ударов. Самнер упал, обливаясь кровью [28]. «Трусливое и зверское нападение на сенатора Самнера, – писала бостонская газета "Daily Evening Transcript", – показывает совершенно ясно, что никакой представитель свободных штатов не может осуществлять свои обязанности без риска быть убитым. ...Эти действия – законный результат событий, которые выросли из канзасских несправедливостей... Поддерживая варварство и восхваляя его лидеры, президент и большинство Сената совместно участвуют в позоре, который они сами и породили. Это преступление – не просто против свободы, но против цивилизации» [9].

Суд приговорил Брукса к штрафу всего лишь в 300 долларов, его даже не исключили из состава Палаты. На Юге Брукса приветствовали как героя. В его честь устраивались торжественные обеды и произносились хвалебные речи. Его поклонники преподнесли ему палку с золотым набалдашником [8, 374-376].

В Чикаго, Нью-Йорке и других городах Севера прошли митинги, на которых осуждались преступления рабовладельцев против Канзаса и избивание сенатора Самнера [10, 299]. Тут же происходил сбор денег и запись добровольцев в помощь фристейтерам. Республиканские газеты Севера писали в эти дни о «кровоточащем Канзасе» и «истекающем кровью сенаторе Самнере». Тон большинства из них был резким и осуждающим в отношении сторонников рабства. Они заявляли, что рабство еще раз показало всему миру свое истинное лицо, что оно является угрозой свободе не только на земле Канзаса, но и на Севере, даже в стенах Капитолия. С резким осуждением нападения на Самнера выступил философ Р. Эмерсон, призвав объединяться в защиту американской свободы [27; 11, 107-110]. После кровавых событий в Канзасе в политической риторике республиканцев начинает превалировать линия на осуждение новых компромиссов с Югом.

Снова, как и раньше, республиканские агитаторы стали использовать в своей пропаганде концепт «власть рабства» (Slave Power), чтобы продемонстрировать

избирателям угрозу свободе и правам Севера, исходящую с Юга. Причем иногда они ассоциировали ее со всем Югом, а иногда лишь с рабовладельческой олигархией. «Свобода – общенациональна, а рабство – секционально», – утверждали они [27; 17, 210]. Они изображали Юг как отсталое, деградирующее, варварское общество, ссылаясь на «окровавленного Самнера» и «истекающий кровью Канзас». Один из республиканских ораторов заявлял: «Это не просто борьба, это сражение между свободой и рабством, Богом и дьяволом, небесами и адом». Республиканская пропаганда действительно была секциональной, республиканцы не могли найти поддержку своим лозунгам на Юге. Демократ из Иллинойса писал Бьюкенену: «Существует ужаснейшая злоба в общественном мнении против Юга и его институтов, – злоба совершенно неконтролируемая, и я не знаю почему, но она кажется безграничной и бесконечной» [26, 498-499].

По словам Р. Эмерсона, рабство посягнуло на свободу и перешло в наступление. Выступая на митинге в Нью-Йорке, он резко негативно оценил этот закон. В своем дневнике он записывает: «Варварство, при котором человек низводится до положения животного, и цивилизация не могут сосуществовать в одном государстве. Либо мы выбираем свободу, либо рабство» [12, 11]. Таким образом, обвинения Юга в «варварстве» и «аморализме» становятся наиболее распространенными риторическими приемами республиканцев.

На Севере укреплялось мнение о Юге, что он является более отсталым, аграрным, даже варварским регионом, однако претендующим на сохранение своей политической власти над Союзом. В статье «Где же этому конец?», опубликованной в 1857 году в «Atlantic Monthly», говорилось, что более процветающая часть Союза допускает, чтобы ею управляла более слабая, «невежественная, необразованная и варварская сила» [38, 11-13].

Глубину противоречий, раскалывающих американское общество, ясно понимали наиболее дальновидные политические деятели в самих Соединенных Штатах. 25 октября 1858 года У. Сьюард, выступая в поддержку республиканского кандидата на выборах в Конгресс, произнес речь в Рочестере, которая ввела новый термин в риторику секциональной политики. Страна, сказал он, имеет две радикально различные, антагонистические и несовместимые политические системы. Одна базируется на рабстве, другая – на свободе. Одна нетерпима, несправедлива и негуманна, другая поддерживается божественным законом. Между этими противоположными системами существует неразрешимый конфликт. Все попытки компромиссов оказались эфемерными и пустыми. «Это – неотвратимый конфликт между противоположными силами, – отмечал Сьюард. – Он означает, что США рано или поздно должны стать полностью рабовладельческой или свободной страной... Существование этого великого факта делает все достигнутые ранее компромиссы бесполезными и иллюзорными» [40, 289-302]. Концепт «неразрешимого конфликта» становится ведущим в политической риторике республиканцев, что находит свое отражение и в знаменитых словах А. Линкольна о «о разделенном надвое доме» [20, 461]. «New York Herald» описывала речь Сьюарда как «кровавый манифест», а самого оратора как «отъявленного агитато-

ра». На Юге его выступление называли не иначе как декларацией войны против Юга [29].

Однако южной олигархии удавалось сохранять монополию на политическую власть в стране. «Если населению свободных штатов нравится быть рабами, – писала прореспубликанская "New York Tribune", – они могут оставаться покорными своей участи; если же нет, они должны уничтожить эту гнусную рабовладельческую диктатуру и освободить самих себя от ее политического контроля» [27].

Компромиссы, помогавшие сглаживать противоположность интересов Севера и Юга в вопросах политического доминирования в стране, территориальной экспансии, протекционизма, внутренних улучшений, торговых и финансовых отношений, изживают себя к периоду 1859–1861 годов. Выступая в Конгрессе 26 января 1861 года, представитель Массачусетса Джон Элли отметил неэффективность уступок Югу. Перечисляя все несправедливости, чинимые южанами в отношении Севера, в том числе в отношении свободы слова и петиций, он особенно осуждал их стремление насильственным образом распространить свой «особый институт» на новые территории, сожалея о компромиссах со стороны Севера, поскольку они не способствовали затуханию конфликта. «Каждый новый триумф южан и каждая уступка со стороны Севера только увеличивали их аппетиты и вдохновляли на все более неумеренные и неприемлемые требования, пока они не дошли сейчас до угроз разрушения Союза, если мы не предоставим им дополнительные гарантии их собственности на рабов в территориях» [39, 584].

Ч. Самнер, выступая в Сенате 4 июня 1860 года, заклеил «варварство рабства». Он заявил, что «особый институт» Юга, который южная пропаганда живописала как благодетельный для негров, является варварским учреждением, и южане, которые основали его, – настоящие варвары без всяких признаков цивилизации. Выступая позже в Нью-Йорке, Самнер предсказал, что с избранием кандидата республиканцев Линкольна президентом рабство вскоре скончается «подобно отравленной крысе, которая умирает в своей норе» [29; 10, 358-361].

Начавшаяся сецессия Юга и нападение южан на форт Самтер 12 апреля 1861 года временно сплотило Север, как никогда до сих пор. «Демократы, так же, как республиканцы, консерваторы, так же, как радикалы, чувствовали, что пушки, стрелявшие по форту Самтер, были нацелены в сердце республики», – подчеркивала «New York Tribune» [27, 35, 137]. В поддержку Линкольна выступил даже его давний оппонент Ст. Дуглас. Он заявил: «Есть только две стороны вопроса. Каждый человек должен быть сейчас или за Союз, или против него. Теперь не может быть больше нейтральной позиции в этой войне: или патриоты, или предатели». С подобными же заявлениями о недопустимости межпартийных разногласий и сплоченности всех северян в деле защиты Союза выступили «Chicago Tribune» и «New York Tribune» [4, 132; 25, 8].

Будущий главнокомандующий армии Союза Макклелан отмечал в своем дневнике: «Верность правительству подавляющей части северных граждан была такой очевидной и такой стойкой, что не подлежала никакому со-

мнению» [22, 33; 21, 57-58]. «Вереск воспламенился, – писал в газете житель Бостона. – Я никогда не думал, что возможно такое огромное народное волнение.... Кажется, что все население города, мужчины, женщины и дети, вышли улицу в поддержку Союза». Массовые митинги прошли во всех штатах Северо-Запада. В Нью-Йорке четверть миллиона человек приняли участие в юнионистских митингах. «Пусть наши враги погибнут от меча», – таков был рефрен большинства северных газет. «Вся глупая сентиментальность должна быть отвергнута, и кровавая месть пусть найдет выход и падет на головы презренных предателей, которые вызвали ее своей трусливой дерзостью и изменническими действиями» [30, 758-759, 770-772, 807-808].

В период, предшествовавший Гражданской войне между Севером и Югом, обостряются секционные разногласия. Противостояние Севера и Юга диктовало формирование «образа врага», создание множественных культурно-политических стереотипов, которые четко выявляются в анализе речей политиков, публицистики, материалов прессы. Настойчивой темой антирабовладельческой агитации и северного политического дискурса становится «Slave Power» – господство рабовладельцев, варварство и аморализм рабства. Аболиционист Дж. Ливитт писал С.П. Чейзу: «Я верю, что умы людей готовы к ниспровержению "власти рабовладельцев" (Slave Power) как окончательному результату нашего движения. Я поражен той легкостью, с которой этот термин вошел в употребление... "Slave Power" теперь, бесспорно, включен в политическую лексику страны...» [13, 93; 34]. На протяжении ряда лет жесточайшего противостояния Севера и Юга северные аболиционисты, редакторы и республиканские политики постоянно повторяли, что Юг, а фактически вся страна, управляется грубой «рабовладельческой властью». Эта власть хорошо организована и имеет целью всю страну сделать «страной господ и рабов», подвергая опасности права и свободы северян. Так северные пропагандисты формировали в общественном мнении своего региона негативный образ Юга. Выдвинутый еще аболиционистами и подхваченный республиканцами концепт «slave power» сплотил все антирабовладельческие силы Севера и способствовал нагнетанию страстей. Нейтральность и толерантность в отношении рабства, поиски новых компромиссов стали восприниматься как отсутствие интереса к сохранению либеральных демократических традиций. Идентифицируя свою деятельность с великим делом свободы в интересах широких слоев населения, республиканцы рассматривали самих себя как единственных защитников гражданских и политических свобод. Они драматизировали ситуацию, переводя противостояние с рабством в плоскость борьбы сил добра и зла, свободы и угнетения, демократии и аристократии, говорили о нарастании «неразрешимого конфликта» [31, 223].

Концепт «Slave Power» также создавал на Севере активно внедряемое убеждение, что Юг был экономически застойным, социально стратифицированным и нравственно ущербным. В передовице газеты «Milwaukee Sentinel» под красноречивым заголовком «Варварский Юг» говорилось: «Состояние южного общества демонстрирует растущую тенденцию к возвращению назад, к варварству.

Там очень мало школ, и массы населения вырастают в невежестве и пороках. Люди склонны к насилию и кровопролитию больше, чем к спокойной дискуссии или разрешению своих проблем и затруднений посредством правосудия» [23].

Процесс регионализации и поляризации мнений, рост антагонизма секций разрушали политическое единство страны. Ощущения неизбежности приближающегося «неразрешимого конфликта» постепенно зрели как на Севере, так и на Юге. Видный политик Севера Э. Уэйд в письме жене 22 января 1861 года писал: «Ты спрашиваешь меня, что я думаю о состоянии нашей страны, и в ответ я должен сказать, что еще прежде, чем агитация прекратится, у нас будет жесточайшая война. С этим ничего поделать нельзя. Все компромиссы в мире не остановят рабство. Долгие годы предпринимались попытки сделать это, но каждый раз рабовладельческая агитация становилась еще яростнее. Неразрешимый конфликт продолжается. Мы или будем иметь повсюду рабство, или всеобщую свободу, половинчатый путь здесь невозможен. Юг понимает это, он знает, что все мы здесь, на Севере, за небольшим исключением ...аболиционисты в душе ...и что нашей конечной целью является изгнание проклятья рабства с нашей земли» [38, 135-136].

Нараставшее противостояние Севера и Юга усиливало изоляционистские тенденции и дивергентные процессы в рамках сложившейся американской цивилизации, вело к формированию двух социокультурных систем, к поиску их самоидентификации, к регионализации общественного мнения. Сложившаяся ситуация диктовала каждой стороне необходимость создания политических псевдомифов, опоры на разные культурные архетипы. Как Юг, так и Север апеллировали к мифу как к наиболее универсальной форме объяснения социальных явлений, создавали политические концепты, приспособленные к формированию парадигмы «мы/другие». В этой пропагандистской войне были активно задействованы лучшие ораторы как Севера, так и Юга. Однако несомненно, что усиливавшаяся антирабовладельческая политическая риторика республиканцев внесла существенный вклад в приближение Гражданской войны.

The Republican Party formed in 1854–1856, had a goal to restrict the extension of slavery in the new territories. That's why Republican propaganda needed escalation of anti-slavery rhetoric. There were some causes of it: Kansas-Nebraska Act, the «small civil war» in Kansas, future presidential election. Famous orators of Republicans such as Charles Sumner and William Seward using archetypes and mythologems in public opinion formed new stereotypes. They based on concepts of Freedom, «Slave Power», «Irrepressible conflict». The Republican propaganda helped to consolidate the public opinion of the North on the anti-slavery base. But the country came to the secession and the Civil War.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. – М., 1996.

2. Серван-Шрайбер Ж.-Л. Власть информации. – М., 1973.
3. Фонер Э. Труд рабский и свободный // Исторический образ Америки. – М., 1994.
4. A Treasury of Great Reporting. Literature under Pressure from XVI Century to Our Own Times / Ed. by L. Snyder, R. Morris. – N.Y., 1949.
5. Baker J.H. From Belief into Culture: Republicanism in the Antebellum North // American Quarterly, 1985.– Vol. 37. Fall. – N 4.
6. Baker J.H. Affairs of Party: The Political Culture of Northern Democrats in the Mid-Nineteenth Century. – Fordham, 1998.
7. Barney W.L. The Passage of the Republic. An Interdisciplinary History of XIX-Century America. – Lexington, 1987.
8. Craven A. P. The Coming of the Civil War. – N.Y., 1942.
9. Daily Evening Transcript. – 1856. – May 23.
10. Donald D.H. Charles Sumner and the Coming of the Civil War. – N.Y., 1989.
11. Emerson R.W. Antislavery Writings. – New Haven, 1995.
12. Emerson R.W. Complete Works: In 12 Vols. Boston, 1889 – 1902. Vol. 2. 13. Foner E. Free Soil, Free Labor, Free Men: The Ideology of the Republican Party before the Civil War. – N.Y.-L., 1995.
13. Foner E. The Story of American Freedom. – N.Y., 1999.
14. Gara L. Antislavery Congressmen, 1848-1856: Their Contribution to the Debate Between the Sections // Civil War History. – 1986. – N 32.
15. Gienapp W.E. «Politics Seem to Enter into Everything»: Political Culture in the North, 1840-1860 // Essays on American Antebellum Politics, 1840-1860. – Arlington, 1982.
16. Gienapp W.E. The Origins of Republican Party. 1852-1856. – N.Y. – Oxford, 1987.
17. Glickstein J.A. Concepts of Free Labor in Antebellum America. – New Haven, 1991.
18. Holt M. The Political Crisis of the 1850s. – N.Y., 1983.
19. Lincoln A. The Collected Works: In 9 Vols. / Ed. by R.P. Basler. – New Brunswick, 1953-1955. – Vol. II, III.
20. Lowell J.R. Political Essays. – Boston–N.Y., 1888.
21. McClellan's Own Story. The War for the Union. The Soldier Who Fought for or The Civilians Who Directed It and His Relations to It and to Them. – N.Y., 1957.
22. Milwaukee Sentinel. – 1861. – Apr 15.
23. National Intelligencer. – 1858. – Nov. 13.
24. Neely M.E. Jr. The Union Divided. Party Conflict in the Civil War North. – Cambridge, 2002.
25. Nevins A. Ordeal of the Union: In 2 vols. – N.Y.-L., 1947. – Vol. II.
26. New York Daily Tribune. Febr. 14, 17, 18, 20; Mar. 2, 9, 23. 1854; May 24. June 3. July 2. 1856; 3 July. 1860.
27. New York Evening Post. – 1856. – May 23.
28. New York Herald. – 28, 29, 30 Oct. 1858; June 5, 6, 7. 1860.
29. Northern Editorials on Secession / Ed. by H.C. Perkins. – N.Y., 1942.
30. Nye R.B. Fettered Freedom. Civil Liberties and the Slavery Controversy, 1830-1860. – Urbana, 1972.
31. Paludan Ph. Lincoln and the Rhetoric of Politics // A Crisis of Republicanism. American Politics in the Civil War Era / Ed. by L. Ambrosius. – Lincoln, 1990.
32. Pierson M.D. All Southern Society Is Assailed by the Foulest Charges: Charles Sumner's "The Crime against Kansas" and the Escalation of Republican Anti-Slavery Rhetoric // The New England Quarterly. – Vol. 68, No 4 (Dec. 1995).
33. Ratner L. Jr., Dwight L. Fanatics and Fire-Eaters: Newspapers and the Coming of the Civil War. – Chicago, 2003.

34. Rawley J.A. Secession: the Disruption of American Republic, 1844-1861. – Malabar (Florida), 1990.
35. Sumner Ch. The Crime against Kansas. The Apologies for the Crime. The True Remedy. – Washington, 1856.
36. The American Whig Review. – Vol. 9, N 18. – Jan. 1849; Vol. 14, N 84. – Dec. – 1851.
37. The Causes of the Civil War / Ed. by K. Stampp. Englewood Cliffs, 1973.
38. The Congressional Globe. 36 Cong. 2 Ses.
39. The Works of W.H. Seward: In 5 vols. / Ed. by G.E. Baker. – N.Y., 1972. – Vol. IV.

Т.А. Щелчкова

Смоленский государственный университет

УДК 94(47):930.221

«РАДЗИВИЛОВСКАЯ» ИЛИ «СМОЛЕНСКАЯ» ЛЕТОПИСЬ?

Ключевые слова: *Радзивилловская или Кенигсбергская летопись; род Радзивилов; Смоленское княжество.*

Статья рассматривает историю и место создания списка Радзивилловской летописи конца XV века. Основное внимание уделяется гипотезе о происхождении рукописи в Смоленском княжестве. Диалектические особенности и миниатюры списка Радзивилловской летописи вполне позволяют считать Смоленск местом его создания.

История создания Радзивилловского списка, его сложная судьба и необычный состав вызывают неослабевающий интерес у исследователей.

Достаточно достоверные следы русской летописи конца XV века появляются в середине XVI века, когда Радзивилловская летопись находилась в Литве и, по предположению А.А. Шахматова, высказанному в результате изучения приписок, попала туда с территории современной Белоруссии в конце XVI века. Судя по латинской записи, сделанной на листе 251 оборот, в XVII веке владельцем рукописи вилькийским лесничим Станиславом Зеновичем она была поднесена виленскому воеводе, гетману Яну Радзивилу. После смерти Яна в 1655 году рукопись продолжала оставаться семейной реликвией и досталась Богуславу Радзивилу. Богуслав (умер в 1669 году), видимо, завещал летопись Кенигсбергской библиотеке, экслибрис которой с датой поступления – 1671 год – был ранее прикреплен к внутренней стороне верхней крышки переплёта рукописи.

Неоднократные упоминания князей Радзивилов в записях на дополнительных листах при летописи свидетельствуют об определённом отношении и интересе Радзивилов к древнерусскому летописному памятнику. Так, например, известно, что представители рода Радзивилов на протяжении XV–XVIII веков

занимали высшие государственно-административные и военные должности и что судьба многих из них была тесно связана с Русью.

Виднейший из рода – Юрий Радзивил (1480–1541), прозванный за победы в тридцати битвах «Victor'ом» («Победителем»), был киевским воеводой (1511–1515); Христофор Радзивил (умер в 1640) – активный участник русско-польской (Смоленской) войны 1632–1634 годов и заключения Поляновского мира в июне 1634 года (на реке Полянковке между Вязьмой и Дорогобужем). Януш Радзивил (1612–1655), сын Христофора Радзивила, возглавлял литовские войска в ходе национально-освободительной войны в Белоруссии (1648–1649), в 1651 году его армия заняла Киев; в 1654–1655 годах Януш Радзивил потерпел поражение от русских войск. После занятия Вильно русской армией (июль 1655) и захвата шведскими войсками Варшавы (август 1655) Януш Радзивил стал во главе литовских магнатов шведской ориентации и вместе с Богуславом Радзивилом (умер 31 декабря 1669 года) подписал Кейданский (Кедайнский) договор о переходе Литвы под протекторат Швеции.

В ходе таких исторических событий следы Радзивилловского списка не обнаруживаются. Можно только предполагать, исходя из косвенных данных, что, возможно, кто-то из представителей рода Радзивилов увидел и захватил с собой понравившуюся русскую летопись либо летопись изначально была изготовлена как память о русской (и не только русской) культуре и истории, отразившихся на истории семьи Радзивилов.

Возможно, что список Радзивилловской летописи был вывезен по заранее продуманному плану и оказался в числе других исторических памятников и документов, увезённых в разное время с русской земли, как, например, «Уставная грамота» 1130 года Ростислава Мстиславича Смоленского, неизвестно как пропавшая и обнаруженная в 1838 году в шведских архивах профессором Гельсингфорского университета Соловьёвым; а также документы, представляющие делопроизводство Смоленской приказной избы с августа 1609 по май 1611 года, находящиеся в Швеции, и т. д.

Художественная сторона Радзивилловской летописи, несомненно, представляет общечеловеческую ценность. Как любое другое произведение литературы, независимо от рода и жанра, летопись оказывает на человека вполне определённое эмоциональное воздействие. Представители современных наук единодушно считают, что только произведение искусства может вызывать у человека сложные эмоциональные реакции – эстетические переживания, которые играют основополагающую роль в общественной жизни и деятельности человека и определяют его социальные поступки. Богатый и разнообразный художественный мир литературного произведения способен вызывать у человека и разнообразные эмоции, оказывающие существенное воздействие на оптимизацию физиологических и психических функций человеческого организма. Художественная эмоция, в итоге, способна влиять на сознание человека – только сознательно человек может преобразовать мир.

Итак, оригинал Радзивилловской летописи, как уже упоминалось, оказался в г. Кенигсберге. Во время Семилетней войны с Пруссией (1756 – 1763), после за-

нятия столицы Восточной Пруссии русскими войсками, президент Петербургской Академии наук граф К.Г. Разумовский в 1758 году вытребовал из библиотеки Кенигсберга подлинник Радзивиловского списка, а в 1761 году он был передан в Библиотеку Академии наук.

Споры о месте составления Радзивиловского списка ведутся давно, но пока не получили окончательного разрешения. Различные гипотезы, выдвинутые в разное время учёными, опираются на результаты анализа текста, а также миниатюр рукописи. Как место происхождения летописи называют Смоленск, Новгород, Тверь, Москву. Б.М. Клосс пишет, что «в настоящее время наиболее обоснованной представляется версия А.А. Шахматова и В.Н. Ганцова «о западнорусском происхождении Радзивиловской летописи, в зоне контакта белорусского и великорусского наречий – скорее всего, в Смоленске ... К тому же мнению склоняет анализ стилистических особенностей миниатюр (испытавших значительное западно-европейское влияние) и их содержания» [5, G-N].

В 1913 году академиком А.А. Шахматовым впервые было высказано мнение о том, что Радзивиловский список был составлен в Смоленске, а в 1992 году профессор Смоленского государственного университета В.В. Ильин решительно написал о том, что «настало время восстановить справедливость и дать ему (списку. – Т.Щ.) настоящее имя – Смоленская летопись» [4, 41]. Итак, А.А. Шахматов писал: «Вероятно предположить, что Радзивиловский список составлен в Смоленске. Здесь более, чем в каком-либо ином городе Западной Руси, интересовались суздальским, московским и новгородским летописанием, как это видно, между прочим, из летописи Авраамки, составленной в 1495 году в Смоленске» [10, 73-74].

Авраамка в четвёртом разделе своей летописи, носящей название «Летописец Литовский», воспроизводит события, происходившие в Литве. Заинтересованность Литвы в русских летописных памятниках подтверждает и В.В. Ильин, приводя высказывание известного польско-литовского хрониста XVI века Стрыйковского: «без Руси Литва не знала бы своей истории, ибо русские имеют древнейшие сказания, своих же национальных летописцев, писавших на литовском языке, у Литвы не было» [4, 49]. Связь литовской истории с древнерусской культурой устанавливает и Г.В. Ражнёв. В своей книге «Герб Смоленска» он приводит изображение всадника из Радзивиловской летописи (лист 38 оборот, низ; миниатюра иллюстрирует события 971 года): это князь Святослав Игоревич, возвращающийся из Переяславца. В списке есть и другие аналогичные изображения всадников на белом коне с мечом. Г.В. Ражнёв считает, что данный мотив, излюбленный для смоленских художников, могли позаимствовать соседние литовцы, не имевшие в то время своей письменности, для создания гербового изображения Погоня. Некоторое время герб Погоня был и гербом Смоленска, вынужденного выступать под знаменами Литовского княжества в случае военных действий. «Так, кстати, произошло в Грюнвальдском сражении 1410 года, где около 30 полков литовско-русского войска имели идентичные знамена с гербом Погоня» [8, 77].

В защиту «смоленской» гипотезы выступил впоследствии ученик А.А. Шахматова филолог В.М. Ганцов. Проведя тщательный лингвистический анализ, он подтвердил мнение Шахматова: «Скрещение белорусских особенностей с великорусскими в тексте Радзивилловского списка дало основание академику Шахматову полагать, что он написан в области, пограничной между этими двумя наречиями, всего вероятнее в Смоленске... Такое предположение вполне объясняет все особенности письма и языка Радзивилловского списка, так как и те великорусизмы, которые в нём встречаются, становятся понятными при допущении культурного влияния Москвы и Суздаля, проникавшего в Смоленск одновременно с влиянием западной культуры» [3, 241-242].

А.В. Арциховский в 1944 году писал, что гипотеза А.А. Шахматова о смоленском происхождении рукописи, выдвинутая на основе диалектологических особенностей, «остаётся наиболее обоснованной». Участвуя в споре о месте составления Радзивилловского списка, академик Б.А. Рыбаков в 1944 году пишет, что «наибольшее количество доводов приходится в пользу Смоленска...» [2, 4-40]. Доводы эти таковы: во-первых – особая миниатюра (лист 4 оборот), обозначенная надписью «Град Смоленскъ». Исходные два рисунка выражали иную тему, но художник сам захотел придать рисунку такой смысл, поставив Смоленск в ряд с Новгородом и Киевом. Второй довод в пользу Смоленска: на неясной по происхождению миниатюре (лист 212 оборот, верх), где слуги бьют дубиной князя Всеволода Юрьевича, хозяином положения в 1174 году был смоленский князь Давыд Ростиславич, и только с позиций смолянина XV века эта миниатюра может быть понята правильно. Возможно, что с этих же позиций следует рассмотреть ещё одну миниатюру, отклоняющуюся от общей линии (лист 239 оборот) – полочане дают дары тому же Давыду Ростиславичу Смоленскому в 1185 году. Композиция вольная, позволяющая считать автором её художника XV века. Миниатюра говорит в пользу Смоленска значительно больше, чем текст на листе 239: летописец сообщает, что, узнав о походе смоленского князя, полочане встретили его «на межах с поклоны и со честию и даша дары многи и уладишася». На рисунке же полочане подносят не только дары, но и княжескую шапку, изъявляя тем вассальную покорность Смоленску.

Важным документом в пользу смоленского происхождения сохранившейся до наших дней рукописи Радзивилловской летописи, далее пишет Б.А. Рыбаков [9, т. 1], является изображение каменной ротонды при описании пребывания Юрия Долгорукова в 1154 году в Смоленске. Такая ротонда в Смоленске обнаружена при раскопках. Исследователь Д.А. Авдусин датирует её рубежом XII и XIII веков, то есть временем более поздним, чем иллюстрируемое событие. Маловероятно, чтобы эту зарисовку с натуры произвели сводчики 1206 года.

Ещё один довод (косвенный): большое количество западных элементов в копии XV века не противоречит смоленскому происхождению её, так как Смоленск входил тогда в состав Польско-Литовского государства.

О западном влиянии на Радзивилловскую летопись пишет также О.И. Подобедова [6], которая упоминает о второй лицевой летописи, легшей

в основу Радзивиловской. Подобедова предполагает, что вторая лицевая летопись начиналась также «Повестью временных лет», но особой редакции, сходной с третьей редакцией Повести (если судить хотя бы по наличию в ней так называемой «Ладожской летописи», то есть известия о первоначальном распределении земель между братьями-варягами и княжении Рюрика в Ладоге, присущей третьей редакции «Повести временных лет»). Сложившаяся вне Киева, по-видимому, она была западно-русского происхождения и обладала теми диалектологическими особенностями, на которых уже останавливались Шахматов и Ганцов.

Исследователи миниатюр Радзивиловского списка дополнили сведениями смоленскую гипотезу. Так, М.И. Артамонов (в 1931 году) считал местом создания Радзивиловской рукописи Смоленское княжество, явившееся в XV – XVI веках ареной борьбы «Запада и Востока», борьбы «разных социальных культур, разных мировоззрений» [1, 1-27].

А.В. Арциховский на миниатюрах Радзивиловского списка отмечает отдельные бытовые предметы западного происхождения. Это касается не только одежды, но и боевой техники, в частности пушек (на листах 195 верх, 201 низ, 209 оборот, 217 оборот, низ, 225 оборот, 236 оборот, низ), появление которых на Руси датируется второй половиной XIV века. Следует отметить, что в появлении и распространении на Руси огнестрельного оружия Смоленское княжество играло значительную роль. Г.В. Ражнёв, исследуя историю изображения пушки на гербе города Смоленска, пишет, что «о возможности наличия в Смоленске огнестрельного оружия во второй половине XIV века говорит тот факт, что Смоленск вёл самостоятельную так называемую "ганзейскую" торговлю с Западом» [8, 30]. «В 1352 году шведский король Магнус даже жаловался Ганзе на то, что немецкие купцы усиливают русских, подвозя им оружие, железо, сукно и пр.» [8, 30].

Белорусские исследователи предполагают, что пушкарное производство на территории Руси возникло именно в Смоленском княжестве. «Одним из центров производства огнестрельного оружия, – пишет Ражнёв, – был город Кричев, входивший в Смоленское княжество, но захваченный литовцами во второй половине XIV века. Знаменательно, что первое упоминание об артиллерии в Москве связано со Смоленским княжеством, оно относится к августу 1382 года, когда Москва защищалась от полчищ Тохтамыша... Укрепил кремль и доставил туда большие пушки литовский князь Остей, внук Ольгерда, пришедший из Смоленского княжества» [8, 30].

Итак, как говорилось выше, Радзивиловская летопись в конце XVI века из Белоруссии попала в Литву и, исходя из косвенных источников, можно предположить, могла находиться на территории, непосредственно прилегающей к Белоруссии и Литве, то есть в Смоленске. Поэтому интерес к иллюстрированному списку русской летописи конца XV века здесь вполне понятен и наравне с известным названием – «Радзивиловская» – летопись может называться «Смоленская».

The article deals with the history and the location of the Radzivilė chronicle creation of the end of the XV century. The hypothesis about the origin of the chronicle in the Smolensk principedom is at the centre of attention. On basis of the dialectal features and register miniatures of the Radzivilė chronicle the author supposes that Smolensk was a location of the register's creation.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонов М.И. Миниатюры Кенигсбергского списка летописи // Известия государственной Академии истории материальной культуры. – Л., 1931. – Т. 10. – Вып.1.
2. Арциховский А.В. Миниатюры Кенигсбергской летописи // Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. – М.: МГУ, 1944.
3. Ганцов В.М. Особенности языка Радзивиловского (Кенигсбергского) списка летописи // ИОРЯС АН СССР. 1927. – Т. XXXII. – Л.: Издательство АН СССР, 1927.
4. Ильин В.В. Смоленск – слово старинное и чарующее. Из истории письменной культуры города. – Смоленск, 1992.
5. Клосс Б.М. Предисловие к изданию 1997 года. С. G-N // Лаврентьевская летопись. (Полное собрание русских летописей. Т. I.) – 2-е изд. – М.: Языки славянской культуры, 2001.
6. Подобедова О.И. Миниатюры Радзивиловской (Кенигсбергской) летописи // Подобедова О.И. Миниатюры русских исторических рукописей. – М.: Наука, 1965.
7. Радзивиловская летопись: факсимильное воспроизведение рукописи. – Т. 1–2. – СПб. – М.: Глаголь; Искусство, 1994.
8. Ражнев Г.В. Герб Смоленска // Библиотека журнала «Край Смоленский». – 1993. – №1.
9. Рыбаков Б.А. Миниатюры Радзивиловской летописи и русские лицевые рукописи X – XII веков // Радзивиловская летопись: факсимильное воспроизведение рукописи. – Т. 1–2. – СПб. – М.: Глаголь; Искусство, 1994.
10. Шахматов А.А. Заметка о месте составления Радзивиловского (Кенигсбергского) списка летописи // Сборник в честь 70-летия Д.Н. Анучина. – М., 1913.

Е.Д. Беспалёнок

Смоленский государственный университет

УДК 94(47)17/18

УЧАСТИЕ ВЯЗЕМСКИХ КУПЦОВ ВО ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ РОССИИ В XVII–XVIII ВЕКАХ

Ключевые слова: *купечество; внешняя торговля России; отпуск товаров к морским портам; отношение купцов к внешнеторговой деятельности.*

Изменение политической роли Вязьмы после возвращения Смоленска в состав России в середине XVII века отразилось и на её роли во внешней торговле страны. В течение последовавшего столетия произошли характерные изменения и в структуре экономической деятельности местного купечества, что отразилось также и на отношении купцов к торговле за рубежом.

Данная статья рассматривает поставленные проблемы на основе рукописных материалов, хранящихся главным образом в Российском государственном архиве древних актов.

Внешняя торговля играла существенную роль в экономике России XVII – XVIII веков. Развитие некоторых отраслей российского хозяйства уже во второй половине XVII века находилось в тесной зависимости от уровня спроса на их продукцию на внешнем рынке, в первую очередь – европейском. Это особенно характерно для приграничных регионов, каким был Смоленский край. Его производственная и торговая специализация была в значительной степени ориентирована на зарубежные потребности. Европейские мануфактуры нуждались в растительном волокне (пенька, лён), поступавшем из России. Купечество западного региона России имело богатый опыт зарубежной торговой деятельности, связанной с вывозом пеньки, долгое время доставлявшейся к Рижскому порту по Западной Двине.

История развития вяземского купечества и Вязьмы как торгового центра далеко не так однозначна. Она интересна тем, что с изменением политического положения этого города изменилась и его роль в хозяйственном организме региона. В XVII веке переломным моментом для западнорусских уездов стал 1654 год, когда Смоленск был возвращён в состав России из-под польского владычества. С этого момента роль Вязьмы как торгового центра на западном рубеже страны начала падать, что отразилось и на структуре хозяйственных занятий местного населения, и на процессе формирования вяземского купечества.

Проведённые Петром I в первой четверти XVIII века реформы, а также политика его последователей в середине и второй половине этого столетия была направлена на широкую поддержку предпринимательства в России. Это в целом положительно отразилось и на развитии вяземского купечества. Однако в XVIII веке внешнеторговой деятельностью занимались лишь отдельные, хотя и довольно яркие, его представители.

Проследить этот путь изменения роли Вязьмы и её купечества во внешней торговле страны позволяет целый комплекс документальных материалов, хранящихся главным образом в Российском государственном архиве древних актов. Среди архивных документов XVII века, содержащих богатый материал по внешнеторговой деятельности вяземского купечества, особого внимания заслуживают книги вяземской таможни. К.В. Базилевич справедливо отнёс их к самым полным документам этой группы [1, 75]. В фонде Боярских и городских книг РГАДА сохранилось 17 приходо-расходных книг города Вязьмы. Их можно разделить на две группы: первая – книги 1649/50–1653/54 годов (1), вторая – 1654/55–1679/80 годов [12]. Такое деление обусловлено тем, что, во-первых, в 1653 году была проведена реформа таможенного обложения, а во-вторых, осенью 1654 года после успешных действий русских войск граница отодвинулась от Вязьмы на запад, центром торговли с западными соседями опять стал Смоленск, что существенно повлияло на структуру рынка и торговые обороты в Вязьме. Различается со-

держание записей книг первой и второй группы: в первой – больше сведений о направлении вывоза товарных партий, в том числе и «за рубеж», во второй – более точные данные о ценах и количестве товаров. Этот источник привлёк внимание исследователей уже в XIX веке. Так, исследователь И.П. Виноградов в «Историческом очерке торговли и промышленности города Вязьмы» сравнил данные таможенных книг за 1658, 1667 и 1674 годы [6, 101-113]. Неоднократно данные прихода-расходных книг Вяземской таможни использовались в исторических исследованиях XX–XXI веков. Книги первой группы были рассмотрены историком А.В. Дёмкиным с целью изучения внешней торговли России в западном направлении в 1649–1654 годах. Основательному статистическому анализу с целью создания общей картины торговли в Вязьме в 1649–1680 годах были подвергнуты все 17 книг Вяземской таможни исследователем А.И. Раздорским. Значительное место находят материалы вяземских таможенных книг и в работах автора данной статьи. Все названные авторы рассматривали и внешнеторговый аспект хозяйственной деятельности вяземского купечества [8, 3-21; 11, 64-79; 4, 56-63; 3, 49-53].

Дополнительные сведения о деятельности вяземского купечества, связанной с внешней торговлей, содержатся и в четырёх прихода-расходных книгах Смоленской таможни за 70-е годы XVII века, хранящихся в фонде Приказа княжества Смоленского РГАДА.

Источники, содержащие информацию о предпринимательской деятельности вяземских купцов в XVIII веке, довольно многочисленны и разбросаны по разным архивным фондам. Сведения о занятиях населения Вязьмы первой четверти века содержатся, прежде всего, в материалах I ревизии, составившихся в 1722–1723 годах. Дополнительные материалы имеются и в немногочисленных таможенных выписках этого периода (ф. 829 РГАДА).

Информацию, относящуюся ко второй половине XVIII века, содержат «Статистические сведения о Смоленском наместничестве», хранящиеся в фонде Внутреннего управления. В Ведомостях российских портовых и пограничных таможен и застав за 1760-е годы, находящихся в фонде Мануфактур-коллегии, имеются данные о привозе товаров из разных городов, в том числе – из Вязьмы. Интересны и документы, являющиеся продуктом коллективной мысли самих купцов. Это ответы на «Пункты» Комиссии о коммерции, составленные купцами в Вяземском магистрате в 1764 году, а также Наказ вяземских посадских людей, данный депутату Уложенной комиссии в 1767 году и опубликованный Императорским Русским историческим обществом в 1911 году. Характерно, что эти документы в основном имеют обобщающий характер и конкретных фактов в них немного. Восполняет этот недостаток ряд источников из фонда Главного магистрата. Среди них – судебные дела, рассматривавшиеся по жалобам отдельных купцов, и другие документы, помогающие детализировать общую картину.

Разрозненность и неполнота данных о внешнеторговой деятельности вяземичей в XVIII веке стала, вероятно, одной из причин отсутствия специальных работ по этой теме, хотя в целом российская внешняя торговля этого периода

пользуется пристальным вниманием учёных, начиная уже с XVIII века, когда был опубликован известный труд М.Д. Чулкова [27]. В последовавшие столетия был издан целый ряд работ, внёсших вклад в изучение внешней торговли России XVIII века [9, 34-36; 10; 24; 25; 26].

Главным недостатком рассмотренного комплекса документальных источников по истории участия вяземского купечества во внешней торговле XVII – XVIII веков является то, что сведения из документов разных столетий с трудом поддаются сопоставлению. Действительно, документы различаются и по структуре, и по степени подробности и конкретности данных, и по своему назначению, и по ряду других параметров. Однако эти трудности не могут служить основанием для отказа от изучения их в комплексе с целью попытаться понять, какие изменения произошли в степени и характере участия вязьмичей во внешней торговле и в их отношении к ней.

Несмотря на те проблемы, которые переживала Россия в первой половине XVII века, этот период, особенно середина столетия, стал для Вязьмы временем расцвета её как одного из важнейших центров на западных рубежах страны и в политическом, и в торговом отношении.

В 1649/1650 году транзитом через Вязьму провозили различные товары 28 русских купцов, из них 19 были жителями Вязьмы, в 1651/1652 году – из 42 – 35, в 1652/1653 году из 33 – 20, а в 1653/1654 году – из 7 – 5. А.В. Дёмкин насчитал более 20 видов товаров, вывозимых вязьмичами за рубеж (через Вязьму) в 1649–1654 годах. В их числе – мыло, пушнина (лисы, волки, соболя и пр.), мёд, железный товар (сохи-лемеша, сковороды, полицы и пр.), рукавицы и др. Одной из главных статей русского экспорта была пушнина. В середине XVII века Вязьма занимала заметное место в вывозе пушнины, опережая сибирские города Тару и Тобольск, а также Устюг Великий. Не менее половины товарной массы пушнины доставляли на рынок вяземские купцы [8, 7, 9, 12, 13, 19].

В 1653/1654 году начался кризис внешнеторговой деятельности вяземского купечества. Упадок был связан со сложной обстановкой на русско-польской границе и начавшимися военными действиями в связи с присоединением Украины к России. Однако и после Андрусовского перемирия 1667 года вяземская торговля не восстановилась в прежних объёмах. Исследователь А.И. Раздорский обратил внимание на резкое сокращение транзитного торгового движения после начала русско-польской войны. Только в единственной таможенной книге за этот период были обнаружены транзитные явки. Таким образом, в 1673/1674 году в Вязьме было зарегистрировано всего 15 транзитных явок, 9 из которых были сделаны вязьмичами [11, 73].

Одновременно на вяземском рынке произошла замена одного традиционного экспортного российского товара другим. Во второй половине 50-х годов XVII века в Вязьме практически утратила торговля пушниной. В то же время к 70-м годам XVII века на первое место в общем товарообороте вязьмичей выдвинулась пенька, причём доля её росла постепенно: в 1656–1658 годах она составляла от 6,3 до 15,6%, а в 1674–1677 годах – до 32,5% (2113 рублей). Хотя боль-

шинство вязьмичей специализировалось на торговле пенькой только в 70-х годах XVII столетия, среди них встречаются и такие торговые люди, которые связали свою деятельность с этим товаром уже в 50-х годах. Так, в 50-х, 60-х и 70-х годах XVII века пенькой торговали посадские люди А. и И. Гойдуковы и вяземский ямщик А. Коренев. Весьма показательно развитие торговой деятельности отца и сына Алексея и Ивана Гойдуковых. В 1649/50 – 1652/53 годах Алексей Гойдуков являл на Вяземской таможене преимущественно пушнину (соболей, бобров, хорей и пр.). Нередко он сам отвозил «мягкую рухлядь» за рубеж. Со второй половины 50-х и до конца 60-х годов XVII века он специализировался на торговле пенькой, занимаясь её скупкой в уезде и перепродажей. Так, в январе 1669 года он трижды являл этот товар. В целом же за год он зарегистрировал четыре партии пеньки общим весом 270 пудов на сумму 54 рубля. В 70-х годах дело отца продолжил Иван Гойдуков, почти каждый год являя по несколько крупных партий этого товара. Например, в 1675/76 году он поставил на рынок 380 пудов пеньки на сумму 67,8 рубля [13].

Сопоставление данных смоленских и вяземских таможенных книг показывает, что ежегодные пики пеньковой торговли в Вязьме опережали таковые в Смоленске. Более того, в отличие от смоленских мещан, самостоятельно вывозивших пеньку за рубеж, вязьмичи занимались только скупкой и перепродажей этого товара в пределах своего и ближайших уездов (2). Таким образом, можно сделать вывод о том, что Вязьма вместе с уездом влилась в региональный хозяйственный организм, деятельность которого была ориентирована в значительной степени на производство пеньки и продажу её за границу. Это определило формирование производственной и торговой специализации Вязьмы и её уезда.

В Петровское время проводилась политика меркантилизма, составной частью которой было развитие российской внешней торговли через морские порты, главным из которых стал Санкт-Петербург. Тем не менее в своих «сказках» во время I ревизии лишь немногие вяземские жители сообщали, что одним из их занятий был отпуск товаров «к российским портам в Санкт-Питербурх». К этим вязьмичам относились представители старинной привилегированной корпорации гостиной сотни братья Иван и Никон Веленины и Яков Болотин, а также Кондратий Коптев. Удивительно, что К. Коптев был недавним выходцем из крепостных крестьян стольника А.И. Нарышкина и, несмотря на то, что он записался в Вяземский посад, был свободным человеком и имел своих крепостных работников «полской нации», он подвергался жестоким и незаконным притеснениям со стороны бывшего владельца. Эти действительно контрастные примеры, отобранные самой жизнью, свидетельствуют, во-первых, о том, что купечество пополнялось за счёт выходцев из низших слоёв населения, а во-вторых, о весьма сложной обстановке, в которой развивалось предпринимательство в первой четверти XVIII века. В Петербург вязьмичи поставляли пеньку, воск, хлеб и кожи (юфть). Точного количества участников торговли назвать невозможно, так как некоторые горожане, потомки которых стали позже известны как богатые купцы, отправлявшие скупленные товары за рубеж, вероятно, скрывали сведения о сво-

их занятиях. Так, А. Масленников, Е. Рыков и Я. Фатов объявили, что кормятся «черною работою» [18]. Даже с учётом этих скрытых участников внешней торговли общее количество их было весьма невелико.

К 60-м годам XVIII века, когда перед российскими предпринимателями раскрылись новые возможности, когда государство стало не только активно интересоваться нуждами широких масс купечества, чего ранее не было, но и принимать меры в масштабах всей страны для широкого развития предпринимательства, улучшилось положение и вяземского купечества. Но так как меры правительства были направлены главным образом на развитие казённой зарубежной торговли, участие вязьмичей, как и большинства российских купцов, во внешней торговле страны заключалось в основном в скупке и доставке экспортных товаров к портам. По Ведомости, поданной в Комиссию о коммерции в 1764 году, теперь уже более двадцати первогильдейских семей Вязьмы объявили в качестве своего основного занятия «отпуск» товаров к Рижскому и Санкт-Петербургскому портам. Чаще всего товары отвозились «водяною коммуникациею» с Бельской, Поречской, Гжатской пристаней. Иногда использовался «сухой» (гужевой) путь. Два человека, которых можно отнести к данной группе, продавали товары, хотя и в самой Вязьме, но определённым купцам, отвозившим их к портам.

Представители немногочисленной верхушки вяземского купечества, как правило, сочетали свою внешнеторговую деятельность с другими видами предпринимательства. Можно выделить не менее семи видов экономической деятельности купцов I гильдии. Представители 40 семей этой категории 24 раза называли своим основным занятием торговлю к Рижскому и Санкт-Петербургскому портам (обычно – хлебом, пенькой и льном). Столько же раз упоминалась скупка сельскохозяйственной продукции: пеньки, льна, хлеба, мёда, воска и «разного мелочного товара». 20 купцов заявили о торговле «в разных городах», 5 – о разных казённых подрядах и столько же – о лавочной торговле. 10 вяземских первогильдейцев сочетали торговое предпринимательство с промышленным. У них имелось 6 «кожевных» и 2 мыльных завода, «шляпная», «копоросная» и «железных водяных заводов фабрики» [19].

Среди названных вязьмичами экспортных товаров преобладали пенька и лён (упоминались по 15 раз), на втором месте был хлеб «разный» (12 раз), на третьем – семя льняное и юфть (по 7 раз), далее – железо (5 раз) и по 2–3 раза отмечались мёд, воск, конопляное масло, мыло и прочее. Вязьмичи, имевшие мануфактуры (железоделательные, кожевенные, мыльные), как правило, сами отправляли свою продукцию за рубеж. Большинство же торговавших на экспорт вывозили скупленную ими у производителей или перекупленную у скупщиков продукцию.

По ведомостям российских портовых и пограничных таможен и застав за 1764 год, экспорт воска через Санкт-Петербург в этом году составил 13,5 тыс. пудов, при этом из Вязьмы было поставлено около 500 пудов этого товара. Экспорт льна тогда же достиг 125,8 тыс. пудов, а из Вязьмы было привезено 10,8 тыс. пудов. Пенька в том же году была вывезена в количестве 1,18 млн. пудов, а с

Гжатской пристани, через которую отправляли свой товар и вязьмичи, было отпущено 105 тыс. пудов [9, 34-36]. Экспорт хлеба в ведомостях не был показан, так как он осуществлялся через откупные товарищества.

Среди вяземских купцов были и отдельные выдающиеся участники российской внешней торговли. Первым из них был Иван Сидорович Барышников. В последние годы царствования Елизаветы Петровны И.С. Барышников развивал успешную деятельность, торгуя хлебом через Ригу, что принесло ему немалые доходы. Позднее его внук А.И. Барышников раскрывал секрет коммерческого успеха своего деда и других российских купцов: «...В это время, когда Америка не значила еще ничего торговлею и весь хлеб за границу шел из России, один-два года счастливых могли составить значительное состояние, ибо, когда случается в Европе неурожай, цены вдруг поднимались невероятно, и купивший зимою в Белой хлеб по дешевой цене, продавал его весною, сплавивши в Ригу, втрое дороже. ...Торговля хлебом была истинный хлеб насущный и совершенно верный для вяземских купцов и всех торговавших в Смоленской губернии» [7].

Другой состоятельный вяземский купец Т.Ф. Бубнов, оборотный капитал которого достигал 7 тысяч рублей, торговал, главным образом, продукцией своих заводов – кожевенного и мыльного. Он отвозил юфть и мыло в Санкт-Петербургский порт. В то же время предприниматель занимался скупкой пеньки, хлеба и льна [20].

Внешнеторговая деятельность вязьмичей была осложнена целым рядом обстоятельств. В 1764 году они писали правительству, хотя и довольно кратко, о тяжёлых условиях, в которых проходила доставка их товаров в Ригу. Вязьмичи писали об «утеснениях» при выезде с Бельской и Поречской пристаней на реку Двину. Они жаловались на «немалое задержание» в Витебске и прочих польских «местечках», где «берут с великим домогательством с купечества без всякого положения в каждой год с повышением по их хотению, чем причиняют купечеству немалое отягощение, а коммерции помешательство». При крушении судов в Курляндии русские купцы терпели обиды от местных жителей. В Риге серьёзную проблему представляло отсутствие помещений для складирования товаров. К тому же рижское мещанство, как отмечали вязьмичи, «никогда не допускает» того, чтобы российские купцы отпускали из Риги свои товары в другие государства «по Ботническому морю» [21]. При всём этом отношение к проблемам внешнеторговой деятельности в Вязьме значительно отличалось от той заинтересованности, какая была в соседнем Смоленске. Связано это было с тем, что в отличие от смоленских мещан немногие вяземские купцы торговали собственно за границей. Поэтому, когда в 1763 году смоляне поставили перед правительством вопрос о необходимости учреждения должности консула в Польше для содействия торговавшим там российским купцам, вязьмичи в ответе на запрос указали, что «из вяземскаго купечества по случаю некоторыя немногия купцы и то временно торги свои в Полшу производили». Такой ответ был мотивирован, по всей видимости, ещё и нежеланием вяземских купцов тратить деньги на жалование консулу.

Весьма характерно и то, что смоленские купцы практически открыто вытесняли вязьмичей из польской торговли, противопоставляя отдельным вяземским купцам силу своего корпоративного сплочения. Такой пример содержится в одном из судебных дел в фонде Главного магистрата. Дело было заведено по челобитью Логина Гойдукова, жаловавшегося на ратмана губернского магистрата Степана Никитина, который в 1755 году обвинил его в повреждении своего струга на Западной Двине в пределах Польши. Л. Гойдуков объяснял, что С. Никитин обвинил его «ложно, желая (его) привести до убытков и учинить помешательство в торговом (его) промысле» [17]. После такого прямого указания на конкуренцию как причину затруднений во внешнеторговой деятельности возникают сомнения и по поводу причины разорения другого вяземского купца. В связи с этим в доношении Вяземского магистрата указывалось, что ратман Карп Ечеистов практически потерял своё дело в Санкт-Петербурге, откуда он поставлял лён и пеньку за границу. В 1761 году его портовый склад с товаром сгорел, и убытки составили 6333 рубля [15]. Возможно, это было не случайностью, а результатом действий конкурентов.

Более значимыми для вяземских купцов были условия, в которых проходила скупка пеньки внутри России, особенно в производившем её западнорусском регионе. Купеческая торговля пенькой, особенно скупка её в деревнях, затруднялась конкуренцией со стороны торговавших крестьян и помещиков. И в 1764 и в 1767 годах вязьмичи ставили перед правительством вопрос о необходимости запретить торговлю «разнаго чина людям», в том числе и помещикам, от которых «крайний упадок и упущение в коммерции происходит». По словам купцов, помещики запрещали своим крестьянам продавать пеньку и собирали её «на себя поставленную низкою ценою», чтобы самим торговать ею с купцами «дорогою ценою». В результате в убытке были и крестьяне, и купцы. Аналогично помещики поступали с льном, хлебом и другими товарами [22, 97-98].

В торговле пенькой вяземские купцы, как и смоленские, сталкивались и с другой проблемой, о которой они писали в 1764 году. Это низкое качество товара, поставляемого им крестьянами и «всякого чина людьми». Купцы ссылались на «торговый устав», то есть таможенный устав 1755 года, который содержал положение, обязывающее крестьян продавать пеньку очищенную и разобрannую по сортам. Но крестьяне действовали вопреки уставу, поставляя купцам пеньку нечистую, «костривую» и вдобавок «напрыскивая водою». При этом вязьмичи покупали у них товар по высокой цене [23, 466].

Участию вязьмичей во второй половине XVIII века во внешней торговле, как и развитию их предпринимательства в целом, препятствовали многочисленные проблемы, характерные для этого периода. В жалобах вяземского купечества в Комиссию о коммерции подробно говорилось о таких типичных для российского купечества проблемах, как «надобность» в земле (причем не только для выгона скота, но и для «размножения мануфактур и фабрик»), «изнеможение от постоев военных» и от запрещения покупать крепостных, конкуренция в торговле со стороны помещиков и крестьян, тяготы от разных платежей и иногородних служб, отсутствие системы коммерческого кредитования и другие (3).

Ярким примером того, как пострадала от военных постоев внешнеторговая деятельность вяземского купца, является случай с упоминавшимся уже вяземским бургомистром Логином Гойдуковым. Самые большие убытки в своём торговом предпринимательстве Л. Гойдуков понёс из-за того, что в 60-х годах XVIII века военные Рязанского карабинерного полка постоянно занимали его, как сам он писал, коммерческий дом на Бельской пристани. Вместе с домом были заняты и хозяйственные постройки, служившие складами для товаров. Купец Гойдуков сообщал, что «наперед сего ис того комерческого ево дому отправлялось к Рижскому порту разных товаров ежегодно более как по 10-ти стругов, и происходило оттого казенному интересу в платеже пошлин немалое приращение, чем он сам доволствовался и государственныя подати платил» [16]. От постоев пострадал и брат купца Лаврентий Гойдуков. Братья Гойдуковы, отпускавшие ежегодно в 50-х годах XVIII века к Рижскому и Петербургскому портам различные сельскохозяйственные товары на сумму до 50 и более тысяч рублей, к середине 60-х годов XVIII века могли торговать уже не более чем на 10 тысяч рублей в год. Причину снижения оборотов своей торговли купцы объясняли «притеснениями несносными постояями». В частности, «торг к порту умаливается» от того, что военные занимали не только жилые дома купцов, но и их амбары, «где кладутся товары».

В 1780 году в Статистических сведениях о Смоленском наместничестве, составленных губернской канцелярией, в разделе «О торгах и промыслах» сообщалось: «В Вязьме. Купцы здешние торгуют разным хлебом, пенькою, табаком, юфтами, железом и протчими разными вещьми, из которых *некоторые* отвозят как к Рижскому, так и к Санктпетербургскому портам; из сего же последняго привозят разные виноградные вины и шелковые товары. Многие также из купцов разные шелковые и шерстяные товары покупают в Петербурге и Белоруссии и у себя в городе оные продают; а протчие имеют юфтяные, кожаные фабрики, и в том промысел их состоит» [14] (курсив наш. – Е.Б.). Как видно из документа, в последней четверти XVIII века внешнеторговая деятельность была для вяземского купечества далеко не самым важным видом предпринимательства.

Таким образом, непосредственное участие вязьмичей во внешней торговле после 1654 года постепенно, хотя и неравномерно, уменьшалось. Следует отметить, что в XVIII веке, в отличие от Смоленска, пограничное положение не было определяющим фактором в формировании условий для деятельности вяземских предпринимателей. Непосредственными участниками внешней торговли были лишь «некоторые» вяземские купцы. Вопросы, связанные с заграничной торговлей, хотя и волновали вязьмичей, но не ставились ими на первый план, как это было у смоленских мещан (см., например, [2]). В то же время нельзя игнорировать роль вяземского купечества в развитии внешней торговли России, имея в виду то обстоятельство, что вязьмичи, как и большинство российских купцов, осуществляли скупку и доставку к портам экспортных товаров. Это было важнейшим – подготовительным – этапом в осуществлении российской внешней торговли.

After including Smolensk into the territory of Russia in the middle of the XVII-th century, the political role of Vyazma changed. This event also touched upon its role in the foreign trade of the country.

The structure of economic activities of the local merchants changed a lot during the following century. It had an effect on the merchants' attitude to the trade abroad.

The article is devoted to these problems. It is based on the manuscripts, which are mainly held in Russian state archives of ancient documents.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базилевич К.В. К вопросу об изучении таможенных книг XVII века (Проблема внутренней критики источника) // Проблемы источниковедения. – М.-Л., 1936. – Сб. 2.
2. Беспалёнок Е.Д. Вечные проблемы (Что препятствовало развитию купеческого предпринимательства в Смоленском крае в XVIII веке) // Край Смоленский. – Смоленск, 2003. – № 11–12.
3. Беспалёнок Е.Д. Смена поколений и преемственность капиталов вяземского купечества в XVII – XVIII вв. // Экономика, управление, демография городов Европейской России XV – XVIII вв.: история, историография, источники и методы исторического исследования: материалы международной конференции. – Тверь, 1999.
4. Беспалёнок Е.Д. Таможенные книги Смоленска и Вязьмы как источник по истории западнорусского купечества XVII века // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI – XVIII вв.: сборник материалов международной научной конференции. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001.
5. Беспалёнок Е.Д. Условия развития купеческого предпринимательства в Вязьме XVIII в. // Вязьма. Страницы истории: сборник материалов краеведческих конференций 2001 – 2004 гг. – Смоленск, 2005.
6. Виноградов И.П. Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времен до XVII в. (включительно). – Смоленск, 2006.
7. Государственный архив Смоленской области. Ф. 114. Оп. 5. Д. 4-б. Л. 3 об.
8. Дёмкин А.В. Внешняя торговля через Вязьму в 1649 – 1654 гг. // Дёмкин А.В. Внешняя торговля России XVII – XVIII вв.: Западное и Северо-Западное направления: очерки. – М., 1995.
9. Дёмкин А.В. Экспорт российских товаров через Петербургский порт в 60 гг. XVIII в. // Дёмкин А.В. Внешняя торговля России XVII – XVIII вв.: Западное и Северо-Западное направления: очерки. – М., 1995.
10. Миронов Б.Н. К вопросу о роли русского купечества во внешней торговле Петербурга и Архангельска во второй половине XVIII – начале XIX в. // История СССР. – 1973. – № 6.
11. Раздорский А.И. Торговля Вязьмы в 1649/50 – 1679/80 гг. (Основные статистические показатели деятельности рынка) // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI – XVIII вв.: сборник материалов международной научной конференции. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001.
12. РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. (Вязьма). Кн. 14, 16, 18, 19, 21-24, 27, 28, 31, 33, 36, 38, 39, 40-а, 41.
13. РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. (Вязьма). Кн. 14. Л. 134; Кн. 18. Л. 89, 121 об. и др.; Кн. 23. Л. 37; Кн. 28. Л. 19 об., 23 об., 26 об., 28 об.; Кн. 33. Л. 54 об., 68 об. и др.; Кн. 36. Л. 58 и др.; Кн. 38. Л. 66, 100 и др.; Кн. 40-а. Л. 26 и др.
14. РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 953. Л. 39 об.-40.
15. РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 13528. Л. 5.
16. РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 14802. Л. 1-3.

17. РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 7655. Л. 1.
18. РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 763. Л. 72; Д. 764. Л. 2, 9, 35, 150, 376, 425.
19. РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 445/11. Л. 2-9.
20. РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 445/11. Л. 3 об.
21. РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 445/11. Л. 31.
22. РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 445/11. Л. 32-32 об.; Материалы Екатерининской Законодательной комиссии. Ч. XII.
23. РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 445/11. Л. 33; ПСЗ I. Т. XIV. № 10486.
24. Репин Н.Н. Внешняя торговля России через Архангельск и Петербург в 1700 – начале 60-х годов XVIII в.: дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1985.
25. Семёнов А.В. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год. – СПб., 1859. – Ч. 1–3.
26. Фирсов Н.Н. Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II. Очерки истории торговой политики. – Казань, 1902
27. Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времён до ныне настоящего... – СПб., 1781-1788. – Т. 1–7.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Указание двойной даты года – 1649/50, 1679/80 и т.д. – связано с тем, что летосчисление велось от Сотворения мира и год начинался с 1 сентября, а заканчивался 31 августа.
2. Подробнее о сопоставлении данных смоленских и вяземских таможенных книг см. [4, 56-63].
3. Подробнее о проблемах, которые затрудняли развитие предпринимательства в Вязьме, см. [5, 182-191].

Н.В. Никитина

Смоленский государственный университет

УДК 94(470.332)«19»:37.018.4

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАБОТЕ «КЛАССА КОММЕРЧЕСКИХ НАУК» ПРИ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ГИМНАЗИИ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Ключевые слова: *народное образование; власть и общество; специализация образования.*

В статье рассматриваются вопросы взаимоотношения власти и общества в сфере народного образования начала XIX века в Смоленской губернии. Освещается роль купечества в процессе специализации народного просвещения на начальном этапе его существования. Работа основана на новых документальных рукописных материалах, отложенных в Государственном архиве Смоленской области, что позволило существенно расширить и уточнить данные о времени существования, социальном составе учителей и учеников «класса коммерческих наук» при Смоленской губернской гимназии.

Особенностью развития общего среднего образования в Смоленской губернии и свидетельством начала его специализации стало открытие при гимназии «класса коммерческих наук» – единственного подобного учебного класса в России в начале XIX века. По свидетельству дореволюционного краеведа Т.В. Аксенова, в декабре 1803 года именитые купцы города Гжатска «задумали учредить на свои средства в городах Смоленске или Вязьме отдельное коммерческое училище» и обратились с ходатайством по этому вопросу к Смоленскому военному губернатору Степану Степановичу Апраксину. На его создание купечество Гжатска взяло на себя обязательство пожертвовать по 2500 рублей в течение 40 лет (100 тыс. рублей) и «единовременно «на первый случай особенно» было пожертвовано 5300 рублей», позже вяземский купец I гильдии Алексей Девкин внес 500 рублей [1, 8]. К 1805 году капитал «коммерческого класса» составлял 8000 рублей. В декабре 1804 года С.С. Апраксин распорядился все деньги, получаемые от купечества, передать в ведение Смоленского приказа общественного призрения [4].

Цель создания коммерческого училища купцами была определена следующим образом: «стремясь к пользе государственной и к усовершенствованию коммерции, в коей как отцы наши, так и мы обращаемся, желая более и более оную в цветущее состояние поставить как за жизнь нашу, так и для наследников по нас, для лучшего сношения с конторами не только российскими, но и иностранными» [1, 9-11]. Поскольку планировалось открытие подобного училища в Москве (было открыто 26 ноября 1804 года), предполагалось, что Министерство просвещения составит единый план для этих коммерческих училищ. Однако Главное правление училищ нашло сумму, выделенную купечеством как «слишком недостаточную для устройства и содержания отдельного училища», поэтому было решено открыть «коммерческий класс» при создаваемой Смоленской гимназии.

Существовал он с ноября 1804 по июнь 1812 года. Хотя класс был рассчитан на 10 учеников, первоначально в нем бесплатно обучалось только 9 мальчиков из небогатых мещанских семей города Гжатска. Они получали подготовку для работы в торговых заведениях.

Воспитанники коммерческого класса осваивали гимназическую программу и одновременно специальные дисциплины: «1. Краткое понятие об коммерческих науках вообще и в особенности; 2. Коммерческая история и география; 3. Коммерческая арифметика и бухгалтерия». Большое значение было отведено обучению иностранным языкам: в объеме гимназической программы пансионеры изучали французский и немецкий языки, дополнительно – английский язык» [2].

Преподавали в классе учителя Смоленской губернской гимназии, смотрителем за пансионерами был определен учитель гимназии Антон Петрович Елаховский (1). Для проживания и занятий администрация гимназии сначала специально арендовала квартиру, но с 1808 года ученики были размещены в собственном доме А.П. Елаховского во II части города Смоленска.

С 1806 года по предложению военного губернатора и кавалера Степана Степановича Апраксина жалование учителям было значительно увеличено: за обучение коммерческим наукам до 455 рублей (А.П. Елаховский, Н.Г. Ефремов), английскому языку – 600 рублей (Томас Поуэр (до 1809 года), затем, вероятно, Н.Г. Ефремов) (2), математики и физики – 75 рублей (Василий Широковский), истории натуральной и технологии – 75 рублей (А.П. Елаховский), истории и географии 50 рублей (И.С. Холодковский), словесности (В.Ф. Еленев) – 50 рублей, французского языка – 75 рублей (Томас Поуэр), немецкого 75 рублей (Е.К. Штанге), рисования – 50 рублей (Н.М. Уткин), всего 1500 рублей год [9]. Деньги под расписку вручались А.П. Елаховскому, который выдавал их учителям.

С этого же времени по предложению военного губернатора и кавалера С.С. Апраксина были увеличены ассигнования воспитанникам: «содержание коммерческого класса дровами, сторожам жалования, ученикам на бумагу, перья, карандаши простые и китайские чернила и прочие мелочи 140 рублей, на содержание десяти пансионеров на одяжание 225 рублей, на пищу 450 рублей, на квартиру и дрова, свечи, на наем сторожа и кухарки 225 рублей, смотрителю за поведением их и учением сто рублей, на непредвиденные для пансионеров случаи их болезни и лекарства и прочие расходы 60 рублей, а всего одну тысячу двести рублей под расписку смотрителя за пансионерами определенного им из учителей Антона Елаховского пред наступлением каждой трети года по 400 рублей» [8].

В 1808 году в прошении на имя Смоленского губернатора К.И. Аша смотритель А.П. Елаховский просил «по причине возвысившихся как на съестные припасы, так и на прочие вещи цены» увеличить выдаваемое пособие на пищу и одежду пансионерам. Он предлагал использовать остававшиеся 150 рублей в год после «выбытия двух пансионеров Орлова и Раскина» [8]. С 1 сентября 1808 года эти средства было добавлены к общей сумме на содержание пансионеров.

Часто деньги, выделяемые на содержание класса, использовались не по назначению: с 1807 года учителю английского языка Т. Поуэру выдавалось 36 рублей в год «на содержание квартиры, на дрова и свечи» [6], в январе 1808 года 500 рублей было выдано А.П. Елаховскому на покупку «для трактования ботаники книги под заглавием «Палласовой флоры» [5], в марте 1808 года по требованию Людоговского «выдано из суммы коммерческого класса тысяча триста восемьдесят один рубль 99 копеек» на содержание Смоленской губернской гимназии и уездных училищ [7].

В 1804–1806 годах в классе обучались 9 пансионеров, в начале 1807 года два пансионера Орлов и Раскин по разным причинам выбыли в свои семьи. В январе 1812 года 4 из оставшихся 7 пансионеров окончили курс обучения. В марте 1812 года Потап Рыбников и Иван Ясенинов выбыли из класса, на попечении А.П. Елаховского остался один пансионер – Иван Кобранов [11]. Гжатская городская дума в 1812 году прекратила финансирование учебного заведения [10]. Ни одного нового пансионера в «класс коммерции» не поступило.

Занятия в Смоленской гимназии и в «классе коммерции» закончились в конце июня 1812 года. Оставшегося пансионера Ивана Кобранова смотритель в начале июля 1812 года доставил к родителям в город Гжатск [12].

После окончания Отечественной войны 1812 года работа «класса коммерческих наук» не возобновились, так как купцы города Гжатска были разорены и не могли больше выделять деньги на его содержание. Известна дальнейшая судьба 7 из 9 воспитанников данного учебного заведения: двое из них стали учителями уездных училищ Смоленской губернии в чине титулярного советника, «один поступил в монашество, один в штатскую службу по счетным делам, двое в приказчики и один по медицинской части, но за дурное поведение попал в солдаты» [3].

Таким образом, приходится признать, что первая попытка создания специализированного среднего учебного заведения в Смоленской губернии была неудачной. Финансирование «класса коммерческих наук» купцами Гжатска закончилось еще в начале 1812 года, за 8 лет его существования было подготовлено всего 9 выпускников. Однако лишь двое смогли применить полученные знания на практике, поступив на работу в торговые заведения Гжатска.

The article is devoted to the problems of the relations between the authorities and the society in public education at the beginning of the XIX century in the Smolensk region. It also touches upon the role of merchants in the process of the specialization in this sphere. The author used some new manuscripts which are held in the State archives of the Smolensk region. These documents helped to define the facts about the time of existence, teachers' and pupils' social status at the class of commercial sciences at the Smolensk region secondary school.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенов Т.В. «Класс коммерции» при Смоленской губернской гимназии (1804 – 1812 г.). Историческая справка. Издание Смоленского губернского статистического комитета. – Смоленск, типография П.А.Силина, 1904. – С.8.
2. ГАСО. Ф. 1 (фонд Канцелярии Смоленского губернатора). Оп. 1 (1805). Д. 24. Л. 2 об.
3. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1 (1831). Д. 24. Л. 3 об.
4. ГАСО. Ф. 54 (фонд Смоленского приказа общественного призрения). Оп. 1 (1808). Д. 470. Л. 36.
5. ГАСО. Ф. 54. Оп. 1 (1808). Д. 469. Л. 23 – 24.
6. ГАСО. Ф. 54. Оп. 1 (1808). Д. 469. Л. 35 – 35 об.
7. ГАСО. Ф. 54. Оп. 1 (1808). Д. 471. Л. 53.
8. ГАСО. Ф. 54. Оп. 1 (1808). Д. 472. Л. 107.
9. ГАСО. Ф. 54. Оп. 1 (1808). Д. 472. Л. 33 – 34.
10. ГАСО. Ф. 54. Оп. 1 (1812). Д. 488. Л. 144 – 145.
11. ГАСО. Ф. 54. Оп. 1 (1813). Д. 14. Л. 22.
12. ГАСО. Ф. 54. Оп. 1 (1813). Д. 17. Л. 14.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Елаховский Антон Петрович (1776–1836) – родился в Смоленске, выпускник Петербургской учительской семинарии, с 1797 года учительствовал в Смоленске, 30 лет рабо-

тал в гимназии (1804 – 1834), в 1805 году получил степень доктора философии, краевед, преподавал естественную историю и сельское хозяйство, в 1833–1834 годах – инспектор гимназии.

2. Известно, что Н.Ефремов отлично знал английский язык, в 1810 году в Смоленской типографии была опубликована переведенная им с английского языка книга «Опыт сельского домостроения».

И.Б. Красильников

Смоленский государственный университет

УДК 94(470.332)«20»:37.014

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ В СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Ключевые слова: образование; детские сады; школьная сеть; начальные школы; семилетние школы; средние школы; специальные школы; кадры учителей; средние учебные заведения; вузы; научно-исследовательские учреждения; культура; избы-читальни; библиотеки; клубы и дома культуры; киносеть; радиовещание; театры; музеи; периодическая печать; культурно-массовая работа; творческие организации; религиозные организации; репрессии; итоги развития.

Структура образовательных и культурно-просветительных учреждений в Смоленской области к началу войны охватывала все стороны процесса создания новой социалистической культуры: ликвидацию неграмотности, осуществление всеобщего начального образования, переход к всеобщему семилетнему образованию, подготовку квалифицированных рабочих в системе профессионального обучения, создание рабоче-крестьянской интеллигенции через сеть высших и средних специальных учебных заведений, радиофикацию и кинофикацию, организацию разветвлённой сети библиотек, Домов культуры и клубов, театров и музеев, развитие художественной самодеятельности и т.д.

К началу войны в Смоленской области существовала развитая структура образовательных и культурно-просветительных учреждений. Она охватывала все стороны процесса создания новой социалистической культуры: ликвидацию неграмотности, осуществление всеобщего начального образования, переход к всеобщему семилетнему образованию, подготовку квалифицированных рабочих в системе профессионального обучения, создание рабоче-крестьянской интеллигенции через сеть высших и средних специальных учебных заведений, радиофикацию и кинофикацию, организацию разветвлённой сети библиотек, Домов культуры и клубов, театров и музеев, развитие художественной самодеятельности и т.д.

На размещении этих учреждений сказывалась экономическая отсталость области. По мнению автора, Смоленщина, по сравнению с развитыми района-

ми страны, продолжала оставаться в основном сельскохозяйственной областью с преобладанием мелкой промышленности. В городах проживало всего 453,7 тысячи человек, или менее 17 % [47, 94]. Это приходилось учитывать при решении проблемы всеобща. Поэтому широко развернулось строительство новых школ. Только за 1938–1940 годы было построено: в городах 22 школы на 11 600 мест и на селе 362 школы на 61 900 мест [30]. За 1939–1940 годы было обучено более 150 тысяч неграмотных и малограмотных. Уже в марте 1940 года отмечалось, что в 6 районах области (из 54), 3312 колхозах (из 5500) и 278 сельсоветах (22,8 %) нет неграмотных [51]. В то же время даже зимой 1941 года в Ельнинском районе насчитывалось 274 неграмотных, в Велижском – 171, в Монастырщинском – 110 и т.д. [10]. Важной проблемой стал полный охват детей школьного возраста всеобщем. Так, в 1939/40 учебном году, только по неполным данным (51 район и 4 города), отсеив по неуважительной причине составил 15 532 человека, причём из начальных классов – 5233. Особенно неблагоприятная ситуация складывалась в Ярцевском, Тумановском, Монастырщинском, Бельском (ныне Калининская область), Ильинском, Козельском, Сухиничском (ныне Калужская область) районах [9]. Основными причинами этого было тяжёлое материальное положение или семейные проблемы. Малообеспеченным семьям районные организации оказывали посильную помощь одеждой и обувью.

Представление о школьной сети Смоленской области в 1940/1941 учебном году даёт таблица 1. Как видно из её анализа, преобладали начальные школы. Причём располагались они в основном в сельской местности. (Из 1520 начальных школ в городах было только 30 [26]). Чтобы обеспечить всеобщее начальное образование, школы размещались фактически в каждой деревне. Располагались такие школы чаще всего в деревенских избах и других приспособленных помещениях. При отсутствии детей такая школа закрывалась. Всё это приводило к тому, что в целом школьная сеть была неустойчивой, и количество школ постоянно менялось.

Начавшийся переход к всеобщему семилетнему образованию потребовал уделить внимание увеличению числа семилетних и средних школ. Так, если в 1939/1940 учебном году в области имелось 1025 семилетних и средних школ [3, 86], то уже через год – 1107. Причём семилетнее образование получило широкое развитие и на селе. (Из 656 семилеток на селе находились 633 [25]). Таким образом, Смоленская область достигла значительных успехов. Всего в 1940/1941 учебном году в начальных классах обучалось 317,3 тыс. учащихся (59,2 %), в 5–7 классах – 180,2 тыс. (33,6%), а в старших классах всего 38,1 тыс. (7,1 %) [27]. Таким образом, только половина учащихся могла продолжать обучение в семилетних и средних школах. Наряду с материальными трудностями (многие учащиеся должны были работать, чтобы помочь своим семьям) внедрению всеобщего семилетнего образования мешал и недостаток школ. Среднее образование в области получило развитие в основном в городах, где размещалась почти треть средних школ – 57 из 180. Вообще в городах средние школы преобладали (из 110 – 57 средних, 23 семилетних и 30 начальных) [28]. Незначительная

сеть средних школ на селе (на 38 районов 123 школы) сдерживала развитие среднего образования. К тому же во многих сельских районах насчитывалось всего по 1–2 средних школы.

Смоленская область была типичной в РСФСР. В соседних областях мы можем видеть такую же картину. В Калининской области в 1940/41 учебном году насчитывалось 3195 школ (215 средних, 578 семилетних и 2381 начальных), в которых обучалось 452,6 тыс. учащихся [43, 140]. В Орловской области в 1937 году было 3881 начальная и семилетняя школа с 663,5 тыс. учащихся и только 137 средних школ, в которых учились 16 тыс. учеников [48, 180]. Такая же ситуация наблюдалась и в соседних со Смоленщиной областях Белоруссии. В 1940 году в Могилёвской области насчитывалось 1736 школ (144 средних, 246 семилетних и 1346 начальных) [45, 73, 143]. В Витебской области из более 2 тысяч школ 413 были средними [2, 70]. Таким образом, Смоленская область по количеству средних школ уступала только Витебской области, превосходя всех своих соседей по РСФСР.

В 1940 году в области действовало 12 специальных школ, в которых обучалось 2610 учащихся [28]. В том же году в 45 детдомах содержалось 4520 воспитанников [21]. Широкое распространение получили детские сады и ясли. В 1940 году работало 150 яслей на 5331 койку [50, 9]. Кроме 58 детских садов Наркомпроса на 3873 ребёнка, действовали 59 ведомственных садов на 2900 мест [23]. В области работали 3 музыкальные школы. В 1940/41 учебном году в них обучалось 354 учащихся [34]. Кроме детских школ, на Смоленщине существовали школы взрослых. Только в самом Смоленске насчитывалось 7 вечерних и 1 заочная школа [39, 101]. В Рославле находились 2 школы, 1 школа работала в Ярцеве.

Во многих школах была хорошо налажена учебно-воспитательная и внешкольная работа. Так, в Липецкой неполной средней школе Новодугинского района (директор Н.В. Козырев) работало 10 кружков [6]. Постепенно росла успеваемость учащихся. В 1939/40 учебном году 1530 учителей области (7,8 %) в своих классах не имели неуспевающих учеников [31]. Однако во многих школах успеваемость была ниже. Общая успеваемость в 1939/40 году по области составила 83 %, а в первом полугодии 1940/41 года – 79 % [9]. Одной из причин низкой успеваемости была невысокая квалификация учителей.

Большая сеть школ требовала значительного числа учителей. В 1940/41 году в области (в современных границах) работало 14 308 учителей [24]. Если считать учителей в школах области в границах 1941 года, то их число увеличивается до 19,5 тыс. [4]. Быстрое увеличение числа школ приводило к тому, что в школах работали учителя, имеющие семилетнее и даже только начальное образование. Так, в 1941 году только 973 учителя области (6,8 %) имели высшее образование; 1102 учителя (7,7 %) – неполное высшее; 9370 учителей (65,5 %) имели среднее специальное образование. Остальные 2862 учителя (20 %) имели семилетнее или начальное образование [29]. Другой проблемой была большая текучесть кадров. Только за 2 предвоенных года заменили 90 директоров средних школ, т.е. каждого третьего. Ещё 48 директоров средних школ были исполняющими обязанности.

Одной из причин такого положения являлась низкая квалификация руководителей даже средних школ. В 1941 году из 254 директоров 69 (каждый четвёртый) имели только среднее образование [16].

Проблему кадров решали несколькими способами. Важную роль играл созданный ещё в 1929 году, а затем воссозданный в 1933 Западный институт повышения квалификации народного образования (ИПКНО). Он располагал собственным двухэтажным зданием. В его состав входило 13 учебно-методических кабинетов. Ежегодно на курсах занималось 4000–4500 учителей. Кроме организации курсов, работники института участвовали в инспекторских проверках школ, изучали и обобщали опыт лучших учителей [36].

В 1940 году в Смоленской области, как и по всей стране, стали создавать школы ФЗО и ремесленные училища. До этого в области существовало 17 школ ФЗУ, где обучалось 2,3 тыс. человек [40, 20]. Всего в области было создано 29 учебных заведений по подготовке трудовых резервов: 5 ремесленных и 2 железнодорожных училища (2000 учащихся), 22 школы ФЗО (6100 учащихся). 11 школ готовили плотников, ещё 9 – каменщиков. Всего в систему трудовых резервов страны было призвано более 20 тыс. человек (10,5 % молодёжи в возрасте от 14 до 17 лет). Часть училищ и школ ФЗО создавалась на базе школ ФЗУ (Духовщина, Рославль). План 1941 года предусматривал призыв уже 29,1 тыс. человек, т.е. каждого третьего. (Часть мобилизованных направлялась в другие области). Но по просьбе руководства области призыв был сокращён до 22,4 тыс. Изменялась и сеть школ. Действовали 4 ремесленных и 4 железнодорожных училища и 16 школ ФЗО [18].

Развивалась в области и система средних специальных учебных заведений. Всего в области перед войной их насчитывалось 49 – 21 фельдшерско-акушерская школа, 9 сельскохозяйственных, 3 индустриальных, по одному финансово-экономическому, кооперативному, библиотечному и физкультурному техникуму, а также 12 педагогических училищ, включая 2 по подготовке воспитателей дошкольных учреждений [55, 375]. Только в педагогических училищах насчитывалось 2610 учащихся [22]. В современных границах области находилось 40 средних специальных учебных заведений, в которых обучалось 10 300 студентов [46, 204].

Высших учебных заведений в области насчитывалось 8. В них обучалось более 10 тыс. студентов [50, 8]. Большинство вузов находилось в Смоленске – 6. Крупнейшими из них являлись педагогический и медицинский институты. Остальные вузы были небольшими. В Вязьме и Дорогобуже в 1940 году были открыты учительские институты, они создавались на базе местных педучилищ. В Вяземском институте имелись 2 факультета. На очном отделении обучалось 200 человек и на заочном – 513 [12]. Создание учительских институтов, готовивших кадры для семилетних школ, являлось частью подготовки к введению всеобщего семилетнего образования, которая намечалась на начало 1940-х годов.

На Смоленщине действовало несколько научно-исследовательских центров. Особое место занимал Смоленский краеведческий научно-исследовательский

институт, созданный ещё в 1930 году. В его составе действовало 9 секций [52, 4]. В 1932 году возникла Смоленская научно-исследовательская ветеринарная зональная станция. Перед войной она имела уже собственное здание, штат работников составлял 64 человека [1, 16]. Государственная селекционная станция по зерновым культурам и опытная станция полеводства совместно с учёными сельскохозяйственного института добились значительных результатов. Было выведено 10 сортов зерновых и зернобобовых культур, 11 сортов льна-долгунца. В селе Батищево (Сафоновский район) станция имела хорошо оборудованную базу, размещавшуюся в бывшем имении Энгельгардов, – всего 86 зданий. За свои достижения станция была награждена орденом Трудового Красного Знамени [53, 3].

За годы первых пятилеток на Смоленщине была создана сеть культурно-просветительных учреждений. Основными центрами культуры на селе были избы-читальни. Всего их насчитывалось в области 1212 (в новых границах 856) [32]. В то же время только 102 избы-читальни размещались в специальных постройках, остальные находились в приспособленных помещениях, обычно занимали угол в сельсовете. Совершенно недостаточным было оборудование. Так, по данным, 1135 изб на конец 1940 года имели 1300 музыкальных инструментов, 478 противогазов, 200 малокалиберных винтовок. Противогазы и винтовки являлись оборудованием оборонных кружков, которые также размещались в избах-читальнях. В каждой избе находилась небольшая библиотечка – 250-300 книг и брошюр [14]. Большой проблемой оставалась текучка кадров. В начале 1941 года из 1057 избачей 762 (72 %) работали на этой должности менее полугода и только 194 (18,4%) – более года [17]. В то же время областные организации стремились улучшить работу изб-читален. Так, в 1940 году только по линии ОблОНО были проведены 3 семинара по повышению квалификации политпросветработников, в работе которых участвовало 2706 человек, т.е. каждый избач участвовал не менее чем в двух семинарах.

В 1930-е годы быстро развивалась самодеятельное искусство. Если в 1935 году в области было только 511 кружков самодеятельности [5], то уже в 1939 году в 1200 кружках принимало участие свыше 20 тыс. человек [3, 89]. Значительную помощь в организации художественной самодеятельности оказывал Дом народного творчества. Среди самодеятельных коллективов особенно выделялись Михновский (Смоленский район) и Козельский (ныне Калужская область) хоры, а также Навильевский драмкружок (Гжатский район).

В области работало 1085 библиотек, в которых насчитывалось 1920 тыс. экземпляров книг. (В старых границах – 1465 библиотек). Многие библиотеки размещались в клубах. Всего клубов в области было 2070 (таблица 3). В 236 клубах были киноустановки. Только в государственной сети в 1940 году находилось 184 киноустановки (29 стационарных и 155 передвижек). К концу 1939 года звуковые кинотеатры имелись в 16 городах и 21 районном центре области. Но в сельской местности большинство зрителей могло смотреть только немое кино. Из передвижек только 27 были звуковыми [33]. Для обеспечения нормальной работы кинопередвижек на 1 января 1941 года не хватало 54 киномеханика, были

перебои в снабжении топливом для киноустановок и автомобилей. В результате план 1940 года был выполнен только наполовину [15].

Перед войной в области действовало 5 театров (в Смоленске, Рославле, Вязьме и 2 колхозно-совхозных). Особое место занимал Смоленский драматический театр, в нём работало 216 человек [35]. Все театры имели собственные здания. Наряду с советскими пьесами большое место занимали классические произведения. Театры много гастролировали. На Смоленщине работало 8 музеев. Крупнейшим являлся Смоленский областной краеведческий музей. В 1941 году он располагал 65 148 экспонатами и состоял из 9 экспозиций, в штате музея работали 99 сотрудников [54, 442].

В области развивалось радиовещание. Всего было зарегистрировано около 50 тыс. точек, в том числе 10 тыс. на селе. В 14 районах области имелось своё собственное вещание [38]. На Смоленщине издавались 4 областные, 54 районные газеты, 4 городские многотиражки. «Рабочий путь» выходил ежедневно, «Большевицкий молодняк» – 3 раза в неделю, «Юный пионер» – 2, «За ленинскую учёбу» – 1 раз в 10 дней [7]. (Бюллетень «За ленинскую учёбу» перестал издаваться в мае 1941 года) [11]. Большинство районных газет выходило 2 раза в неделю, только в 6 районах газета выходила 3 раза, а в 4 районах – Вяземском, Рославльском, Ярцевском и Дзержинском (ныне Калужская область) – ежедневно [8]. В докладной записке Смоленского обкома в ЦК ВКП(б) отмечалась хорошая работа таких районных газет, как «Правда полей» (Ершицкий район), «Колхозная газета» (Сычёвский район), «Починковский колхозник», «Колхозник-стахановец» (Смоленский район). Свидетельством тому являлись сотни писем, которые приходили в эти газеты ежемесячно. В то же время в таких районах, как Понизовский, Тёмкинский, Стодолищенский, Краснинский, Хиславичский, работа газет была организована плохо. В среднем читатели присылали всего 6 писем на один номер газеты [13]. Причиной такого положения дел являлась невысокая квалификация газетных работников: 65 человек учились в средней областной заочной школе (т.е. не имели и среднего образования), ещё 46 учились на литературном факультете в пединституте.

В Смоленске действовали отделения Союза писателей и Союза художников. В апреле 1934 года состоялся 1-й областной съезд советских писателей. Председателем отделения съезд избрал М.С. Завьялова, позже отделение возглавил Н.И. Рыленков. Он же долгое время работал главным редактором областного книжного издательства. Издательство ежегодно издавало десятки книг большими тиражами. Так, в 1940 году было выпущено 42 книги общим объёмом 260 п.л. и тиражом более 300 тыс. экземпляров [37]. Отделение Союза художников было образовано в 1938 году. Первым председателем стал Г.И. Сколимовский. Особое внимание художники уделяли изображению современности и революционной борьбы. Ежегодно проводились выставки, пользовавшиеся большим успехом [56, 93].

Как и повсюду в стране, на Смоленщине происходят значительные перемены в менталитете людей. До революции в области существовали сотни храмов,

принадлежавших различным конфессиям. Так, в Велиже было 14 православных церквей, костёл, 6 часовен, 9 синагог [41, 134; 19]. В Вязьме насчитывалось 28 церквей, в Демидове 8 и т.д. [20]. В 1930-е годы почти все храмы были закрыты. Большинство священнослужителей было репрессировано. В Смоленске в 1941 году остался только один действующий храм – кладбищенская церковь Спаса Нерукотворного на Окопах, но службы в ней не было, так как священник был арестован и сослан [44, 203]. Часть храмов использовалась под музеи, склады, клубы.

Смоленская область пострадала и в результате политических репрессий. Среди репрессированных было более 70 творческих работников: писатели, журналисты, художники, музыканты, актёры. В Демидовском районе по «делу учителей» были расстреляны 11 человек. Ещё 16 учителей были репрессированы по «делу латышей». В результате репрессий латышский и еврейский театры, а также Вяземский ТЮЗ прекратили своё существование. Был закрыт еврейский педтехникум. В целом по области пострадало около 50 тыс. человек, или 2 % населения [42; 49]. По мнению автора это нанесло образованию и культуре области огромный ущерб.

Таблица 1

Школьная сеть Смоленской области в 1940/41 учебном году

	Всего школ	Средних школ	Семилетних школ	Начальных школ	Учащихся
Смоленская область в границах 1940 года	3327	253 (7,6 %)	864 (26 %)	2210 (66,4 %)	535660
Смоленская область в современных границах	2356	180 (7,6 %)	656 (27,9 %)	1520 (64,5 %)	424400

By the beginning of the Great Patriotic War a developed system of educational and cultural institutions had already existed in the Smolensk region. This system included all parts of new socialist culture, such as: wiping out illiteracy, developing of general elementary education, switch-over from it to general 7-year education, training of skilled workers, forming of a new workers and peasants intelligentsia, foundation of libraries, cinemas, theatres, museums, clubs, etc.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ветеринария Смоленщины. Очерки истории ветеринарной службы Смоленской области. – Смоленск: СМБПХЛ, 1997.
2. Витебская область. – Минск, 1974.
3. Власов С.В. Культура и здравоохранение в Смоленской области // Победы социализма. – Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1939.
4. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 5. Оп. 5. Д. 12. Л. 115.
5. ГАНИСО. Ф. 5. Оп.1. Д. 2457. Л. 2.

6. ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 10. Д. 540. Л. 39.
7. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 654. Л. 11.
8. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 654. Л. 12.
9. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 660. Л. 10.
10. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 665. Л. 12.
11. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 683. Л. 26.
12. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 697. Л. 44.
13. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 743. Л. 24, 26.
14. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 822. Л. 1.
15. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 822. Л. 10-11.
16. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 822. Л. 16-18.
17. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 822. Л. 7.
18. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 743. Л. 103; Д. 827. Л. 101-102.
19. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 1620. Оп. 1. Д. 5. Л. 91.
20. ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 16. Л. 18, 27.
21. ГАСО. Ф. 2355. Оп. 3. Д. 104. Л. 8, Д. 39. Л. 9.
22. ГАСО. Ф. 2355. Оп. 3. Д. 21. Л. 71.
23. ГАСО. Ф. 2355. Оп. 3. Д. 34. Л. 1.
24. ГАСО. Ф. 2355. Оп. 3. Д. 39. Л. 3.
25. ГАСО. Ф. 2355. Оп. 3. Д. 39. Л. 4.
26. ГАСО. Ф. 2355. Оп. 3. Д. 39. Л. 5.
27. ГАСО. Ф. 2355. Оп. 3. Д. 48. Л. 1.
28. ГАСО. Ф. 2355. Оп. 3. Д. 48. Л. 2.
29. ГАСО. Ф. 2355. Оп. 4. Д. 14. Л. 7.
30. ГАСО. Ф. 2361. Оп. 1. Д. 234. Л. 154.
31. ГАСО. Ф. 2361. Оп. 1. Д. 234. Л. 155.
32. ГАСО. Ф. 2361. Оп. 1. Д. 300. Л. 67.
33. ГАСО. Ф. 2450. Оп. 1. Д. 102. Л. 1.
34. ГАСО. Ф. 3098. Оп. 2. Д. 4. Л. 9.
35. ГАСО. Ф. 3098. Оп. 2. Д. 8. Л. 70.
36. ГАСО. Ф. 3286. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
37. ГАСО. Ф. 3472. Оп. 1. Д. 36. Л. 39.
38. ГАСО. Ф. 3574. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
39. Злобин И.А. Смоленск 1939 года (статистические данные) // Победы социализма. – Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1939.
40. Зорохович Я., Болотин И. О государственных трудовых резервах. – Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1940.
41. Из истории Велижа и района. – Смоленск, 2002.
42. Илькевич Н.Н. «Дело Македонова». Из истории репрессий против смоленской писательской организации. 1937 – 1938 гг. // Македонов А.В. Эпохи Твардовского. Баевский В.С. Смоленский Сократ. Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова. – Смоленск: Траст-Имаком, 1996.
43. Калининская область за 50 лет в цифрах: статистический сборник. – М.: Статистика, 1967.
44. Меньшагин Б.Г. Воспоминания. Смоленск...Катынь...Владимирская тюрьма... – Париж: ИМКА-ПРЕСС, 1988.
45. Могилёвская область. – Минск: Беларусь, 1988.
46. Народное хозяйство Смоленской области: статистический сборник. – М.: Госстатиздат, 1963.
47. Население Смоленщины: прошлое и настоящее. (Историко-демографический очерк). – Смоленск, 1996.

48. Очерки Орловской организации КПСС. Тула: Приокское книжное издательство, 1987.
49. По праву памяти. Книга памяти жертв незаконных политических репрессий. Т.1. Смоленский мартиролог. – Смоленск: Смядынь, 2001.
50. Попов Д.М. Пять лет со дня освобождения Смоленской области от немецко-фашистских захватчиков. – Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1948.
51. Рабочий путь. – 1940. – 27 октября.
52. Сборник научных работ, посвящённых 25-летию СКНИИ. – Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1957.
53. Смоленская областная сельскохозяйственная опытная станция. – Смоленск: Московский рабочий, 1977.
54. Смоленский областной краеведческий музей // Материалы по изучению Смоленской области. – Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1952. – Вып. 1.
55. Степанов. П.И. Преображённая Октябрьём. – Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1961.
56. Художники земли Смоленской. – Л.: Художник РСФСР, 1967.

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

А.В. Воронцов

*Российский государственный
педагогический университет
им. А.И. Герцена*

УДК 316

СОЦИОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Ключевые слова: *социология; социогуманитарные дисциплины; гуманитарное образование; образование и общество; социальный контекст.*

В статье показана роль и особенности социологии в системе гуманитарного образования. Социология рассматривается как обобщающая наука и теоретико-методологическая база для других гуманитарных наук.

Гуманитарное образование мы рассматриваем как институционализированный процесс, на основе которого в обществе передаются знания, ценности, образцы (модели) деятельности от одной группы – другим, а также результат этого процесса. В определении, предложенном выше, заложено несколько проблемных областей, интересующих социологию: это сущность институциональных процессов в сфере образования; системная целостность процесса образования, состоящего из множества частных практик и его структура; межгрупповые отношения в контексте института образования; что касается результатов образования – проблема социальной дифференциации знания.

Особое внимание социология уделяет взаимовлиянию образования и общества. Гуманитарное образование тесно связано с социальной макросредой, составной частью (подсистемой) которой является и с которой находится в постоянном взаимодействии. Это взаимодействие выражается в том, что гуманитарное образование, *формируя определённый тип личности*, оказывает существенное влияние на все сферы общественной жизни, будь то экономика, политика, культура, образование и т.д. В свою очередь, общество и его структуры воздействуют на гуманитарное образование, предъявляя к нему, с учетом собственных потребностей, определенные требования (*социальный заказ*) и обеспечивая условия для его функционирования.

Для правильного понимания места и роли социологии в системе гуманитарного образования необходимо учитывать ее особенности как социогуманитарной дисциплины. Со времени своего возникновения социология поставила и попыталась ответить на вопрос о соотношении между человеком и обществом. При всех различиях в традициях, которые сложились в решении этого вопроса, специфика состоит в том, что социология изучает человека в обществе. Социальный контекст – неотъемлемый атрибут социологического анализа человека во всём многообразии его поведения и деятельности.

В социологии разработан мощный понятийный аппарат, необходимый как для исследования проблемы гуманитарности, так и для её решения в гуманитарно-образовательном процессе (социальное действие, социальное поведение и социальная деятельность, социальный контакт, социальное взаимодействие, социализация и ресоциализация, социальная адаптация и интериоризация, социальный контроль, личность и её структура и т.д.). Отметим: гуманитарное образование выступает лишь одним из факторов социализации, понимаемой как процесс, благодаря которому человек приобщается к образу жизни своей группы и более широкого сообщества посредством усвоения правил, ценностей, стандартов поведения, традиций, содержащихся в данной культуре. Человек также подвергается воздействию иных социальных институтов и агентов влияния (семья, круг друзей, СМИ и т.д.). Направленность этого воздействия может и не совпадать с целями и задачами гуманитарного образования в том смысле, как мы его понимаем. Более того, противоречить им. В этом случае принято говорить о контрсоциализации. Социологи обоснованно утверждают: абсолютно социализированного человека не существует. Всегда есть свобода выбора и риск отклонения (девиации) от тех норм, которые диктует общество.

Анализируя социологию как социогуманитарную дисциплину и её тесные связи с комплексом различных гуманитарных наук, необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства.

Во-первых, социология выступает в значительной степени как обобщающая наука и является теоретической и методологической базой для других социальных и гуманитарных наук. Положение социологии как общетеоретической науки можно проиллюстрировать следующей формулой, которой еще в начале века пользовался П. Сорокин. Так, если имеется N разных объектов для изучения, то наук, их изучающих, будет $N + 1$, т. е. N наук, изучающих объекты, и $N + 1$ – теория, изучающая то общее, что присуще всем этим объектам. Разрабатывая теорию общественного развития и структуры общества, социология тем самым расширяет границы видения каждой из частных социогуманитарных наук. То есть можно говорить о том, что социология – это рефлексия комплекса социогуманитарных дисциплин, рассматривающая его как системное образование в более широком социальном контексте. Недооценка или, тем более, пренебрежение к проблемам социальной детерминации с неизбежностью порождают риск девальвации гуманитарного образования и его разрыва с социальными реалиями.

Во-вторых, отметим сугубо прикладной аспект: техника и методика изучения социальной реальности, разрабатываемая социологией, используется и дру-

гими общественными и гуманитарными науками: в политических, педагогических, маркетинговых, конфликтологических и др. исследованиях.

За последние годы социальные науки значительно расширили изучение содержания гуманитарного образования. И тем не менее комплексный системный подход к изучению гуманитарного образования не получил пока должного развития в литературе. Развитие его необходимо, ведь ни одна из социогуманитарных наук, взятая в отдельности, не в состоянии дать целостное и комплексное рассмотрение сложных и многогранных процессов, составляющих в своей совокупности смысл и основную направленность архитектоники гуманитарного образования. Такое обобщённое понимание сущности и закономерностей гуманитарного образования даёт социология, которая использует и интегрирует положения и выводы всех других социальных наук, и на этой основе интегрирует качественно новое знание.

Итак, социология методологически и предметно связана со всем комплексом социогуманитарных наук. Вместе с тем в системе общественных наук существуют дисциплины, с которыми связь является наиболее тесной и необходимой. К таким дисциплинам относятся философия и история. Скажем, выработка модели постановки теоретико-методологических проблем и их решения, лежащая в основе социологического исследования (то, что называется парадигмой), лежит, скорее, в области философской, так как касается общих проблем научного познания и его возможности. И в этом плане социология относится к ряду полипарадигмальных наук, для которых характерно наличие не одной, а нескольких моделей исследования. Об этом говорит наличие многих социологических школ, исповедующих свою социологию: позитивистская социология, антропологическое направление в социологии, марксистская социология, феноменологическая социология и т. д. В ходе исторического развития некоторые школы утрачивают свою философскую (мировоззренческую) определенность и интегрируются в иные направления, привнося в них частично свои навыки анализа и постановки проблем; другие школы, сохраняя основные принципы и методологическую базу, модернизируют концепции (неопозитивизм, неомарксизм и т. д.), технику и методику исследования. Именно поэтому сложно подчас провести грань между собственно социологическим теоретизированием и социально-философскими исследованиями.

Очень тесной и взаимно необходимой является связь социологии и истории. Обе эти науки имеют объектом своих исследований общество, та и другая науки воспроизводят социально-историческую действительность в единстве общего и особенного, необходимого и случайного и т. д. Хотя различие между ними состоит в том, что история воспроизводит (описывает и объясняет) социальный процесс *post factum*, а социология – *in factum*. Вместе с тем эти различия часто исчезают и становятся несущественными, когда социология обращается к познанию генезиса тех или иных социальных процессов, явлений и социальных институтов с целью более полного представления и объяснения характера их развития и функционирования в социальной системе. Речь в данном случае идет о генетической

социологии, широком использовании социологией историко-сравнительного метода. Есть яркие примеры в истории социологической науки, когда те или иные исследователи с равным правом относились к социологам и историкам – в частности, М. Вебер и наш соотечественник М. Ковалевский.

Конечно, здесь есть принципиальное различие в методах познания и обобщения социальной реальности. Социологическое познание, по своей сути, безусловно, носит более генерализирующий (обобщающий) характер, нежели историческое. Социология может абстрагироваться от пространственно-временных рамок, её понятия, знания носят более обезличенный абстрактный характер и приложимы к различным историческим периодам. Потеря же историей личностного, индивидуального грозит ей потерей предмета исследования. В целом проблема взаимосвязи истории и социологии и многих других наук (антропологии, психологии, демографии и т. д.), нахождения их специфики и единства в теоретико-методологическом плане является в социальных и гуманитарных науках одной из центральных.

И в завершение хотелось бы осветить главное – место социологии в образовании современного человека. Социологическое знание и социологическое воображение являются важными элементами системы представлений современной личности, способной решать жизненные задачи, утверждать себя в активной жизненной и гражданской позиции, а также выступают значимым фактором становления универсальных компетенций и условием успешной реализации студента в дальнейшей профессиональной деятельности.

Значение социологической компетенции состоит в том, что она даёт возможность связать и объяснить любое событие в обществе в контексте культурно-исторических и культурно-мотивированных действий членов общества. Её значимость не только для социолога-профессионала, но и для члена гражданского общества велика настолько, насколько сильно в нём представлено разнообразие мнений, ценностных установок, традиций и норм. Расширяя и углубляя взгляд на общество вне и внутри нас, социологическая компетенция формирует также толерантную среду и возможность для конструктивного взаимодействия различных профессиональных, этнических и прочих социальных групп.

Благодаря этому социология и занимает особое место в ряду современных обществоведческих дисциплин: сочетает глубокий теоретический анализ с приближенностью к конкретным прикладным исследованиям. По праву называют её одной из самых гуманистически-ориентированных обществоведческих дисциплин, ведь сама цель её – вскрывать «подкладку» социальной жизни, освобождая человека и раскрывая ему глаза на мир. В этом смысле социология может стать основой гражданского самосознания и развития гуманистических ценностей, к чему сегодня имеются все предпосылки.

In this article we show place and peculiarity of Sociology Science in the system of humanitarian education. Sociology is considered as generalized science and theoretical and methodological base for other Humanities.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕХОДА НА МНОГОУРОВНЕВУЮ СИСТЕМУ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИИ

Ключевые слова: *трансформация систем высшего образования; Болонский процесс; многоуровневое высшее образование; бакалавриат; магистратура; система зачетных единиц; программа двойного диплома.*

Реализация основных положений Болонского процесса ведет к трансформации европейских образовательных систем. До включения в процесс построения общеевропейского образовательного пространства Россия и Германия обладали схожими структурами высшего образования: одноуровневой подготовкой специалиста и двухуровневой подготовкой научных кадров (аспирантура и докторантура). В преддверии планируемого в 2010 году перевода отечественных вузов на многоуровневое высшее образование целесообразно рассмотреть опыт ФРГ, высшая школа которой завершает переход на болонскую модель.

Реализация основных положений Болонского процесса, в котором участвуют сегодня все европейские страны, ведет к трансформации национальных образовательных систем. Воплощение болонских принципов в нашей стране носит пока преимущественно очаговый характер. В 2009 году планируется централизованный переход российских вузов на многоуровневое высшее образование. В этой связи актуальным представляется рассмотрение и анализ структурной трансформации высшего образования в странах-инициаторах Болонского процесса. Особого внимания заслуживает опыт ФРГ, выбор которой определяется следующим. Во-первых, российская и немецкая системы высшего образования являются исторически родственными и наиболее схожими в Европе. Во-вторых, Германия обладает существенным опытом по реформированию высшей школы в болонском направлении. В-третьих, дальнейшее развитие научных и образовательных коммуникаций между РФ и ФРГ требует детального рассмотрения изменений в немецкой высшей школе.

Схожесть российской и немецкой систем высшего образования определяется следующим.

1. В основу систем высшего образования Германии и России положена модель В. фон Гумбольдта, основные принципы которой сохраняются в обеих странах до Болонского процесса.

2. Переход от «классического» университета к «постклассическому» (приобретение вузами в управлении черт крупной фирмы и ориентация на профессиональное образование), наблюдаемый в США, Канаде, Австралии, Великобритании и других странах, не свойственен ФРГ и РФ.

3. К началу Болонского процесса обе страны обладали схожими структурами высшего образования – одноуровневой подготовкой дипломированных специалистов и двухуровневой подготовкой научных кадров. В зависимости от специальности обучение в вузах ФРГ заканчивалось сдачей государственного экзамена, написанием дипломной или магистерской работы. Государственные экзамены являлись в Германии обязательными для профессий, имеющих общенациональное значение. К ним относятся учителя, юристы, врачи, фармацевты, технологи пищевой промышленности.

Последипломный уровень подготовки научных кадров был представлен двумя ступенями (Promotion, Habilitation), которые соответствуют имеющимся в нашей стране аспирантуре и докторантуре. Первая заканчивалась защитой диссертации и присуждением ученой степени доктор (Doktor). Она давала возможность работать в вузе на должности доцента. Вторая ступень предполагала написание второй научной работы и открывала доступ к получению звания профессора [2, 639].

4. Большинство немецких и российских вузов являются государственными. В конце XX века в ФРГ, как и в нашей стране, начал развиваться сектор негосударственного высшего образования. По данным Министерства науки и образования, в 1990 году в Германии функционировало 49 частных вузов [4, 72]. К 2007 году их число достигло 69 [16, 5], что составило немногим более одной пятой от общего количества (379) высших учебных заведений Германии.

5. Государство традиционно оказывает на высшее образование в ФРГ и РФ достаточно сильное влияние, что проявляется в финансировании и различных формах контроля.

Германия приступила к воплощению болонских принципов непосредственно после подписания в 1999 году Совместной декларации. Реализация установок болонской модели была взята за основу реформирования высшей школы в ФРГ. Первым шагом перехода на многоуровневое высшее образование стало изменение законодательной базы. Вначале, в соответствии с § 19 Закона ФРГ о высшем образовании 1998 года, бакалавриат и магистратура рассматривались в качестве альтернативы традиционной подготовке специалистов [7, 2190]. В дальнейшем, согласно внесенным в 2002 году поправкам к Закону, они были признаны основными структурообразующими элементами высшего образования в Германии [12].

Введение бакалавриата и магистратуры привело к трансформации структуры высшего образования ФРГ, что проявляется в изменении установленных сроков обучения, принципов организации учебных планов и процесса обучения, базирующихся на модульной и кредитной системах, а также содержания обучения и присуждаемых по окончании вуза степеней.

С 1999 по 2002 год бакалавриат как самостоятельное направление подготовки вводился в незначительном количестве вузов Германии. Для этого периода было свойственно преобладание бакалавриата, интегрированного в дипломные и магистерские программы с характерным для него совпадением учебных планов с первыми 4–6 семестрами традиционных специальностей с большей практической направленностью [6, 100]. Предлагаемые в то время немногочисленные ма-

гистерские программы отличались принципиально новым сочетанием предметов и дисциплин [6, 104]. После 2002 года бакалавриат и магистратура стали внедряться преимущественно как самостоятельные направления подготовки.

Новые направления подготовки представлены во всех типах вузов. Более половины (60,2%) из них приходятся на университеты, 38,4% – на профессиональные высшие школы, незначительная часть (1,4%) – на вузы искусства и музыки. В профессиональных высших школах наблюдается более интенсивный переход на многоуровневое высшее образование по сравнению с университетами. Так, в 2007/08 учебном году бакалавриат и магистратура занимали в профессиональных высших школах 86,3%. В университетах их доля составила немногим более половины (55,2%) [13, 9]. Это может объясняться тем, что именно в университетах осуществляется подготовка по специальностям государственного значения, которые не затрагивает Болонский процесс. Вместе с тем с 2004 года в 11 федеральных землях ФРГ была введена двухуровневая модель подготовки учителей [12, 168-176]. В настоящее время она представлена уже в 14 из 15 федеральных земель [13, 10]. Подобная ситуация наблюдается и в области юридических наук. В 2007/08 учебном году уже насчитывалось 178 таких программ, 119 из которых приходилось на магистратуру [13, 9]. Однако вводятся они преимущественно для обучения иностранных студентов. По остальным специальностям государственного значения сохраняется одноуровневая модель высшего образования.

Изначально переход на болонскую модель высшего образования был направлен в ФРГ на сокращение сроков обучения. В настоящее время в Германии доминирует модель 6+4 семестра, в которой бакалавриат и магистратура являются самостоятельными направлениями подготовки. Доля бакалавриата со сроком обучения 3 года составляет 75,9%, а 2-летней магистратуры – 71,2% от общего количества предлагаемых программ. При этом продолжительность учебы в университетах и профессиональных высших школах различается. Так, в первых превалирует 3-летний бакалавриат (95,8%) и 2-летняя магистратура (80,1%). В профессиональных высших школах почти в равной степени представлены две модели по срокам обучения: 6+4 (соответственно 50% и 54%) и 7+3 (соответственно 40,7% и 31,4%) [13, 13-14].

Переход на многоуровневое высшее образование был призван также способствовать уменьшению численности студентов в условиях снижения объемов государственного финансирования вузов. Планировалось, что большая часть выпускников, получивших степень бакалавра, будут реализовывать свои возможности на рынке труда и лишь незначительная их доля продолжит свое образование. В этой связи многие немецкие исследователи – Г. Турнер [14, 137], П. Франкенберг [5, 31-92], В. Шульце [10, 21-30] и др. – предлагали введение вступительных экзаменов при поступлении в магистратуру. Однако этот расчет не оправдался. Так, в 2003 году около 60% выпускников профессиональных высших школ и 80% бакалавров из университетов продолжили свое обучение в магистратуре или по традиционным специальностям [16, 11]. Такая ситуация объясняется тем, что бакалавры не востребованы на рынке труда.

В настоящее время в Германии ведется интенсивная работа с работодателями по признанию степени бакалавра на рынке труда. Однако результаты опросов академической общественности указывают на сохранение такого положения в ближайшее время. Так, по оценкам преподавателей университетов, работающих по направлениям подготовки «Машиностроение и электротехника», бакалавриат воспринимается как промежуточная ступень, ведущая к получению степени магистра. По мнению более половины опрошенных (59,9%), ожидается, что 3/4 выпускников университетов будут продолжать свое обучение. Иначе выглядит ситуация в профессиональных высших школах, где, по мнению большинства их преподавателей (80%), в магистратуре останется менее половины бакалавров [3, 44].

Обязательным условием функционирования двухуровневой системы высшего образования является применение зачетных единиц по типу ECTS и структурирование учебных программ по модулям, что закреплено в законах федеральных земель о высшем образовании. Согласно определению, которое дается Конференцией министров образования земель в инструкции по организации образовательных программ, модульная организация программ представляет собой структурирование учебного материала по тематике и порядку изучения в законченные единицы – модули, снабженные кредитными единицами [8].

В 2000 году Конференция министров образования приняла национальные критерии введения системы ECTS в Германии [11, 128-142]. В соответствии с ними одна зачетная единица равна 30 часам аудиторной и самостоятельной работы, включая сдачу зачетов и экзаменов, а также подготовку к ним. По данным за 2004 год, система зачетных единиц использовалась в 67,7% бакалаврских и в 62,5% магистерских программ [9]. В последующие два года их количество увеличилось: в 2006 году доля таких программ на первом уровне (бакалавриат) достигла 74%, а на втором (магистратура) – 67% [16, 16].

В качестве важной и наиболее эффективной составляющей в организации многоуровневого образования в Германии признается введение менторства и тьюторства. Эти виды консультирования по предметам в малых группах (до 10 человек) хорошо зарекомендовали себя в немецких вузах. В качестве менторов могут выступать как сотрудники вуза (преподаватели и аспиранты), так и выпускники вуза, занятые на производстве. Тьюторство предполагает взаимодействие студентов младших курсов с тьюторами, т.е. старшекурсниками, которые разъясняют им трудные темы, основываясь на собственном опыте в изучении соответствующего предмета.

В результате студенты лучше осваивают учебный материал, происходит повторное осмысление пройденных дисциплин аспирантами-менторами и старшекурсниками-тьюторами и развитие их коммуникативной компетенции. В идеальном случае возникает обратная связь, когда учащиеся младших курсов предлагают свое понимание темы и новые идеи.

По окончании вуза студенты получают Европейское приложение к диплому, которое введено в Германии с 2005 года. Оно должно выдаваться всем студентам по окончании новых направлений подготовки автоматически и бесплатно в качестве дополнительной информации к выдаваемому пакету документов о высшем образовании. На практике в зимнем семестре 2004/2005 года его по-

лучили 44,8% бакалавров и 44% магистров [9], а в летнем семестре 2006 года доля выпускников-обладателей такого диплома достигла соответственно 63% и 55% [16, 16]. Утвержденная в ФРГ форма Приложения к диплому на английском и немецком языках и рекомендации по ее заполнению доступны всем высшим учебным заведениям. Эти документы можно запросить в электронном банке данных, специально созданном Конференцией ректоров вузов ФРГ.

Одним из наиболее интенсивно развивающихся направлений болонизации высшей школы ФРГ является практика двойных дипломов, когда студент проходит одну часть учебной программы в *alma mater*, а другую в одном из европейских университетов-партнеров. В основе такого сотрудничества лежит заключение договора о кооперации между вузами из различных стран. Показательным является и то, что немецкие вузы реализуют почти половину совместных магистерских программ, поддерживаемых и финансируемых Еврокомиссией в Европе. Однако и здесь до сих пор сохраняются трудности при согласовании учебных программ ввиду существенного различия их содержательных и организационных сторон в разных странах.

Наиболее распространены немецко-французские программы двойного диплома. Они составляют две трети от общего числа программ двойных и совместных дипломов, предлагаемых в вузах ФРГ (3000 программ из 4500) [16, 19]. При этом обнаруживается, что профессиональные высшие школы более активно внедряют совместные международные программы по сравнению с другими видами вузов ФРГ. На их долю приходится более трех четвертых программ бакалавриата (76%), а на университеты – только 24%. При этом международные магистерские программы представлены в равной степени, как в профессиональных высших школах (50%), так и в университетах (50%) [13, 18].

На последипломном уровне в Германии происходит переход от двухуровневой к одноуровневой системе подготовки научных кадров. Вопрос о необходимости реформирования в этой области дискутировался в Германии еще с 60-х годов XX века. В начале 90-х годов эта проблематика приобрела более радикальный характер: обсуждалась необходимость отмены второго уровня с последующим преобразованием первой ступени.

В пользу таких изменений Э. Бернинг приводит следующие аргументы:

- трудности в признании и сопоставимости ученых степеней за рубежом (докторантура – исключительно национальное явление);
- формальная зависимость докторантов при проведении исследований от влияния отдельных профессоров;
- отсутствие доступа молодых ученых к финансовым и другим ресурсам [1, 3-22].

Эти доводы имеют общую основу – получение права самостоятельной научной работы происходит слишком поздно, чаще в зрелом возрасте. Все это в конечном итоге приводит, с одной стороны, к стагнации в развитии науки, а с другой – препятствует привлечению иностранных ученых для проведения исследований в ФРГ. Помимо этого в рекомендациях Ученого совета 1997 года по реформированию последиplomной подготовки подчеркивалось, что, несмотря

на различные преобразования, в немецких вузах все еще остро стоит вопрос о «слишком старых научных работниках» [15, 55-104]. Это относилось в равной степени как к докторам, так и к кандидатам наук.

В рамках Болонского процесса эта проблема решается путем создания следующих благоприятных условий для поступления на третий уровень образования – в докторантуру и карьерного роста докторов наук (Ph.D.) (1).

Во-первых, в связи с тем, что бакалавриат рассматривается как законченное высшее образование, по окончании этого уровня в ФРГ предусмотрена возможность доступа в аспирантуру. Это правило распространяется на претендентов, имеющих степень бакалавра и проявляющих исключительные способности и успехи в учебе. В равной степени оно относится к выпускникам университетов и профессиональных высших школ.

Во-вторых, введена новая должность – младший профессор (Juniorprofessor), получение которой возможно без защиты второй диссертации [17]. Младшие профессора обладают теми же правами и обязанностями, что и профессора, имеющие степень, соответствующую отечественному доктору наук. С ними заключается контракт на срок до 6 лет без права его продления. В течение третьего года работы они проходят аттестацию. При положительных результатах оценки их научно-исследовательской и преподавательской деятельности выдается свидетельство о профессиональном соответствии. Должность младшего профессора дает возможность претендовать на получение должности и звания профессора. В случае неудовлетворительной оценки по истечении контракта дается один год для поиска работы в какой-либо другой сфере [1, 3-22].

Планируется, что докторантура как традиционная вторая ступень последипломого образования продолжит существовать в Германии до окончания переходного периода, т.е. до 31 декабря 2009 года. Симптоматичным для реформирования подготовки научных кадров является тот факт, что в отчетах и статистических сборниках за предыдущий год уже не содержится данных о докторантуре как второй ступени последипломого образования. Ее отмена требует глубокого реформирования первой ступени, ведущей к получению степени доктора философии (Doktor Ph.).

Первые шаги в этом направлении реализуются в новых формах обучения с более четкой структурой и организацией на базе специализированных академических колледжей и школ (Graduierungskolledge, Graduate Schools, Graduiertenschulen и др.). В настоящее время функционирует более 430 таких образований. Отделы аспирантуры имеются и в университетах. Большое внимание здесь уделяется международным формам обучения. Ответственность за подготовку аспирантов в одинаковой мере несут два учебных заведения, на базе которых осуществляется их обучение и написание диссертационного исследования. В рамках таких программ уже в 2004 году прошли обучение 5400 аспирантов, что составило 5% от их общего количества в ФРГ [9]. Доля иностранных аспирантов достигла в 2003 году 10%, а в 2005 году – 19% [16, 9]. Эти нововведения способствуют развитию академической мобильности и усилению исследовательского пространства Германии.

Специфика структурной трансформации системы высшего образования ФРГ заключается в следующем: *во-первых*, осуществляется переход от одноуровневой додипломной и двухуровневой последипломной подготовки к трехуровневой модели «бакалавриат» – «магистратура» – «докторантура»; *во-вторых*, происходят существенные изменения в организации и содержании образовательных программ, осуществляемые на основе модуляризации учебного процесса и расчета трудоемкости в зачетных единицах; *в-третьих*, эти преобразования не распространяются на специальности государственного значения; *в-четвертых*, происходит отказ от второй ступени подготовки научных кадров (докторантуры) путем введения должности младшего профессора; *в-пятых*, профессиональные высшие школы проявляют большую активность во введении болонских принципов по сравнению с университетами; *в-шестых*, в результате внедрения многоуровневого высшего образования стирается грань между различными видами вузов, что способствует усилению конкуренции внутри образовательного пространства Германии.

Опыт ФРГ по переходу на многоуровневую подготовку может быть использован в РФ. Весьма интересны такие формы работы, как менторство и тьюторство. Они могут быть полезны для оптимизации учебного процесса в российских вузах. Перспективными представляются практика двойных дипломов и международные формы обучения в аспирантуре. Бакалавриат в нашей стране, как и в ФРГ, может рассматриваться студентами и работодателями не как полное высшее образование, а скорее как промежуточная ступень к последующему поступлению в магистратуру. Учитывая установленный срок обучения на первом уровне (4 года), общая продолжительность учебы для получения степени магистра, вероятнее всего, будет превышать 5 лет. Таким образом, российские студенты будут учиться дольше, чем их немецкие коллеги. Введение бакалавриата и магистратуры в нашей стране повлечет за собой реформирование среднего образования, прежде всего, организации и содержания учебных программ в старших классах. Структурные изменения в отечественной высшей школе могут привести к усилению конкуренции между российскими учебными заведениями.

The basic Bologna process concepts realization causes transformation in European educational systems. Before our country entered the procedure of creating the All-European educational area, Russia and Germany had similar higher education systems: a single-level specialists training and a double-level scientific manpower training (post-graduate and doctoral studies). Before higher education institutions in our country change to the multilevel higher education in 2010, as it has been planned, the experience of Federal Republic of Germany should be taken into consideration since its higher education institutions have almost completed the process of transformation.

ЛИТЕРАТУРА

1. Berning E. Juniorprofessuren // Th. Studer (Hrsg.) Erfolgreiche Leitung von Forschungsinstituten, Hochschulen und Stiftungen. Management, Finanzen, Personal und Recht in der Praxis für Wissenschaftseinrichtungen. – Hamburg, 2002. – S. 3-22.

2. Das Bildungswesen in der Bundesrepublik Deutschland. Strukturen und Entwicklungen im Überblick. Arbeitsgruppe Bildungsbericht am Max-Planck-Institut für Bildungsforschung. – Hamburg, 1994. – S. 639.
3. Fischer L., Minks K.-H. Acht Jahre nach Bologna – Professoren ziehen Bilanz. Ergebnisse einer Befragung von Hochschullehrern des Maschinenbaus und der Elektrotechnik // HIS: Projektbericht. – 10/2007. – Hannover, 2007. – S. 44.
4. Frackmann E., de Weert E. Hochschulpolitik in der Bundesrepublik Deutschland // Hochschulpolitik im internationalen Vergleich. – Gütersloh, 1993. – S. 72.
5. Frankenberg P. Das differenzierte deutsche Hochschulsystem aus Sicht der Universitäten // Universitäten und Fachhochschulen im Wettbewerb und Kooperation. Beiträge zur Hochschulpolitik. – Bonn, 9/1999. – S. 31-92.
6. Gensch S. K., Schindler G. Bachelor- und Master- Studiengänge an staatlichen Hochschulen in Bayern – Ergebnisse einer ersten Analyse // Beiträge zur Hochschulforschung, Heft 2. – 25. Jahrgang. – 2003. – S. 100.
7. Hochschulrahmengesetz – Novelle vom 20.08.1998 // BG B1. I. – § 19. – S. 2190.
8. KMK (2000). Rahmenvorgaben für die Einführung von Leistungspunktsystem und die Modularisierung von Studiengängen. Beschluss der Kultusministerkonferenz vom 15.09.2000 // <http://www.kmk.beschluesse/1802/htm>. – 12.07.2005.
9. Realisierung der Ziele des Bologna-Prozesses. Nationaler Bericht 2004 für Deutschland von KMK und BMBF unter Mitwirkung von HRK, DAAD, Akkreditierungsrat, fzs und Sozialpartnern // http://www.bmbf.de/pub/nationaler_bericht_bologna_2004_pdf. – 28.08.2005.
10. Schulze W. Profilbildung und Differenzierung. Die Hochschulen auf dem Weg ins 21. Jahrhundert // Universitäten und Fachhochschulen im Wettbewerb und Kooperation. Beiträge zur Hochschulpolitik. – Bonn, 9/1999. – S. 21-30
11. Schwarz S. Auf dem Weg zu mehr Transparenz und Flexibilität: Credit-Systeme an deutschen Hochschulen // U. Welbers (Hrsg.) Studienreform mit Bachelor und Master. Gestufte Studiengänge des Lehrens und Lernens an Hochschulen. – 1. Aufl. – Lucherhand, 2001. – S. 128-142.
12. Sechstes Gesetz zur Änderung des Hochschulrahmengesetzes (6. HRGÄndG.) vom 8. August 2002 // Bundesgesetzblatt. Jahrgang 2002. – Teil 2. – Nr. 57. – Bonn, 2002.
13. Statistische Daten zur Einführung von Bachelor- und Masterstudiengängen/ Wintersemester 2007/2008 // Statistik zur Hochschulpolitik 3/2007. – Bonn, 2007. – S.7 // www.hrk.de/de/download/dateien/HRK_StatistikBA_MA_WiSe2007_08_final.pdf. – 21.03.2008.
14. Turner G. Hochschule zwischen Vorstellung und Wirklichkeit. – Berlin, 2001. – S.139.
15. Wissenschaftsrat (Hrsg.) Empfehlungen Doktorantenausbildung. Zur Förderung des Hochschullehrernachwuchses. – Köln. – 1997 // Ders., Empfehlungen und Stellungnahmen. – Bd. 2. – Köln, 1997. – S. 55-104.
16. Zweiter Bericht zur Realisierung der Ziele des Bologna-Prozesses von KMK und BMBF. – S. 5 // www.bmbf.de/pub/nationaler_bericht_bologna_2007_pdf. – 17.03.2008.
17. Novellierung des Hochschulrahmengesetzes (HRK) vom 22. Februar 2002 // <http://www.hrk.de/documents/1880/htm> - 23.04.2005.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Во избежание путаницы в дальнейшем будет использоваться терминология, принятая в нашей стране: для первого уровня подготовки научных кадров – аспирантура и степень кандидата наук, для второго – докторантура и степень доктора наук.

И.А. Дидук

МОУ СОШ № 39 (г. Смоленск)

УДК 37.01(091)

А.С. МАКАРЕНКО О ПРОБЛЕМЕ ВОСПИТАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Ключевые слова: *качество личности; ответственность; А.С.Макаренко; воспитание; ценность; семантическое поле.*

В XXI век Россия вступает страной, строящей рыночную экономику и правовое государство. Она нуждается в людях, способных нести ответственность за собственную судьбу и судьбу государства. Поэтому это качество личности приобретает особую ценность.

В данной статье сделана попытка проанализировать опыт известного советского педагога А.С. Макаренко по воспитанию ответственности, семантическое поле которой очень обширно. В его сферу включены многие качества личности. Характер связей, возникающий между этими категориями, отличается системностью и сложностью. Их изучение в пределах семантического поля ответственности представляет собой перспективное направление теории воспитания.

В XXI век Россия вступает страной, строящей рыночную экономику и правовое государство. Это увеличивает меру свободы и ответственности человека за собственное благополучие и благополучие общества. Наша страна, как и любая другая, нуждается в образованных, активных, готовых к трудовой деятельности людях, способных самостоятельно принимать решения в различных жизненных ситуациях и нести ответственность за собственную судьбу и судьбу государства. В этой связи человек выступает в качестве абсолютной ценности, становится основным ресурсом, обеспечивающим стабильность и прогресс общества.

В системе общечеловеческих культурных ценностей базисной является ответственность. Именно она способствует освоению человеком других ценностей. Мера личной ответственности является залогом жизнестойкости общества.

Анализ данных, полученных в ходе изучения ценностных ориентаций подростков по методике М. Рокича, показал, что только 15% респондентов поставили ответственность на ведущие позиции [2, 85-88]. Остальные 85% учащихся отдали предпочтение другим жизненным ценностям. Большинство школьников не осознают глубокой сущности ответственности, не понимают ее связи с другими качествами личности.

Таким образом, налицо противоречие между требованиями, предъявляемыми новыми социокультурными условиями современного общества, и реальными ценностными ориентациями подрастающего поколения. Одним из путей преодоления выявленного противоречия является изучение педагогического наследия великих педагогов.

1 марта 2008 года исполнилось 120 лет со дня рождения великого советского педагога А.С. Макаренко. Его идеи по прошествии многих лет после завершения советской эпохи в истории нашей страны не потеряли своей актуальности.

А.С. Макаренко, характеризуя систему советского воспитания, прежде всего опирался на опыт работы колонии имени А.М. Горького и коммуны имени Ф.Э. Дзержинского. В своих трудах он уделял особое внимание воспитанию такого качества, как ответственность, и определял цель воспитания как проектирование качеств личности, формирование политически деятельной и ответственной фигуры.

В соответствии с этим А.С. Макаренко придавал большое значение организации и воспитанию детского коллектива и личности в коллективе и через коллектив. Педагог считал, что только в коллективе можно воспитать советского человека. Он не выделял воспитание ответственности из контекста воспитательного процесса. Все его аспекты пронизаны вопросами личной и коллективной ответственности воспитанников. «Серьезная ответственность является таким воспитательным средством для разрешения многих проблем. Само собой разумеется, что все это было дополнительно по отношению к общей системе отряда. Это был действительно штаб, отвечающий за работу, а не только показывающий. Я наблюдал, как в некоторых детских домах заботятся о такой организации работы. В то же самое время очень важно, чтобы ответственность требовалась и на производстве, и в классе, и в школе, в свободной бригаде. Даже в таком случае, как баня, – значит, сегодня должен быть ответственный по бане. Эта ответственность должна сливаться с единством ответственности всего коллектива. Если такого единства ответственности нет, если нет полной гармонии ответственных лиц, то может получиться игра, а не серьезное дело» [1, 213]. Основой коллективов воспитанников учреждений, чей опыт обобщал А.С. Макаренко, являлся производственный отряд. Необходимость создания разновозрастных отрядов он обосновывал тем, что «у старших забота о младших и ответственность за них воспитывает качества необходимые советскому гражданину: внимание к человеку, великодушие и требовательность, наконец, качества будущего семьянина и многие другие» [1, 11]. Во главе отряда должен стоять командир, работа которого рассматривалась как самая ответственная, свидетельствующая о доверии к нему взрослых и ученического коллектива.

Описывая технологию осуществления воспитательного процесса, педагог обращал внимание на то, что ответственность воспитанников должна проявляться во всех сторонах жизни коллектива: режиме, материальной жизни, культурработе, самоуправлении, взаимодействии с педагогами и др.

Так, например, в организации ученического самоуправления ответственность имеет большое значение. Именно с этих позиций автор определял коллектив

как «социальный живой организм, который потому и организм, что там есть полномочия, ответственность, соотношение частей, взаимозависимость» [1, 231].

В колонии А.М. Горького и коммуны имени Ф.Э. Дзержинского возглавляли отряды командиры, которые «должны постоянно чувствовать свою связь с уполномочившим их коллективом и свою ответственность» [1, 13]. Также немало важную роль играли уполномоченные «с большими функциями и строгой ответственностью» [1, 235]. Во главе коллектива стояло общее собрание, которое, по мнению педагога, «... нужно не столько для того, чтобы наложить нравственное наказание, сколько для того, чтобы каждый член общего собрания считал себя ответственным за решение. Вот это переживание ответственности воспитывается в коллективе с наибольшим трудом, но зато, когда оно воспитано, оно творит чудеса. А это переживание ответственности вырабатывается очень большой точностью работы и четкостью. В коммуне на общих собраниях был установлен такой регламент: речь могла продолжаться одну–две минуты. И вот даже в этом пустяке воспитывалась ответственность. Ее можно воспитывать еще при помощи главным образом персональных поручений. Это значит – в каждом случае поручается кому-нибудь что-нибудь сделать с обязательным отчетом на общем собрании и с обязательной проверкой; не сделал – получай взыскание» [1, 241]. Только такая ответственность личности перед коллективом, по утверждению А.С. Макаренко, приобретает характер спаянности.

Наряду с первичным коллективом с собственным командованием, ответственностью и представительством в совете самоуправления А.С. Макаренко выделял и производственный отряд. Его значимость педагог объяснял тем, что «только в производственном процессе выражен настоящий характер человека, члена производственного коллектива», где «человек учится чувствовать свою ответственность за деталь, когда нужно выполнить весь профинплан» [1, 304].

Ответственность человека за свои действия и поступки проявляется во всем своем многообразии. «Ответственность за работу коллектива, привычка к этой ответственности, привычка отвечать за коллектив – эта привычка к ответственности скажется и в любовном отношении. Главные драмы проистекают от ощущения безответственности» [1, 298]. А.С. Макаренко считал, что «и девушкам и мальчикам нужно рассказывать об ответственности за каждый прожитый день, за каждый кусок чувства, потому что за все приходится платить жизнью, причем надо рассказывать не два–три раза, а воспитывать каждый день» [1, 300].

В своей практической деятельности педагог важное место отводил наказанию. По мнению педагога, вопрос о наказании решался по-новому, потому что по-новому ставился вопрос об ответственности. «Тут ты “сырой”, у тебя нет социального опыта, нет человеческого опыта, поэтому ты за себя отвечаешь в очень небольшой дозе, а здесь ты коммунары, тебя 27 коммунаров ждали две минуты, ты сознательно нарушил интересы коллектива, которые коллектив поручил тебе охранять, – ты должен быть наказан. В этом наказании есть новая логика, а в наказании у дзержинцев вдруг стало звучать следующее. Не имеет никакого значения, что именно, какая нагрузка дается в наказание, а имеет значение символ, что

такой-то человек наказан, что он находится под арестом на 10 минут в кабинете у заведующего» [1, 374-375].

А.С. Макаренко системно подходил к воспитанию характера, потому такие личностные качества, как мужество, терпимость, сдержанность, целеустремленность, трудолюбие, дисциплинированность, честность, точность, деловитость и другие, рассматривал как комплекс черт, выступающих во взаимосвязи с ответственностью. Например, взаимосвязь таких качеств, как гордость и ответственность, заключается в том, что воспитанник не жалуется на свою жизнь посторонним, гостям учебного заведения «вовсе не потому, что он хочет кому-то понравиться, а потому что он чувствует свою ответственность за коллектив, гордится своим коллективом, даже наказанный» [1, 214]. В отношении преодоления лени в ученическом сообществе А.С. Макаренко предлагал специальную методику, которая заключается, прежде всего, в ответственности перед коллективом. А такое качество, как точность, педагог предлагал требовать не только в быту, а и в работе, словах, в ответственности за свои обязанности.

А.С. Макаренко ясно высказывался в отношении нравственных категорий: честность и точность. Честность, по его мнению, «всегда должна быть активным требованием к себе и другим: хочу и требую от себя и от других полного внимания к общим интересам, полного рабочего времени, полной способности отвечать за свое дело, полного развития сил, полного знания, хочу и требую наиболее совершенных, наиболее правильных действий» [1, 434].

Критерием нравственности поступков, по утверждению А.С. Макаренко, являются отношения между людьми, которые усиливают, объединяют коллектив, считаются моральными категориями. Например, «точность, способность приходить вовремя, выражаться определенно, требовать ясно и ясно отвечать...» [1, 434]. Педагог считал точность моральной нормой, а ее отсутствие недостатком, близким к мошенничеству. «Точность. Это производительность труда, это продуктивность, это вещи, это богатство, это уважение к себе и товарищам» [1, 451]. Педагог пояснял, что в коммуне воспитанники не могли жить без точности, потому что в ней была школа, завод. При этом у детей хватало времени и на прогулки, и на отдых, и на веселье, и на танцы. «И мы дошли до настоящего пафоса – за опоздание самое большое наказание» [1, 451].

Еще одним приложением нравственных категорий, в первую очередь, ответственности, является педагогический коллектив, который А.С. Макаренко рассматривался как составная часть коллектива воспитательного учреждения. Он считал, что авторитет воспитателя «проистекает только от ответственности. Если человек должен отвечать за свое дело и отвечает, то вот его авторитет. На этой базе он и должен строить свое поведение достаточно авторитетно» [1, 185].

Ответственность проявляется в межличностных отношениях, в поступках, совершаемых воспитанниками. В теории и практике воспитания принято полагаться на сознательность этих отношений и поступков. А.С. Макаренко утверждал, что «мы иногда злоупотребляем словом “сознательный”. Наше поведение должно быть сознательным поведением человека бесклассового общества, но это

вовсе не значит, что в вопросах поведения мы всегда должны апеллировать к сознанию. Это было бы слишком убыточной нагрузкой на сознание. Настоящая широкая этическая норма становится действительной тогда, когда ее «сознательный» период переходит в период общего опыта, традиции, привычки, когда эта норма начинает действовать быстро и точно, поддержанная общественным мнением и общественным вкусом» [1, 435-436].

Изучение наследия А.С. Макаренко позволило сформулировать ряд теоретических положений, направленных на эффективное воспитание ответственности подрастающего поколения. Ответственность, как и другие качества личности, является категорией нравственности и проявляется в различных сферах ее деятельности.

Семантическое поле ответственности очень обширно. В его сферу включены такие качества, как аккуратность, активность, бережливость, вежливость, гордость, тактичность, точность, трудолюбие, чуткость и др. Характер связей, возникающий между этими категориями, отличается системностью и сложностью. Изучение характера этих связей в пределах семантического поля ответственности представляет собой перспективное направление теории воспитания.

Russia is entering the XXI century as the country which is building up market economics and a law governed state. The country demands people who can be responsible both for their own fate and the future of their country. That is why this personal quality is of great importance nowadays.

This article is an attempt to analyse the experiments connected with the developing of responsibility made by the well-known Soviet teacher A. Makarenko. The semantic field of the word «responsibility» is very wide. It includes many qualities of a person. The links between these categories are complicated and they compile a system. Studying these within the limits of the semantic field of responsibility is a promising direction in the theory of upbringing.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макаренко А.С. Сочинения: в 7 т. – М.; 1960. – Т. 5.
2. Сонин В.А. Психологическое познание профессиональной деятельности: учеб. пособие. – СПб.: Изд-во «Речь», 2004.

РОЛЬ РЕКЛАМЫ В ИНКУЛЬТУРАЦИИ РОССИЙСКИХ ШКОЛЬНИКОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Ключевые слова: *инкультурация; реклама; содержание рекламного сообщения; формально-динамические характеристики рекламы.*

Реклама не может не влиять на россиян как на «вербальном», так и на поведенческом уровнях. В частности, очевидно ее воздействие и на школьников; это воздействие может расцениваться как часть процесса инкультурации. Воздействие рекламы в ходе и «контексте» инкультурации имеет как положительные, так и отрицательные результаты. Рекламодатели «играют» на непреходящих ценностях, будто не задумываясь об отрицательных последствиях такой «игры». Исходя из сведений, взятых из разных источников, можно заключить, что современная реклама исключительно тенденциозна, ненадежна, двусмысленна, нереалистична и часто вызывает раздражение. И результатом ее воздействия часто является то, что многие школьники теряют надлежащие ценностные ориентиры и возводят в культ потребление.

Мы исходим из того, что процесс инкультурации человека осуществляется широким набором универсальных *средств*, содержание которых специфично для того или иного общества, социального слоя или возраста индивида. Под средствами инкультурации в общем смысле можно понимать всё культурное окружение, все социальные институты и создания цивилизации, которые вносят свой вклад в процесс приобщения индивида (или группы) к культуре при условии их «включенности» в процесс инкультурации.

Господствуя в средствах распространения информации, реклама обладает огромными возможностями формирования общественных эталонов и принадлежит к очень небольшой группе институтов, оказывающих влияние на общество в целом. Она способна менять веками устоявшиеся привычки, социальные нормы и культурные традиции за сравнительно короткий срок, формируя новые системы ценностей и этических норм. В связи с этим можно предположить, что реклама вносит определенный вклад в процесс приобщения подрастающего поколения к культуре, влияет на усвоение ими свойственных данной культуре привычек, норм и стереотипов поведения. И хотя некоторые ученые считают, что реклама является в первую очередь информационным средством или средством коммерческого воздействия, до сих пор вопрос о влиянии рекламы на процесс инкультурации современных школьников не становился предметом глубокого, объективного научного анализа. Отсюда возникает задача исследования данной проблемы.

На индивидуальном уровне процесс инкультурации выражается в повседневном общении с себе подобными: родственниками, друзьями, знакомыми или незнакомыми представителями одной культуры, у которых сознательно или бессознательно человек учится тому, как следует вести себя в разнообразных жизненных ситуациях, как оценивать события, встречать гостей, реагировать на те или иные знаки внимания и сигналы. Отсюда и содержание процесса инкультурации составляет приобретение следующих знаний и навыков, связанных с жизнеобеспечением (профессиональная деятельность, домашний труд, приобретение и потребление товаров и услуг); личностным развитием (приобретение общего и профессионального образования, общественная активность, любительские занятия); социальной коммуникацией (формальное и неформальное общение, путешествия, физические передвижения); восстановлением энергетических затрат (потребление пищи, соблюдение личной гигиены, пассивный отдых, сон) [3].

Возможность рассмотрения рекламы как средства инкультурации в последнее время появилась в связи с расширением арсенала средств воздействия на современного школьника и коррекцией культурного пространства учеников. Анализ влияния рекламы на мировоззрение и ценностные ориентации современных школьников свидетельствует о том, что реклама является постоянным и референтным компонентом внеучебного времени подростков [5, 11, 16]. В подростковом и особенно в старшем школьном возрасте многие школьники отличаются повышенной интеллектуальной активностью, стремятся к самообразованию и, как следствие, заняты поиском занятий и источников, соответствующих их интересам и способных дать интеллектуальное удовлетворение [10]. Поэтому с целью «постижения мира взрослых» они обращаются к рекламе и СМИ, которые являются (или должны являться) для них одним из важных источников получения информации о деятельности различных социокультурных групп. Не вызывает сомнения и тот факт, что разносторонняя рекламная информация во многом определяет характер и содержание как понятийной, так и поведенческой деятельности подростков.

Реклама в значительной степени определяет мораль общества и его этические параметры [9]. Однако вместе с тем, подсказывая стандарты поведения в той или иной ситуации, она «моделирует» сознание людей в соответствии с целями и нуждами производителей – рекламодателей. Поэтому в действительности аморальными и антигуманными по своей сути являются не рекламные сюжеты, а те люди, которые вносят в рекламу дух наживы, стяжательства, неуважения к покупателю и конкурентам.

На данный момент сложно однозначно охарактеризовать рекламу как средство инкультурации современных российских школьников, так как разброс оценок и суждений о ее возможностях является весьма значительным. Более или менее однозначно ответить на вопрос о роли рекламы в формировании нравственной культуры школьников можно, если учитывать двухаспектность рекламы, так называемое прямое и косвенное воздействие. В связи с этим любая реклама должна рассматриваться как с точки зрения *содержания* объективной информа-

ции о товаре, так и с точки зрения *использования ее формально-динамических характеристик*. Мы считаем необходимым выделить эти две составляющие, так как если содержание рекламы является стабильной величиной и регулируется в соответствии с Законом о рекламе, то формальные характеристики рекламы (рекламные образы и идеи, форма обращения к клиенту, стиль, юмор и другие методы воздействия) сами по себе не являются обязательными элементами рекламы. Они играют лишь вспомогательную роль, выбираются рекламодателем или рекламопроизводителем произвольно в результате создания рекламного продукта и, как правило, со временем меняются.

С точки зрения *содержания* рекламы отмечается, что она оказывает влияние, в первую очередь, на культуру внешности (умение одеваться, выбирать свой стиль, соблюдать личную гигиену) и бытовую культуру. Влияние это в значительной степени положительное, так как большая часть рекламной продукции акцентирует внимание аудитории на красоте в повседневной жизни, учит опрятности и созданию уюта в домашней обстановке. Под влиянием рекламы дети могут не только приобрести товар для украшения интерьера, но и создать эстетическую обстановку в школе, классе, квартире. Контакт с рекламой также помогает школьнику свободно ориентироваться в окружающей его социокультурной среде, пользоваться большинством предметов культуры, созданных предыдущими поколениями, обмениваться результатами физического и умственного труда, находить взаимопонимание с другими людьми и при этом отличаться от представителей других культур [6].

В негативном влиянии на подрастающее поколение рекламу обвиняют в связи со следующими факторами.

1. Массовое рекламирование предметов роскоши (дорогие машины, элитное жилье, дорогостоящая техника и т.д.). В силу относительно невысокой покупательной способности многих россиян подобная реклама вызывает у них осуждение, неприятие и в конечном итоге приводит к негативным явлениям духовно-нравственного характера, например, скептическому нигилизму, циничному прагматизму, стремлению к получению желаемого любой ценой [13]. Для тех же, кто пытается слепо копировать образ жизни, навязываемый рекламой, показное потребление может иметь тяжелые последствия. Особенно это касается детей и подростков, остро чувствующих несоответствие своих запросов и покупательских способностей семьи. Невозможность приобрести рекламируемые товары может привести к появлению у детей школьного возраста ощущения собственной неполноценности и зависти к более обеспеченным слоям населения. В этом случае они начнут плохо относиться друг к другу, ненавидеть родителей, которые не хотят или не могут приобрести рекламируемую продукцию, станут жестокими. А если дети попробуют восстать против таких норм жизни в семье, то тогда они перестанут уважать родителей и вырастут ущемленными, со сложной судьбой и нелегким характером.

2. Интенсивное продвижение товаров и услуг, не всегда объективно полезных (а зачастую и просто вредных). Речь идет, в первую очередь, об алко-

гольной, табачной, наркотической и другой продукции, не только не содержащей полезных для человека веществ, но и разрушающей нравственное, психическое и физическое здоровье людей, оказывающей генотоксическое действие, которое проявится в виде дефектов у потомства [7, 8]. Сюда же можно отнести газированные напитки, сладости и другую продукцию, содержащую большое количество сахара. Результатом рекламы подобной продукции является то, что некоторые исследователи считают «сдвигом в традиционных представлениях», хотя, на наш взгляд, в данном случае речь идет скорее о насаждении ненужных, вредных привычек. Данная реклама компрометирует людей, ее выполняющих и разрешающих. Рекламодатели стремятся разбудить самые порочные страсти и инстинкты человеческой природы, стимулируя обращение подростков к небезопасным способам достижения психофизиологического комфорта с помощью алкоголя, табака, сладкого [12].

3. Вред, который рекламируемые товары могут нанести всему человечеству (неэкономичные автомобили, электроприборы, расходующие большое количество электроэнергии, изделия из пластмассы, изделия бытовой химии, содержащие вредные химические компоненты). В посланиях коммерческой рекламы мы чаще всего имеем дело либо с «экологическим красноречием» (с преобладанием множества фактов, разрозненных сведений, цифровых данных без достаточной логики изложения), либо с «экологическим молчанием» относительно того, каков реальный ущерб от использования рекламируемой продукции [13]. Допуская существование и пропагандируя использование подобной продукции, такая реклама производит разрушительный эффект, деформируя общественное сознание и нравственные ориентиры личности и формируя вредные привычки, традиции, нездоровый образ жизни.

4. Широкая реклама ряда товаров и услуг, о которых у нас еще недавно не принято было говорить публично (например, гигиенических прокладок, презервативов, лекарственных средств и пищевых добавок для повышения потенции у мужчин, медикаментов против диареи, интимных услуг). Оповещение массовой аудитории о свойствах данных товаров, а следовательно, о проблемах, которые они призваны устранить, идет вразрез с такими исконно русскими качествами, как нравственность и стыдливость.

5. Реклама «чудодейственных» продуктов и «финансовых пирамид», вводящих в заблуждение или откровенно обманывающих потребителей. Такая реклама, помимо материального ущерба, наносит ущерб моральный, так как способствует размыванию границ дозволенного. А что касается детей и подростков, безоговорочная вера в то, что рекламируется, сменяется критичностью к содержащейся в рекламе информации и, как следствие, к рекламе в целом. Напомним, что степень доверия – очень важный аспект источника, так как потребитель склонен лучше воспринимать и осмысливать аргументы из надежного источника, нежели из ненадежного.

В данном случае аморальными можно считать и саму деятельность по рекламированию подобной продукции, и рекламодателей, рассуждающих о праве

на свободу выбора взрослого человека в отношении следования рекомендациям рекламы. На настоящий момент единственным более или менее действенным «противовесом» данным аморальным коммерческим посланиям является социальная реклама, основной функцией которой является мультиплицирование моделей предпочитаемого обществом поведения [13, 14]. Этот вид рекламы представляет для школьников познавательный интерес или даже стимул к совершенствованию. Внимание к социальной рекламе, проявляемое подростками и старшеклассниками, можно также объяснить естественной возрастной любознательностью и желанием больше узнать о мире взрослых, полном опасностей и угроз. Предполагается, что подростки и старшеклассники прислушаются к некоторым из даваемых ею советов.

Влияние на процесс инкультурации школьников оказывают и выбираемые рекламистами сюжеты, которые они используют для рекламного воздействия на потребителей, то есть *формально-динамические характеристики* рекламы. Реализуя свои прагматические цели, реклама ретранслирует ценности, разделяемые в обществе, задает ориентиры социокультурного действия в формах и знаковых образцах традиционной для данного общества культурно-знаковой парадигмы [13]. Положительное воздействие рекламы проявляется в предоставлении подросткам возможности усвоения основных социальных ролей, норм, языка, черт национального характера. Реклама обладает большим и неоднозначным культурным потенциалом, затрагивая жизненный опыт, уровень воспитанности, нравственную направленность личности, ее эмоциональную сферу.

В результате контакта с рекламой школьник приобщается не только к своей национальной культуре, но и к культуре других народов. Благодаря телевидению и транслируемой рекламе ему предоставляется возможность познакомиться и «встретиться» с выдающимися личностями, «путешествовать» по всему миру и в историю. При этом восприятие рекламного текста требует меньше умственных усилий, чем восприятие текста книги или газеты.

Хотя вариативность предлагаемых моделей велика и реклама благодаря формально-динамическим характеристикам вносит свою лепту в их разнообразие, тем не менее, профессиональная реклама обычно учитывает самые распространенные в своем обществе системы ценностей, в основе которых лежат не духовный рост и интеллектуальное обогащение личности, а все те же идеалы потребления. Если потребители рекламы не покупают товар, рекламисты часто прибегают к демонстрации эротики и агрессии, используя при этом приемы воздействия, оказывающие негативное влияние на людей, особенно детей и подростков и т.п. При этом, как выясняется, мало кто может взять на себя ответственность определить степень, формы и пределы воздействий, осуществляемых этими характеристиками. Наиболее универсальный эквивалент зачастую формулируется в виде классического правила: «Все, что не запрещено законом, разрешено».

Наиболее часто рекламные сюжеты критикуют:

– за стереотипизацию в рекламе людей по «принятым образцам» [1, 4]. Разработчики рекламы используют в качестве заготовки стереотипные пер-

сонажи, чтобы указать на категорию людей, для которых предназначен товар. Они оправдывают свои действия и тем, что «поскольку есть всего тридцать секунд на то, чтобы заявить о коммерческих свойствах товара, едва ли можно создать оригинальный и многогранный персонаж в своем рекламном сообщении. «Поэтому вы пользуетесь стереотипом, и если этот стереотип – домовитая женская особа, это, по крайней мере, говорит зрителю о том, на кого направлена реклама» [4, 148]. Стереотипизация является нормальным психологическим процессом, однако сам факт массовости коммуникации требует проведения сильного упрощения и потенциальной стереотипизации. Подростки и старшеклассники достаточно чувствительны к их восприятию и усвоению, считается, что они привыкли мыслить стереотипами (неоспоримым доказательством этому является привычка приклеивать ярлыки и прозвища, своего рода адекватности стереотипов). Метафоричность мышления, свойственная молодежи, отсутствие богатого жизненного опыта и убеждений, проверенных этим опытом, практикой, отсутствие достаточных знаний создают условия для эффективного воздействия стереотипов на данную аудиторию. Внимательно следя за жизнью персонажей рекламных роликов, школьник под влиянием постоянно действующих стереотипов может составить противоречивое, а порой и абсолютно обратное представление о мире взрослых;

– за излишнюю стереотипизацию гендерных образов мужественности и женственности [1, 2]. Мужчин в рекламе изображают либо бесчувственными и грубыми, либо, наоборот, безвольными и безынициативными в межличностных отношениях. Героями рекламных сюжетов нередко оказываются сильные личности в стиле «мачо», которые, стремясь добиться желаемого любыми средствами, решают глобальные мировые проблемы, в жертву которым должно быть принесено личное счастье. Модель «прекрасного пола», которая с помощью самых разных рычагов заставляет миллионы женщин стремиться быть красивыми (и вместе с тем не особо умными) в глазах мужчин, заставляет поверить в то, что женщина ценится, пока она молода и соответствует принятым в данной культуре понятиям о красоте и женственности. Если поступки героя оправданы сюжетом рекламы и он внушает доверие, то в реальной жизни ему, вероятнее всего, будут подражать. В результате девочки-подростки могут усвоить то, что настоящий мужчина должен быть грубым и бесчувственным, а мальчики станут ожидать от женщин проявления покорности и считать, что они должны уделять массу времени своей внешности;

– за использование сцен эротического или сексуального содержания [15]. Результаты исследований показывают, что сексуальные намеки и сексуальное поведение зачастую бывают опасны для общества, даже если представлены в юмористическом контексте. Учеными, занимающимися изучением этой проблемы, был сделан вывод о том, что изображение в рекламе отрицательно влияет на поведение подростков, приводя к преждевременной «озабоченности» вопросами «секса», искажению сексуальной реальности, представлении о сексуальном поведении мужчин и женщин. Если подростки будут в течение

долгого времени наблюдать безнравственные сцены отношений между полами, сопровождаемые неуважением к личности, это станет опасным фактором для их духовного здоровья;

– за попытки навязать российским потребителям чуждые им нормы и стандарты [9]. Ценности национальной культуры являются очень древним пластом, поэтому общество сопротивляется ему до последнего. Анализ идейно-этического содержания текстов рекламы на метасемиотическом уровне показал, что между культурами существуют подчас непреодолимые различия в восприятии и интерпретации действительности даже при внешне похожей системе ценностей и норм. Поэтому попытки адаптировать рекламу к российскому рынку путем «механической» замены некоторых элементов, составляющих исходное рекламное сообщение, плохо сочетаются с особенностями национальной психологии и культуры. Следует отметить, что уровень развития рекламы за рубежом достаточно высок, поэтому отечественными учеными высказываются вполне обоснованные опасения, что подобная реклама способна негативным образом повлиять на формирование системы ценностей российского школьника [6]. Контакт с подобной рекламой может привести к слепому поклонению и подражанию чуждому и чужому, внешней подделке под модность и красоту в ущерб духовному развитию и глубокому, подлинному смыслу жизни.

Таким образом, рекламная продукция, со свойственной ей эклектизацией, примитивизацией, «спрямлением», стандартизацией, – это конструкции, собранные посредством стандартных ходов и клишированных приемов из «готовых» ампула, блоков и т.п. Фрагментарность и односторонность при сообщении информации способны приводить к избыточности сообщений, а от нее – объективно к поощрению стереотипных представлений о человеке. Стихийность, неуправляемость потока сообщений зачастую приводит к незаконченности предпринимаемых даже положительных акций. Поэтому реклама не может обеспечить условия для овладения *системой* знаний об основополагающих человеческих навыках, как, например, типы общения с другими людьми, формы контроля за собственным поведением и эмоциями, способы удовлетворения основных потребностей, оценочное отношение к различным явлениям окружающего мира и т.д. Тем не менее она способна оказать помощь школьнику в усвоении традиций и норм поведения в конкретной культуре, соотнесении их с другими культурами и переносе их в самые разнообразные жизненные ситуации.

Advertising cannot but have an effect upon the academic progress and behavioral development of Russians. There is already considerable evidence of influence of advertising towards schoolchildren, which may be referred to as part of the process of inculturation. The influence of advertisements in the process of inculturation that children go through has positive and negative results. Advertising gives particular attention to specific groups of values without realizing that, by the very action, the effect may be negative. Using information from various sources we were able to state that modern advertising is extremely stereotyped, annoying, unreliable, ambiguous

and unrealistic. The result of such influence might be such that many schoolchildren substitute real values for false ones and turns consumption into a cult.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берн Ш. Гендерная психология: пер. с англ. – М., СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002.
2. Грошев И.В. Гендерная невербальная коммуникация в рекламе // Социс. – 1999. – № 4. – С. 71-75.
3. Кравченко А.И. Культурология: учеб. пособие для вузов. – 3-е изд. – М.: Академический проект, 2001.
4. Кромптон А. Мастерская рекламного текста: пер. с англ. – М.: Изд-во Довгань, 1998.
5. Лещук Н.С. Эффективная реклама для подростков: учеб. пособие. – М.: Изд-во ГУУ, 2003.
6. Лещук Н.С. Влияние рекламы на формирование этических норм и уровень культуры школьников: монография. – М.: Изд-во МГОУ, 2006.
7. Маюров А.Н., Маюров Я.А. Уроки культуры здоровья. Табачный туман обмана: учеб. пособие для ученика и учителя. 7-11 классы. – М.: Педагогическое общество России, 2004. – Кн. 2.
8. Маюров А.Н., Маюров Я.А. Уроки культуры здоровья. Алкоголь – шаг в пропасть: учеб. пособие для ученика и учителя. 7-11 классы. – М.: Педагогическое общество России, 2004. – Кн. 3.
9. Музыкант В.Л. Реклама: российский опыт и международные традиции. – М.: Право и закон, 1996.
10. Обухова Л.Ф. Детская возрастная психология: теория, факты, проблемы. – М.: Педагогическое общество России, 1999.
11. Омельченко С.А., Покровская С.В. Какие рекламные ролики эффективно воздействуют на детей? // Журналистика в 1994 году: тезисы научно-практической конференции. – М.: МГУ, 1995. – Ч. 2. – С. 78-80.
12. Феофанов О.А. Реклама: новые технологии в России. – СПб.: Питер, 2001.
13. Федотова Л.Н. Социология рекламной деятельности: учебник. – М.: Гардарики, 2002.
14. Федотова Л.Н. Социология массовых коммуникаций: учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2003.
15. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций: пер. с англ. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.
16. Шариков А.В. Об особенностях восприятия телевизионной рекламы подростками // Журналистика в 1994 году: тезисы научно-практической конференции. – М.: Изд-во МГУ, 1995 – Ч.2. – С. 74-78.

К ПРОБЛЕМЕ СИСТЕМНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТУДЕНТ – ПРЕПОДАВАТЕЛЬ В РАМКАХ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Ключевые слова: *система высшего образования; педагогический процесс; педагогическое взаимодействие; взаимодействие в системе преподаватель–студент, гуманизация.*

Раскрыта сущность понятия «педагогическое взаимодействие». Рассматриваются основные аспекты педагогического взаимодействия, характерные для современного образовательного пространства, раскрывающие основные закономерности межличностных отношений в рамках учебно-воспитательного коллектива, позволяющие дать оценку системе межличностных отношений преподаватель–студент в современном вузе.

Возрастающий в последнее время интерес к проблеме взаимоотношения в общей, социальной, педагогической психологии обусловлен возникновением и активным формированием принципиально новых связей и взаимоотношений между людьми. Изменения, происходящие в жизни общества, в социально-экономической и политической сферах, не могли не повлечь за собой изменения в системе общения человек – человек.

Актуальность проблемы эффективного педагогического взаимодействия обуславливается не только поиском новых психолого-педагогических парадигм в обучении. Учитель, несмотря на компьютеризацию и информатизацию образовательного пространства, остается источником знаний и проводником к ним. Педагог транслирует модели поведения, нормы и ценности общества, определяющие духовное и профессиональное развитие личности ученика. Это обстоятельство как важнейший фактор отмечено учеными, рассматривающими проблему взаимодействия педагога с учащимися (Ю.К. Бабанский, В.А. Кан-Калик, И.А. Колесникова, А.В. Мудрик, Н.Ф. Радионова, В.Д. Семенов, В.А. Сонин и др.).

Изучение ряда научных источников позволило прийти к выводу о том, что в современной психологии нет единого мнения относительно места взаимодействия среди других психических процессов и явлений. Оно рассматривается и как самостоятельная категория, и как интерактивная сторона общения, и как вариант деятельности индивида, и как вид человеческой активности в целом. Следовательно, и понятие «педагогическое взаимодействие» рассматривается учеными неоднозначно. Под педагогическим взаимодействием В.Я. Ляудис понимает систематическое, постоянное осуществление коммуникативных действий

педагога, преподавателя, учителя с целью вызвать соответствующую реакцию со стороны общающегося [6].

По мнению В.А. Кан-Калика, Н.Д. Никандрова, «педагогическое взаимодействие – это не просто социально-психологический, коммуникативный, но, прежде всего, профессионально-этический феномен», поскольку является составной частью целостной системы педагогического творчества [4, 84].

В.Д. Семенов понимает педагогическое взаимодействие воспитателя и воспитанника как развивающий, формирующий личность воспитанника процесс при руководящей роли воспитателя [11, 15].

А.В. Мудрик считает, что педагогическое взаимодействие происходит в том случае, если в нем педагоги содействуют становлению или изменению позиций, способностей, навыков и знаний у воспитанников [7, 74].

Для Н.Ф. Радионовой взаимодействие педагогов и воспитанников представляет собой целостную систему, охватывающую совокупность процессов их жизнедеятельности, в которую они включаются, и сущностной характеристикой которых являются изменения обеих сторон в результате совместных действий и взаимных влияний [9, 111].

А.А. Леонтьев подчеркивает, что «оптимальное педагогическое взаимодействие – это такое взаимодействие педагога с учащимися в процессе обучения, которое создает наилучшие условия для развития мотивации обучающихся и творческого характера учебной деятельности, для формирования личности обучающегося, и следовательно, педагогическое взаимодействие выступает как одно из главных средств педагогического воздействия» [5].

Таким образом, можно сделать вывод, что *педагогическое взаимодействие* – это главная единица учебно-воспитательного процесса, которая предполагает взаимное и плодотворное развитие качеств личности педагога и его учеников на основе равенства в общении и партнерства в совместной деятельности. Оно представляет собой педагогический процесс взаимного обмена преподавателя и студентов смыслом и содержанием деятельности, опытом, эмоциями при систематическом осуществлении коммуникативных действий преподавателя с целью вызвать ответную реакцию со стороны студента.

Следует отметить, что педагогическое взаимодействие в вузе имеет ряд специфических особенностей. Вуз отличается от школы не только содержанием обучения и воспитания, модификацией их форм, что чрезвычайно важно, но и тем, что основной задачей современного вуза является формирование личности специалиста не только предметно, но и непосредственно в общении. Поэтому главной целью профессорско-преподавательского состава вуза является помощь студенту в процессе его становления не только как будущего специалиста, но и как личности, обладающей развитой культурой мышления. Важным показателем культуры мышления является конкретность, которая проявляется в точности выражений, креативности умозаключений и применении научного стиля изложения. Мышление психологически культурного человека проявляется в том, что он отчетливо представляет себе предмет разговора и своих действий, не уходя в

сторону при решении различного рода проблем. Таким образом, этой цели должно быть подчинено общение преподавателей и студентов. Система вузовского педагогического взаимодействия в звене «преподаватель – студент» качественно отличается от школьного самим фактом их приобщения к общей профессии, а это в значительной мере способствует снятию возрастного барьера, мешающего плодотворной совместной деятельности.

В современном образовательном пространстве заметно возрастает роль преподавателя, в частности, расширяется диапазон его психологического и педагогического воздействия на учащихся и студентов (Д.А. Белухин, С.М. Годник, Е.А. Климов, Н.А. Коваль, В.А. Сластенин). Повседневная образовательная практика убедительно доказывает, что успешность развития образовательной сферы в целом сегодня в существенной мере зависит от того, насколько современный педагог развит не только как профессионал, но и как личность.

Таким образом, преподаватель уже не может быть только проводником знаний и информации, он должен являться педагогом, психологом, развивающим и созидающим личность как студента, так и свою. От этого во многом зависит успешность его педагогической деятельности и включенность в эмпатические взаимодействия со студентами в учебно-профессиональной деятельности. Следовательно, в настоящее время необходимым компонентом в обучении становится развитие эмпатии в отношениях «преподаватель – студенты».

Взаимодействие преподавателя и студентов в процессе обучения долгое время рассматривалось как система, в которой главная, управляющая функция принадлежала преподавателю, что подавляло формирование активной позиции студента в учебном процессе, его личностную самоактуализацию. Так, если при традиционной системе образования преподаватель вместе с обучаемым были основными и наиболее компетентными источниками знания, а преподаватель также являлся контролирующим субъектом познания, то при новой парадигме образования он выступает больше в роли организатора самостоятельной активной познавательной деятельности студента, компетентным консультантом и помощником. Его деятельность должна быть направлена не только на контроль знаний и умений студентов, но и на диагностику их деятельности, чтобы вовремя помочь квалифицированными действиями устранить намечающиеся трудности в обучении. Эта роль намного сложнее, чем та, которая отводилась преподавателю при традиционной форме обучения, поэтому она требует от педагога более высокого уровня мастерства.

В настоящее время общество выдвигает все более высокие требования к образованию. По мнению Ю.В. Сенько, в настоящее время в образовании делается упор на создание нового универсального знания, которое отвечает критериям истинности, объективности, фундаментальности и соответствует канонам мышления нового времени. Ключевым условием построения образования нового типа является взаимодействие знания, опыта и понимания [10, 15]. Следовательно, современные социальные функции и задачи образовательного пространства должны реализоваться в новом отношении педагогов и студентов к целям совместной

деятельности. Долгое время без внимания оставались проблемы выработки индивидуальной стратегии овладения знаниями, так как в условиях традиционной системы обучения студент остается в позиции «получателя». Хотя приоритетным началом должна быть активная позиция студента на всех этапах обучения, при которой он должен постоянно выбирать способы и пути достижения той или иной образовательной цели (А.П. Ершова).

В настоящее время российское образование находится на этапе качественных изменений, причем одной из самых приоритетных задач в этой области явилась задача подготовки профессиональных кадров, способных креативно и эффективно работать в совершенно новых, динамичных условиях современной российской образовательной действительности. Все это содержательно влияет на характер взаимодействия студентов и преподавателей в современном вузе.

В настоящее время процесс образования все чаще рассматривается как процесс взаимодействия и взаимопроникновения личностных смыслов и ценностей участников образовательного пространства. В связи с этим Ю.В. Сенько предлагает «ориентировать на постижение будущими специалистами многогранных проявлений социоприродной сущности человека, на их приобщение к культуре как живому воплощению мира человеческих ценностей, к гуманистическому стилю общения и взаимодействия» [10, 15].

Согласно мнению А.А. Бодалева, А.Г. Ковалева и других ученых, развитие личности обучающегося происходит именно во взаимодействии с другими личностями.

Так, А.А. Бодалев отмечает, что во взаимодействии с людьми человек постоянно оказывается в роли объекта и субъекта общения. Как субъект он познает собеседника и на него воздействует. Одновременно он оказывается объектом познания, на который стараются повлиять или воздействовать [2].

По мнению В.Ю. Питюкова, взаимодействие преподавателя и студентов – это взаимное влияние друг на друга, особые равноправные отношения, которые дают возможность реализоваться в полной мере всякой позиции каждого субъекта педагогического взаимодействия [8].

Л.А. Байкова полагает, что взаимодействие является одним из основных способов активизации в саморазвитии студента. Преподаватель помогает студенту осознать себя как личность, выявить и раскрыть свои возможности, развить такие личностно значимые качества, как самосознание, самоутверждение, самоопределение, самореализация [1].

Таким образом, можно сделать вывод, что для современного образовательного пространства существенную роль в развитии познавательных действий, мотивов учения и личности студента играет такой тип взаимоотношений, при котором, в первую очередь, активизируется творческая деятельность студентов и в этом случае взаимодействие в системе «преподаватель – студент» является наиболее прогрессивным эффективным.

В этом аспекте наблюдается постоянная обратная связь, которая корректирует деятельность студентов со стороны преподавателя. В ходе реализации

педагогического взаимодействия в вузе преподавателю следует ориентироваться на студента, исходя из объективного содержания понятия «гуманизация». Гуманизация воспитательно-образовательного процесса предполагает преобразования в области содержания образования и в области педагогического взаимодействия. Гуманистический подход в обучении исходит из идеи самоактуализации и раскрытия творческих возможностей каждого человека.

Процесс гуманизации современного высшего образования заключается в том, чтобы поставить в центр образования человека, удовлетворение его потребностей и развитие способностей. Основным направлением гуманизации в современном образовании является развитие личности обучающихся и их интеллектуальное развитие.

Педагогическое взаимодействие осуществляется в гуманистической традиции в соответствии с идеями Карла Роджерса и отличается следующими качествами.

1) субъективностью, т.е. педагог осознает и признает значимость не только объективных обстоятельств («вещей», «условий») и даже не столько мыслей и действий учащихся, сколько глубинных переживаний, эмоций и чувств;

2) диалогичностью и феноменологичностью, т.е. педагог не стремится к достижению своих собственных целей, не превращает учащегося в средство достижения этих целей, а пытается понять и адекватно выразить и свои собственные переживания и переживания своего партнера по межличностному общению;

3) отказом от парадигм прямых и целенаправленных, в ходе которых неизбежна манипуляция учащимися.

Таким образом, процесс гуманизации педагогического взаимодействия в современном образовании основан на перестройке личностных установок и «философии» преподавателя, отказе от столь распространенной учебно-дисциплинарной модели педагогического взаимодействия. С точки зрения А.Б. Орлова, новое педагогическое мышление предполагает построение и организацию такого педагогического воздействия, которое обеспечивает не просто передачу знаний, умений и навыков от преподавателя к учащемуся, а их совместный личностный рост и совместное личностное развитие.

The essence of the conception of pedagogical interaction has been discovered. The main aspects of pedagogical interaction, which are typical for the modern education space, are examined. They reflect the main regularities of interpersonal relations within the framework of educational pedagogical collective, permitting to estimate the system of interpersonal relations between the teachers and the students in modern high school.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байкова Л.А. Педагогическое мастерство и педагогические технологии: учебное пособие. – М.: Педагогическое общество в России, 2001.
2. Бодалев А.А. Психология общения. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», 1996.

3. Буланова-Топоркова М.В. Педагогика и психология высшей школы. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006.
4. Кан-Калик В.А., Никандров Н.Д. Педагогическое творчество. – М.: Педагогика, 1990.
5. Леонтьев А.А. Педагогическое общение. – М.: Знание, 1979. .
6. Ляудис В.Я. Структура продуктивного учебного взаимодействия // Психолого-педагогические проблемы взаимодействия учителя и учащихся. – М.: Педагогика, 1980.
7. Мудрик А.В. Общение как фактор воспитания школьников: дис. ... д-ра пед. наук. – М., 1980.
8. Питюков В.Ю. Основы педагогической технологии: учеб.-практ. пособие. – М.: Рос. пед. агентство, 1997.
9. Радионова Н.Ф. Педагогические основы взаимодействия педагогов и старших школьников в учебно-воспитательном процессе: дис. ... д-ра пед. наук. – Л., 1991.
10. Сенько Ю.В. Гуманитаризация образовательной среды в университете // Педагогика. – 2001. – № 5. – С. 9-17.
11. Семенов В.Д. Взаимодействие школы и социальной среды: Опыт исследования. – М.: Педагогика, 1986.
12. Сонин В.А. Учитель как социальный тип личности. – СПб.: Речь, 2007.

М.А. Давыдкина

*Смоленский институт экономики
Санкт-Петербургской академии
управления и экономики*

И.В. Волкова

*Смоленский филиал
Московского энергетического института
(Технический университет)*

УДК 378.034

РАЗВИТИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ У СТУДЕНТОВ ВУЗА

Ключевые слова: ценностные отношения; квалифицированный специалист; ценностная педагогика; профессиональная деятельность; нравственное воспитание.

В статье рассматривается актуальная проблема профессионального становления будущего специалиста в вузе. По мнению авторов, ценностные отношения, выступая источником активности человека, детерминируют его направленность, поведение и деятельность, поэтому их формирование важно для воспитания квалифицированного специалиста.

В настоящее время проблема становления высококвалифицированных специалистов приобретает большое значение. Современное общество предъявляет выпускнику вуза особые требования, среди которых важное место занимают вы-

сокий профессионализм, активность и творчество. Социально-экономические преобразования, происходящие в современном российском обществе, значительно изменили его социокультурную жизнь, сказались на уровне жизни населения, отразились на ценностных ориентирах, девальвации нравственных ценностей, отчуждении молодежи от институтов воспитания. Поэтому в «Национальной доктрине образования», «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года» ставится задача усиления воспитания учащейся молодежи на современном этапе социально-экономического развития страны. В этой связи особенно остро встает необходимость воспитания нравственных ценностей, основой которых является гуманное отношение человека не только к себе, но и к другим людям, обществу, природе. Приоритет воспитания нравственных ценностей определяется тем, что они, как предельные высшие смыслы человеческой жизни, выполняют функцию регуляторов поведения, охватывают все стороны человеческого бытия, они включаются в национальные ценности, ценности семьи, труда, образования, общества. Нравственные ценности носят общечеловеческий характер, они принимаются и развиваются всеми людьми в условиях общественно-исторических изменений цивилизации.

Вступление России в новое тысячелетие отмечено процессами глобализации, гуманизации, фундаментализации в сфере образования, направленными на становление человека как культурно-исторического субъекта, способного к продуктивной переработке и претворению потенциала культуры в конкретные жизненные приобретения (А.Г. Асмолов, Л.С. Выготский). Это связано с новой ролью образования в современном мире, сверхзадачей которого становится опережающее активное конструирование новых социальных отношений (Б.С. Гершунский). Ведущим направлением реализации данной функции в настоящее время является переход от информационной к ценностной педагогике, актуализирующей идеи достоинства воспитанника, человекоформирующего смысла образования, действительной жизнеспособности выпускника в условиях изменчивого социального бытия (В.П. Зинченко). В системе представлений об образовании как «институте будущего» в настоящем, о посреднической функции педагогики, интегрирующей социально-исторический слой внеличных общественных отношений и сферу непосредственных влияний на личность в микросреде, актуальной становится задача вовлечения обучающихся в процесс культурного наследования традиционных ценностей и формирования ценностных отношений, определяющих доминанту обновленного образа жизни воспитанников. Ценностные отношения, выступая источником активности человека, детерминирует его направленность, поведение и деятельность, поэтому их изучение и формирование важно для воспитания квалифицированного специалиста. В соответствии с этим под ценностным отношением студентов к профессиональной деятельности мы понимаем устойчивое внутреннее убеждение личности, опирающееся на профессиональное и нравственное самосознание, значимость которых побуждает проявлять активность в овладении профессиональными знаниями, умениями и навыками.

Актуальность проблемы формирования ценностного отношения к профессиональной деятельности студентов вуза обусловлена взаимозависимостью не только с социальной и творческой активностью будущих специалистов, но и с конечными результатами многогранной социально-экономической деятельности предприятий, особенно в области внедрения в производство инновационных процессов, мероприятий научно-технического прогресса. Однако формированию ценностного отношения студентов к профессиональной деятельности сложившаяся система высшего профессионального образования не уделяет должного внимания.

Ценностные ориентации, являясь одним из центральных личностных образований, выражают сознательное отношение человека с социальной действительностью и в этом своем качестве определяют широкую мотивацию его поведения и оказывают существенное влияние на все стороны его деятельности (Б.Г. Ананьев, В.А. Ядов, М. Рокич). Таким образом, развитие ценностных ориентаций тесно связано с развитием направленности личности. В соответствии с принятыми в психологии понятиями природы и особенностей функционирования ЦО личности составляющие их структуру и содержание ценности разделяются на две основные группы (М. Рокич) с точки зрения целей и задач, которым служит та или иная ценность. Первую группу составляют ценности-цели (терминальные ценности), вторую – ценности-средства (инструментальные). Важнейшими являются терминальные ценности, это основные цели человека, они отражают долгосрочную жизненную перспективу. Терминальные ценности как бы определяют смысл жизни человека, указывают, что для него особенно важно, значимо, ценно. Именно терминальные ценности соотносятся с так называемыми смыслообразующими мотивами, по А.Н. Леонтьеву.

Следовательно, ценности являются высшим уровнем человеческих потребностей. Можно сказать также, что личные, индивидуальные потребности, соотносясь с общественной значимостью и осознаваясь личностью, становятся ценностями и регулируют поведение человека. Нравственные ценности не существуют в отрыве от других ценностных отношений. Они как бы накладываются на все виды ценностей, облагораживая их, придавая человеческой деятельности гуманистический смысл, эмоциональную насыщенность. Воспитание нравственных ценностей происходит в течение всей жизни человека. Особенностью нравственных ценностей, как добродетелей человека, его душевных личностных качеств, является то, что они социальны по своей природе, но индивидуальны по формам выражения.

Данная проблема сложна и многоаспектна. Философский аспект нравственных ценностей раскрывается в работах В. Брожика, Г. Гегеля, О.Г. Дробницкого, А.Г. Здравомыслова, И.А. Ильина, А. Камю, И. Канта, М.С. Кагана, В.Н. Сагатовского, В.П. Тугаринова, К. Ясперса. Психологические подходы к воспитанию нравственных ценностей, основанные на теории отношений (А.А. Бодалев, В.М. Мясищев), рассматриваются в работах Б.Г. Ананьева, Л.И. Божович, Л.С. Выготского, Н.С. Лейтеса, Д.И. Фельдштейна,

В.Д. Шадрикова. Педагогический аспект в воспитании нравственных ценностей раскрыт в исследованиях В.И. Андреева, Е.В. Бондаревской, З.И. Васильевой, Т.И. Власовой, В.А. Караковского, Б.Т. Лихачева, А.С. Макаренко, И.С. Марьенко, Н.Д. Никандрова, К.Д. Ушинского, Н.Е. Щурковой. Воспитание нравственных ценностей тесно связано с категорией «отношение». В психологии рассматриваются три основные тенденции в понимании этой категории. Представители «деятельностного подхода» (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, В.В. Давыдов) изучают отношение человека в контексте его преобразующей деятельности. Именно деятельность определяется как особого рода отношение между человеком и миром. В исследованиях представителей системного подхода (Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов) акцент смещается с деятельности на психические явления в целом. Свойство человека понимается как проявление отношения человека, его связи с окружающим миром. Наиболее последовательным приверженцем специального непосредственного изучения отношений является В.Н. Мясищев, который продолжал разрабатывать идеи А.Ф. Лазурского. Ученым выявлено, что, во-первых, содержание отношения определяется особенностями субъекта и объекта отношений; во-вторых, отношения позволяют определить связь человека с миром и человека с человеком; в-третьих, отношение связано с деятельностью и выражается в ней; в-четвертых, содержание отношений раскрывает особенности человека. Поскольку объектом отношения в контексте нашего исследования являются нравственные ценности, отражающие гуманистический характер отношения, необходимо выявить сущность ценностного отношения, которое является процессом и результатом присвоения ценностей. Ценностное отношение рассматривается как отношение значимости объекта относительно потребностей и интересов субъекта. Ценностные отношения задают смысл духовно-нравственной деятельности человека, становясь личностными ценностями, то есть осознанными и принятыми человеком самыми общими смыслами жизни [2]. Подчеркнем, что ценностное отношение с деятельностью образует неразрывное целое, которое существует благодаря детерминационной взаимосвязи между ценностным отношением и ценностным сознанием. Нравственные отношения – это отношения к человеку как высшей ценности. Рассматривая природу ценностей, С.Л. Рубинштейн отмечает, что «ценности – это не то, за что платим, а то, ради чего живем».

Центральное место в проблеме ориентации студентов на нравственные ценности занимает вопрос о сущности и структуре нравственного выбора, так как совокупность актов выбора в жизни человека составляет основное содержание его нравственного опыта. Для нашего исследования представляет интерес выяснение вопроса о том, в чем заключается сложность нравственной ситуации, нравственного выбора, нравственного поступка для человека.

По мнению И.С. Кона, особенность нравственной ситуации состоит в том, что она ставит личность перед выбором, который делается добровольно, по собственному волеизъявлению, с ориентацией не на прагматические, своекорыстные соображения, а на некоторую «сверхзадачу», практическая осуществимость которой никем заранее не гарантирована. Поэтому он называет нравственную си-

туаацию ситуацией неопределенности и риска [3]. Реальные условия могут быть препятствием для воплощения нравственных образцов в деятельности и поведении. Нравственный выбор предусматривает преодоление этих препятствий.

Научный интерес представляет концепция А.И. Титаренко. Он рассматривает нравственно-психологический процесс с позиций интереса и потребностей; побуждение и нравственную направленность (ориентации); нравственные мотивы и цели; решение нравственной ситуации, формирование намерений; нравственное деяние (собственно поступок), средства его совершения и степень волевого напряжения субъекта; цельность поступка, а также вызванные им изменения ситуации выбора; оценка и самооценка поступка. Эти компоненты являются последовательными фазами процесса нравственного выбора. А.И. Титаренко выделяет две группы потребностей: материальные (питание, отдых и т.д.) и социальные (потребности в труде, общении, познании, эстетическом наслаждении, нравственном удовлетворении).

Важный шаг по пути выявления механизмов нравственного воспитания сделан исследователями в связи с изучением направленности личности (К.К. Платонов). В формировании ценностных ориентаций К.К. Платонов придает большое значение общению, включая ценностные ориентации в его структуру, считая их важнейшим фактором общения, в котором объединяются мыслительный и эмоциональный компоненты, нравственные и правовые способности личности.

Существуют определенные связи между ценностными ориентациями и позицией личности. В логике такого взгляда Б.Г. Ананьев определяет позицию личности как сложную систему отношений личности (к обществу в целом и общностям, к которым она принадлежит, к труду, людям, самой себе), установок и мотивов, которыми она руководствуется в своей деятельности, целей и ценностей, на которые направлена эта деятельность.

За последние 10–15 лет в отечественной психологии произошел мощный прорыв в изучении человека с точки зрения плюрализма методологических позиций. Идея детерминации развития личности путем разрешения внутренних и внешних противоречий, порожденная укоренившейся в психологии естественнонаучной парадигмой, сместилась на идеи самодетерминации, саморазвития, самостроительства, самоактуализации. Это привело к прочному внедрению концепций развития, связанных с гуманитарными науками. Эти исследования вновь возвратили в психологическую науку понятия «совесть», «честь», «духовность», «нравственность», «душа» (Б.С. Братусь, А.В. Петровский, В.И. Слободчиков, В.А. Петровский, В.П. Зинченко, В.И. Колесников, В.С. Мухина и др). В своих исследованиях Б.С. Братусь первым в отечественной психологии раскрыл ценностно-смысловую концепцию личности человека, определяя сущность человека через его отношение к другому человеку как самоценности, как к существу, олицетворяющему в себе бесконечные потенции человеческого рода. Ценным для нашего исследования являются идеи В.Д. Шадрикова. Он утверждает, что воспитание – процесс, направленный на усвоение нравственных ценно-

стей как составной части культуры [9]. По мнению В.Д. Шадрикова, осознание добра и зла, появление табу, моральных запретов и одобрений является важным в развитии человечества, влияющим на безопасность, жизнеспособность, самосохранение личности [10]. Основываясь на работах Платона, П.А. Кропоткина, В.Д. Шадриков отмечает, что нравственность имеет сложную природу: она продукт генетических, психологических, педагогических и социальных процессов и условий жизнедеятельности человека.

Рассмотрим вопросы воспитания нравственных ценностей в трудах зарубежных психологов. Интересные и важные свидетельства в пользу рассматриваемой нами проблемы имеют место в гештальт-психологии, основным вкладом которой является вывод о том, что восприятие есть активная функция. Эта функция является организующей, а не просто регистрирующей внешние раздражители. Особое значение имеет теория личности З. Фрейда. Он писал, что имеются веские доказательства того, что тонкая и трудная работа, которая требует глубокого и напряженного мышления, может протекать вне сферы сознания, что существуют люди, «у которых самокритика и совесть <...> оказываются бессознательными и, оставаясь таковыми, обуславливают важнейшие поступки» [8]. Идея З. Фрейда в корне изменила взгляды человека о самом себе. Такие известные ученые, как А. Адлер, К. Юнг, К. Хорни, Г. Салливан, Э. Фромм и другие, смогли внедрить идеи психоанализа в свою деятельность – возникло направление неопрейдизма. Другую психоаналитическую концепцию, разработанную К. Юнгом, иногда называют «аналитической психологией». В соответствии с ней психика представляет собой сложное целое, относительно независимые части которого своеобразно отделены друг от друга. По К. Юнгу: «... Душа является вышестоящей по сравнению с сознанием целостностью, матерью и предусловием сознания» [11]. Юнг выделяет три степени души: 1) сознание; 2) личное бессознательное...; 3) коллективное бессознательное, являющееся вотчиной возможных представлений, но не индивидуальной, а общечеловеческой, и даже общеживотной, и представляющее собой фундамент индивидуальной психики [11].

Нравственные ценности, по мнению К. Роджерса, не формируются извне, но выстраиваются изнутри, на основе внутреннего опыта самого человека. Выдвигая человекоцентрированный подход к образованию, он утверждает, что совокупность ценностей, связанная с личностным способом бытия (достоинство человека, свободный выбор и ответственность за его последствие) – основа гуманистических инноваций в образовании [5]. А. Маслоу известен как создатель теории самоактуализации. Ученый определяет в качестве главной идеи самореализации личности развитие, становление личности, раскрытие ее личностных возможностей и способностей, непрерывное стремление к самореализации, к самовыражению, к проявлению экзистенциальных ценностей. Он пришел к выводу о том, что «человеческая природа далеко не так плоха, как о ней думают» и что человек способен на полное использование своих талантов, способностей, возможностей [12]. Ученый создал иерархию потребностей, которая получила в психологической литературе название «пирамиды Маслоу». Положение

А. Маслоу о высших ценностях является методологическим. Исследователь вводит в структуру высших ценностей 15 определений, среди которых важное место занимают: правда, красота, благо, единство и цельность, принятие себя и других, склонность к проблемному мышлению, альтруизм, толерантность, крупномасштабность жизненных целей и др. [12]. Важным вкладом в понимание нравственных ценностей являются взгляды В. Франкла, который считается одним из самых последовательных психологов гуманистического направления. В. Франкл определил, что нравственные ценности формируются на основе внутреннего диалога, голоса совести как смыслового органа [7]. В. Франкл выделяет три группы ценностей: ценности творчества, ценности переживания, ценности отношения. Творческая работа – это то, что мы даем жизни, – первая ступень; то, что мы берем от мира с помощью переживания ценностей, – вторая ступень; то, как мы относимся к судьбе, т.е. та позиция, которую мы занимаем, – третья ступень. «Мир ценностей, поэтому видится под углом зрения отдельной личности, а для каждой данной ситуации существует один-единственный подходящий взгляд. Собственно абсолютно верное представление о чем-либо существует не вопреки относительности индивидуальных точек зрения, а благодаря им» [7].

Итак, анализ отечественной и зарубежной педагогической и психологической литературы о ценностных отношениях показал, что нравственные ценности выступают в качестве базовых в воспитании личности студентов. Воспитание нравственных ценностей основано на гуманизме, суть которого заключается в признании абсолютной ценности человека, приоритета его прав на полноценную реализацию способностей и интересов. В основе нравственных ценностей заключен культурно-исторический опыт предшествующих поколений во благо собственному «Я», другому, обществу, природе.

Таким образом, основой ценностных отношений является их обращенность к жизни, человеку, традициям, к принципам гуманизма.

In the article the actual problem of professional formation of future experts in high school is considered. According to authors, the value relations, acting as a source of activity of the person, determine his orientation, behaviour and activity, therefore their formation is important for education of qualified experts.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов С.Ф. Духовные ценности: производство и потребление. – М., 1988.
2. Братусь Б.С. Психология. Нравственность. Культура. – М., 1994.
3. Кон И.С. В поисках себя: личность и самознание. – М., 1984.
4. Маслоу А. Самореализация: пер. с англ.: тексты. – М., 1982.
5. Роджерс К. Эмпатия: пер. с англ. // Психология эмоций: тексты. – М., 1984.
6. Столович Л.Н. Красота. Добро. Истина: очерк истории эстетической аксиологии. – М., 1994.
7. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М., 1990.
8. Фрейд З. Сознание и бессознательное // Хрестоматия по истории психологии. – М., 1986.

9. Шадриков В.Д. Качество образования и образовательный стандарт // Качество высшего образования: требования к уровню и оценке подготовки специалистов в высшей школе: тез. докл. межд. конфер. – Новгород, 1995.
10. Шадриков В.Д. Происхождение человечности. – М., 2001.
11. Юнг К.Г. Аналитическая психология: прошлое и настоящее / сост. В. Зеленский, А. Руткевич. – М., 1997.
12. Maslow A. Motivation and personality. – N-Y., 1970.

И.В. Рамазанова

Смоленский государственный университет

УДК 316.346.2-055.2

ДИАГНОСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МАТЕРИНСТВЕ У МОЛОДЫХ ЖЕНЩИН (на примере женщин русского этноса и женщин народов Дагестана)

Ключевые слова: представления о материнстве; этнос; идеальная женщина; образ матери; рождение и воспитание детей; ценность; традиции; материнская любовь; детский опыт; внутриличностный конфликт; значимость семьи; смысл жизни.

Материнство – уникальный объект психологических исследований, представления о котором последнее время претерпели существенные изменения. Представления о материнстве как ценности, возникая в процессе жизнедеятельности субъекта, обусловлены национальной и культурной принадлежностью. В качестве источника содержания представлений выступают внутренние условия личности как ценности. Ценность материнства является значимой при непосредственной включённости женщины в осуществление деятельности материнства.

Материнство – уникальный объект психологических исследований, представления о котором последнее время претерпели существенные изменения. Произошло смещение акцентов с материнства как ухода за ребёнком на материнство – внутреннее личностное образование женщины.

Представления о материнстве, возникая в процессе жизнедеятельности субъекта, обусловлены социокультурным контекстом развития; выполняют регуляционную функцию деятельности, направляют субъекта в процессе осуществления его потребности. В качестве источника содержания представлений выступают также внутренние условия личности как ценности. Материнство, проявляясь в рождении и воспитании детей, наполняет жизнь женщины смыслом, позволяя ей реализовывать как ценности созидания и творчества, так и ценности переживания в отношениях с ребёнком.

Возникновение и развитие материнской любви проходит на основе детского опыта взаимодействия с собственной матерью, на основе связей, которые устанавливаются между матерью и ребёнком после родов в результате её заботы и его ответной реакции, на основе игры в детстве, во взаимодействии с реальными или воображаемыми маленькими детьми [15].

Нами была разработана и апробирована диагностическая методика, позволяющая рассмотреть проблему материнства с психолого-педагогических позиций.

Диагностика включает в себя модифицированные варианты методики «Незаконченные предложения» и методики изучения ценностных ориентаций М. Рокича, а также анкету, содержание которой определено методологией исследования.

Данная методика представляет собой систему вопросов, направленных на выявление особенностей воспитания и развития испытуемых в детстве, а также на выявление характеристик содержания представлений о материнстве (приложение 1). Процедура предназначена для исследовательского использования. Содержит 14 пунктов, которые можно условно сгруппировать в три блока.

1. Социально-демографический блок (1–7 пункты).
2. Семантический блок (8 пункт).
3. Ценностно-смысловой блок (9–14 пункты).

Большинство вопросов требуют выбора одного или нескольких из предложенных вариантов. Вопросы носят полуоткрытый характер, присутствует возможность собственного ответа, помимо предложенных. Такая форма ответов позволяет получить более развернутую информацию и существенно расширяет возможности качественного анализа данных исследования.

Психодиагностический метод конкретизирован сочетанием субъективного (диагностика осуществляется на основе сведений, сообщаемых о себе, самоописания особенностей личности, поведения в тех или иных ситуациях) и проективного (диагностика осуществляется на основе анализа особенностей взаимодействия с внешне нейтральным как бы безличным материалом, становящимся в силу его известной неопределенности объектом проекции) подходов [6, 266].

Оценка результатов производится посредством метода контент-анализа, метода экспертных оценок, метода шкалирования и процедуры ранжирования.

В целях повышения надёжности методики введена стандартизация процедуры обследования, поскольку при строгой регламентации процедуры обследования (обстановка и условия работы испытуемой, характер инструкции, временные ограничения, способы и особенности контакта с испытуемой, порядок предъявления элементов методики, получения оценок и т.д.) существенно уменьшается дисперсия ошибок и повышается надёжность [18]. Авторы методики полагают, что содержание представлений о материнстве обусловлено этнической принадлежностью респондента и характером вероисповедания, если респондент является верующим человеком.

Методика начинается вводной частью, в которой указывается, кто и с какой целью проводит исследование. Дается инструкция по заполнению.

Вопросы социально-демографического блока (приложение 1, пункты 1–7) так называемой «паспортички» направлены на выяснение социально-демографических характеристик респондентов (возраст, образование, профессия, семейное положение, характер вероисповедания).

Содержание этого блока во многом обусловлено ссылками на структуру построения традиционных анкет [18], благодаря которым обозначены контактные вопросы, направленные на включение респондентов в тему исследования. В соответствии с целью исследования содержание этого блока было расширено такими пунктами, как:

- национальность,
- верующий ли Вы человек?,
- ваше вероисповедание?

Введение этих пунктов обусловлено характером исследования. Авторы полагают, что представления о материнстве обусловлены этнической и конфессиональной принадлежностью респондентов.

Содержание семантического блока (приложение 1, пункт 8) позволяет определить актуальность и значимость образа матери, особенности отношений с родителями и яркость детских впечатлений, а также изучить представления о материнстве в целом как об одной из составляющих жизни женщины.

При обработке результатов определяется актуальность и значимость материнства как ценности личности, но при этом делается акцент на анализе среды воспитания и стиле отношений в семье опрашиваемой. Актуальность определяется нами как наличие в ответах респондентов самоописаний, указывающих на те или иные особенности их развития в детском и подростковом возрасте, на условия формирования у них отношения к матери как Образу и к женщине как Образу. Чем подробнее и откровеннее даются самоописания, тем выше актуальность и значимость материнства как ценности для личности.

Для обработки результатов предлагается фиксировать полученные ответы – продолжения незаконченных предложений в протоколе. В графе «примечания» отражается эмоциональная реакция респондентов, характер ответа (позитивный, негативный, неопределённый). В дальнейшем эти примечания будут учитываться при анализе и составлении портрета русской женщины и женщины-дагестанки в свете развития у них представлений о материнстве.

Необходимо сделать пояснения, почему введены характеристики «позитивный», «негативный», «неопределённый» и каким образом завершения фраз распределяются по этим категориям.

Критерием положительного или отрицательного ответа служит материнская сфера личности, то есть каким образом то или иное обращение, отношение, восприятие влияет на формирование материнской сферы личности у респондентов. Например, завершение фразы «Я и моя мать являемся по-настоящему близкими людьми» указывает на наличие эмоциональной связи и гармонии в отношениях с матерью. В то же время такие варианты завершений, как «...мы редко бывали вместе в детстве», «...часто спорили», «...хотели бы жить отдельно друг

от друга», будут считаться негативными. К негативным следует относить также ответы-пропуски, когда респондент не хочет завершать фразу. Неопределёнными считаются завершения по типу: «... не понимаем друг друга», «...независимы», «...хорошо устроились в жизни», поскольку эти варианты не дают представления об истинных отношениях и о влиянии этих отношений на респондента. К неопределённым относятся те случаи, когда респондент не имеет матери, либо по каким-то причинам воспитывалась не матерью и не может выразить своего отношения к ней.

Анализируя варианты завершения фразы «*В детстве я мечтала...*», к *позитивным* мы причисляем мечты, так или иначе связанные с семьёй (например, «...чтобы у меня была сестрёнка, братишка», «... чтобы у меня было больше друзей»). К *неопределённым* следует относить фантазии («...чтобы со мной произошло чудо», «...чтобы я стала принцессой»). *Негативными* же являются варианты фраз, носящие сугубо эгоистический характер («...быть единственным ребёнком», «... навсегда остаться маленькой», «...чтобы мне чаще дарили подарки»).

Позитивным в отношении формирования материнских чувств будет тот показатель, если девочка в детстве играет в куклы, с мягкими игрушками, с маленькими детьми, любит ролевые игры («Дочки – матери», «Больница»).

Негативное воздействие на развитие материнских чувств в будущем и формирование адекватного представления о материнстве оказывает пристрастие девочек к агрессивным, мальчишеским играм, возня с машинками, роботами и подобными обезличенными игрушками.

Особенно показательной для нашего исследования является фраза «Идеальная женщина – это...».

Включение в образ идеальной женщины материнских функций оценивалось нами как положительный ответ. (Например, «хорошая мать и хозяйка – это женщина, сочетающая в себе черты любовницы, матери и супруги»). Варианты завершения фразы «...это просто женщина во всех смыслах», «...это недостижимо», «...это суперженщина» расцениваются как неопределённые. Соответственно негативную окраску несут в себе варианты по типу: «...это женщина с фотомодельной внешностью и стабильным высоким доходом», «... это женщина, вызывающая зависть и восторг», поскольку в Образе этой «идеальной женщины» нет упоминания о материнстве, а создаётся портрет эгоистичной и самовлюблённой личности.

Остальные фразы не вызвали затруднений при обработке, но при этом необходимо учитывать особенности значения некоторых формулировок.

Для анализа полученных результатов использовался метод контент-анализа, а также метод экспертных оценок.

Прежде нужно отметить, что фразы для теста незаконченных предложений выбирались с учётом специфики исследования. Важно понять, каким образом впечатления детства, отношения с родителями и другими взрослыми, общие впечатления о своей семье оказали влияние на формирование представлений о материнстве у женщины. На возникновение и развитие материнской любви влияет

детский опыт общения с собственной матерью и опыт взаимоотношений между всеми членами родительской семьи. Отсутствие психологической связи между матерью и дочерью порождает аномальное отношение потенциальной матери к ребёнку: женщина остаётся эмоционально холодной к ребёнку либо компенсирует отсутствие любви со стороны своей матери навязчивой родительской любовью к собственному ребёнку.

Переживания ребёнка, полученные в детстве, вытесняются в область бессознательного и продолжают влиять на поведение и жизнь человека. Характер любви, транслируемой родителями, зависит от того, что переживает сам ребёнок. Детские впечатления человека проявляются наиболее ярко, когда он сам становится родителем.

Анализируя ответы русских женщин, можно заметить, что хотя большинство из опрошенных считают своё детство, родителей и семью благополучными, давая позитивные завершения фразам теста, но при этом они находятся в напряжённых отношениях с собственной матерью. Многие считают её поведение неправильным, критикуют методы её воспитательного воздействия и вспоминают многочисленные конфликты и противоречия, пришедшие из детства и закрепившиеся в памяти. Мечты русских женщин, обладающих негативным детским опытом общения с матерью, никак не связаны с материнством. Они в детстве мечтали об удовлетворении ведущих потребностей в обладании. Эти же женщины в большей степени характеризуют идеальную женщину как успешную, деловую, красивую, благополучную, но не как женщину-мать.

Для русских женщин, обладающих позитивным детским опытом, свойственна большая заинтересованность перспективами материнства и рождения детей; они не мыслят супружества без ребёнка, обязательно включают в перечень качеств идеальной женщины качества матери.

Для женщин народов Дагестана характерна близкая и прочная связь со своей матерью, почитание авторитета родителей и приобщение к опыту воспитания детей. Подавляющее большинство дагестанских женщин считают материнство неотъемлемой характеристикой идеальной женщины. Многие из опрошенных женщин Дагестана сами выросли в многодетных семьях и мечтают о создании таких же семей для себя в будущем. Помогая матери, они много времени проводили с младшими детьми, что способствовало развитию коммуникативного опыта и навыков общения с младенцами.

Можно заключить, что у женщин народов Дагестана опыт материнства более актуален, чем у русских женщин. Это обусловлено условиями воспитания (мусульманские традиции, отражающие главенствующую роль материнства в жизни женщины; опыт воспитания в семье, где несколько разновозрастных детей; тесная эмоциональная связь с матерью).

Содержание ценностно-смыслового блока (приложение 1, пункты 9–14) выявляет значение представлений о материнстве, определяет соотношение наполненности форм представлений о материнстве как о ценности среди ценностных ориентаций респондента.

Задача опрашиваемой: из предлагаемых вариантов выбрать те, которые, по её мнению, отражают ответ на вопрос пункта. При этом респондент имеет возможность дополнить существующие варианты своими собственными, вписав их в графу «другое».

Подбор вариантов ответа определяется методологией исследования. Для обработки результатов используется «ключ». Количество вариантов выбора уравновешено в соответствии с каждым способом существования женщины в материнстве. Значения, данные респондентами в варианте «другое», обрабатываются посредством метода экспертных оценок в соответствии с методологией исследования.

Анализ ответов по пункту 9 «Желаемое количество детей» указывает, что все респонденты, принявшие участие в исследовании, хотят иметь детей, их отсутствие никого не удовлетворило бы при наличии достатка.

Анализ ответов по пункту 10 «Сферы предпочтения респондентов» показывает, что в ситуации отсутствия необходимости заботиться о материальном благополучии большинство русских и дагестанских женщин предпочли бы заниматься домом и своими детьми. Значительное число респондентов предпочли бы самосовершенствование.

Нужно отметить, что женщины Дагестана исключают для себя возможность заниматься образованием. Также у этих женщин при выборе сферы предпочтений нет ответов «самореализация во всех аспектах», «многим сразу», «всем по чуть-чуть», «затрудняюсь ответить», что наводит на предположение о высокой степени осознанности своих потребностей и умении определять приоритеты. Русские женщины как раз обладают многообразием интересов, и им не всегда легко выбрать доминирующий. Мы предполагаем, что отсутствие затруднений при выборе одной наиболее предпочитаемой сферы деятельности у женщин народов Дагестана обусловлено сформированной и усвоенной культурной традицией.

Таким образом, большинство женщин русского этноса и женщин народов Дагестана полагают, что материнство помогает «продолжить себя в вечную жизнь». Здесь проступает чувственная форма представлений о материнстве. Также многие из опрошенных женщин полагают, что материнство даёт женщине любовь. Здесь предусматривается и возможность одаривать своей любовью ребёнка, а также получать любовь от него, «любовь как дар». Это представление о материнстве носит эстетический характер. В графе «другое» русские женщины давали следующие формулировки: «физическая и духовная зрелость», «выполнение своей задачи перед высшими силами», «счастье», «радость». Женщины народов Дагестана отмечали, что «материнство даёт шанс реализовать себя и новое понимание жизни», «ответственность», «счастье».

При обработке результатов определяется иерархия ценностей для группы путём подсчёта среднегрупповых показателей рангов по каждой ценности. Затем оформляется сводная таблица результатов распределения терминальных ценностей по рангам.

В иерархии представлений о наиболее значимых аспектах жизнедеятельности современной женщины испытуемые русского этноса перечисляют многие аспекты, где три первых места занимают:

- *счастливая семейная жизнь,*
- *рождение и воспитание детей,*
- *сохранение здоровья.*

В представлениях женщин народов Дагестана наиболее значимыми ценностями являются:

- *счастливая семейная жизнь,*
- *сохранение здоровья,*
- *рождение и воспитание детей.*

Женщины народов Дагестана считают здоровье наиважнейшей ценностью, поскольку именно она определяет возможность реализации иных установок (осуществление рождения и воспитания детей, счастливую семейную жизнь).

Пункт 14 предполагает неограниченное количество ответов и направлен на выявление личностного смысла, который имеет слово «мать» для женщины.

Анализируя ответы, можно утверждать, что для женщин русского этноса и для женщин народов Дагестана ведущими качествами матери являются любовь, доброта, забота. Однако женщины народов Дагестана в большей степени считают душевные, морально-нравственные качества наиболее значимыми для матери. Также они полагают, что для женщины-матери свойственна богобоязненность, тогда как женщины русского этноса не выделяют религиозность как необходимое для матери качество.

Женщины русского этноса находят приемлемыми для матери такие качества, как строгость, невмешательство и некоторое равнодушие к ребёнку. Для дагестанских женщин строгость не является необходимым качеством матери, а игнорирование вообще не допускают.

Мы полагаем, что включённость мусульманской культурной традиции в жизненный мир современной женщины Дагестана, где основная её деятельность связана с реализацией материнства, обуславливает такое представление о качествах матери.

Для русских женщин характерны трудности в выборе предпочитаемой сферы деятельности, преобладает желание совмещать сразу несколько видов деятельности. Высокая значимость карьеры и профессионального роста при желании заниматься домом и своими детьми свидетельствует о наличии у многих из них внутриличностного конфликта. Женщины русского этноса признают значимость семьи и детей, но не могут при этом отказаться от возможности достигнуть успеха в профессиональном плане. В идеале русской женщине хотелось бы одновременно быть и хорошей матерью, и преуспевающей, активной женщиной. Материнство при этом является ведущей ценностью сознания опрошенных русских женщин.

Согласно представлениям женщин, принадлежащих к мусульманской культуре, современная женщина может быть одновременно и хорошей матерью, и лю-

блещей женой, не теряя при этом своей привлекательности и стремления к саморазвитию. Рождение и воспитание детей, семья, религиозность и любовь являются главными сферами жизнедеятельности современной женщины. Материнство выступает как ведущая ценность для женщин народов Дагестана.

В то же время для большинства дагестанских и русских женщин представление о себе как о матери и хозяйке дома остаётся традиционной ценностью. Женщины русского этноса находят оптимальным иметь двоих детей в семье. Мало кто из русских женщин высказывается в пользу многодетности. Тогда как женщины народов Дагестана считают нормой быть матерью многодетной семьи.

Нужно отметить, что ценность материнства наиболее актуализируется при осуществлении соответствующей деятельности женщиной. Отсутствие самоописаний, указывающих на материнскую сферу, у всех опрошенных, которые не имеют детей и не собираются рожать в ближайшее время, свидетельствует о том, что содержание «Образ Я» определено теми деятельностями, реализацией которых занимаются испытуемые.

Значительное количество испытуемых женщин народов Дагестана отмечает, что материнство обогащает женщину, дарит новое понимание жизни, избавляет от эгоизма и безответственности. Эти сведения подтверждают наиболее высокую ценность материнства среди других ценностей для представительниц мусульманской культуры.

В целом, представления о материнстве как ценности обусловлены национальной и культурной принадлежностью. Ценность материнства является значимой при непосредственной включённости женщины в осуществление деятельности материнства.

Итак, рождение и воспитание детей является ценностью для большинства респондентов обоих этносов, занимая 2-й и 3-й ранги в структурах терминальных ценностей. Принадлежность к разным культурным традициям не оказывает здесь различающего воздействия, поскольку и для женщин русского этноса, и для женщин народов Дагестана ценность рождения и воспитания детей традиционно была высокой. Данные результаты показывают, что эта ценность ассимилирована респондентами. Но существуют различия в содержании представлений о материнстве. Так, женщины-дагестанки больше внимания придают сохранению здоровья и благополучным семейным отношениям как условиям рождения детей. Женщины народов Дагестана в большинстве своём негативно относятся к рождению детей вне брака, поэтому замужество у многих является определяющим фактором для создания многодетной семьи.

Приложение 1

Анкета

1. Имя _____
2. Национальность _____
3. Образование:

неполное среднее ___ среднее полное ___ высшее ___ незакончен. высш. ___
средн. технич. ___ средн. спец. ___

4. Профессия _____

5. Семейное положение:

не была в браке ___ состою в первом браке ___ разведена ___ другое ___

6. Верующий ли Вы человек? (да, нет) _____

7. Вероисповедание _____

8. Закончите, пожалуйста, фразы так, как считаете нужным.

1) Моё детство _____

2) Я считаю своих родителей _____

3) В детстве я мечтала _____

4) Моя мать и я _____

5) Когда я была ребёнком, моя семья _____

6) Я люблю свою мать, но _____

7) Я люблю своего отца, но _____

8) В сравнении с другими семьями, моя семья _____

9) Супружеская жизнь кажется мне _____

10) Считаю, что большинство матерей _____

11) В школе мои учителя _____

12) В детстве я играла _____

13) В будущем я _____

14) Идеальная женщина – это _____

9. Если бы Вы были уверены в своём материальном благополучии, хотели бы Вы в будущем иметь детей?

Не хочу иметь детей ____. Одного ребёнка ____. Двоих детей ____. Трёх детей ____. Более трёх детей _____.

10. Если бы Вам не нужно было заботиться о своём материальном благополучии, Вы предпочли бы заниматься только (выбрать одно):

домом и своими детьми ___; карьерой, работой ___; самосовершенствованием ___; образованием ___; творчеством ___; другое _____.

11. Что даёт женщине материнство, по-вашему? (Можно отметить несколько пунктов).

Привлекательность в глазах мужчины _____. Возможность «жить вечно» _____. Любовь _____. Признание окружающими _____. Возможность самореализации _____. Другое _____.

12. Что является наиболее значимым в жизни современной женщины? (Пронумеруйте по степени значимости: 1 – самое значимое, последнее – наименее значимое.)

Работа, карьера ___ Материальное благополучие ___ Привлекательная внешность ___ Любовь ___ Здоровье, сохранение его ___ Образование ___ Благополучная семейная жизнь ___ Творчество ___ Рождение и воспитание детей ___ Самореализация ___ Знакомства, общение ___ Отдых, развлечения ___

13. Как Вы считаете, материнство – это:
право ____ инстинкт ____ долг женщины ____ биологическая функция ____
труд ____ другое ____
14. Какими качествами должна обладать, на Ваш взгляд, мать?
(перечислите) _____

Maternity is the unique object of psychological research. Representations of it have recently undergone essential changes. Attitude towards motherhood as great value is caused by a national and cultural reference. Internal conditions of the person act as a source of the maintenance of representations. Value of motherhood is significant on condition that the woman is directly involved in realization of this very activity.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева И.С., Гулыга А.В. – Семья. – М., 2005.
2. Андреева Т.В. Семейная психология. – СПб., 2004.
3. Баш Х. Права женщины в исламе. – Казань, 2003.
4. Безрукова О.Н. Репродуктивные мотивации женщин // СОЦИС. – 2000. – № 12. – С. 122-124.
5. Белова В.А. Число детей в семье. – М., 1975.
6. Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психодиагностике. – СПб., Питер, 2000.
7. Дружинин В.Н. Психология семьи. – СПб.: Питер, 2005.
8. Женщина в исламе / под ред. Г. Нуруллиной. – М., 2005.
9. Зинурова Р.И. Особенности репродуктивного поведения в российских регионах // СОЦИС. – 2005. – №3.
10. Овчарова Р.В. Родительство как психологический феномен: учебное пособие. – М., 2006.
11. Пузько В.И., Ушакова Е.Г. Кризис материнства как ценности в современном мире // Московский психотерапевтический журнал. – 2002. – № 3. – С. 59-66.
12. Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница. – М., 2001.
13. Филиппова Г.Г. Материнство и основные аспекты его исследования в психологии. // Вопросы психологии. – 2001. – № 2. – С. 22
14. Филиппова Г.Г. Материнство: сравнительно-психологический подход // Психологический журнал. – 1999. – Т. 20, №5. – С. 81-86.
15. Филиппова Г.Г. Психология материнства. – М., 2002.
16. Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию. – М., 1996.
17. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М., 2007.
18. Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. – Самара, 1995.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алентьева Татьяна Викторовна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Курского государственного университета. E-mail: alent@kursknet.ru.

Белютин Роман Вячеславович – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Смоленского государственного университета. E-mail: ryubelyutins@rambler.ru.

Беспалёнок Елена Дмитриевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Смоленского государственного университета. Тел. (4812) 38-27-10.

Васильев Евгений Михайлович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории мировой литературы Ровенского института славяноведения Киевского славистического университета. E-mail: emvas@mail.ru.

Волкова Ирина Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук филиала Московского энергетического института (Технического университета) в г. Смоленске. E-mail: sfmeiki@sci.smolensk.ru.

Воронцов Алексей Васильевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории и теории социологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. E-mail: vorontsov@herzen.spb.ru.

Гвоздева Ирина Андреевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: rectorat.sci@smolensk.ru.

Глушак Тамара Степановна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории и грамматики немецкого языка Минского государственного лингвистического университета (Республика Беларусь). E-mail: mslu@mslu.unibel.by.

Горбачевский Чеслав Антонович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Южно-Уральского государственного университета (Челябинск). E-mail: chag@74.ru.

Гужва Ирина Вячеславовна – аспирант кафедры психологии № 1 Смоленского государственного университета. E-mail: rectorat.sci@smolensk.ru.

Давыдкина Мария Алексеевна – кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Смоленского института экономики Санкт-Петербургской академии управления и экономики. E-mail: sfmeiki@sci.smolensk.ru.

Дидук Ирина Алексеевна – кандидат педагогических наук, учитель истории МОУ СОШ № 39 (Смоленск). E-mail: rectorat.sci@smolensk.ru.

Картавенко Вера Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой современного русского языка и методики его преподавания Смоленского государственного университета. E-mail: rectorat.sci@smolensk.ru.

Краморенко Галина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Смоленского государственного университета. E-mail: rectorat.sci@smolensk.ru.

Красильников Игорь Борисович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и права Смоленского государственного университета. E-mail: kras-igor2008@rambler.ru.

Лешук Наталия Станиславовна – кандидат психологических наук, старший преподаватель Финансовой академии при Правительстве РФ. E-mail: albert@voxnet.ru.

Никитина Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Смоленского государственного университета. E-mail: N-030168@yandex.ru.

Никишин Владимир Олегович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира МГУ им. М.В.Ломоносова. E-mail: rectorat.sci@smolensk.ru.

Носов Борис Владимирович – доктор исторических наук, заведующий отделом стран Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. E-mail: rectorat.sci@smolensk.ru.

Нюбина Лариса Михайловна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой немецкого языка Смоленского государственного университета. E-mail: rectorat.sci@smolensk.ru.

Радионова Алла Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общественных наук филиала ФГОУВПО «Российский государственный университет туризма и сервиса» в г. Смоленске. E-mail: allarad1@rambler.ru.

Рамазанова Ирина Викторовна – аспирант кафедры психологии №1 Смоленского государственного университета. E-mail: iramazanova@yandex.ru.

Сильницкий Антон Георгиевич – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка Смоленского государственного университета. E-mail: rectorat.sci@smolensk.ru.

Сильницкий Георгий Георгиевич – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Смоленского государственного университета. E-mail: rectorat.sci@smolensk.ru.

Сухова Елена Евгеньевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Смоленского государственного университета. E-mail: Elena-Suchova@yandex.ru.

Тараненко Елена Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Донецкого национального университета. E-mail: taranenkoelena@rambler.ru.

Ходин Алексей Алексеевич – аспирант кафедры всеобщей истории Смоленского государственного университета. E-mail: alex.hodin@mail.ru.

Щелчкова Татьяна Анатольевна – помощник ректора Смоленского государственного университета. E-mail: rectorat.sci@smolensk.ru.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ИЗВЕСТИЯ СМОЛЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА» ЗА 2008 ГОД

ФИЛОЛОГИЯ

АСТРАХАН Н.И. Литературоведческое моделирование как методологическая проблема. № 3. С. 61–68.

БЕЛОУС Л.В. Феномен литературно-критического отдела журнала «Огонек» в годы перестройки. № 1. С. 26–34.

БЕЛЮТИН Р.В. Пространственные метафоры ментального мира. № 4. С. 58–67.

БЕРЕГОВСКАЯ Э.М. Эткинд о Цветаевой как переводчице. № 3. С. 69–82.

БОЯРИНОВА Л.З. Диалектное словообразовательное гнездо как отражение системных отношений в дериватологии. № 1. С. 50–57.

ВАСИЛЬЕВ Е.М. М.А. Пейсахович – исследователь русской строфики. № 4. С. 116–124.

ГЛУШАК Т.С. Конструкция перечисления в создании структуры художественного текста. № 4. С. 5–11.

ГОЛОВИНСКАЯ О.Ю. Актантная роль английских существительных в качестве словообразовательных основ префиксальных глагольных дериватов. № 3. С. 47–50.

ГОРБАЧЕВСКИЙ Ч.А. Документальная художественность рассказов «Посылка» В.Т. Шаламова и «Саночки» Г.С. Жженова. № 4. С. 111–116.

ГУРЕВИЧ Р.В. Некоторые аспекты эстетики постмодернизма в творчестве В. Беньямина. № 1. С. 97–115.

ЕФИМОВА С.Н. Четыре образа мира и слово в романе Саши Соколова «Между собакой и волком». № 1. С. 42–50.

КАРТАВЕНКО В.С. Проблемы и перспективы развития топонимической терминологии. № 3. С. 83–91.

КАРТАВЕНКО В.С. Системная организация топонимической лексики. № 4. С. 125–131.

КОБРИНА Н.А. Исторические предпосылки к становлению когнитивного направления в лингвистике. № 3. С. 5–11.

КОРОЛЁВ С.И. В поисках утраченного автора (по материалам литературы о писателе Л. Добычине). № 3. С. 51–56.

КОРОЛЁВА И.А. К вопросу о классификации русских прозвищ. № 3. С. 91–104.

КРАМОРОЕНКО Г.И. Современная лингвистика и молодежный язык: проблемы и перспективы (на материале исследований молодежного языка Германии). № 4. С. 47–58.

КУЗЬМИН Л.А. Семантические критерии разграничения качественных и относительных прилагательных в современном английском языке. № 3. С. 16–31.

ЛЕВИЦКИЙ Ю.А. Угрожает ли лингвистике постмодернизм? № 1. С. 86–96.

МАЙМЕСКУЛОВ А. Поэтическая «открытка» (к негативной интерсемиотичности Бродского). № 1. С. 35–41.

МОЖЕЙКО М.А. Язык и творчество: постмодернизм в лингвистике. № 1. С. 58–68.

НЕКЛЮДОВ В.С. Восприятие классики в русской и английской постмодернистской прозе (А. Королев «Голова Гоголя»; П. Акройд «Последнее завещание Оскара Уайльда»). № 3. С. 56–61.

НЮБИНА Л.М. Память, воспоминания и текст. № 4. С. 12–28.

ПИОТРОВСКИЙ Р.Г. Инновационная перестройка в филологическом образовании. № 1. С. 68–78.

РАДИОНОВА А.В. От лирики к роману: образные и мотивные парадигмы в творчестве Б. Пастернака. № 4. С. 80–102.

РАХМИЛЕВИЧ М.Н. Пассивные существительные в английском языке (на материале отглагольных существительных с суффиксом *-ee*). № 3. С. 40–46.

РОМАНОВА И.В. Мотивы, связанные с лирическим «я», в лирике И.А. Бунина. № 1. С. 7–17.

СИЛЬНИЦКИЙ А.Г. Квантитативные показатели таксономических функций семантических признаков в иерархической классификации английских «ретроспективных» глаголов. № 4. С. 67–79.

СИЛЬНИЦКИЙ А.Г. Принципы кластерной иерархической классификации многомерных объектов (на материале английской глагольной лексики). № 3. С. 32–40.

СИЛЬНИЦКИЙ Г.Г. Исторические драмы Шекспира. № 4. С. 28–46.

СИЛЬНИЦКИЙ Г.Г. Постмодернизм и синергетика: два подхода к проблеме возникновения нового. № 1. С. 115–131.

ТАРАНЕНКО Е.В. Космогонические мифологемы в современном кинематографе. № 4. С. 103–111.

ТАРШИНА О.М. Полиметрические композиции И.А. Бунина. № 1. С. 17–25.

ХАРИТОНЧИК З.А. Смоленск – Минск, Минск – Смоленск, или к истории научного сотрудничества двух университетов. № 3. С. 11–15.

ШЕХТМАН Н.А. От текста к нарративу. № 1. С. 79–86.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

АЛЕНТЬЕВА Т.В. Усиление антирабовладельческой республиканской риторики накануне Гражданской войны (1856–1861). № 4. С. 164–174.

АРТЁМЕНКОВ М.Н. К вопросу о проблеме англо-французских отношений в 90-е годы XVI века. № 3. С. 115–122.

БЕСПАЛЁНОК Е.Д. Участие вяземских купцов во внешней торговле России в XVII–XVIII веках. № 4. С. 179–189.

ВАЛУЕВ Д.В. «Социально чуждые» и Красная Армия (на материалах Смоленской губернии и Западной области). № 1. С. 186–195.

ГВОЗДЕВА И.А., НИКИШИН В.О. Римские граждане и чужеземцы в «имперском мышлении» и классическом праве Древнего Рима. № 4. С. 132–149.

ГОЛОВАЧ Е.И. Рабочий вопрос в Третьей Государственной Думе. № 3. С. 135–143.

ДУХХАРДТ Х. Барон Штейн и Россия. (Перевод с немецкого Р.В. Белютина). № 1. С. 174–179.

ИВОНИН Ю.Е. Секуляризация 1803 года в Старой империи: события и оценки современной историографии. № 1. С. 158–174.

ИВОНИНА Л.И. За кулисами сражений войны за испанское наследство: мирные переговоры 1706–1709 годов. № 1. С. 132–146.

КАЗАКОВ М.М. Христианская Каппадокия. № 3. С. 105–115.

КАРПЕНКО А.Ю. Африканские реалии английской торговли в Западной Африке в период реставрации Стюартов. № 3. С. 123–128.

КОЗЛОВ О.В. Историография формирования системы управления народным образованием и культурой в российской провинции в 1917–1922 годах. № 1. С. 179–186.

КРАСИЛЬНИКОВ И.Б. Система образования и культуры в Смоленской области в предвоенный период. № 4. С. 193–201.

ЛАСТОВСКИЙ Г.А. Смоленские князья в догосударственный и раннего государственного периода. № 3. С. 128–135.

НИКИТИНА Н.В. Новые данные о работе «класса коммерческих наук» при Смоленской губернской гимназии в начале XIX века. № 4. С. 189–193.

НОСОВ Б.В. Проблема «упадка Речи Посполитой» и разделов Польши в историографии 1918–1939 годов. № 4. С. 158–164.

СОКОЛОВ А.Б. Английская революция в освещении новейшей зарубежной историографии: от гражданских войн к республике и протекторату. № 1. С. 146–158.

ХОДИН А.А. Встреча в Ульвсбеке 1629 года шведского короля Густава II Адольфа и датского монарха Кристиана IV. № 4. С. 149–157.

ЩЕЛЧКОВА Т.А. «Радзивилловская» или «Смоленская» летопись? № 4. С. 174–179.

БИОЛОГИЯ И НАУКИ О ЗЕМЛЕ

БАРАНОВСКИЙ И.Ю. Сравнительный анализ уровня развития социальной инфраструктуры Смоленской области и регионов Центрального федерального округа. № 2. С. 19–24.

ЕВДОКИМОВ С.П. Законы и закономерности в палеогеографии. № 2. С. 5–11.

ЗВЕРЬКОВА Ю.С. Некоторые аспекты экологического состояния водной экосистемы Днепра на территории Смоленской области. № 2. С. 24–32.

КРУГЛОВ Н.Д. Две системы моллюсков семейства прудовиков (Gastropoda Pulmonata Lymnaeidae): европейская и российская. Где истина? № 2. С. 33–50.

СТАРОДУБЦЕВА О.А. Дополнения к фауне стафилинид (coleoptera: staphylinidae) Смоленской области. № 2. С. 51–69.

ЧАСОВСКИЙ В.И. Влияние центрo-периферийного развития на изменение территориальной структуры промышленности стран СНГ. № 2. С. 11–19.

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ И ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

БОРИСОВ В.В., БЫСТРОВА Д.А. Модель информационного взаимодействия и выработки решений в процессе управления сложными социально-экономическими системами. № 2. С. 120–127.

БУДАЕВ В.Д. Об условии Карлемана и эквивалентности норм корневых функций по различным интервалам. № 2. С. 70–76.

БЫСТРОВ А.В., КАШКАНОВ А.Ю. Обоснование структурной организации и алгоритмов функционирования распределенных интегрированных комплексных систем идентификации объектов. № 2. С. 128–135.

ДЬЯКОНОВ В.П. От микроэлектроники к нанотехнологиям. № 2. С. 104–120.

ЗАЙЦЕВ В.Ф., ПЕТРУШЕНКО А.А. Об экспоненциальных нелокальных операторах, заданных степенными рядами. № 2. С. 86–93.

КИРЬЯЦКИЙ Э.Г. О некоторых свойствах функций с положительной вещественной частью n -ой производной в единичном круге. № 2. С. 76–86.

РАСУЛОВ К.М. Трехэлементная односторонняя краевая задача со сдвигом Карлемана в классах аналитических функций в круге. № 2. С. 94–104.

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

БОРОВИКОВ Ю.В. Сакральные и секулярные элементы культуры в мировоззрении старообрядчества. № 1. С. 203–211.

ВОРОНЦОВ А.В. Социология в системе социогуманитарных наук. № 4. С. 202–205.

ГРИБЕР Ю.А. Два способа членения цветового языка живописи. № 3. С. 156–163.

ДЕВЯТЫХ С.Ю. Миф и религия как формы мировоззренческого освоения сексуальности. № 1. С. 196–203.

ДВОЙНЕВ В.В. Экосознание местного сообщества: пути оптимизации. № 2. С. 142–146.

ПИМЕНОВ В.Ю. Антропологический поворот в католической философии XX века. № 1. С. 211–222.

СТАРОСТИНА О.Н. «Лесные» топонимы Смоленской области как социокультурный феномен. № 2. С. 136–142.

СУХОВА Е.Е. Особенности перехода на многоуровневую систему высшего образования в Федеративной Республике Германии. № 4. С. 206–213.

ФОМЕНКОВ А.И. К вопросу о структуре личности и факторах ее развития в социологии. № 3. С. 144–155.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

АВETИСЯН К.А. Психологические особенности развития личностного и профессионального самосознания подростков. № 3. С. 170–178.

АНИСИМОВА О.А. Психолого-педагогическая компетентность – интегральная характеристика личности и труда учителя. № 3. С. 178–185.

БРУНЧУКОВА Н.М. А.Н. Острогорский о проблемах этики в обществе второй половины XIX века. № 1. С. 223–228.

ГОЛАЕВА Г.А. Влияние социального фактора на ценностную акцентуацию личности младших подростков в поликультурном пространстве. № 1. С. 269–275.

ГУБА В.П., РОДИН А.В., МОЙСЕЕНКОВ Г.А., БОГДАНОВ Н.Н. Валеологические основы «Паспорта здоровья» как индивидуальной здоровьесберегающей технологии в системе высшего педагогического образования учащейся молодежи. № 2. С. 170–178.

ГУЖВА И.В. К проблеме системного взаимодействия студент – преподаватель в рамках современного образовательного пространства. № 4. С. 227–232.

ДАВЫДКИНА М.А., ВОЛКОВА И.В. Развитие ценностных отношений у студентов вуза. № 4. С. 232–239.

ДЕВЯТЫХ С.Ю. Современные представления о психосексуальном развитии и критериях его социальной успешности. № 2. С. 217–227.

ДЕМЬЯНОВА Д.А. К проблеме формирования осознанного отношения к здоровью у студентов. № 2. С. 193–198.

ДИДЕНКО В.Н. Социокультурная панорама театральной педагогики. № 1. С. 228–231.

ДИДУК И.А. А.С. Макаренко о проблеме воспитания ответственности. № 4. С. 214–218.

ДОКУТОВИЧ Э.Ш. К проблеме психолингвистических основ восприятия текста. № 1. С. 262–269.

ДЮНДИН А.В. Проблема перекодирования информации в процессе обучения. № 2. С. 160–170.

ЗЯТЬКОВА А.В. Воспитание у младших подростков эмоционально-личностного отношения к природе. № 2. С. 147–154.

КАРНЮШИН В.А. Адаптивная школа как иная парадигма образования. № 3. С. 164–170.

КОВАЛЬ Н.А., МИЛЬРУД Р.П., СУТОРМИН В.В. Экспериментальное изучение проблемы привлекательности противоположного пола в молодежной среде. № 3. С. 218–229.

ЛЕЩУК Н.С. Роль рекламы в инкультурации российских школьников на современном этапе. № 4. С. 219–226.

МАКАРОВА И.Ю., СЕМАКОВА Е.В. Социальные и системные факторы развития и профилактики синдрома дефицита внимания и гиперактивности. № 2. С. 185–193.

МАСАЛОВА О.Ю. Когнитивная составляющая педагогической деятельности преподавателя физической культуры в организации процесса самопознания студентов. № 3. С. 204–211.

МИКФЕЛЬД Я.О. Проблема мотивационной готовности специалистов социально-педагогического профиля. № 3. С. 186–192.

МОРОЗИКОВА И.В. Особенности психолого-педагогического сопровождения развития способностей студентов художественно-графического факультета. № 3. С. 211–218.

МОРОЗОВ О.С. Педагогическая культура семьи в решении актуальных проблем здоровья, образования, успешной социализации учащихся. № 2. С. 178–185.

РАМАЗАНОВА И.В. Диагностика исследования представлений о материнстве у молодых женщин (на примере женщин русского этноса и женщин народов Дагестана). № 4. С. 239–248.

РОМАНОВА М.В. Роль Интернета в современном обществе: психологические аспекты. № 2. С. 202–210.

САВЕНКОВ А.Н. Телевидение и воспитание: проблемы и перспективы. № 2. С. 154–159.

СИДОРЧУК Т.А., ФЕДОСОВА С.В. Влияние психологических типов личности медицинских работников на качество сестринского обслуживания пациентов в школах сахарного диабета. № 2. С. 210–216.

СОЛОВЬЁВА Ф.Е. Диалогическое обучение как средство формирования гуманистического мировоззрения учащихся на первом этапе литературного образования. № 1. С. 232–240.

СОНИН В.А. Феномен деятельности как специфическая форма общественно-исторического бытия людей. № 1. С. 248–262.

ТИМОШКОВА Т.В. Стресс и его влияние на психическое и психологическое состояние здоровья студентов. № 2. С. 198–202.

ФЁДОРОВА Л.И. Формирование субъектности будущего учителя. № 3. С. 199–204.

ФОМЕНКОВ А.И. Преподавание социологических дисциплин: методика и ее связь с педагогикой. № 1. С. 241–248.

ЧЕПИКОВА Е.В. Проблема профильного самоопределения школьников: определение понятия. № 3. С. 193–198.

ДИССЕРТАЦИИ

БАЕВСКИЙ В.С., МАКСИМЧУК Н.А. О работе диссертационного совета по филологии в 2007 году. № 1. С. 276–278.

ЛЫКОВА В.Я., СЕНЧЕНКОВ Н.П. О работе диссертационного совета по педагогике в 2007 году. № 2. С. 228–234.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ПАВЛОВА Л.В., КАЯНИДИ Л.Г., КОЗЛОВА М.С., СКОБЕЛЕВА Ю.В.,
ТАРШИНА О.М. Наши научные встречи. № 1. С. 279–288.

СОНИН В.А. Международная конференция «Психология в современном
мире». № 2. С. 235–236.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Академическое междисциплинарное издание – журнал «**Известия Смоленского государственного университета**» публикует оригинальные научные труды (обзорные и актуальные статьи, научные сообщения, рецензии) по различным отраслям знания – философии, социологии, культурологии, педагогике, психологии, филологии, математике, техническим наукам, истории, биологии, наукам о Земле. Статьи группируются по тематическим рубрикам.

РУБРИКИ:

Биология и науки о Земле;
Исторические науки;
Математические и технические науки;
Педагогика и психология;
Филология;
Философия, социология и культурология.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

1.1. Рекомендуемый объем – 0,4-0,6 п.л. (до 24 000 знаков с пробелами).

1.2. Материалы представляются в следующем виде:

- редактор Microsoft Office Word 2003;
- шрифт «Times New Roman»;
- основной текст – кегль 14 (кроме литературы и примечаний), печатается через 1 интервал;
- источники (литература и примечания) – 12 кегль;
- поля: верхнее – 2,5 см, нижнее – 2,5 см, левое – 3 см, правое – 2 см;
- отступ (абзац) – 1,25 см; параметры абзацев устанавливать с помощью опций меню «Абзац»;
- не использовать переносы;
- рекомендуемые символы: кавычки «...» (при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например, «...“...”...»); тире обычное (–);
- обязательна проверка орфографии.

1.3. Порядок расположения (структура) текста:

- **сведения об авторах** (фамилия, имя, отчество автора полностью (если авторов больше чем один, указываются все авторы) на русском и английском языках; **полное и точное место работы** каждого автора в именительном падеже; должность, звание, ученая степень; **контактная информация** (e-mail, город, телефоны) для каждого автора; **указание тематической рубрики (УДК); указание**

источника поддержки, если статья печатается за счет средств грантов. Все сведения приводятся 14 кеглем, выравнивание по правому краю;

- наименование статьи (посередине);
- ключевые слова статьи (материала) / каждое ключевое слово либо словосочетание отделяется от другого точкой с запятой (данные приводятся на русском и английском языках и выделяются курсивом);
- аннотация на русском языке (до 600 печ. знаков) / выделяется курсивом;
- основной текст статьи (материала);
- литература (источники);
- примечания (поясняющие ссылки);
- название статьи на английском языке (выделяется курсивом);
- аннотация на английском языке (выделяется курсивом).

1.4. Требования к оформлению структуры текста:

- фамилия и инициалы автора, а также название статьи набираются полужирным шрифтом (не допускается выделение прописными буквами);
- названия параграфов печатаются полужирным шрифтом (без нумерации);
- название подпараграфов печатаются полужирным курсивом;
- выделения внутри текста набираются только обычным курсивом (подчеркивания слов, а также слова, набранные прописными буквами, полужирным кеглем и пр. не допускаются);
- стихотворный текст набирается 12 кеглем;
- нумерованный список пунктов дается в обычном порядке (1, 2, 3 и т.д.; а), б), в) и т.д.), причем каждый пункт начинается с нового абзаца;
- маркированный список пунктов допускается только в виде тире;
- список литературы располагается в алфавитном порядке и приводится 12 кеглем в конце текста статьи, перед примечаниями;
- литература на иностранных языках располагается после литературы на русском языке по алфавиту языка, к которому относятся данные источники;
- электронные источники (например, вебсайты) указываются в конце списка литературы 12 кеглем;
- примечания набираются также 12 кеглем, нумеруются и даются отдельным списком сразу после списка литературы;
- список литературы оформляется по ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Примеры оформления ссылок и пристатейных списков литературы

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т.В. К логике социальных наук // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 76–86.

Crawford P.J., Barrett T.P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // Ref. Libr. 1997. Vol. 3, № 58. P. 75–85.

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве // Теплофизика и аэромеханика. 2006. Т. 13, №. 3. С. 369–385.

Кузнецов А.Ю. Консорциум – механизм организации подписки на электронные ресурсы // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. М.: Научный мир, 2003. С. 340–342.

МОНОГРАФИИ

Тарасова В.И. Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов. 2-е изд. М. : Проспект, 2006. С. 305–412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы : межвуз. сб. науч. тр. / Сарат. гос. ун-т; под ред. С.Ф. Мартыновича. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1999. 199 с.

Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В.А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук. Новосибирск, 2000. 18 с.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В.И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. М., 2002. С. 54–55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья : аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. М.: ИМЭМО, 2007. 39 с.

ПАТЕНТЫ

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д.Н., Бонштедт Б.Э., Корешев С.Н., Лебедева Г.И., Серегин А.Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. Ярославль, 2003.

Марьянских Д.М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11–12 сент. 2000 г.). Новосибирск, 2000. С.125–128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания : электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005–2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логонова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 21.10.03. URL: <http://www.oim.ru/reader.aspnomer=366> (дата обращения: 17.04.07).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007)

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.08).

Литчфорд Е.У. С Белой Армией по Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака: сайт. – URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения 23.08.2007).

1.5. Оформление содержания ссылок и сносок:

– сноски (на литературу) печатаются внутри статьи в квадратных скобках после цитаты, выделенной кавычками (сначала указывается номер источника, а затем, после запятой – номер страницы);

– сноски на несколько источников с указанием страниц разделяются между собой точкой с запятой;

– номера сносок на другие источники и поясняющие ссылки (примечания) указываются в круглых скобках, после определенного абзаца (в конце предложения, перед точкой), а их содержание приводится в конце текста в отдельном списке примечаний.

1.6. Оформление рисунков:

– при выборе положения рисунка в тексте необходимо использовать опцию «В тексте» в меню «Формат»;

– рисунок должен располагаться по центру листа;

– подписи располагаются под рисунком по центру и выполняются 12 кеглем (Рис. 1. Мое название);

– от текста рисунок отделяется одной пустой строкой;

– рисунки подаются дополнительно на электронном носителе в отдельном файле.

1.7. Материалы могут содержать таблицы, выполненные в редакторе Microsoft Office Word 2003. Не допускается использование иных программ оформления таблиц. Черно-белые рисунки рекомендуется выполнять в графическом редакторе (Adobe Illustrator, Photoshop, etc.).

1.8. Формулы набираются в редакторе MS Equation или вставляются в текст картинками.

1.9. Материалы принимаются в распечатке (2 экз.) вместе с электронной версией (на дискете или CD-диске).

1.10. Редколлегия оставляет за собой право предложить автору переработать статью, а также отклонить подготовленную статью, если она не может быть доработана или не соответствует требованиям оформления. Редколлегия не вступает в переписку с авторами отклоненных материалов.

1.11. За опубликование рукописей аспирантов плата не взимается.

1.12. Статьи аспирантов обязательно сопровождаются рецензией редактора рубрики и письменным согласием научного руководителя на публикацию материала.

Материалы принимаются по адресу:

214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4. (ректорат, с пометкой «В журнал "Известия Смоленского государственного университета"»).

РЕДАКТОРЫ РУБРИК

Гильденков М.Ю., Евдокимов С.П., Круглов Н.Д. (Биология и науки о Земле);

Ивонин Ю.Е., Козлов О.В. (Исторические науки);

Дьяконов В.П., Расулов К.М. (Математические и технические науки);

Меркин Г.С., Сенченков Н.П., Сонин В.А. (Педагогика и психология);

Баевский В.С., Сильницкий Г.Г. (Филология);

Грибер Ю.А., Славин А.В. (Философия, социология и культурология).

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Доводим до Вашего сведения, что с **1 сентября 2008 года** во всех почтовых отделениях России открылась подписка на журнал «**Известия Смоленского государственного университета**».

Журнал включен в Объединенный каталог «Пресса России – 2009», 1 том, зеленая обложка, с. 377 (в московском каталоге – с. 324).

Журнал выходит ежеквартально. Годовая подписка состоит из 4 номеров.

Стоимость подписки **годового** комплекта (с учетом НДС и почтовых расходов) – 813 руб. 56 коп.

Стоимость **полугодовой** подписки – 419 руб. 56 коп.

Система доставки – **адресная** (журнал поступает к Вам заказной бандеролью).

Индексы в Объединенном каталоге «Пресса России – 2009»

Подписка на **I полугодие** – **80190**

Годовая подписка – **80209**

Услуги по проведению подписной кампании и распространению печатного издания предоставляются ЗАО «Издательский дом "Экономическая газета"».

Контактные телефоны Агентства: **(495) 152-8851, 661-2030.**

Адрес электронной почты Агентства: **izdatcat@eg-online.ru,**
arpk@eg-online.ru.

В настоящее время оформить альтернативную подписку журнала можно через **Интернет-каталог** <http://palt.ru/catalog>.

Адрес редакции:

214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4

Смоленский государственный университет

Тел.: (4812) 383157, факс: (4812) 383157

E-mail: rectorat@sci.smolensk.ru

Научное издание

Известия
Смоленского государственного
университета

Ежеквартальный журнал
2008, №4

Издательство
Смоленского государственного университета
214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4

Компьютерная верстка *В.В. Мастакалова*
Редакторы *Л.В. Бушуева, О.В. Папко*

Подписано к печати 30.09.2008. Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная.
Печать ризографическая. Усл. п. л. 16,5. Уч.-изд. л. 16,5. Тираж 300 экз.
Заказ № 115.

Отпечатано в ИТЦ СмолГУ
214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4